

ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

將軍

СЕТУН

Annotation

Начало XVII века. Голландское судно терпит крушение у берегов Японии. Выживших членов экипажа берут в плен и обвиняют в пиратстве. Среди попавших в плен был и англичанин Джон Блэкторн, прекрасно знающий географию, военное дело и математику и обладающий сильным характером. Их судьбу должен решить местный правитель, прибытие которого ожидает вся деревня. Слухи о талантливом капитане доходят до князя Торанага-но Миновара, одного из самых могущественных людей Японии. Торанага берет Блэкторна под свою защиту, лелея коварные планы использовать его знания в борьбе за власть. Чтобы выжить в чужой стране, англичанин изучает ее язык и обычаи, становится самураем, но его не покидает мысль, что когда-нибудь ему все-таки удастся вернуться на родину...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

- [Джеймс Клавелл](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
-

Джеймс Клавелл

Сёгун

James Clavell
SHŌGUN

Copyright © 1975 by James Clavell
All rights reserved

Серия «The Big Book»

© Н. Ерёмин, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Двум морякам, капитанам Королевского военно-морского флота, которые любили свои корабли больше, чем своих женщин, как от них и ожидали

Пролог

Ветер рвал его на части, у него все болело внутри, и он знал, что если они не пристанут в течение трех дней, то все умрут. «Слишком много смертей в этом плавании, – размышлял он. – Я предводитель мертвого флота. Из пяти остался один корабль, из его команды в сто семь человек – двадцать восемь, и только десять из них могут держаться на ногах, а остальные вместе с генерал-капитаном дышат на ладан. Нет пищи, почти нет воды, а та, что есть, солоноватая и грязная».

Его звали Джон Блэкторн, и он был один на палубе, за исключением впередсмотрящего – немого Соломона, – съездившегося в укрытии смотровой площадки бушприта, откуда он оглядывал океан.

Корабль накренился от внезапного шквала, и Блэкторн держался за поручень капитанского кресла, прикрепленного около штурвала на юте, пока судно не выправилось. Шпангоуты стонали. Судно водоизмещением двести шестьдесят тонн называлось «Эразм». Только этот трехмачтовый двадцатипушечный военно-торговый корабль из Роттердама и уцелел из всего состава первой экспедиции, посланной Нидерландами уничтожать врага в Новом Свете. То были первые голландские корабли, которые открыли для себя тайны Магелланова пролива. Четыреста девяносто шесть человек, все добровольцы. Все голландцы, за исключением трех англичан – двух капитанов и одного офицера. Они получили приказ грабить и жечь испанские и португальские поселения в Новом Свете, открывать новые острова в Тихом океане, чтобы заполучить постоянные базы и, заявив права Нидерландов на новые территории, через три года вернуться домой.

Протестантские Нидерланды воевали с католической Испанией более четырех десятилетий, боролись, чтобы сбросить ярмо ненавистных испанских хозяев. Нидерланды, иногда называемые Голландией, или Низкими Землями, официально все еще оставались частью испанской империи. Англия, единственный их союзник, первой из стран западного христианского мира порвала с папским двором в Риме и стала протестантской свыше семидесяти лет назад; она также

воевала с Испанией последние двадцать лет и открыто объединилась с Нидерландами еще десятью годами ранее.

Ветер посвежел, и судно вновь накренилось. Оно шло без основных парусов – с одними штормовыми топселями. И все-таки прилив и шторм быстро несли его вперед, к темнеющему горизонту.

«Там еще больше штормит, – сказал себе Блэкторн, – и больше рифов и мелей. И незнакомое море. Бог мой! Я всю жизнь сражался с морем и всегда побеждал. Я всегда побеждаю.

Я первый английский капитан, прошедший Магеллановым проливом. Да, первый – и первый капитан, когда-либо плывший через эти азиатские воды, не считая нескольких негодяев-португальцев или бродяг-испанцев, которые все еще думают, что владеют миром. Первый англичанин в этих морях...

Так много первых мест. Да. И каждое оплачено множеством жизней».

Вновь он принялся к ветру, чуть ли не пробуя его на вкус, но на близость земли не было даже намека. Джон осмотрел океан, уныло-серый и неприветливый. Ни пятнышка водорослей или цветных разводов, обнаруживающих присутствие песчаного шельфа. Он увидел вершушку рифа далеко по правому борту, но это ничего не значило. Вот уже месяц выходы скальной породы угрожали им, но ни разу за ними не было земли. «Этот океан бесконечен, – подумал он. – Боже всемогущий!» Но для этого его и обучали – прокладывать курс в неизвестном море, наносить это море на карту и находить путь домой. Сколько дней прошло с отплытия? Год, одиннадцать месяцев и два дня. Последняя высадка была в Чили, сто тридцать три дня назад, за океаном, который Магеллан пересек первым – восемьдесят лет назад – и назвал Тихим.

Блэкторн страдал от голода и цинги. Он напряг зрение, чтобы проверить курс по компасу, и в уме определил примерное положение корабля. Поскольку они следовали курсом, который был описан в руттере – морском журнале-лоции, судну ничего особенно не угрожало в этой части океана. И если оно вместе со своим капитаном было в безопасности, значит оставалась надежда найти Японские острова или даже легендарного христианского царя-священника пресвитера Иоанна и его Золотое царство, которое, по преданиям, лежало к северу от Каяа^[1], где бы Китай ни находился.

«И со своей долей богатств я опять поплыву, уже на запад, домой, первый английский капитан, когда-либо обогнувший земной шар, и никогда больше не покину дома. Никогда. Клянусь головой моего сына!»

Порыв ветра прекратил его праздные мечтания и не дал заснуть. Спать сейчас было бы глупо. «Эдак можно уснуть вечным сном», – подумал он, потянулся, чтобы успокоить ноющую боль в спине, и поплотнее закутался в плащ. Джон отметил, что паруса в порядке и штурвал надежно закреплен, впередсмотрящий не спал. Тогда он уселся поудобнее и помолился о том, чтобы показалась земля.

– Спуститесь вниз, капитан. Я отстою вахту, если хотите. – Третий помощник Хендрик Спекс втащился вверх по ступеням, его лицо было серым от усталости, глаза ввалились, кожа в пятнах и болезненно-бледная. Он тяжело привалился к нактоузу, чтобы стать поустойчивее, – его мутило. – Благословенный Боже, будь проклят тот день, когда я оставил Голландию.

– Где первый помощник, Хендрик?

– В своей койке. Он не сможет выбраться из нее, похоже, до Судного дня.

– А... генерал-капитан?

– Клянчат жратву и воду. – Хендрик сплюнул. – Я сказал, что зажарю ему каплуна и принесу на серебряном блюде с бутылкой бренди.

– Придержи язык!

– Я придержу, капитан. Но ему это не поможет, да и мы, того и гляди, подохнем. – Молодой человек напрягся, его вырвало желчью. – Благословенный Боже, помоги мне!

– Спускайся! Вернешься на рассвете.

Но Хендрик с болезненной гримасой опустился в другое кресло:

– Там, внизу, воняет смертью. Я постою на вахте, если вы не возражаете. Какой курс?

– Куда потащит ветер.

– Где берег, который вы обещали? Где Японские острова, где, я вас спрашиваю?

– Впереди.

– Всегда впереди. Черт побери! Этого нам не приказывали – плыть в неизвестность. Мне бы следовало уже вернуться домой,

сытым, целым и невредимым, а не гнаться за огнями святого Эльма.

– Спускайся вниз или заткнись.

Хендрик угрюмо отвел взгляд от высокого бородача. «Где мы теперь? – хотел он спросить. – Почему я не могу заглянуть в секретный руттер?» Но он знал, что не задаст вопросов капитану, особенно этого. «Сейчас, – подумал он, – больше всего я хотел бы быть таким же сильным и здоровым, каким был, когда покидал Голландию. Тогда бы я не ждал. Я бы вырвал твои голубые глаза, погасил твою высокомерную ухмылку и отправил тебя в преисподнюю, где тебе самое место. Потом я бы сам стал и капитаном, и штурманом, и тогда корабль вел бы голландец, а не чужак и все секреты остались бы при нас. Ибо вскоре мы вступим в войну с вами, англичанами. Мы хотим одного и того же – командовать на море, контролировать все морские пути, управлять Новым Светом и удушить Испанию».

– Может быть, и нет никаких Японских островов, – произнес внезапно Хендрик, – одни легенды.

– Они существуют на самом деле. Между тридцатым и сороковым градусом северной широты. Теперь придержи свой язык или спускайся вниз.

– Там, внизу, смерть, капитан, – пробормотал Хендрик и стал смотреть вперед, отдавшись безотчетным раздумьям.

Блэкторн заворочался в кресле – его тело сегодня болело сильнее. «Ты удачливее остальных, – подумал он, – удачливее, чем Хендрик. Нет, не удачливее. Предусмотрительнее. Ты придержал до поры фрукты, когда другие беззаботно поедали их вопреки твоим предупреждениям. Так что твоя цинга все еще в умеренной стадии, в то время как остальных мучают кровотечения, понос, у них болят и гноятся глаза, а зубы или выпали, или шатаются. Почему люди ничему не учатся?»

Он знал, что боятся его все, даже генерал-капитан, а большинство ненавидит. Но это было нормально, так как в море командует капитан – это он определяет курс и управляет кораблем, это он ведет его из порта в порт.

Любое путешествие таит в себе опасности, ибо многие навигационные карты зачастую непонятны, а порой и бесполезны. И не существует надежных способов определения долготы.

– Придумай, как определять долготу, и ты станешь самым богатым человеком в мире, – говорил его старый учитель Альбан Карадок. – Королева, благослови ее Господь, пожалует тебе десять тысяч фунтов и титул герцога, если ты решишь эту задачу. Говноеды-португальцы дадут тебе золотой галион^[2]. И безродные испанцы дадут двадцать! Не видя земли, ты заблудишься, парень. Не видя земли, ты всегда будешь сбиваться с курса. – Карадок сделал паузу и печально покачал головой. – Ты заблудишься, парень, если не...

– Если у тебя нет руттера! – радостно крикнул Блэкторн, зная, что хорошо выучил свои уроки. Тогда ему стукнуло тринадцать и он уже год состоял в учениках у Альбана Карадока, штурмана и корабеля, заменившего ему потерянного отца. Карадок никогда не прибегал к рукоприкладству, обучая его и других мальчишек секретам судостроения и жизни в море.

Руттер представлял собой маленькую книжицу, которая содержала детальные наблюдения мореплавателя, побывавшего в описываемых местах. Туда заносили курс по магнитному компасу между портами и мысами, стоянки и проливы. Отмечали глубины, цвет воды и природу морского дна. Указывали, как попасть в то или иное место и как оттуда выбраться – сколько дней идти каким курсом; какие где дуют ветры; когда наступает время штормов и время попутных ветров; где килевать корабль (осматривать, ремонтировать, очищать от ракушек и водорослей его днище) и где брать воду; где встретишь друзей, а где – врагов. А также течения, мели, рифы, высоту приливов, гавани – в общем, все необходимое для безопасного плавания.

Англичане, голландцы и французы имели описания своих вод, но воды остального мира посещались только капитанами из Португалии и Испании, и эти две страны держали все свои руттеры в секрете. Руттеры, которые описывали путь в Новый Свет или давали ключ к загадкам Магелланова пролива и мыса Доброй Надежды, открытых португальцами, а значит, и к морским путям в Азию, охранялись португальцами и испанцами, как национальные сокровища, и поэтому за руттерами с одинаковым упорством охотились их враги – англичане и голландцы.

Но корабельный журнал был хорош настолько, насколько хорош был капитан, который его составил, переписчик, который его переписывал, очень редко – печатник, который его печатал, или

ученый, который его переводил. Следовательно, журнал мог содержать ошибки. И даже умышленно вводить в заблуждение. Капитан никогда не знал этого наверняка. По крайней мере, до тех пор, пока сам хотя бы однажды не попадал в описываемые руттером места.

В море лишь капитан властвовал над кораблем и его командой, вершил суд и расправу. Один он командовал с юта.

«Это как крепкое вино, – сказал себе Блэкторн. – Однажды попробовав, никогда уже не забудешь, станешь искать, томиться жаждой. Это одна из тех вещей, которые сохраняют тебе жизнь, когда другие уже умерли».

Он встал и помочился в шпигат^[3]. Позднее, когда в часах на нактоузе высыпался весь песок, перевернул их и отбил склянки.

– Ты выстоишь вахту, не уснешь, Хендрик?

– Да. Думаю, не усну.

– Я пошлю кого-нибудь, чтобы сменил впередсмотрящего. Гляди: он стоит на ветру, а не в укрытии. Это не дает ему задремать.

На мгновение Блэкторн задумался, не должен ли он повернуть корабль против ветра и лечь в дрейф на ночь, и, решив, что нет, спустился по трапу, соединяющему палубы, открыл дверь на баке. Другой трап вел оттуда в кубрик, устроенный во всю ширину корабля, он вмещал лавки и подвесные койки для ста двадцати человек. Тепло окутало Блэкторна, и он, радуясь этому, не ощутил даже зловония трюмных вод, идущего снизу. Ни один из двадцати с лишним человек не двинулся на своей койке.

– Поднимайся наверх, Матсюккер, – сказал он на смешанном жаргоне, на котором говорят в Нидерландах. Джон владел им в совершенстве, так же как португальским, испанским и латынью.

– Я умираю, – простонал маленький, остролицый человек, съеживаясь в своей койке. – Я болен. Посмотрите, цинга оставила меня без единого зуба. Господи Иисусе, помоги нам, мы все погибнем! Если бы не вы, мы бы все сейчас были дома, в безопасности. Я купец. Я не моряк. Я не из вашей команды... Поднимите кого-нибудь другого. Там Йохан... – Он плакал, когда Блэкторн вытащил его из койки и пихнул в сторону двери. Кровь выступила у Матсюккера изо рта, он был оглушен. Жестокий удар в бок вывел его из ступора.

– Ты высунешь свою морду на палубу и останешься там, пока не помрешь, если только мы не достигнем берега раньше.

Бедолага открыл дверь и с трудом вышел.

Блэкторн посмотрел на остальных, а они – на него.

– Как ты себя чувствуешь, Йохан?

– Достаточно хорошо, капитан. Может быть, выживу.

Йохан Винк, сорока трех лет, был главным канониром и помощником старшего боцмана, самым старым на борту. Лысый и беззубый, он цветом кожи и крепостью сравнился со старым дубом. Шесть лет назад Винк ходил с Блэкторном в плавание на поиски Северо-Восточного прохода^[4], не увенчавшиеся успехом, и оба знали, кто чего стоит.

– В твоём возрасте большинство людей уже умирает, а ты держишься лучше всех нас. – Блэкторну было тридцать шесть.

Винк грустно улыбнулся:

– Это все бренди да бабы и вообще праведная жизнь, которую я вел.

Никто не засмеялся. Потом кто-то указал на койку:

– Капитан, умер старший боцман.

– Так поднимите тело наверх! Обмойте его и закройте глаза! Ты, ты и ты!

На этот раз люди быстро выбрались из своих коек и все вместе то ли выволокли, то ли вынесли труп из кубрика.

– Отстоишь рассветную вахту у штурвала, Винк, а ты, Гинсель, – на носу впередсмотрящим.

– Да, капитан.

Блэкторн вышел на палубу.

Он увидел, что Хендрик бодрствует, так что на корабле все в порядке. Сменившийся впередсмотрящий Соломон проковылял мимо него, скорее мертвый, чем живой, его глаза вспухли и покраснели от режущего ветра. Блэкторн подошел к другой двери и спустился вниз. Коридор привел его в большую каюту на корме, которая служила апартаментами генерал-капитана и пороховым погребом. Его собственная каюта располагалась по правому борту, другая, рядом, ближе к пушечным портам, обычно предназначалась для трех помощников капитана. В настоящее время в ней жили Баккус ван Некк, главный купец, Хендрик, третий помощник, и юнга Крок. Все они были больны.

Блэкторн вошел в большую каюту. Генерал-капитан Паулюс Спилберген лежал на койке в полубессознательном состоянии. Невысокий, краснолицый, прежде очень толстый, он порядком исхудал, кожа на животе вяло свисала складками. Блэкторн достал флягу с водой из потайного ящика и дал генерал-капитану напиться.

– Спасибо, – слабо сказал Спилберген. – Где земля, где земля?

– Впереди, – ответил капитан, сам не веря себе, и убрал флягу. Он не стал слушать стенаний генерал-капитана, а вышел, возненавидев его с новой силой...

Почти ровно год назад они достигли Огненной Земли, ветры благоприятствовали плаванию через неизвестный Магелланов пролив. Но генерал-капитан приказал высадиться на берег – искать золото и драгоценности.

– Ради бога, генерал-капитан, поглядите на берег! В этих пустынных местах нет сокровищ!

– Легенда гласит, что здешние края богаты золотом, и мы можем объявить их владениями славных Нидерландов.

– Здесь уже побывала тьма испанцев пятьдесят лет назад.

– Может быть, но они не забирались так далеко к югу, капитан.

– Так далеко к югу времена года меняются местами. В мае, июне, июле и августе здесь стоит зима. Руттер говорит, что сейчас самое время пройти пролив: через несколько недель ветры изменятся, и тогда мы застрянем здесь на зиму – на несколько месяцев.

– Через сколько недель, капитан?

– Руттер говорит, через восемь. Но сезон на сезон не приходится.

– Тогда мы поищем сокровища пару недель. Останется еще масса времени, и потом, если понадобится, мы повернем опять на север и разграбим несколько городов, а, господа?

– Мы должны попытаться сейчас, генерал-капитан. В Тихом океане у испанцев мало военных кораблей. А здешние воды кишат ими, и они ищут нас. Я считаю, мы должны отплыть сегодня же.

Но генерал-капитан заткнул ему рот, заручившись поддержкой других капитанов (один из них был англичанин, а трое – голландцы), и совершил бесполезную вылазку на берег.

В тот год ветры переменились рано и обрекли экспедицию на вынужденную зимовку; плыть к северу генерал-капитан побоялся из-за испанских кораблей. Прошло четыре месяца, прежде чем суда смогли

отплыть. К тому времени сто пятьдесят шесть человек умерли от голода, холода и кровавого поноса, они съели всю кожу со снастей. Ужасные шторма в проливе раскидали флотилию. «Эразм» оказался единственным кораблем, который прибыл к месту условленной встречи в Чили. Они ждали остальных месяц, а потом, преследуемые испанцами, поплыли в неизвестность. Секретный руттер кончился на Чили.

Блэкторн прошел обратно по коридору в собственную каюту и запер за собой дверь. Каютка была маленькая и опрятная, но бимсы – поперечные балки, тянувшиеся от борта до борта, – проходили так низко, что ему пришлось пригнуться, чтобы подобраться к столу. Он отпер ящик и аккуратно развернул сверток с остатками яблок, которые так бережно хранил тайком весь путь от острова Санта-Мария в Чили. Они были мятые и маленькие, с гнилыми боками. Он съел четвертинку плода. Внутри скрывалось несколько мелких личинок. Он сжевал их вместе с яблочной мякотью, вспомнив старое морское поверье, будто яблочные черви лечат от цинги не хуже фруктов и, будучи втерты в десны, предохраняют зубы от выпадения. Блэкторн жевал осторожно – зубы болели, и рыхлые, нарывающие десны были очень чувствительны, – потом выпил воды из винного меха, отвратительной на вкус. Остаток яблока он завернул и запер обратно в ящик.

Крыса пересекла круг света от масляной лампы, висящей над его головой. Шпангоуты приятно поскрипывали. По полу шныряли тараканы.

«Я устал. Так устал...»

Он взглянул на длинную узкую койку. Соломенный тюфяк звал прилечь.

«Поспи часок, – шептал ему дьявол. – Даже десять минут – и ты отдохнешь за неделю. Последние дни ты спишь всего по несколько часов, большей частью наверху, в холоде. Ты должен спать. Спи! Они надеются на тебя...»

– Я не могу. Я посплю завтра, – сказал он вслух и заставил себя отпереть рундук и вынуть оттуда свой руттер. Убедился, что другой, португальский, в безопасности, не тронут, и это обрадовало его. Блэкторн взял чистое перо и начал писать:

21 апреля 1600 года. Пятый час. Сумерки. 133-й день от момента отплытия с острова Санта-Мария в Чили, на 32-м градусе северной широты. Волна все еще высокая, ветер сильный, и корабль идет под теми же парусами. Цвет моря блеклый, серо-зеленый, дна не видно. Мы все еще идем по ветру курсом 270 градусов, склоняясь к северо-северо-западу, двигаясь быстро, около двух лиг, по три мили в час. Большие рифы в форме треугольников были видны полчаса на расстоянии в половину лиги к северо-востоку и северу.

Ночью три человека умерли от цинги: парусный мастер Йорис, канонир Рейсс, второй помощник де Хаан. Поскольку генерал-капитан все еще болен, мне пришлось распорядиться, чтобы, поручив души этих несчастных Господу, их опустили в море без саванов – шить некому.

Сегодня умер старший боцман Рийклофф.

В полдень я не мог определить склонение по солнцу, и опять из-за облаков. Но я предполагаю, что мы все еще не сбились с курса и земля – Японские острова – появится скоро...

– Но как скоро? – спросил он фонарь, который покачивался над головой. – Как сделать карту? Должен быть курс, – сказал он себе в миллионный раз. – Как определить долготу? Должен быть способ. Как сохранить свежесть овощей? Что такое цинга?..

– Говорят, парень, эту напасть приносит море, – наставлял его в свое время Альбан Карадок, добродушный, с большим брюхом и спутанной седой бородой.

– Но, может быть, варить овощи и сохранять их в виде супа?

– Плохая идея. Никто еще не нашел способа сохранять отвар.

– Ходят слухи, что скоро отплывает Фрэнсис Дрейк.

– Нет, ты не сможешь отправиться с ним, парень.

– Мне почти четырнадцать. Вы позволили Тиму и Уатту записаться к нему, и ему нужен ученик штурмана.

– Им по шестнадцать. Тебе же только тринадцать.

– Говорят, что он собирается пройти Магеллановым проливом, потом плыть на север вдоль берега к неисследованным землям – до Калифорнии, чтобы найти Анианский пролив^[5], который соединяет

Тихий и Атлантический океаны. Из Калифорнии все пути ведут к Ньюфаундленду, Северо-Западному проходу, наконец...

– Предполагаемому Северо-Западному проходу. Никто еще не доказал, что это не просто легенда.

– Он докажет. Он уже адмирал, и мы будем первыми английскими мореплавателями, прошедшими Магелланов пролив, первыми в Тихом океане, – мне никогда не выпадет другого такого шанса.

– О да, но он никогда не пройдет секретным маршрутом Магеллана, если только не выкрадет руттер или не захватит португальского штурмана, чтобы тот провел его. Сколько раз говорить тебе: твое ремесло требует терпения. Научись терпению, парень.

– Ну пожалуйста!

– Нет!

– Почему?

– Потому что он проплавает два-три года, может быть, и больше. Слабые и молодые будут получать самую плохую пищу и меньше всех воды. Из пяти вышедших кораблей только его судно вернется обратно. Ты не выживешь, парень.

– Тогда я запишусь на его судно. Я сильный. Он возьмет меня!

– Слушай меня, парень, я был с Дрейком на его пятидесятитонной «Юдифи» в Сан-Хуан-де-Улуа, когда он и адмирал Хокинс – на «Миньоне» – пробивались из гавани через заслон, поставленный этими говноедами-испанцами. Мы сбывали рабов из Гвинеи в испанский Мейн^[6], но у нас не было испанской лицензии на торговлю, и они обманули Хокинса – поймали нашу флотилию в ловушку. У них было тринадцать больших кораблей, у нас – шесть. Мы потопили три испанские посудины, а они пустили ко дну наши «Ласточку», «Ангела», «Каравеллу» и «Иисуса из Любека». О да! Дрейк с боем вызволил нас из ловушки и привел домой. Если говорить честно, на борту оставалось одиннадцать человек. У Хокинса – пятнадцать. Из четырехсот восьмидесяти матросов. Дрейк безжалостен, парень. Он хочет славы и золота, но только для себя, и слишком много людей умерло, доказывая это.

– Но я не умру, я буду одним из...

– Нет, ты отдан в ученичество до двадцати лет. Мы подождем еще десять лет, и тогда ты будешь свободен. Но до того момента, до тысяча пятьсот восемьдесят восьмого года, ты будешь учиться, как строить

корабли и как управлять ими. Ты будешь слушаться Альбана Карадока, мастера-корабеля, штурмана и члена Тринити-Хаус^[7], или никогда не получишь лицензию. А без лицензии тебе никогда не стать капитаном ни одного английского корабля в английских водах, ты никогда не будешь командовать на юте ни в каких водах, потому что таков закон доброго короля Гарри, упокой, Господи, его душу. Был еще закон этой великой блудницы Марии Тюдор – пусть она вечно горит в аду! – но это закон королевы, и пусть он правит в веках, это закон Англии и это лучший из морских законов, который когда-либо был принят.

Блэкторн помнил, как ненавидел тогда своего наставника и Тринити-Хаус, монополию, созданную Генрихом VIII в 1514 году для обучения штурманов и мастеров-корабелов и выдачи им лицензий, ненавидел двенадцать лет полурабства, которые одни, как он знал, открывали дорогу к единственно желанной цели. И он возненавидел Альбана Карадока еще больше, когда, покрыв себя немеркнущей славой, Дрейк и его стотонный шлюп «Золотая лань» чудесным образом вернулись в Англию после трехлетнего отсутствия. Это был первый английский корабль, совершивший кругосветное путешествие. Он доставил к английским берегам самый богатый груз награбленных сокровищ – невероятные полтора миллиона фунтов стерлингов золотом, серебром, пряностями, серебряной и золотой посудой.

То, что в походе погибли четыре из пяти кораблей, восемь из каждых десяти моряков, что Тим и Уатт сгнули, а экспедицию Дрейка провел через Магелланов пролив в Тихий океан захваченный в плен португальский штурман, не успокоило ненависть. То, что Дрейк повесил одного из своих офицеров, отлучил от Церкви капеллана Флетчера и не смог найти Северо-Западный проход, не уменьшило народного восхищения. Королева оставила Дрейку половину привезенных сокровищ и удостоила его рыцарского звания. Джентри – мелкопоместные дворяне – и купцы, которые финансировали экспедицию, получили триста процентов прибыли и молили взять у них денег на следующее пиратское предприятие. И все моряки мечтали плыть с ним, потому что он много награбил и со своей долей добычи вернулся домой, а немногие выжившие счастливики обеспечили себя до конца жизни.

«Я бы тоже выжил, – сказал себе Блэкторн. – Я бы выжил. И моя доля сокровищ была бы достаточна, чтобы...»

– Риф впереди!

Он сначала почувствовал, а потом услышал крик. И вновь сквозь рев бури донесся пронзительный вопль.

Блэкторн выскочил из каюты и помчался по трапу на ют. Сердце его колотилось, горло пересохло. Была уже темная ночь, лил дождь, и он возликовал: сделанные много недель назад парусиновые сборщики влаги скоро наполнятся доверху. Открытым ртом он ловил почти горизонтально летящие струи, чувствуя сладость дождя... Но откуда этот вопль?

Он увидел Хендрика, парализованного ужасом. Впередсмотрящий Матсюккер съежился на носу, крича что-то неразборчивое и указывая вперед. Тогда он тоже посмотрел в море.

Риф был всего лишь в двухстах ярдах впереди – большие черные скалы, о которые разбивались волны ненасытного моря. Пенистая линия прибоя тянулась налево и направо, время от времени прерываясь. Буря вздымала огромные полосы пены и бросала их в ночную темноту. Вырвало фал на форпике и унесло самое высокое рангоутное дерево. Мачта дрожала в гнезде, но держалась, и море неумолимо несло корабль к гибели.

– Все на палубу! – прокричал Блэкторн и с яростью зазвонил в колокол.

Звук вывел Хендрика из ступора.

– Мы погибли! – прокричал он по-голландски. – Боже, помоги нам!

– Гони команду на палубу, негодяй! Ты проспал! Вы оба спали! – Блэкторн толкнул его в сторону трапа, подскочил к штурвалу, распустил концы, крепящие рукояти в одном положении, привязался сам и с трудом крутанул штурвал влево.

Он напряг все свои силы, когда руль ударился о стремительно несущийся поток воды. Весь корабль содрогнулся. Затем по мере того, как слабел натиск ветра, нос корабля начал поворачиваться все быстрее и быстрее, и вскоре они стали бортом к ветру и волнам. Штормовые топсели надулись и отчаянно пытались стронуть с места корабль, все снасти, натянутые как струны, стонали. В следующее мгновение море вздыбилось над ними и понесло корабль параллельно рифу, и тут Блэкторн увидел следующий вал, еще больше. Он издал

хриплый возглас, предупреждая об опасности моряков, спешащих от бака, и изо всех сил вцепился в штурвал.

Море, обрушившись на корабль, накренило его, Блэкторн подумал, что «Эразм» пойдет ко дну, но тот встряхнулся, как мокрый терьер, и выскочил из впадины между валами. Вода каскадами скатывалась в шпигаты. Блэкторн глотнул воздуха. Он увидел, что тело старшего боцмана, оставленное на палубе в ожидании завтрашнего погребения, исчезло и что следующая стена воды еще выше. Она подхватила Хендрика, подняла его, хватавшего ртом воздух, и унесла за борт. Вторая волна с ревом прокатилась через палубу. Блэкторн схватился за штурвал, и его не смыло. А Хендрик был уже в пятидесяти ярдах от левого борта. Волна слизнула его, отступая, проволокла вдоль борта, вознесла на гребень – мгновение он продержался в вышине, пронзительно крича, – потом унесла, ударила о скалы и поглотила.

Корабль ушел носом в воду, пытаясь проложить себе путь. Сорвало еще один фал и блок, а снасти бегучего такелажа бешено закрутились и перепутались.

Винк и еще один моряк пробрались на ют и навалились на штурвал, пытаясь помочь капитану. Блэкторн видел, как риф стремительно приближается к правому борту. Впереди и слева в нескольких местах виднелись просветы.

– Лезь наверх, Винк. Распусти фок!

Фут за футом Винк и два других моряка карабкались по вантам фок-мачты, а остальные внизу налегали на канаты, помогая им.

– Смотрите вперед! – прокричал Блэкторн.

Волна вспенилась вдоль палубы и уволокла еще одного моряка, выкинув на борт труп старшего боцмана. Нос вынырнул из воды и ушел вниз, на палубу хлынула вода. Винк и другой моряк освободили парус. Он резко раскрылся с оглушительным, как пушечный выстрел, хлопком, когда ветер наполнил его, и корабль накренился.

Винк и его помощники висели, качаясь над морем, потом начали спускаться.

– Риф, риф впереди! – прокричал Винк.

Блэкторн и помогавшие ему моряки крутанули штурвал вправо. Корабль заколебался, потом повернул и заскрежетал, когда скалы, едва видимые над поверхностью воды, прошли вдоль борта. Но это был

косой удар, и раскрошился только выступ скалы, а шпангоуты остались целы. Люди вздохнули свободно.

Блэкторн увидел проход в рифе впереди и направил корабль туда. Ветер теперь стал сильнее, море – еще яростнее. Корабль отклонился от курса под порывом ветра, и колесо вывернулось из рук. Все вместе моряки ухватили штурвал и опять поставили корабль на курс, но он вертелся и качался как пьяный. Волна хлынула через борт, ворвалась на бак, ударив одного моряка о переборку, палубу залило водой.

– Все к помпам! – прокричал Блэкторн и увидел, что двое моряков побежали вниз.

Дождь хлестнул его по лицу, и он скривился от боли. Свет у нактоуза и рейдовый огонь давно погасли. Тут новый порыв ветра сбил судно с курса, матрос поскользнулся, и колесо снова вырвалось у него из рук. Он вскрикнул, когда рукоятка штурвала ударила его в висок, и упал, отдавшись на волю моря. Блэкторн поднял его и держал, пока кипящий вал не прошел. Тут он увидел, что моряк мертв, толкнул его в кресло, и следующая волна смыла тело в море.

Проход через рифы был в трех румбах к ветру, и Блэкторн, сколько бы ни старался, не мог бы в него войти. Он с отчаянием искал другой просвет, но знал, что ищет напрасно, поэтому позволил судну идти по ветру, чтобы набрать скорость, потом резко повернул его против ветра. Удалось немного выиграть в расстоянии и удержать курс.

Затем раздался ноющий звук, и корпус мучительно содрогнулся, когда киль провололся по острым выступам рифа под ними, и все на борту ясно представили, как расходятся дубовые шпангоуты и море врывается в трюм. Корабль, теряя управление, клюнул носом.

Блэкторн закричал, взывая о помощи, но никто не услышал его, поэтому он сам боролся со штурвалом, оставшись с волнами один на один. Он был отброшен в сторону, но ошупью вернулся обратно, удивляясь смутно, как это руль еще цел.

В самом узком месте прохода море превратилось в сплошной водоворот, зажатый между скалами. Громадные волны разбивались о риф, откатывались обратно, ударялись о вновь набегавшие и сталкивались в бешеном вихре. Неуправляемый корабль был втянут в эту воронку боком.

– Плевать на тебя, шторм! – проревел Блэкторн. – Убери свои грязные лапы от моего корабля!

Колесо закрутилось снова и отбросило его, палуба угрожающе наклонилась. Бушприт ударился о скалу и оторвался вместе с частью такелажа, после чего судно выпрямилось. Передняя мачта изогнулась, как лук, и сломалась. Люди на палубе бросились на такелаж с топорами, чтобы рубить его, в то время как судно проскочило в бушующий пролив. Они освободили мачту, которая ушла за борт, увлекая запутавшегося в такелаже моряка. Тот закричал, попав в ловушку, но никто ничего не мог поделать. Все только следили, как он и мачта мелькнули у борта, исчезли и больше уже не появлялись.

Винк и остальные, сгрудившиеся у левого борта, оглянувшись, увидели, что на юте Блэкторн как одержимый борется с бурей. Они перекрестились и стали молиться еще горячей, некоторые плакали от страха.

Проход на мгновение расширился, и корабль замедлил ход, но впереди просвет опять угрожающе сужался, и скалы, казалось, выросли, возвышаясь над судном.

Течение, ударяя в борт судна, отступало отбойными волнами, увлекало его за собой, сбивало с траверза, бросало на волю судьбы.

Блэкторн перестал проклинать шторм и пытался повернуть штурвал влево, повиснув на нем, – его мускулы вздулись узлами от напряжения. Но корабль не слушался ни руля, ни волн.

– Поворачивай, ты, старая шлюха из ада! – Он задыхался, его силы быстро убывали. – Помоги мне!

Напор волн усилился, и он почувствовал, что сердце вот-вот разорвется, но все еще противостоял давлению воды на руль. Он изо всех сил напрягал зрение, но все перед глазами качалось, краски меркли. Корабль был в горловине пролива и не двигался, но как раз в этот миг киль царапнул по глинистой отмели. Удар развернул нос судна. Руль врезался в толщу воды. И тут воздушная и морская стихии объединились, вместе они привели корабль к ветру, и тот прошел через горловину в укромное место. В бухту, находившуюся впереди.

Часть первая

Глава 1

Блэкторн проснулся неожиданно. Какое-то мгновение он думал, что видит сон: он на берегу и комната такая... невероятная: маленькая, очень чистая и устлана мягкими матами. Он лежит на толстом стеганом тюфяке, другой брошен на него. Потолок сделан из полированного кедра, а стены представляют собой решетки из кедровых реек, покрытые непрозрачной бумагой, которая приятно приглушает свет. Сбоку от него маленький поднос ярко-красного цвета с небольшими мисочками. В одной были холодные вареные овощи, и он проглотил их, едва заметив пикантный вкус. В другой – рыбный суп, который он выпил. Густую кашу из пшеницы или ячменя съел, помогая себе пальцами. Вода в странной формы бутылке из тыквы была теплой и необычной на вкус – горьковатая, но приятная.

Тут он заметил распятие в нише.

«Этот дом испанский или португальский, – подумал он в ужасе. – Это Япония? Или Катай?»

Стенная панель отодвинулась в сторону. Среднего возраста полная круглолицая женщина стояла за ней на коленях, кланялась и улыбалась. Кожа золотистого цвета, глаза черные и узкие, а длинные черные волосы аккуратно уложены. На ней было серое шелковое платье, белые носки, широкий красный пояс обхватывал талию.

– *Госюдзинсама, гокибун ва икага дэсу ка?*^[8] – сказала она и умолкла, ожидая ответа, но Блэкторн лишь смотрел на нее непонимающе, и она повторила сказанное.

– Это Японские острова? – спросил он. – Япония? Или Катай?

Теперь она уставилась на него в недоумении и произнесла что-то еще. Блэкторн вдруг осознал, что он голый. Одежды его нигде не было видно. Жестами он объяснил, что хочет одеться. Потом показал на чашки для еды, и женщина поняла, что он все еще голоден.

Она улыбнулась, поклонилась и задвинула дверь.

Он лежал на спине, изнуренный, несчастный, терзаемый болью. Сделав усилие над собой, он попытался собраться с мыслями. «Я помню, как отдавал якорь, – подумал он. – С Винком. Возможно, это был Винк. Мы оказались в бухте, корабль уткнулся носом в отмель и

остановился. Мы могли слышать шум волн, разбивающихся о берег, но были в безопасности, все. На берегу горели огни, потом я оказался в каюте, в темноте. Я ничего не помню. После там, в темноте, появились огни и зазвучали незнакомые голоса. Я говорил по-английски, затем по-португальски. Один из местных жителей немного понимал по-португальски. Или он был португалец? Нет, думаю, туземец. Я спрашивал его, где мы находимся? Не помню. Потом мы опять очутились на рифе, пришла еще одна большая волна, меня вынесло в море, и я тонул – и замерзал, – нет, море было теплым, как шелковая постель в морскую сажень толщиной. Они, видимо, вынесли меня на берег и положили здесь».

– Наверное, это на постели я чувствовал себя так мягко и тепло, – сказал он вслух. – Я никогда не спал до этого на шелке.

Слабость одолела его, и он забылся сном без видений.

Когда Блэкторн проснулся, в керамических мисочках снова была еда, а рядом лежала одежда, сложенная аккуратной стопкой. Ее постирали, погладили и заштопали мелкими аккуратными стежками.

Но ножа и ключей не было.

«Мне бы лучше найти нож, и поскорее, – подумал он, – или пистолет».

Его глаза обратились к распятию. Несмотря на страх, в нем росло возбуждение. Всю свою жизнь он слышал от капитанов и матросов о том, что португальцы обратили азиатских язычников в католичество и держат их в рабстве, о невероятных сокровищах потаенных владений Португалии на Востоке, где золото так же дешево, как чугун в слитках, а изумрудов, рубинов, алмазов и сапфиров не меньше, чем гальки на берегу.

«Если рассказы о католичестве верны, – сказал он себе, – может быть, верно и остальное. О сокровищах. Да. Но чем скорее я возвращу себе оружие и вернусь на „Эразм“, к пушкам, тем лучше».

Он жадно проглотил еду, оделся и стоял, качаясь, чувствуя себя не в своей тарелке, как всегда на берегу. Его башмаков не было. Он пошел к двери, слегка пошатываясь, и вытянул руку, чтобы устоять, но легкие рейки не могли выдержать его веса и расщепились, бумага порвалась. Он выпрямился. Женщина, которую он задел, смотрела на него из коридора.

– Извините, – пробормотал Блэкторн, странно смущенный своей неловкостью. Порядок в комнате был нарушен. – Где мои башмаки?

Женщина опять посмотрела на него непонимающе. Тогда, не теряя терпения, он на языке жестов спросил у нее о том же. Она заторопилась по коридору, встала на колени, сдвинула другую панель из реек и поманила его. Рядом послышались голоса и звук бегущей воды. Он прошел в проем и оказался в другой комнате, также почти пустой. Она выходила на веранду с лестницей, которая вела в маленький сад, окруженный высокой стеной. Сбоку от этого главного входа стояли две старухи, три ребенка в ярко-красных одеждах и старик, очевидно садовник, с граблями в руках. Они все сразу с серьезным видом поклонились ему и держали головы опущенными.

К своему удивлению, Блэкторн увидел, что старик голый, если не считать короткой узкой набедренной повязки, прикрывающей его чресла.

– Доброе утро, – сказал он им, не придумав ничего лучше.

Они так и застыли в поклоне.

В замешательстве он посмотрел на них, потом снова неуклюже поклонился. Они все выпрямились и улыбнулись ему. Старик поклонился еще раз и вернулся к своей работе в саду. Дети поглазели на него, потом со смехом убежали. Старухи исчезли в глубине дома. Но он чувствовал на себе их взгляды.

Внизу у лестницы он увидел свои башмаки. Прежде чем он поднял их, женщина средних лет опустилась на колени и, смутив его окончательно, помогла ему обуться.

– Спасибо. – Он подумал минуту, потом указал на себя. – Блэкторн, – проговорил он со значением. Потом указал на нее: – А ваше имя?

Она взирала на него в растерянности.

– Блэкторн, – повторил он отдельно, указывая на себя. Потом указал на нее: – Как ваше имя?

Она нахмурилась, потом сообразила, указала на себя и объявила:

– *Онна!*^[9] *Онна!*

– *Онна!* – повторил он, столь же гордый собой, как и она. – *Онна.*

Она радостно кивнула:

– *Онна!*

Сад не был похож ни на что виденное им раньше: ручей с маленьким водопадом и мостиком, ухоженные гравийные дорожки, камни, цветы и кусты. «И так чисто, – подумал он. – Так все искусно сделано».

– Невероятно, – вздохнул он.

– *Нефрятнер?* – повторила она с готовностью.

– Ничего, – произнес он. Затем, не зная, что еще можно сделать, махнул рукой: ступайте себе! Она вежливо поклонилась и послушно ушла.

Блэкторн сел на солнышке, прислонившись к столбу. Чувствуя себя очень слабым, он наблюдал за тем, как старик полет уже прополотый сад. «Хотел бы я знать, где остальные. Жив ли еще генерал-капитан? Сколько дней я спал? Я могу вспомнить только, как просыпался, ел, и спал, и опять ел, не насыщаясь, будто во сне».

Дети прибежали обратно, гоняясь друг за другом, и ему стало неловко за наготу садовника. Когда тот наклонялся, на виду оказывался весь срам, но, к удивлению Блэкторна, дети, похоже ничего не замечали. Он видел черепичные и соломенные крыши других строений за садовой оградой и – далеко в стороне – высокие горы. Резкий ветер, расчищая небо, гнал облака. Летали за взятком пчелы, день был удивительно приятный, весенний. Его тело требовало еще сна, но он выпрямился и зашагал к калитке. Садовник улыбнулся с поклоном, побежал открывать калитку, снова поклонился и закрыл ее за ним.

Деревня изгибалась серпом вокруг гавани, смотрящей на восток. Около двухсот домов гнездились у подножия горы, склон которой сбегал, понижаясь, к берегу. Выше террасами располагались поля и проходили грунтовые дороги, ведущие на север и на юг. Ниже лежала набережная, вымощенная булыжником, и каменный наклонный спуск для судов уходил с берега в воду. Хорошая, безопасная гавань и каменная пристань; мужчины и женщины, чистящие рыбу и плетущие сети; удивительной формы лодку строили в северной части. Далеко в море, на западе и юге, виднелось несколько островов. Где-то там, за горизонтом, остались рифы.

В гавани было много других лодок необычной формы, большинство из них рыбацкие, некоторые с одним большим парусом, некоторые с одним кормовым веслом – гребец стоял и отталкивался

им, а не греб сидя, как сделал бы Блэкторн. Несколько лодок выходило в море, другие направлялись в деревянный док. «Эразм» стоял в пятидесяти ярдах от берега, аккуратно пришвартованный тремя носовыми канатами. «Кто это сделал?» – спросил он себя. Вдоль борта судна покачивались лодки, и он мог видеть, что на борту находятся туземцы. Но никого из его команды там не было. Куда все подевались?

Блэкторн оглядел деревню и осознал, что за ним наблюдает много народу. Увидев, что замечены чужаком, все сразу закланялись, и он, все еще чувствуя неудобство, поклонился в ответ. Вокруг тут же закипела оживленная деятельность: люди сновали взад и вперед, останавливались, торговались, кланялись друг другу, видимо забыв о незнакомце. Они походили на разноцветных бабочек. Однако, держа путь к берегу, он чувствовал, что из каждого окна, из каждой двери за ним следят любопытные глаза.

«Почему они кажутся такими странными? – спросил он себя. – Из-за одежды? Или поведения? Не только. Из-за того, что у них нет оружия, – осознал он удивленно. – Ни мечей, ни ружей! Почему?»

Открытые лавки, заполненные странными товарами и тюками, вытянулись вдоль маленькой улицы. Чистые деревянные полы были подняты над землей на сваях, продавцы и покупатели стояли на коленях или сидели на корточках. Он увидел, что почти все обуты в деревянные сабо или плетенные из тростника сандалии, на некоторых были все те же белые носки, которые раздваивались между большим пальцем и остальными, образуя просвет для ремешков сандалий, но они снимали сабо и сандалии снаружи у дома в грязи. А разувшись, вытирали ноги и надевали чистые комнатные сандалии. «Это очень правильно, если вдуматься», – заключил он про себя почти с благоговением.

Потом в глаза ему бросился приближающийся мужчина с тонзурой, и страх захватил его, болезненно распространяясь от яичек к желудку. Священник, португалец или испанец. Хотя свободное верхнее одеяние было оранжевым, четки и распятие на поясе не оставляли сомнений, как и холодно-враждебное выражение лица. Одежда была запятнана дорожной грязью, выпачкались в ней и европейского фасона башмаки. Священник оглянулся на гавань, на «Эразм», и Блэкторн понял: тот догадался, что судно голландское или английское – новейшей постройки, легкое, быстроходное, торгово-военное,

обустроенное и усовершенствованное по образцу английских каперов, которые производили опустошение на испанских торговых путях. Священника сопровождало десять туземцев, черноволосых и черноглазых, один был одет как падре, за исключением плетеных сандалий. Другие носили разноцветные одежды, или свободные штаны, или просто набедренные повязки. Но никто не имел оружия.

Блэкторн хотел бежать, но не нашел в себе сил, и спрятаться было негде. Рост, размеры и цвет глаз делали его чужаком, белой вороной в этом мире. Он прислонился спиной к стене.

– Кто вы? – спросил по-португальски священник, смуглый упитанный мужчина лет двадцати пяти, с длинной бородой.

– А вы кто? – вперил в него суровый взгляд Блэкторн.

– А, нидерландские каперы! Вы еретики, голландцы. Вы пираты. Боже, спаси ваши души!

– Мы не пираты. Мы купцы и живем в мире со всеми, если не считать наших врагов. Я капитан этого корабля. А вы кто?

– Я отец Себастио. Как вы попали сюда? Как?

– Нас выкинуло на берег штормом. Что это за страна? Япония?

– Да, Япония, Ниппон, – сказал священник нетерпеливо.

Он повернулся к одному из мужчин, старшему из всех, небольшому и сутулому, с сильными руками и мозолистыми ладонями, чья голова тряслась, а волосы, заплетенные в тонкую косичку, были седыми, как и брови. Священник, запинаясь, заговорил с ним по-японски, указывая на Блэкторна. Туземцы чему-то удивлялись, и один, словно защищаясь, перекрестился.

– Голландцы – еретики, бунтовщики и пираты. Как ваше имя?

– Это португальское поселение?

Глаза священника, налитые кровью, смотрели жестко.

– Староста деревни говорит, что сообщил властям о вас. Ваши прегрешения известны. Где ваша команда?

– Мы сбились с курса. Нам всего и нужно, что получить пищу, воду и время для починки нашего корабля. Потом мы уплывем. Мы можем заплатить за все...

– Где остальные члены вашей команды?

– Я не знаю. На борту. Думаю, они на борту.

Священник снова поговорил со старостой, который отвечал и показывал на другой конец деревни, что-то подробно объясняя.

Священник повернулся к Блэкторну:

– Они очень строги с преступниками, капитан. *Даймё* придет с самураями. Помилуй вас Бог!

– Кто такой даймё?

– Феодалный властитель. Он владеет всей этой провинцией. Как вы оказались здесь?

– А самурай?

– Воины, солдаты, представители военного сословия. – Священник говорил с нарастающим раздражением. – Откуда вы и кто?

– Никак не признаю вашего говора, – сказал Блэкторн, стараясь вывести его из равновесия. – Вы испанец?

– Я португалец! – вспыхнул священник, охваченный гневом. – Я сказал вам, я – отец Себастио из Португалии. Где вы так хорошо выучились португальскому языку, а?

– Но Португалия и Испания теперь одна страна, – поддел Блэкторн. – У вас один король.

– Мы разные страны. Мы разные народы. Так было всегда. У нас свой собственный флаг. Свои заморские владения, да, свои. Король Филипп согласился на это, когда прибрал к рукам мою страну. – Отец Себастио усилием воли сдержал гнев, его пальцы дрожали. – Он взял мою страну силой оружия двадцать лет назад! Его солдаты и это дьявольское отродье, испанский тиран, герцог Альба, они разгромили нашего истинного короля. Дьявол! Сейчас царствует сын Филиппа, но он на самом деле не наш король. Скоро мы опять будем иметь своего собственного короля. – Потом он добавил с горечью: – Вы знаете, что это правда. То, что этот дьявол Альба сотворил с вашей страной, он проделал и с моей.

– Это ложь! Альба был чумой для Нидерландов, но никогда не завоевывал их. Они все еще свободны. Всегда останутся свободными. А в Португалии он разгромил одну маленькую армию, и вся страна сдалась ему. Не хватило смелости. Вы могли бы разбить Испанию, если бы хотели, но никогда не сделаете этого. Нет чести. Нет совести. Только и можете, что сжигать невинных во имя Бога.

– Мой Бог испепелит вас в адском пламени! – вспыхнул священник. – Сатана проник к вам на борт и будет уничтожен. Еретики будут уничтожены. Вы будете прокляты перед Богом!

К своему удивлению, Блэкторн почувствовал невольный ужас. «Священники не ухо Божье и не уста Его. Мы свободны от вашего вонючего ярма и собираемся остаться свободными!»

Всего сорок лет назад Англией правила кровавая Мария Тюдор, супруга будущего короля Испании Филиппа II Жестокого. Эта глубоко религиозная дочь Генриха VIII вернула католических священников и инквизиторов, ввела пытки еретиков, восстановила власть папы римского над Англией, поставила крест на всех завоеваниях своего отца, всех исторических изменениях во славу Римской церкви против воли большинства. Все пять лет ее правления королевство раздирали на части ненависть, страх и кровавая вражда. Но она умерла, и на трон взошла двадцатичетырехлетняя Елизавета.

При мысли о ней Блэкторна переполняли удивление и глубокая сыновняя любовь. Сорок лет она воевала со всем миром. Перехитрила и одолела пап, Священную Римскую империю, Францию и Испанию, объединившихся друг с другом. Отлученная от Церкви, проклиная за границей, она привела Англию в гавань – безопасную, надежную, обособленную.

– Мы свободны, – бросил Блэкторн священнику. – Вы побеждены. Мы теперь имеем свои школы, собственные книги, собственную Библию, собственную Церковь. Вы – те же самые испанцы. Пададь. У вас те же самые монахи. Молящиеся идолу!

Священник поднял распятие, выставив его между собой и Блэкторном, как щит:

– О Боже, защити нас от дьявола! Я не испанец, говорю вам! Я португалец. И не монах. Я брат Общества Иисуса!

– А, один из этих. Иезуит!

– Да. Мой Бог спасет вашу душу! – Отец Себастио выпалил что-то по-японски, и один из его спутников приблизился к Блэкторну. Тот прислонился спиной к стене и сильно ударил японца ногой, но остальные накнулись скопом, и капитан согнулся под ударами.

– *Нани кото да?*

Драка сразу прекратилась.

В десяти шагах от них стоял молодой человек в широких, словно юбка, штанах, вроде шаровар, сандалиях на деревянной подошве и легком халате с широкими рукавами. За пояс его были заткнуты два клинка: один типа кинжала, другой – двуручный меч, длинный и

слегка изогнутый. Правая рука словно ненароком оказалась на рукоятке.

– *Нани кото да?* – спросил он хрипло и, когда никто не ответил сразу, повторил: – *НАНИ КОТО ДА?*

Японцы упали на колени, их головы склонились в грязь. Только один священник остался стоять. Он поклонился и начал объяснять, запинаясь, но молодой японец презрительно оборвал его и показал на старосту:

– Мура!

Мура, староста, не поднимая головы, быстро залопотал. Несколько раз он ткнул пальцем в Блэкторна, один раз в корабль и два раза в священника. Теперь на улице прекратилось всякое движение. Все, кто был на виду, стояли на коленях и низко кланялись. Староста кончил говорить. Вооруженный человек надменно допрашивал его еще некоторое время, и он отвечал четко и быстро. Потом воин что-то сказал старосте и с явным презрением указал на священника, потом на Блэкторна, и седоволосый, видимо, пояснил его слова священнику, тот покраснел.

Воин, который был на голову ниже и много моложе Блэкторна, обратился к нему красивое, в редких оспинках, лицо:

– *Онуси иттаи доко кара кита но да? Доко но куни но моно да?*

Священник нервно перевел:

– Касиги Оми-сан спрашивает, откуда вы прибыли и какой национальности?

– А Оми-сан – даймё? – спросил Блэкторн, с опаской косясь на меч.

– Нет. Он самурай, который отвечает за деревню. Его фамилия Касиги, Оми – его имя. Здесь они всегда сначала называют фамилию. «Сан» означает «благородный», и вы добавляете его ко всем именам из вежливости. Вам лучше научиться вежливости и быстрее приобрести хорошие манеры. Здесь не терпят плохих манер. – Его голос стал строже. – Поторопитесь с ответом!

– Я из Амстердама. Англичанин.

Было заметно, что отец Себастио поражен. Он сказал самураю:

– Англичанин. Из Англии, – и начал объяснять, но Оми нетерпеливо оборвал его и разразился потоком слов.

– Оми-сан спрашивает, не вы ли старший. Староста говорит, что живы только несколько еретиков из вашей команды и большинство из них больны. Среди вас есть генерал-капитан?

– Я старший, – ответил Блэкторн, хотя, по правде говоря, теперь, на берегу, должен был командовать адмирал. – Я командую, – добавил он, зная, что генерал-капитан Спилберген не способен командовать ни на берегу, ни на борту, даже будучи здоровым и сытым.

Самурай разразился новым потоком слов.

– Оми-сан говорит: раз вы старший, вам разрешено свободно ходить по деревне где хотите, пока не приедет господин. Его господин, даймё, решит вашу судьбу. До тех пор вам разрешается жить на положении гостя в доме старосты, приходить и уходить когда угодно. Но вы не должны оставлять деревню. Ваша команда ограничена в передвижениях, им нельзя покидать дом. Вы поняли?

– Да, а где моя команда?

Отец Себастио показал на скопление домов около пристани, явно расстроенный решением Оми и его нетерпением:

– Там! Радуйся свободе, пират. Тебе дьявольски повезло с...

– *Вакаримас ка?* – Оми обратился непосредственно к Блэкторну.

– Он говорит: вы поняли?

– Как будет «да» по-японски?

Отец Себастио сказал самураю:

– *Вакаримас.*

Оми презрительно махнул им рукой, чтобы уходили. Все отвесили ему низкий поклон. За исключением одного мужчины, который стоял не кланяясь, в нерешительности.

С неуловимой скоростью боевой меч очертил сверкающую дугу, и голова мужчины свалилась с плеч, обдав землю фонтаном крови. Тело несколько раз изогнулось в конвульсиях и застыло без движения. Непроизвольно священник отступил на шаг. Ни у кого на лице не дрогнул ни единый мускул. Головы остались склоненными. Блэкторн остолбенел.

Оми небрежно поставил ногу на труп.

– *Икимас!*^[10] – сказал он, махнув рукой, чтобы они ушли.

Люди перед ним опять поклонились до земли, а затем ушли.

Улица стала пустеть. И лавки тоже.

Отец Себастио глянул вниз, на тело. Медленно перекрестил его, произнес:

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа, – и оглянулся на самурая, но теперь без страха.

– *Икимас!* – Блестящее острие меча опустилось на тело.

Спустя долгое мгновение священник повернулся и ушел. С достоинством. Оми пристально смотрел на него, потом оглянулся на Блэкторна. Тот попятился, отойдя на безопасное расстояние, быстро завернул за угол и исчез.

Оми неудержимо расхохотался. Улица теперь была пуста. Отсмеявшись, он обеими руками схватился за меч и начал методично рубить тело на мелкие куски.

Блэкторн сидел в маленькой лодке, лодочник кормовым веслом весело правил к «Эразму». Никто не чинил чужеземцу препятствий, и теперь он наблюдал за людьми на главной палубе: их было много – все самураи. Некоторые в защитных нагрудниках, но большинство только в кимоно, как они называли свою одежду, и у каждого по два клинка. Все носили одинаковую прическу: у лба и на темени волосы выбриты, а дальше смазаны маслом и собраны в узел на макушке. Только самураям разрешалась такая прическа, более того – предписывалась. Только самураи могли носить два клинка: длинный двуручный боевой меч и короткий, похожий на кинжал, и это тоже было для них обязательно.

Самураи стояли вдоль борта, наблюдая за ним.

Охваченный беспокойством, Блэкторн поднялся по сходням и прошел на палубу. Один самурай, более изысканно одетый, подошел к нему и поклонился. Блэкторн, получивший наглядный урок хороших манер, поклонился каждому, и все на палубе встретили его дружелюбно. Он еще не изжил ужас от неожиданного убийства на улице, и улыбки не успокоили его. Двинувшись к трапу, ведущему на другую палубу, он внезапно остановился. Поперек двери была приклеена широкая лента красного шелка и сбоку от нее – маленький знак со странными закорючками. Он колебался, проверил другую дверь, но и та была опечатана красной лентой, и такой же знак был прибит гвоздями к перегородке.

Он подошел, чтобы снять шелковую ленту.

– *Хоттэ окэ!*^[11] – Чтобы замечание было понятней, самурай-часовой покачал головой. Он больше не улыбался.

– Но это мой корабль, и я хочу... – Блэкторн, глядя на мечи, старался скрыть свое беспокойство.

«Я должен спуститься ниже, – подумал он. – Я должен перепрятать руттеры, свой и секретный. Иисус Христос! Если их найдут и отдадут священникам или японцам, мы погибли. Любой суд в мире – за пределами Англии и Нидерландов – вынесет нам суровый приговор как пиратам при таких доказательствах. В моем руттере записаны даты, места и количество награбленного, число убитых на трех наших вылазках в Южной и Северной Америке, число разоренных церквей. Там записано, как мы жгли города и торговые корабли. А португальский руттер? Это наш смертный приговор, ведь он, конечно, краденый.

По крайней мере, он куплен у португальца-предателя, и по их законам любой иностранец, ставший хозяином такого журнала, позволяющего проходить Магелланов пролив, должен быть сразу же осужден на смерть. И если руттер найден на борту вражеского корабля, корабль подлежит сожжению, а вся команда на борту – немедленной казни».

– *Нан но ё да?*^[12] – сказал один самурай.

– Вы говорите по-португальски? – спросил Блэкторн на этом языке.

Самурай пожал плечами:

– *Вакаримасэн*^[13].

Другой выступил вперед и тихо заговорил с начальником, который кивнул в знак согласия.

– Португальцы – друзья, – произнес самурай по-португальски с сильным акцентом. Он распахнул ворот кимоно и показал маленькое деревянное распятие, висящее у него на шее. – Христианин! – Он указал на себя и улыбнулся. – Христианин. – Он указал на Блэкторна: – Христианин *ка?*^[14]

Блэкторн колебался, потом кивнул:

– Христианин.

– Португалец?

– Англичанин.

Японец поговорил со своим начальником, затем оба они пожали плечами и опять оглянулись на него.

– Португалец?

Блэкторн покачал головой, сожалея, что вынужден не соглашаться с ними хоть в чем-нибудь.

– Мои друзья – где они?

Самурай показал на восточный край деревни:

– Друзья там.

– Это мой корабль. Я хочу спуститься вниз. – Блэкторн, подкрепляя речь жестами, повторил это несколько раз, и они наконец поняли.

– *А, со дэс! Киндзиру*^[15]. – Они говорили с оживлением, указывая на печать и улыбаясь.

Было совершенно ясно, что ему не разрешат спуститься вниз. «*Киндзиру* должно означать запрещение, – с досадой подумал Блэкторн. – Ну и бог с ним!» Он повернул ручку двери и приоткрыл ее.

– *КИНДЗИРУ!!!*

Его рывком развернули, и он оказался лицом к лицу с самураями. Их мечи были наполовину вынуты из ножен. Не двигаясь, японцы ждали, что он решит. Другие на палубе бесстрастно наблюдали за ними.

Блэкторн знал, что у него нет другого выбора, как повернуть обратно, поэтому он пожал плечами и ушел проверить оснастку как можно тщательней. Превратившиеся в лохмотья паруса были спущены и привязаны, как и положено. Но узлы отличались от всех виденных им раньше, поэтому он предположил, что о сохранности судна позаботились японцы. Он стал спускаться по сходням, но остановился, почувствовав, как на спине выступил холодный пот: самураи недоброжелательно рассматривали его, и он подумал: «Боже мой, как мог я так сглупить!» Правда, после его вежливого поклона враждебность сразу же исчезла, все поклонились ему в ответ и опять заулыбались. Но он еще чувствовал, как пот тонкими струйками стекает по спине, ненавидел все, что связано с японцами, и хотел вместе со всей командой снова оказаться на борту, при оружии, готовыми выйти в море.

– Боже мой! Я думаю, вы не правы, капитан, – сказал Винк. Его беззубая ухмылка была широка и непристойна. – Если примириться с помоями, которые они называют пищей, то это самое лучшее место из всех, где я был. Из всех. Я имел двух женщин за три дня, и они похожи на крольчих. Готовы делать все, если покажешь как.

– Это правда. Но ты ничего не сможешь, если не будет мяса или бренди. Во всяком случае, тебя надолго не хватит. Мне уже надоело, и меня хватает только на один раз, – брюзжал Матсюккер. Его узкое лицо подергивалось. – Эти желтые мерзавцы не поняли, что нам нужны мясо, пиво и хлеб. И бренди или вино.

– Это самое плохое! Боже мой, королевство – за грог! – Баккус ван Некк был полон уныния.

Он подошел к Блэкторну и, встав рядом, всматривался в него. Очень близорукий, он потерял свои последние очки во время шторма. Но даже и с ними Баккус всегда подходил как можно ближе. Он был старостой среди купцов, богачом и представлял голландскую Ост-Индскую компанию, которая дала денег на плавание.

– Мы на берегу и в безопасности, и я тем не менее не имею выпивки. Скверно! Ужасно! Вы достали что-нибудь?

– Нет. – Блэкторну не нравилось, когда кто-нибудь стоял близко к нему, но Баккус был друг и почти слепой, поэтому он не отодвинулся. – Только горячий травяной настой.

– Они просто не понимают, что такое грог. Нечего выпить, кроме горячего травяного настоя. Боже, помоги нам! Думаю, во всей стране нет спиртного! – Его брови приподнялись. – Сделайте мне огромное одолжение, капитан. Добудьте выпивки, а?

Блэкторн нашел товарищей по несчастью в доме, который им отвели на восточном конце деревни. Стражники-самураи позволили ему пройти, но его люди подтвердили, что не могут выходить за садовую калитку. В доме было много комнат, как и в том, где жил Блэкторн, но он был больше и обслуживался множеством слуг различного возраста, как мужчин, так и женщин.

В живых осталось одиннадцать его людей. Мертвых забрали японцы. Большие порции свежих овощей начали излечивать цингу, и все моряки, за исключением двух, быстро поправлялись. Эти двое страдали желудочными кровотечениями, их внутренности воспалились. Винк делал им кровопускания, но это не помогло. Он

ожидал, что к ночи несчастные умрут. Генерал-капитан был в другой комнате, все еще очень больной.

Сонк, кок, коренастый маленький человек, говорил со смехом:

– Здесь все хорошо – Йохан прав, – за исключением пищи и отсутствия грога. И с туземцами легко ладить, если ты не носишь башмаки в доме. Эти желтые негодяи приходят в бешенство, если ты не снимаешь обувь.

– Послушайте, – сказал Блэкторн, – здесь священник, иезуит.

– Боже мой! – Веселья как не бывало, когда он рассказал о священнике и отсечении головы.

– Почему он отрубил голову этому человеку, капитан?

– Не знаю.

– Мы лучше вернемся на корабль. Если паписты схватят нас на берегу...

Теперь всех охватил страх. Соломон, немой матрос, следил за Блэкторном. Его губы двигались, в углах рта появились пузырьки пены.

– Нет, Соломон, это не ошибка. – Блэкторн ответил на безмолвный вопрос. – Священник сказал, что он иезуит.

– Боже, иезуит, или доминиканец, или еще какое адское отродье – какая, к дьяволу, разница, когда мы среди этих говноедов? – буркнул Винк. – Нам бы лучше вернуться на корабль. Капитан, вы попросите об этом самурая, а?

– Мы в руках Бога, – изрек Ян Ропер. Это был один из купцов-авантюристов^[16], узкоглазый молодой человек с высоким лбом и тонким носом. – Он защитит нас от молящихся Сатане.

Винк оглянулся на Блэкторна:

– А что с португальскими моряками? Вы не видели их здесь?

– Нет. В деревне и духу их нет.

– Появится целая толпа, как только узнают про нас, – объявил Матсюккер, и юнга Крок застонал.

– Да, и если есть один священник, то скоро нагрянут и другие. – Гинсель облизал сухие губы. – И тогда следом явятся их Богом проклятые конкистадоры и уже никогда не уйдут.

– Это правильно, – признал Винк с неохотой. – Они вроде вшей.

– Боже мой! Паписты! – пробормотал кто-то. – И конкистадоры!

– Но мы в Японии, капитан? – спросил ван Некк. – Он сказал вам это?

– Да.

Ван Некк подошел ближе и понизил голос:

– Если здесь священники и кое-кто из туземцев – католики, может быть, верно и другое – про богатства: золото, серебро и драгоценные камни. – Наступила тишина. – Вы видели что-нибудь, капитан? Какое-нибудь золото? Драгоценные камни на туземцах или золото?

– Нет. Ничего. – Блэкторн мгновение подумал. – Я не помню, чтобы видел что-нибудь. Ни ожерелий, ни бус, ни браслетов. Послушайте, я должен еще кое-что вам сказать. Я был на борту «Эразма», но корабль опечатан. – Он сообщил, что случилось, и общее беспокойство усилилось.

– Боже, если мы не можем вернуться на корабль, а на берегу священники и паписты... Мы должны найти способ выбраться отсюда. – Голос Матсюккера задрожал. – Капитан, что мы собираемся делать? Они сожгут нас! Конкистадоры, эти негодяи, заколют нас своими шпагами...

– Мы в руках Бога, – сказал Ян Ропер уверенно. – Он защитит нас от Антихриста. Это в Его власти. Бояться нечего.

Блэкторн заметил:

– То, как Оми-сан разговаривал со священником... Уверен, самурай ненавидит иезуита. Это хорошо, а? Хотелось бы знать, почему священник не носит сутаны? Почему на нем оранжевая одежда? Никогда не видел такого раньше.

– Да, это интересно, – признал ван Некк.

Блэкторн поглядел на него:

– Может быть, их влияние здесь невелико. Это очень бы нам помогло.

– Что нам делать, капитан? – спросил Гинсель.

– Быть терпеливыми и ждать до тех пор, пока не приедет их господин, помещик, этот даймё. Он позволит нам убраться. Почему нет? Мы не причинили им вреда. У нас товары для торговли. Мы не пираты, нам нечего бояться.

– Очень верно, и не забывайте, капитан сказал, что туземцы не все паписты, – проговорил ван Некк – больше, чтобы успокоить себя, чем других. – Да. Это хорошо, что самурай ненавидит священника. И что

вооружены только самураи. Это не так плохо, а? Просто будем следить за самураями и постараемся заполучить обратно свое оружие – это мысль. Мы будем на борту до того, как вы узнаете об этом.

– Ну а что, если даймё – папист? – поинтересовался Ян Ропер.

Никто ему не ответил. Потом Гинсель начал:

– Капитан, этот человек с мечом... Он и правда изрубил другого туземца на куски, после того как отсек ему голову?

– Да.

– Боже мой! Они варвары! Сумасшедшие! – Гинсель был высоким юношей с миловидным лицом, короткими руками и очень кривыми ногами. Цинга лишила его всех зубов. – После того как он отрубил голову, другие сразу ушли? Ничего не сказав?

– Да.

– Боже мой, невооруженного человека убили таким образом? Зачем он сделал это? Почему он убил его?

– Я не знаю, Гинсель. Но ты никогда не видел такого проворства. Меч был в ножнах, мгновение – и голова покатилась.

– Боже, спаси нас!

– Боже мой, – пробормотал ван Некк. – Если мы не сможем попасть на корабль... Черт побери тот шторм, я чувствую себя таким беспомощным без очков!

– Сколько самураев на борту, капитан? – осведомился Гинсель.

– На борту двадцать два. Но еще есть самураи на берегу.

– Гнев Божий покарает язычников и грешников, и они будут гореть в аду веки вечные.

– Хотел бы я быть уверен в этом, Ян Ропер, – пробормотал Блэкторн едва слышно, так как чувствовал, что страх перед Божьим возмездием проник в комнату. Он устал и хотел спать.

– Вы можете быть уверены, капитан, о да, как я уверен. Я молюсь, чтобы ваши глаза узрели Его правду, чтобы вы поняли, что мы здесь только по вашей вине, потому что Он оставил нас.

– Что? – спросил Блэкторн с опаской.

– Почему вы убедили генерал-капитана плыть в Японию? Нам этого не приказывали. Мы должны были отправиться в Новый Свет, проводить военные действия в тылу врага, потом вернуться домой.

– Но на севере нас сторожили испанские корабли, и деваться было некуда. У тебя что, память отшибло вместе с мозгами? Нам только и

оставалось, что плыть на запад – это было единственное спасение.

– Я ни разу не видел вражеских кораблей, капитан. Никто из нас не видел.

– Кончай, Ян, – прервал ван Некк устало. – Капитан сделал что мог. Конечно, там были испанцы.

– Верно, и мы были в тысяче лиг от друзей и во вражеских водах, ей-богу! – подхватил Винк. – Это правда. И сообща приняли решение. Все сказали «да».

Сонк вставил:

– Меня никто не спрашивал.

– О боже мой!

– Успокойся, Йохан, – попытался снять напряжение ван Некк. – Мы первыми достигли Японии. Вы помните все эти рассказы, а? Мы разбогатеем, если не будем глупить. У нас товары для торговли, и здесь есть золото – должно быть. Где еще мы сможем продать наш груз? Не в Новом Свете, где за нами охотились и могли ограбить. Испанцы знали, что мы вышли с Санта-Марии. Мы должны были покинуть Чили и не могли вернуться через пролив. Конечно, они затаились, поджидая нас, конечно! Нет, у нас имелся единственный шанс, и это была хорошая мысль. Наш груз можно обменять на специи, золото и серебро, а? Подумайте о доходах! Тысячекратная прибыль – это обычное дело. Мы на островах Пряностей^[17]. Вы знаете о богатствах Японии и Китая, вы немало слышали о них. Мы все слышали. А то с чего бы еще вы записались на это судно? Мы разбогатеем, вот увидите!

– Мы все мертвецы, как и остальные. Мы в стране Сатаны.

Винк рявкнул сердито:

– Заткнись, Ропер! Капитан прав. Не его вина, что остальные умерли. Люди всегда погибают в таких путешествиях.

Глаза Яна Ропера были в крапинку, зрачки сузились.

– Да, Бог успокоит их души. Мой брат был одним из них.

Блэкторн глядел в эти фанатичные глаза, ненавидя Яна Ропера. В глубине души он спрашивал себя, действительно ли плыл на запад, спасаясь от вражеских кораблей. Или потому, что первым из английских капитанов прошел пролив? Первым оказался готов и способен двинуться на запад, чтобы совершить кругосветное путешествие?

Ян Ропер прошипел:

– Разве другие умерли не из-за ваших амбиций? Бог накажет вас!

– А теперь придержи язык. – Блэкторн произнес это мягко, но решительно.

Ян Ропер оглянулся, его продолговатое лицо с острыми чертами застыло, и он больше не проронил ни слова.

– Вот так. – Блэкторн устало сел на пол и прислонился к стене.

– Что нам делать, капитан?

– Ждать и готовиться. Их даймё скоро приедет, и тогда мы получим все для ремонта корабля.

Винк выглянул в сад: самурай сидел без движения на корточках около ворот.

– Посмотрите на этого негодяя. Сидит часами не двигаясь, ничего не говорит, даже в носу не ковыряет.

– Но он ни о чем и не беспокоится, Йохан. Совсем ни о чем, – сказал ван Некк.

– Да, но все, что мы делаем, – это спим, развлекаемся с девками и хлебаем помой.

– Капитан, он всего один. А нас десять, – спокойно заметил Гинсель.

– Я думал об этом. Но мы еще не готовы. Пройдет неделя, прежде чем избавимся от цинги, – ответил Блэкторн встревоженно. – Потом, их слишком много на борту корабля. Мне не хотелось бы браться за это без копий или ружей. Вас охраняют ночью?

– Да. Они меняют стражу три или четыре раза. Кто-нибудь видел спящим часового? – спросил ван Некк.

Все покачали головой.

– Мы можем попасть на борт ночью, – сказал Ян Ропер. – С Божьей помощью одолеем варваров и захватим корабль.

– Вынь затычки из ушей! Капитан только что тебе сказал! Ты не слышал? – с отвращением бросил ему Винк.

– Правильно, – поддержал Питерзон, канонир. – Прекрати подкалывать старину Винка!

Глаза Яна Ропера сузились еще больше.

– Спасай свою душу, Йохан Винк. И ты, Ханс Питерзон. День Страшного суда приближается. – Он ушел и сел на веранде.

Ван Некк нарушил молчание:

– Все будет хорошо. Вот увидите.

– Ропер прав. Это жадность привела нас сюда, – вступил в разговор юнга Крок. Его голос дрожал. – Это Божье наказание...

– Прекрати!

Юнга вздрогнул:

– Да, капитан. Извините, но...

Максимилиан Крок был самым молодым из них: ему только исполнилось шестнадцать, и он записался в плавание, потому что его отец был капитаном одного из судов – они собирались скопить состояние. Но отец Крока принял страшную смерть на глазах сына, когда они грабили испанский город Санта-Магдалена в Аргентине. Добычу взяли большую, но Крок видел, какое творилось насилие, и пытался, ненавидя себя, наслаждаться кровавым запахом убийства. Позже он наблюдал смерть многих своих товарищей и четырех из пяти кораблей и теперь чувствовал себя стариком.

– Сколько времени мы на берегу, Баккус? – спросил Блэкторн.

– Третий день. – Ван Некк опять придвинулся вплотную, присев на корточки. – Я не очень хорошо помню, как мы прибыли, но, когда я проснулся, туземцы были на борту, очень вежливые и добрые. Дали нам еды и горячей воды. Убрали мертвых и бросили якорь. Я многого не помню, но думаю, они отбуксировали нас в безопасное место для стоянки. Вы были в горячке, когда вас перенесли на берег. Мы хотели, чтобы вы остались с нами, но они не позволили. Один из них знал несколько слов по-португальски. Видимо, он у них главный – у него седые волосы. Он понимает слово «капитан». Совершенно очевидно, что он хотел отделить от нас нашего капитана, но сказал, чтобы мы не беспокоились – за вами будут хорошо присматривать. За нами тоже. Потом он проводил нас сюда, вернее, велел перенести и запретил покидать дом, пока не приедет его «капитан». Мы не хотели отпускать вас с ним, но ничего не могли поделать. Вы не попросите у старосты вина или бренди, капитан? – Ван Некк облизал губы, как будто хотел пить, потом добавил: – Теперь я думаю вот о чем: он упомянул также даймё. Что произойдет, когда даймё появится?

– У кого-нибудь есть нож или пистолет?

– Нет. – Ван Некк сказал это, с отсутствующим видом вылавливая вшей из головы. – Они забрали все наше платье, чтобы вычистить его, и не вернули оружие. Я тогда как-то не задумался об этом. Вместе с

пистолетами они взяли мои ключи. Я держал их все на кольце. От кладовой и сундуков с деньгами.

– На борту все заперто. Об этом не стоит беспокоиться.

– Мне не хотелось бы остаться без моих ключей. Это нервирует меня. Черт побери, я мог бы прямо сейчас выпить бренди! Даже бутылку эля.

– Святой Боже! *Самири* изрубил его на куски, да? – изрек Сонк, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Ради Бога, заткнись! Не *самири*, а *самурай*. Ты умеешь вывести человека из себя, – обозлился Гинсель.

– Надеюсь, этот негодяй-священник не появится здесь, – произнес Винк.

– Мы в безопасности во власти нашего доброго Бога. – Ван Некк все еще пытался придать уверенности своему голосу. – Когда даймё появится, нас выпустят. Мы получим назад корабль и оружие. Вот увидите. Мы продадим все наши товары и вернемся в Голландию богатыми и невредимыми. Мы станем первыми голландцами, которые обошли вокруг земного шара. Католики попадут в ад, такой их ждет конец.

– Если бы... – вздохнул Винк. – От папистов у меня идут мурашки по коже. Мочи нет. И еще эти конкистадоры. Думаете, их здесь много появится, капитан?

– Не знаю. Думаю, да. Хотел бы я иметь здесь всю нашу эскадру.

– Бедняги, – опечалился Винк, – мы-то, по крайней мере, живы.

Матсюккер предположил:

– Может быть, они вернулись домой? Может, повернули обратно в Магеллановом проливе, когда мы потерялись во время шторма?

– Надеюсь, ты прав, – откликнулся Блэкторн. – Но думаю, корабли и экипажи погибли.

Гинсель вздрогнул:

– По крайней мере, мы живы.

– Здесь, среди папистов и этих варваров с их ужасными нравами, я не дам за наши жизни и дырку старой проститутки.

– Будь проклят тот день, когда я покинул Голландию! – пробормотал Питерзон. – Черт бы побрал этот грог! Если бы во время вербовки я не был пьянее уличной шлюхи, лежал бы сейчас со своей старушкой в Амстердаме.

– Будь проклят ты сам, Питерзон! Но не проклинай выпивку. Это эликсир жизни!

– Мы по уши в дерьме, и оно поднимается все выше. – Винк закатил глаза. – Да, очень быстро.

– Я никогда не думал, что мы доберемся до богатых земель, – сообщил Матсюккер. Он был похож на хорька, несмотря на отсутствие зубов. – Никогда. Меньше всего до Японии. Вшивые паписты! Мы никогда не выберемся отсюда живыми. Эх, если б у нас было оружие... Что за гнилая земля! Я ничего не имею в виду, капитан, – отыграл он быстро под взглядом Блэкторна. – Просто не везет, и все.

Слуги принесли еду. Все те же овощи, вареные и сырые, с небольшим количеством уксуса, рыбный суп и пшеничную или ячневую кашу. Моряки отказались от маленьких кусочков сырой рыбы и попросили мяса и спиртного. Но их не поняли. Позже, перед заходом солнца, Блэкторн ушел. Он устал от страхов, ненависти и ругани. Сказал, что вернется с рассветом.

Лавки на тесных улицах были полны. Он нашел свой проулок, ворота знакомого дома. Пятна крови на земле затерли, останки исчезли. «Как будто мне все это приснилось», – подумал он. Садовая калитка открылась, прежде чем он успел прикоснуться к ней.

Старый садовник, все еще в набедренной повязке, хотя дул ветер и было холодно, поклонился с улыбкой:

– *Конбанва*^[18].

– Хэлло, – сказал Блэкторн бездумно.

Он поднялся по ступеням, но остановился, вспомнив о башмаках. Снял их, прошел босиком на веранду, шагнул в коридор, но не смог найти свою комнату.

– Онна! – позвал он.

Появилась старуха:

– *Хай?*

– Где Онна?

Старая женщина нахмурилась и показала на себя:

– *Онна!*

– О, ради Бога! – вспыхнул Блэкторн. – Где моя комната? Где Онна? – Он отодвинул другую решетчатую дверь.

На полу вокруг низкого столика сидели за ужином четыре японца. Он узнал одного из них, седоволосого деревенского старосту, который

был со священником. Все четверо поклонились.

– О, извините, – буркнул Блэкторн, закрыл дверь и снова позвал: – Онна!

Старуха подумала с минуту, потом поманила его к себе. Он прошел за ней в другой коридор. Она открыла дверь, и он по распахнутой двери узнал свою комнату... Стеганные одеяла уже были аккуратно разложены.

– Спасибо, – поблагодарил он, успокоившись. – Теперь сходи за Онной.

Старая женщина ушла. Он сел на одеяло. Голова и тело болели. Очень хотелось сесть на обычный стул. Блэкторн раздумывал, где их держат. Как попасть на борт судна? Как достать оружие? Должен быть какой-то выход. Снова слышались шаги, и теперь появились три японки: старуха, молодая круглолицая девушка и женщина средних лет.

Старая женщина указала на молодую, которая казалась несколько испуганной:

– *Онна*.

– Нет! – Раздраженный Блэкторн встал и показал пальцем на женщину средних лет: – Вот Онна, Боже мой! Ты не знаешь своего имени? Онна! Я проголодался. Могу ли я поесть?

Он потер живот, дав понять, что голоден. Японки поглядели друг на друга. Потом женщина средних лет пожала плечами, сказала что-то рассмешившее всех, подошла к постели и начала раздеваться. Две другие сидели на корточках, широко открыв глаза и чего-то ожидая.

Блэкторн пришел в смятение:

– Что ты собираешься делать?

– *Икимасё!*^[19] – сказала она, снимая пояс и распахивая кимоно. Ее груди были плоскими и сухими, а живот огромным.

Стало совершенно ясно, что она собиралась лечь с ним в постель. Он покачал головой и велел ей одеться. Все три японки начали тараторить и жестикулировать, а отвергнутая очень рассердилась. Она скинула длинную нижнюю юбку и, голая, попыталась залезть в постель.

Тут в коридоре появился хозяин, и болтовня тотчас прекратилась, женщины стали кланяться.

– *Нан дзя? Нан дзя?*^[20] – спросил хозяин.

Старая женщина объяснила, в чем дело.

– Вы хотите эту женщину? – спросил он недоверчиво португальски с таким сильным акцентом, что слова едва можно было понять.

– Нет-нет, конечно нет! Я только хотел, чтобы Онна дала мне чего-нибудь поесть. – Блэкторн нетерпеливо указал на нее: – Онна!

– *Онна* означает «женщина». – Японец указал на всех трех: – *Онна* – *онна* – *онна*. Вы хотите *онну*?

Блэкторн устало покачал головой:

– Нет-нет, спасибо. Я ошибся. Извините. А как ее зовут?

– Да?

– Как ее имя?

– А! Ее имя Хаку. Хаку.

– Хаку?

– Да. Хаку!

– Извини, Хаку-сан. Я думал, *онна* – твое имя.

Староста объяснил недоразумение Хаку, и она была не очень обрадована. Но он сказал еще что-то, все поглядели на Блэкторна и захихикали, прикрывая рот ладонью, а потом ушли. Хаку вышла голая, перекинув кимоно через руку, с огромным чувством достоинства.

– Спасибо, – промямлил Блэкторн, взбешенный собственной глупостью.

– Это мой дом. Мое имя – Мура.

– Мура-сан. Мое – Блэкторн.

– Извините?

– Мое имя – Блэкторн.

– А!.. Берр-ракк-фон. – Мура несколько раз попытался произнести это, но не смог.

Наконец он встал и уставился на колосса перед собой. Это был первый варвар, которого он когда-либо видел, не считая отца Себастио и другого священника, много лет назад. «Но священники, – думал он, – темноволосые, темноглазые и нормального роста. А этот человек высокий, с золотистыми волосами и бородой, голубоглазый, и кожа его отчего-то бледна там, где скрыта одеждой, и красна там, где на нее светило солнце. Удивительно! Я думал, все мужчины черноволосые и с темными глазами. Мы все такие. Китайцы такие, а разве Китай не весь мир, за исключением земли южных португальских варваров?

Удивительно. И почему отец Себастио так ненавидит этого человека? Потому что он поклоняется Сатане? Я бы так не сказал – отец Себастио мог придумать про Дьявола, если бы захотел. О, я никогда не видел святого отца таким сердитым. Никогда. Удивительно! Так голубые глаза и золотистые волосы – метка Сатаны?»

Мура поглядел на Блэкторна и вспомнил, как пытался допросить капитана на борту корабля, а потом, когда тот упал без сознания, велел перенести его в свой дом: предводитель варваров должен находиться под особым присмотром. Его положили на одеяла и раздели, скорее всего, просто из любопытства.

– Его мужское естество довольно впечатляюще, а? – сказала мать Муры, Сэйко. – Интересно, какой величины оно будет, когда встанет?

– Большой, – ответил Мура, и все засмеялись: его мать, жена, друзья, слуги и лекарь.

– Думаю, их жены должны быть очень выносливы, – вставила его жена Нидзи.

– Вздор, дочка! – отмахнулась мать. – Любая наша госпожа, искусная в любви, сумеет к этому приспособиться. – Она покачала головой в удивлении. – Никогда в жизни не видела ничего подобного. Правда странно, а?

Капитана вымыли, но он так и не пришел в сознание. Лекарь думал, что неразумно окунать его в ванну, пока он не придет в себя.

– Следует помнить, Мура-сан, что мы толком не знаем, каковы эти варвары, – изрек он с мудрой осмотрительностью. – Поэтому можем погубить его по ошибке. Очевидно, силы варвара на пределе. Нам следует проявить терпение.

– Но как быть со вшами в его волосах? – спросил Мура.

– Они там останутся на какое-то время. Я так понимаю, они есть у всех варваров. Извините. Я советую потерпеть.

– Вы не думаете, что нам следует вымыть ему голову? – спросила жена Муры. – Мы будем очень осторожны. Я уверена, госпожа присмотрит за нашей работой. Это поможет варвару и сохранит наш дом в чистоте.

– Я согласна. Вы можете вымыть его, – объявила мать Муры. – Но хотелось бы знать, какой величины будет его мужское достоинство, когда встанет.

Сейчас Мура непроизвольно оглядел Блэкторна. Потом вспомнил, что священник говорил об этих слугах Сатаны и пиратах. «Бог Отец защитит нас от этого дьявола, – подумал он. – Если бы я знал, что он так ужасен, никогда бы не допустил его в свой дом. Нет, – сказал он себе. – Мы вынуждены обращаться с ним как с гостем, пока Оми-сан не прикажет иного. Но было мудро известить немедленно священника и Оми-сана. Очень мудро. Я староста, я защищаю деревню и один отвечаю за все. И несу ответ перед Оми-саном за смерть этим утром и непочтительность погибшего, и это совершенно правильно».

– Не будь глупцом, Тамадзаки! Ты рискуешь добрым именем деревни! – предупреждал он друга-рыбака десятки раз. – Умерь свою нетерпимость. Оми-сан не имеет иного выбора, кроме как осмеивать христиан. Разве наш даймё не ненавидит христиан? Что еще может сделать Оми-сан?

– Ничего, я согласен. Мура-сан, пожалуйста, извини меня. – Тамадзаки всегда отвечал так. – Но буддисты должны быть терпимы, а? Разве оба они не дзен-буддисты?

Дзен-буддизм учил самообладанию, самосовершенствованию через контроль над собой и медитацию ради просветления. Большинство самураев были дзен-буддистами, как и подобает гордым, ищущим смерти воинам.

– Да, буддизм учит терпению. Но сколько можно напоминать, что они самураи, и это Идзу, а не Кюсю, и, даже если бы мы жили на Кюсю, ты все равно не прав. Всегда. А?

– Да. Пожалуйста, извини меня, я знаю, что не прав. Но иногда чувствую, что не могу таить в себе стыд, когда Оми-сан оскорбляет истинную веру.

«А теперь, Тамадзаки, ты мертв, ибо сделал собственный выбор, оскорбив Оми-сана, отказавшись кланяться ему, оттого что он сказал: „Этот вонючий священник служит чужому Богу“. Пусть от священника пахнет и истинная вера – чужеземная. Мой бедный друг, эта вера не прокормит твою семью и не смоет позора с моей деревни. О Мадонна, благослови моего старого друга и пошли ему радость на небесах!»

«Ожидай от Оми-сана много горя, – сказал себе Мура. – И это еще полбеды, ведь приедет даймё».

Растущее беспокойство овладевало им, когда бы он ни подумал о своем феодале Касиги Ябу, даймё Идзу, дяде Оми. «Жестокость и

бесчестие – вот обычай этого человека. Он обманывает все деревни при выделении им законной доли улова рыбы, урожая и муки при помоле. Когда придет война, – спрашивал себя Мура, – чью сторону примет Ябу – господина Исидо или господина Торанаги? Мы в ловушке между двумя гигантами, в заложниках у обоих.

Северный, Торанага – самый крупный из ныне живущих военачальников, повелитель Канто, Восьми Провинций, самый важный даймё в стране, ему подвластны все войска на востоке. К западу расположены земли Исидо – он хозяин замка в Осаке, завоеватель Кореи, защитник наследника, полководец западного воинства... А дальше к северу проходит Токайдо, Великий прибрежный путь, который связывает Эдо, главный город Торанаги, с Осакой, главным городом Исидо, – триста миль, которые должны преодолеть их полки. Кто победит? Неизвестно. Война опять охватит всю страну, союзы распадутся, провинции будут биться между собой, пока далее деревни не пойдут войной друг на друга, как уже бывало. Если не считать последние десять лет. За последние десять лет, и это невероятно, не случилось ни одной войны, мир по всей Японии, впервые в истории. Мне начинает нравиться мир.

Но человек, который добился мира, мертв. Крестьянин, который стал самураем, потом простым военачальником, а после – самым главным из них и, наконец, тайко, великим правителем Японии. Он умер год назад, а его семилетний сын слишком мал, чтобы наследовать верховную власть. Так что мальчик, как и мы, заложник. У двух гигантов. И война неизбежна... Теперь никто не сможет защитить любимого сына тайко, его династию, его наследство или его империю.

Может быть, так и следовало. Тайко покориł земли, добился мира, вынудил всех даймё в стране пресмыкаться перед ним, как простых крестьян, перераспределил владения согласно своим желаниям, возвышая одних и свергая других, а потом умер. Он был гигант среди пигмеев. Но может быть, это правильно, что все его свершения и величие должны были умереть вместе с ним? Разве человек не цветок, сорванный ветром, и только горы и море, звезды и эта Земля богов вечны?

Мы все в западне, и это непреложная истина, что война начнется скоро и что Ябу один будет решать, на чьей мы стороне. И столь же

истинно, что деревня всегда будет деревней, потому что рисовые поля здесь плодородные, а море богато рыбой».

Мура упорно обращался мыслями к варвару, пирату, стоящему перед ним. «Ты дьявол, насланный на нас, как чума, – думал он. – Приносишь одни беды, с тех пор как появился здесь. Почему ты не попал в другую деревню?»

– Капитан-сан хочет женщину? – спросил он дружелюбно.

По его предложению совет деревни распорядился, чтобы варвары не знали отказа у женщин – этого требовала вежливость, да и благоразумие: надо же чем-то занять чужаков до приезда властей? Деревня хотя бы потешится пересудами о любовных забавах с иноземцами, ибо на денежное воздаяние надежды нет.

– Женщину? – повторил он, видимо подразумевая, что если пират твердо стоит на ногах, то и прочие его члены должны быть в порядке, его «небесное копьё» укутали перед сном, все приготовления сделаны.

– Нет! – Блэкторн хотел только спать. Но, зная, что должен склонить японца на свою сторону, заставил себя улыбнуться и указал на распятие: – Вы христианин?

Мура кивнул.

– И я христианин.

– Священник говорит, что нет. Не христианин.

– Я христианин. Не католик. Но тем не менее христианин.

Этого Мура понять не мог. И Блэкторн не нашел способа объяснить, как ни старался.

– Хотите *онна*?

– *Димё* когда приедет?

– *Димё*? Не понимаю.

– *Димё*... Ах да! *Даймё*.

– А, *даймё*! *Хай, даймё*! – Мура пожал плечами. – *Даймё* приедет, когда приедет. Спите. Сначала помойтесь, пожалуйста.

– Что?

– Помойтесь. Примите ванну, пожалуйста.

– Я не понимаю.

Мура подошел ближе и брезгливо поморщился:

– Воняет. Плохо. Как от португальцев. Вымойтесь. У нас чистый дом.

– Я буду мыться когда захочу, и от меня не пахнет! – Блэкторн разозлился. – Каждый знает, что ванны опасны. Хочешь, чтобы я схватил простуду? Ты думаешь, я Богом проклятый глупец? Убирайся отсюда и дай мне поспать!

– Вымойтесь! – приказал Мура, пораженный гневом варвара: разве можно так ронять себя?

Не то чтобы от варвара действительно воняло, но, по сведениям Муры, тот не мылся целых три дня, и никакая женщина не ляжет с ним, сколько ни заплати. «Эти ужасные иноземцы, – подумал Мура, – их не поймешь. Что за мерзкие привычки! Ну ничего. Я отвечаю за тебя. Ты научишься достойному поведению. Будешь мыться в ванне по-человечески, и госпожа, моя мать, узнает то, что ее так занимало».

– Помойтесь!

– А теперь убирайся, не то я разорву тебя на куски! – Блэкторн обжег японца свирепым взглядом, указывая на дверь.

Наступила короткая пауза, появились еще три японца и три японки. Мура коротко объяснил им, в чем дело, потом обратился к Блэкторну:

– Ванна. Пожалуйста.

– Убирайся!

Мура один вошел в комнату. Блэкторн оттолкнул его, не желая причинить вреда – только отпихнуть. И взвыл. Мура ударил его по локтю ребром ладони, и рука Блэкторна повисла плетью, онемев. Разозленный, он попытался атаковать. Но комната закружилась, и он упал ничком. Тут его спину пронзила парализующая боль, он больше уже не мог двигаться.

– Боже мой...

Он попытался встать, но ноги подгибались. Мура спокойно протянул маленький, но твердый, как железо, палец и дотронулся до шеи Блэкторна. У того в глазах потемнело.

– Боже мой...

– Ванну? Пожалуйста?

– Да-да, – выдохнул Блэкторн, ошеломленный тем, что его так легко одолел этот маленький человек и он лежит теперь беспомощный как ребенок, готовый к тому, что ему перережут горло.

Много лет назад Мура обучился искусству карате и дзюдо, так же как владению мечом и копьем. Это было, когда он воевал за Накамуру,

крестьянского военачальника, тайко — задолго до того, как тот стал тайко, — когда крестьяне могли быть самураями и самураи могли быть крестьянами, или лодочниками, или даже презренными купцами и снова воинами. «Странно, — подумал Мура, отсутствуя глядя на упавшего гиганта, — едва ли не первое, что сделал тайко, когда приобрел такую силу, — это приказал всем крестьянам вернуться к мирным занятиям и сразу же сдать все оружие. Тайко навсегда запретил им иметь оружие и установил жесткую сословную систему, которая теперь определяет все в жизни страны: самураи выше всех, ниже их крестьяне, затем лодочники, купцы, за ними актеры, парии и разбойники и, наконец, в самом низу — *эта*, нелюди, те, кто имеет дело с мертвыми телами, обработкой кожи и мертвыми животными, а также исполняет работу палачей, клеймовщиков и заплечных дел мастеров. Конечно, любой варвар ниже всех на этой лестнице».

— Пожалуйста, извините меня, капитан-сан, — сказал Мура, низко кланяясь, стыдясь того, что варвар потерял лицо, упал, стелаясь, как грудной ребенок.

«Да, я очень сожалею, — подумал он, — но это должно было произойти. Ты испытывал мое терпение своим бессмысленным упорством, чрезмерным даже для варвара. Ты кричал как безумный, вывел из равновесия мою мать, лишил мой дом покоя, обижал слуг, и моя жена должна была поменять сломанное тобой сёдзи. Нельзя было оставить без внимания столь явный недостаток манер. Или позволить тебе поступать в моем доме против моих желаний. Это сделано для твоего же блага. Даже вы, варвары, не должны терять лицо. За исключением священников — они совсем другое дело. Все ужасно пахнут, но помазаны Богом Отцом, так что имеют великое лицо. Но ты... ты лжец, ты пират, лишенный чести. Как удивительно! Заявить, что он — христианин. К сожалению, это тебе совсем не поможет. Наш даймё ненавидит истинную веру и варваров и терпит их только поневоле. Но ты не португалец и не христианин, следовательно, не защищен законом, да? Так что, хотя ты, можно считать, и мертвый человек — или, по крайней мере, увечный, — моя обязанность следить, чтобы ты встретил свою судьбу чистым. Мыться очень хорошо!»

Он помог остальным мужчинам перенести все еще находящегося в полубессознательном состоянии Блэкторна через весь дом в сад

вдоль крытого перехода, которым очень гордился, в баню. Женщины шли за ним.

Это стало одним из самых больших событий в его жизни. Он знал, что ему придется рассказывать и пересказывать эту историю недоверчивым друзьям за согретым саке, рыбакам, сельским жителям, своим детям, которые не сразу поверят ему. Они же в свою очередь будут потчевать этой байкой своих детей, и имя Муры, рыбака, будет вечно жить в деревне Андзиро, расположенной в провинции Идзу на юго-восточном побережье главного острова Хонсю. Все потому, что он, рыбак Мура, имел счастье быть старостой в первый год после смерти тайко и временно отвечал за вождя незнакомых варваров, которые приплыли с востока.

Глава 2

– Даймё Касиги Ябу, повелитель Идзу, хочет знать, кто вы, откуда прибыли, как оказались здесь и какие акты пиратства совершили, – сказал отец Себастио.

– Я продолжаю утверждать, что мы не пираты.

Утро было ясное и теплое. Блэкторн стоял на коленях перед помостом на деревенской площади, его голова все еще болела от удара. «Успокойся и заставь свои мозги работать, – внушал он себе. – Сейчас на карту поставлены ваши жизни. Ты адвокат, и все. Иезуит – твой враг, и он единственный имеющийся здесь переводчик, а ты не способен узнать, как он переводит твои слова, но можешь быть уверен, что он тебе не поможет... „Собери все свои мозги, – он почти слышал голос старого Альбана Карадока. – Когда море несет смерть и штормы свирепствуют, нужны все твои знания. Вот что сохранит тебе жизнь и удержит твой корабль на плаву – если ты капитан. Собери все свои знания и выжми сок из каждого дня...“ Сок сегодняшнего дня – это желчь, – мрачно подумал Блэкторн. – Почему я так отчетливо слышу голос Альбана?»

– Сначала скажите даймё, что мы с вами враги, что мы в состоянии войны, – потребовал он. – Скажите ему, что Англия и Нидерланды воюют с Испанией и Португалией.

– Я снова предупреждаю вас, чтобы вы говорили просто и не извращали истину. Нидерланды, или Голландия, или Соединенные провинции, как бы ни называли их вы, мерзкие мятежники, не более чем маленькая мятежная провинция великой испанской империи. Вы вождь изменников, которые подняли мятеж против своего законного короля.

– Англия находится в состоянии войны, и Нидерланды... – Блэкторн не стал продолжать, потому что священник больше не слушал его, а переводил.

Даймё был на помосте, невысокий, плотный и очень важный. Он сидел, поджав под себя согнутые в коленях ноги, пятки были аккуратно подобраны; по бокам стояли четыре помощника – одним из них был Касиги Оми, его племянник и вассал. Все они носили

шелковые кимоно, а поверх них – разукрашенные накидки, перехваченные выше талии широкими поясами. С огромными, как крылья, накрахмаленными плечами. И конечно, у каждого имелись мечи.

Мура стоял на коленях в грязи. Он был тут единственным из деревенских жителей, а остальные – самураи – пришли с даймё. Они сидели безмолвные, правильными рядами. Команда парусника располагалась позади Блэкторна и, как и он, стояла на коленях, сбоку маячила стража. Им пришлось принести генерал-капитана, хотя тот и был очень болен. Ему, едва сознававшему, что происходит, позволили лечь в грязь. Блэкторн поклонился вместе с остальными, когда они подошли к даймё, но этого оказалось недостаточно. Самураи пинками заставили их встать на колени и уткнуться лбом в грязь, как крестьян. Блэкторн пытался сопротивляться и крикнул священнику, что это противно обычаям его страны, что он командир и посланец своей державы и с ним должны обращаться соответственно. Но тычок рукояткой меча заставил его подчиниться. Его люди сгрудились в мгновенном порыве, но он приказал им остановиться и встать на колени. К счастью, они послушались. Даймё издал какой-то гортанный звук, и священник перевел это как предупреждение говорить правду и не мешкать с ответом. Блэкторн попросил стул, но священник сообщил, что японцы не пользуются стульями – во всей Японии не сыщешь ни одного.

Блэкторн сосредоточил все свое внимание на священнике, который говорил с даймё. Как найти подход к японцу, как преодолеть опасность?

«В лице даймё чувствуются высокомерие и жестокость, – подумал он. – Держу пари, что он настоящий негодяй. Священник не очень хорошо говорит по-японски. О, видишь это? Возбуждение и нетерпение. Даймё потребовал уточнений. Думаю, что так. Почему иезуит носит оранжевые одежды? Даймё – католик! Смотри, иезуит изменился в лице, его пот прошиб. Держу пари, даймё не католик. Будь осторожнее! Может быть, он не католик. В любом случае пощады не жди. Как использовать этого негодяя? Как поговорить с ним напрямую? Как переиграть священника? Как опорочить его? На что он клюнет? Ну же, думай! Ты достаточно знаешь об иезуитах».

– Даймё говорит, чтобы вы поторопились с ответом.

– Да, конечно. Прошу прощения. Мое имя Джон Блэкторн. Я англичанин, главный штурман нидерландской флотилии и капитан одного из кораблей. Наш порт – Амстердам.

– Флотилии? Какой флотилии? Вы лжете. Никакой флотилии нет. Откуда взялся английский капитан на голландском корабле?

– Все в свое время. Пожалуйста, переведите, что я сказал.

– Почему вы стали капитаном голландского капера? Быстрее!

Блэкторн решил блефовать. Его голос внезапно стал твердым – он так и прорезал теплый утренний воздух:

– Дьявол! Сначала переведи, что я сказал, испанец! Ну!

Священник вспыхнул:

– Я португалец. Я уже говорил об этом. Отвечайте на вопросы.

– Я здесь, чтобы говорить с даймё, а не с вами. Переводи то, что я сказал, безродное отребье!

Блэкторн видел, что священник покраснел еще больше и это не ускользнуло от внимания даймё. «Будь осторожен, – предупредил он себя. – Этот желтолицый негодяй разорвет тебя на кусочки быстрее, чем стая акул, если выйдешь из себя».

– Скажите господину даймё!

Блэкторн умышленно низко поклонился в сторону помоста и почувствовал, как холодный пот начал собираться в капли. Теперь он определился с тем, что делать.

Отец Себастио знал, что неуязвим для оскорблений пирата. Он твердо решил очернить англичанина перед даймё. Но это не сработало, и он растерялся. Когда посланец от Муры принес ему в миссию в соседней провинции известие о корабле, он мучился в догадках. «Это не может быть голландский или английский корабль! – думал он. – В Тихом океане еще не бывало кораблей еретиков, за исключением этого архидьявола пирата Дрейка, и никогда ни один не навевывался в Азию. Морские пути держат в секрете и стерегут». Он сразу приготовился к отъезду и отправил с почтовым голубем весточку в Осаку своему настоятелю, с которым собирался посоветоваться, зная, что сам еще молод, неопытен. В Японии он новичок, пробыл здесь всего два года, еще даже не посвящен в духовный сан^[21] и несведущ в таком опасном деле. Он бросился в Андзиро, надеясь и молясь, чтобы новость оказалась ложной. Но судно было голландским, и капитан – англичанином, и все отвращение отца Себастио к сатанинским

еретикам Лютеру, Кальвину, Генриху VIII и чертовой Елизавете, его незаконнорожденной дочери, всколыхнулось в нем. И поглотило разум.

– Священник, переведи то, что говорит пират, – услышал он приказ даймё.

«О благословенная Матерь Божия, помоги мне выполнить Твою волю! Помоги не обнаружить слабость перед даймё и дай мне способности к языкам, дай мне обратить их в истинную веру!»

Отец Себастио собрал все свои силы и заговорил более уверенно.

Блэкторн слушал внимательно, пытаясь вникнуть в смысл слов. Священник упомянул Англию и Блэкторна и указал на корабль, который спокойно стоял на якоре в гавани.

– Как вы попали сюда? – спросил отец Себастио.

– Через Магелланов пролив. Это в ста тридцати шести днях пути отсюда. Скажите даймё...

– Вы лжете. Магелланов пролив секретный. Вы прошли вокруг Африки и Индии. Вы должны сейчас же сказать правду. Они будут вас пытаться.

– Пролит был секретным. Португалец продал нам руттер. Один из ваших собственных людей продал нам его за золото, как Иуда. Вы все дерьмо! Теперь все английские и нидерландские военные суда знают путь через Тихий океан. Эскадра из двадцати шестидесятипушечных английских линейных кораблей сейчас атакует Манилу. Вашему господству конец.

– Ты врешь!

«Да, – подумал Блэкторн, – но есть только один способ доказать, что это ложь, – сплавить в Манилу».

– Эта эскадра будет нападать на ваши торговые пути и захватывать ваши колонии. Еще один флот уже на подходе. Испано-португальская свинья опять в своем свинарнике, и член главы вашего иезуитского ордена, вашего генерала, у нее в заднице, где ему и место! – Он отвернулся и низко поклонился даймё.

– Бог проклянет тебя и твой недостойный род.

– *Ано моно ва нани и имаситэ ору?*^[22] – нетерпеливо бросил даймё.

Священник заговорил быстрее и тверже, помянув Магеллана и Манилу, но Блэкторн подумал, что даймё и его приближенные не очень

хорошо понимают иезуита.

Ябу устал от разбирательства. Он глянул на гавань, на корабль, который занимал его мысли с тех пор, как он получил тайное послание от Оми, и подумал, не подарок ли это богов, как он надеялся.

– Ты уже осмотрел груз, Оми-сан? – спросил он этим утром, как только прибыл, забрызганный грязью и усталый.

– Нет, господин. Я подумал, что лучше всего опечатать корабль до вашего приезда, но трюмы забиты ящиками и тюками. Надеюсь, я поступил правильно. Вот все их ключи. Я их изъяс.

– Хорошо. – Ябу приехал из Эдо, столицы Торанаги, расположенной более чем в ста милях отсюда, в крайней спешке, тайком и с большим риском для себя, и это было очень важно, что он добрался так быстро. Путешествие по отвратительным дорогам, через разлившиеся весной ручьи, частью верхом, частью в паланкине, заняло два дня. – Я сразу поеду на корабль.

– Вам следовало бы повидать иноземцев, господин, – сказал Оми со смехом. – Они невозможны. У большинства голубые глаза, как у сиамских кошек, золотистые волосы. Но лучшая новость из всех – то, что они пираты...

Оми пересказал ему все, что священник сообщил о морских разбойниках, и что сказал пират, и что случилось, и возбуждение Ябу утроилось. Он подавил нетерпеливое желание подняться на борт корабля и сорвать печати. Вместо этого он помылся, переоделся и приказал привести к нему варваров.

– Ты, священник, – проговорил он, его голос был резок, и смысл едва доходил до отца Себастио, плохо знающего язык, – почему он так зол на тебя?

– Он дьявол. Пират. Он поклоняется Сатане.

Ябу наклонился к Оми, сидящему слева:

– Можешь ты понять, что он говорит, племянник? Он врет? Что ты думаешь?

– Я не знаю, господин. Кто знает, во что на самом деле верят варвары? Я допускаю, что священник думает, будто пират действительно поклонник дьявола. Конечно, все это вздор.

Ябу снова повернулся к священнику, которого ненавидел. Будь его воля, он сегодня же распял бы иезуита и уничтожил христианство в подвластных ему землях раз и навсегда. Но он не мог. Хотя дайме

имели полную власть над своими провинциями, они подчинялись Совету регентов, которому тайко официально передал все полномочия до совершеннолетия своего сына, и следовали указам, которые тот издал в свое правление и которые еще оставались в силе. Один из них, выпущенный много лет назад, касался португальских варваров и указывал, что в пределах разумного к их религии надо проявлять терпимость и не препятствовать тому, чтобы их священники обращали людей в свою веру.

– Ты, священник! Что еще говорит пират? Что он сказал тебе? Быстрее! Ты проглотил язык?

– Пират принес плохие новости. Плохие. О том, что сюда плывут другие пиратские корабли – и много.

– О чем он толкует?

– Извините, господин, я не понял.

– Пират говорит, другие военные корабли подошли к Маниле, на Филиппинах.

– Оми-сан, ты понимаешь, о чем он говорит?

– Нет, господин. Его выговор ужасен, это почти непонятная речь. Он говорил, восточнее Японии есть еще пиратские корабли?

– Да, священник! Есть еще пиратские корабли в море? Восточнее? А?

– Да, господин. Но я думаю, он врет. Он говорит, в Маниле.

– Я не понимаю, где находится Манила?

– На востоке. Много дней пути.

– Если какие-то пиратские корабли придут сюда, мы устроим им приятную встречу, где бы ни была эта Манила.

– Пожалуйста, извините меня. Я не понимаю.

– Не важно, – сказал Ябу.

Его терпение истощилось, он уже решил, что варвары должны умереть, и наслаждался предстоящим. Очевидно, что эти люди не подпадали под указ тайко, который упоминал «португальских варваров», и к тому же они были пираты. Сколько себя помнил, он ненавидел этих дикарей, их зловоние и грязь, их омерзительную привычку есть мясо, их глупую религию, высокомерие и отвратительные манеры. Еще более его, как каждого даймё, раздражала их одержимость Землей богов. Китай и Япония столетиями оставались в состоянии войны. Китай не хотел торговать. Китайская

шелковая одежда была жизненно необходима для того, чтобы перенести длинное, жаркое и влажное японское лето. В Японию ее попадало крайне мало, и за нее запрашивали огромную цену. Потом, шестьдесят с чем-то лет назад, впервые появились варвары. Китайский император в Пекине позволил им обосноваться в Макао, на юге Китая, и согласился продавать шелк за серебро. Япония была богата серебром. Вскоре торговля стала процветать. Обе страны благоденствовали. Посредники, португальцы, становились богачами, и их священники – преимущественно иезуиты – сделались необходимы для торговли. Только священники могли выучиться говорить по-китайски и по-японски и, следовательно, выступать как комиссионеры и переводчики. По мере того как торговля шла в гору, священники становились все нужнее и нужнее. Теперь годовой торговый оборот был огромен и отражался на жизни каждого самурая. Поэтому приходилось терпеть священников и распространение их религии, иначе варвары могли уплыть и торговля бы прекратилась.

Вот почему к настоящему времени в Японии уже имелось несколько влиятельных христианских даймё и сотни тысяч новообращенных, большинство которых жили на Кюсю, южном, ближайшем к Китаю, острове, где находился облюбованный португальцами порт Нагасаки. «Да, – подумал Ябу, – мы должны терпеть священников и португальцев, но не этих новых варваров, золотоволосых и голубоглазых». Его охватило возбуждение. Наконец он удовлетворит свое любопытство, узнает, как будут умирать варвары после мучений. Он замучил одиннадцать человек, испробовал одиннадцать разных пыток. Он никогда не задавался вопросом, почему чужая агония так его радует. Радует, и все, а значит, к этому надо стремиться, наслаждаться этим.

Ябу сказал:

– Это судно не португальское, пиратское, оно отходит мне со всем его содержимым. Все пираты приговорены к немедленной смерти.

Едва последнее слово сорвалось с его языка, как пиратский вождь внезапно прыгнул на священника, сорвал деревянное распятие с его пояса, разбил на куски, бросил на землю и выкрикнул что-то. После этого пират тут же упал на колени и низко поклонился даймё, а стража кинулась вперед, подняв мечи.

– Стойте! Не убивайте его! – Ябу был удивлен, что кто-то мог столь нагло вести себя перед ним, проявляя такие плохие манеры. – Эти варвары непостижимы!

– Да, – подхватил Оми, недоумевая, что могла бы означать эта сцена.

Священник все еще стоял на коленях, пристально глядя на обломки креста. Все смотрели, как он трясущейся рукой подобрал оскверненную святыню. Он что-то сказал пирату тихим голосом, почти мягко. Его глаза закрылись, он сложил пальцы в пригоршню, губы медленно задвигались. Пиратский вожак стоял не двигаясь перед сбившейся в кучку командой, его бледно-голубые глаза смотрели не мигая, как у кошки.

Ябу изрек:

– Оми-сан, сначала я хочу пойти на корабль. Потом мы начнем. – Его голос стал хриплым, когда он представил удовольствие, которое пообещал себе. – Я хочу начать с того низенького рыжеголового в конце строя.

Оми наклонился ближе и понизил свой возбужденный голос:

– Пожалуйста, извините меня, но этого раньше никогда не бывало, господин. Ни разу с тех пор, как сюда пришли португальцы. Разве распятие не их священный символ? Разве они не были всегда особо почтительны со священниками? Разве они не преклонялись перед ними в открытую? Совсем как наши христиане. Разве священники не имеют над ними абсолютной власти?

– Давай о главном.

– Мы все не любим португальцев, господин. За исключением наших христиан, а? Может быть, эти новые варвары большего стоят живыми, а не мертвыми?

– Почему?

– Они особенные. Они противники христиан! Может быть, умный человек найдет способ использовать их ненависть – или неверие – к нашей выгоде. Они ваша собственность, делайте с ними что хотите. Да?

«Да. И я хочу их пытать, – подумал Ябу. – Но это удовольствие можно получить в любой миг. Слушайся Оми. Он хороший советчик. Но можно ли ему доверять? Нет ли у него тайной причины так говорить? Подумай».

– Икава Дзикю – христианин, – услышал он голос племянника, произнесшего имя его ненавистного врага – одного из родственников и союзников Исидо, – который властвовал к западу от него. – Разве этот мерзкий священник не живет там? Может быть, эти варвары дадут вам ключ ко всей провинции Икавы? Или, может быть, Исидо. Может быть, даже к господству над Торанагой, – добавил Оми деликатно.

Ябу внимательно изучал лицо Оми, пытаясь определить, что скрывается за непроницаемой миной. Потом его глаза вернулись к кораблю. Он не сомневался теперь, что корабль послан ему богами. Но был ли это дар или наказание?

Он отложил удовольствие ради безопасности своего клана:

– Я согласен. Но сначала освободи этих пиратов. Научи их достойному поведению. Особенно вожака.

– Хорошенькая смерть для Иисуса! – пробормотал Винк.

– Нам следовало бы помолиться, – сказал ван Некк.

– Мы только что прочитали одну молитву.

– Может быть, нам лучше вознести другую. Великий Боже на небесах, я бы мог выпить пинту бренди.

Их запихнули в глубокий погреб, один из многих, где рыбаки хранили высушенную на солнце рыбу. Самураи прогнали их толпой через площадь, потом вниз по приставной лестнице, и теперь они были заперты под землей. Погреб с земляными полом и стенами имел пять шагов в длину, пять в ширину и четыре в высоту. Потолок был из досок, перекрыт футом земли и имел один люк.

– Слезь с моей ноги, проклятая обезьяна!

– Отодвинь свою рожу, собиратель дерьма! – огрызнулся Питерзон добродушно. – Эй, Винк, отодвинься немного, ты, старая задница, ты и так захватил места больше всех остальных! Боже мой, я бы выпил холодного пива! Отодвинься!

– Не могу, Питерзон. Теснимся тут, как сельди в бочке.

– Это генерал-капитан. Он занял все пространство. Дайте ему пинка. Разбудите его, – зудел Матсьюккер.

– А? В чем дело? Оставьте меня. Что вы хотите? Я болен. Я лежу. Где мы?

– Оставьте его. Он болен. Ну, Матсьюккер, ради Бога, встань! – Винк сердито поднял Матсьюккера и оттолкнул его к стене.

Места в узилище было слишком мало, чтобы лечь или просто удобно сесть. Генерал-капитан Паулюс Спилберген лежал, вытянувшись во всю длину, под люком, где было больше воздуха, его голова покоилась на свернутом плаще. Блэкторн прислонился к стене в углу и глядел на люк. Команда с трудом, но очистила для него место, зная по опыту, какая взрывная сила скрывается за внешне спокойным обликом.

Матсьюккер потерял терпение и ударил Винка кулаком в пах.

– Отвали или я убью тебя, ублюдок!

Винк бросился на него, но Блэкторн схватил обоих за грудки и расшвырнул в разные стороны так, что они ударились головами о стенки.

– Заткнитесь вы все! – приказал он повелительно, но мягко. Они послушались. – Мы разделимся на вахты. Одна вахта ложится и спит, вторая сидит, третья стоит. Спилберген лежит до тех пор, пока не сможет сидеть. В углу будет галюн.

Он разбил моряков на вахты. Сразу стало удобнее.

«Мы должны выбраться отсюда в течение дня или же совсем ослабеем, – подумал Блэкторн. – Надо сделать это, когда принесут еду или воду. Сегодня вечером или завтра ночью. Почему они поместили нас сюда? Мы не опасны для них. Мы могли бы помочь даймё. Поймет он это? У меня был один-единственный способ показать ему, что настоящий враг – священник. Поймет ли он? Священник понял».

– Может быть, Бог простит тебе богохульство, но я нет, – сказал отец Себастио почти бесстрастно. – Я не успокоюсь, пока ты и твой Сатана не будут повергнуты в прах.

Пот каплями сбегал по щекам и подбородку. Блэкторн вытер его, рассеянно прислушиваясь к происходящему в погребе, как прислушивался, когда был на судне и спал или отдыхал, свободный от вахты, пытаясь предугадать опасность.

«Мы должны вырваться и захватить корабль. Знать бы, что делает Фелисити. И дети. Посчитаем-ка: Тюдору теперь семь лет, а Лисбет... Вот уже год, одиннадцать месяцев и шесть дней, как мы отплыли из Амстердама, тридцать семь дней снаряжались и шли туда из Чатема, добавим одиннадцать дней от ее рождения до начала погрузки в Чатеме. Это ее точный возраст – если все нормально. Все должно быть хорошо. Фелисити будет готовить и ухаживать за детьми, убираться и

разговаривать с ними, и дети вырастут такими же сильными и бесстрашными, как их мать. Прекрасно было бы вернуться домой, гулять с ними по берегу, лесам и полям – вся эта красота и есть Англия».

Годами он учился думать о тех, кого любил и за которых отдал бы жизнь, как о героях пьесы, что никогда не кончится. Иначе боль от расставания была бы невыносимой. Он мог сосчитать все дни, которые провел дома за те одиннадцать лет, что был женат. «Их набралось мало, – подумал он, – слишком мало».

– Это трудная жизнь для женщины, Фелисити, – говорил он ей.

А она отвечала:

– Любая жизнь для женщины трудная.

Ей тогда стукнуло семнадцать, она была высокая, с длинными волосами...

Слух предупредил его об опасности.

Люди сидели или стояли, прислонившись к стене, кто-то пытался уснуть. Винк и Питерзон, два закадычных приятеля, тихо переговаривались. Ван Некк и другие смотрели в пространство. Спилберген полуспал-полубодрствовал, и Блэкторн подумал, что он сильнее, чем им казалось.

Внезапно все смолкли, услышав шаги над головой. Шаги стихли. Раздались приглушенные звуки грубой, странно звучащей речи. Блэкторну показалось, что он узнал голос самурая – как там его, Оми-сана? Да, именно так, но он не был уверен. Через мгновение голоса смолкли и шаги удалились.

– Думаете, они дадут нам поесть, капитан? – спросил Сонк.

– Да.

– Я бы выпил холодного пива. О Боже, – простонал Питерзон.

– Заткнись! – буркнул Винк. – Тут и без пива отливать некуда.

Блэкторн чувствовал, что его рубашка вся пропиталась потом. И этот запах! «Ей-богу, мне бы надо принять ванну», – подумал он и внезапно улыбнулся, вспоминая.

Мура и остальные отнесли его в теплую комнату и положили на каменную скамью, его конечности, все еще онемевшие, двигались очень медленно. Три женщины под руководством старшей начали раздевать его, он пытался остановить их, но стоило ему пошевелиться, как один из мужчин давал ему легкий тычок – и он становился

недвижим. Сколько он их ни обзывал, сколько ни клял, они продолжали раздевать его, пока он не остался совсем голым. Не то чтобы он стыдился обнажаться перед женщинами, просто привык делать это в иной обстановке, таков был обычай. И ему не нравилось, что его раздевают, пусть даже нецивилизованные люди, дикари. Его раздели прилюдно, как маленького, беспомощного ребенка, и вымыли, как малыша, в теплой мыльной душистой воде, и при этом тараторили и улыбались, а он лежал на спине – это уж слишком! Его детородная плоть набухла, и чем больше он пытался противиться этому, тем становилось хуже. По крайней мере, так думал он, но не женщины. Глаза их расширились, а он покраснел. «Боже милостивый, я не должен краснеть!» Но он заливался краской, и казалось, из-за этого член увеличивается в размерах, и вот уже старуха захлопала в ладоши от удивления и сказала что-то, все закивали, а она покачала головой с благоговением и еще что-то изрекла – все закивали еще старательнее.

Мура проговорил с большой серьезностью:

– Капитан-сан, мама-сан благодарит вас. Это самое лучшее, что она видела в жизни, теперь она может умереть счастливой! – Все они поклонились как один.

И тут Блэкторн понял, как смешно все это, и захохотал. Они вздрогнули, потом тоже засмеялись. Смех отнял у него последние силы. Старуха немного опечалилась и сказала об этом, и тут снова все вместе расхохотались. Затем его осторожно положили в большую ванну, где было много горячей воды, и вскоре он уже не мог больше выдерживать жара, и его, задыхающегося, снова положили на скамью. Женщины вытерли его, а потом пришел слепой старик. Блэкторн не знал, что такое массаж. Сначала он пытался сопротивляться ощупывающим его пальцам, но потом их волшебная сила покорила его, и вскоре он чуть ли не мурлыкал, как кошка, когда пальцы нашли узелки на перетруженных мышцах и разогнали кровь, этот эликсир, который скрывался под кожей, мускулами и жилами.

После его, слабого, полусонного, отнесли в постель, там ждала девушка. Она была терпелива с ним, и после сна, когда к нему вернулись силы, он овладел ею очень осторожно, хотя долго воздерживался.

Он не спросил ее имени, и утром, когда Мура, напряженный и очень испуганный, с трудом разбудил его, она ушла.

...Блэкторн вздохнул. «Жизнь удивительна», – подумал он.

В погребке опять разворчался Спилберген. Матсуккер обхватил голову и стонал – не от боли, а от страха, юный Крок был почти в обмороке, а Ян Ропер окрысился:

– Что вас развеселило, капитан?

– Пошел ты к черту!

– Кстати, капитан, – начал ван Некк, осторожно подбираясь к тому, что было у всех на уме, – вы поступили неразумно, накинувшись на священника перед этим желтолицым негодяем.

Таково было общее, хотя и робко высказанное мнение.

– Если бы не это, думаю, мы не оказались бы здесь, в грязной норе.

Ван Некк стоял поодаль от Блэкторна.

– Всего-то и требовалось – ткнуться лбом в грязь перед этим негодяем, и они стали бы кроткими как овечки.

Он подождал ответа, но Блэкторн молчал, повернувшись к люку. Никто не проронил ни слова, но напряжение усиливалось.

Паулюс Спилберген с трудом поднялся на одном локте:

– О чем вы толкуете, Баккус?

Ван Некк подошел к нему и объяснил все про священника и распятие, что случилось и почему они здесь. Его глаза болели сегодня больше обычного.

– Да, это был опрометчивый шаг, капитан, – согласился Спилберген. – Я бы сказал, совершенно неправильный... Передайте мне немного воды. Теперь иезуиты не оставят нас в покое.

– Вам бы следовало сломать ему шею, капитан. Иезуиты все равно не оставят нас в покое, – добавил Ян Ропер. – Они докучливее вшей, а то, что мы здесь, в этой вонючей дыре, наказание Божье.

– Это чушь, Ропер! – отрезал Спилберген. – Мы здесь потому...

– Это Божья кара! Нам нужно было сжечь все церкви в Санта-Магдалене, а не только те две.

Спилберген слабо отмахнулся, как от мухи:

– Испанские войска перестроились, и нас было много меньше – хорошо, если один против пятнадцати. Дайте мне воды! Мы разграбили город, и захватили добычу, и ткнули их носами в грязь. Если бы мы остались, а не отступили, нас бы убили.

– Какое это имеет значение, когда выполняешь волю Бога? Он оставил нас.

– Может быть, мы здесь, чтобы выполнять Божью волю, – заметил ван Некк примирительно – Ропер был по-своему хорошим, хотя и слишком религиозным человеком, умелым купцом и сыном его партнера. – Может быть, мы сможем показать этим туземцам всю ложность папизма? Может быть, мы обратим их в свою, истинную веру?

– Совершенно верно, – прохрипел Спилберген. Он все еще чувствовал слабость, но силы к нему возвращались. – Думаю, тебе следовало посоветоваться с Баккусом, капитан. В конце концов, он старший над купцами. Он очень умел в переговорах с дикарями. Дайте воды, я сказал!

– Ее нет, Паулюс. – Ван Некк помрачнел. – Они не дают нам ни воды, ни пищи. У нас нет даже параши.

– Ну, попросите, чтобы ее вам дали! И немного воды! Боже, я хочу пить! Попроси воды! Ты!

– Я? – удивился Винк.

– Да, ты!

Винк посмотрел на Блэкторна, но тот, не обращая на них внимания, не сводил глаз с люка. Тогда Винк встал под крышку и закричал:

– Эй! Вы, там! Ради Бога, дайте нам воды. Мы хотим есть и пить!

Ответа не было. Он закричал опять. Нет ответа. К Винку присоединились остальные. Все, за исключением Блэкторна. Голод, жажда, теснота давали себя знать, и они завывали, как волки. Люк открылся. Оми смотрел вниз, на них. Рядом стояли Мура и священник.

– Воды! И пищи, ради Бога! Выпустите нас отсюда! – завопили моряки.

Оми приказал что-то Муре, который кивнул и ушел. Минутой позже Мура вернулся с другим рыбаком – они тащили большую бочку. На головы узников хлынула тухлая вода с ошметками гнилой рыбы.

Люди в погребе бросились врассыпную, пытаясь уклониться от вонючей жижи, но не всем это удалось. Спилберген едва не захлебнулся. Блэкторн не двинулся из своего угла. Только с ненавистью посмотрел на Оми.

А тот заговорил. Подавленную тишину нарушал только кашель Спилбергена. Когда Оми закончил говорить, к люку с опаской подошел священник:

— Вот приказ Касиги Оми. Вы будете вести себя как приличные люди. Вы больше не станете шуметь. Если поднимете шум, в следующий раз в погреб выльют пять бочонков. Потом десять, а дальше двадцать. Вам будут давать пищу и воду два раза в день. Когда научитесь вести себя, вам будет позволено выйти в общество людей. Господин Ябу милостиво сохранил ваши жизни, позволив вам верно служить ему. Всем, за исключением одного. Один из вас умрет. Вечером. Вы должны выбрать, кто это будет. Но выбор не может пасть на него. — Он указал на Блэкторна. Чувствуя себя неловко, священник тяжело вздохнул, отвесил полупоклон самураю и отступил назад.

Оми посмотрел вниз, в яму. Он видел глаза Блэкторна и чувствовал его ненависть. «Потребуется многое, чтобы сломить дух этого человека, — подумал он. — Ничего. Времени достаточно». Крышка люка с шумом захлопнулась.

Глава 3

Ябу лежал в горячей ванне, более сосредоточенный, более уверенный в себе, чем когда-либо в жизни. Корабль открыл ему свои богатства, наделив властью, о какой он мог только мечтать...

– Я хочу завтра перевезти все на берег, – сказал он. – Сложи мушкеты в ящики. Замаскируй все сетью или мешками.

«Пять сотен мушкетов, – подумал он радостно. – И еще порох и пули, больше того, что имеет Торанага во всех Восьми Провинциях. И двадцать пушек, пять тысяч пушечных ядер с большим количеством снаряжения. Пороховые заряды к пушкам разложены по мешкам. Все лучшего варварского качества».

– Мура, ты обеспечишь носильщиков. Игураси-сан, я хочу, чтобы все вооружение, включая пушки, немедленно перевезли в мой замок в Мисиме тайно. Ты будешь отвечать за это.

– Да, господин.

Они находились в главном трюме корабля, и каждый во все глаза глядел на него: Игураси, высокий, гибкий, одноглазый, его главный вассал; Дзукимото, ведающий его воинским хозяйством, и десять крестьян, с которых семь потов сошло, пока они открывали ящики под присмотром Муры и личной охраны Ябу из четырех самураев. Он знал, что никто не понял причин его радостного возбуждения и необходимости соблюдать тайну. «Хорошо», – подумал он.

Когда португальцы в 1542 году открыли Японию, они привезли мушкеты и порох. Через восемнадцать месяцев японцы научились делать ружья. По качеству те уступали европейским образцам, но это не имело значения, так как ружья считались просто забавной новинкой и долгое время использовались только для охоты – и даже здесь лук был более метким оружием. К тому же, что более важно, ведение войны у японцев почти приближалось к ритуалу, и в поединках самым важным и почетным оружием оставался меч. Использование ружей приравнялось к трусости и бесчестию и полностью шло вразрез с кодексом самураев, бусидо, «путем воина», который обязывал воевать и умереть честно, всю жизнь хранить безоговорочную верность

одному феодалу, не бояться смерти, даже стремиться к ней на службе, гордиться своим именем и сохранять его незапятнанным.

Несколько лет Ябу лелеял тайный замысел. «Со временем, – думал он радостно, – можно будет развить его и воплотить: пятьсот избранных самураев, вооруженных мушкетами и обученных так, чтобы они составляли единое целое, головной отряд двенадцатитысячного обычного войска, поддерживаемый двадцатью пушками, которые обслуживают специально подготовленные люди, также действующие слаженно, как пальцы одной руки. Новая стратегия для новой эры. Исход будущей войны, возможно, решит такое оружие!»

«А как же бусидо?» – всегда спрашивали его духи предков.

«А что бусидо?» – в свою очередь спрашивал он их.

Они никогда не отвечали.

Даже в самых буйных мечтаниях он и предполагать не смел, что когда-нибудь сможет завладеть пятью сотнями ружей. Теперь они достались ему даром, и он один знает, как пользоваться ими. Но чью сторону ему принять? Торанаги или Исидо? Или он должен подождать – и, может быть, тогда станет победителем?

– Игураси-сан, ты поедешь ночью с хорошей охраной.

– Да, господин.

– Это должно остаться в тайне, Мура, или деревня будет уничтожена.

– Никто ничего не скажет, господин. Я могу поручиться за свою деревню. Я не смогу поручиться за дорогу или за другие деревни. Кто знает, где шныряют шпионы? Но мы ничего не скажем.

После этого Ябу пошел в кладовую. Там хранилось то, что он принял за пиратскую добычу: серебряные и золотые тарелки, кубки, подсвечники и украшения, несколько картин религиозного содержания в богатых, выложенных камнями рамах. В шкафу – женские платья, искусно расшитые золотыми нитями и цветными камнями.

– Я расплавлю серебро и золото и положу слитки в сокровищницу, – сказал Дзукимото.

Этот аккуратный, педантичный японец лет сорока не принадлежал к военному сословию. Много лет назад он был буддийским монахом-воином, но тайко уничтожил его монастырь, когда повел борьбу против буддийских священнослужителей, не

признававших его абсолютным сюзереном. Дзукимото выкупил свою жизнь и стал мелким купцом, бродячим торговцем рисом. Десять лет назад он поступил на службу к Ябу и стал незаменим.

— Что касается одежды, возможно, золотое шитье и камни имеют большую цену. С вашего разрешения я упакую их и пошлю в Нагасаки. — (В порту Нагасаки, на самом южном берегу южного острова Кюсю, располагались торговые фактории португальцев.) — Варвары могут хорошо заплатить за эти диковины и безделушки.

— А что в тюках в другом трюме?

— Там теплая одежда. Совершенно бесполезная для нас, господин, вовсе не имеющая рыночной цены. Но это порадует вас. — Дзукимото открыл сундук.

Там хранилось двадцать тысяч чеканных кусочков серебра. Испанские дублоны. Высшего качества.

...Ябу забарахтался в ванне. Он вытер пот с лица и шеи маленьким белым полотенцем и глубже погрузился в горячую ароматную воду. «Если бы три дня назад, — сказал он себе, — прорицатель предрек нечто подобное, ему скормили бы его собственный язык, чтобы врал да не завирался...»

Три дня назад он был в Эдо, столице Торанаги. Послание Оми попало туда к вечеру. Очевидно, что корабль нужно было обыскать сразу же, но Торанага отлучился в Осаку, чтобы окончательно объясниться с Исидо, и предложил Ябу и всем дружественным соседям-даймё дожидаться его возвращения. Отказ от такого приглашения грозил самыми ужасными последствиями. Ябу знал, что он и другие даймё, а также их семьи служили заложниками безопасности Торанаги и — хотя об этом не говорилось вслух — благополучного его возвращения из неприступной вражеской Осацкой крепости, где проходила встреча. Торанага возглавлял Совет регентов, который тайко назначил на смертном ложе, повелев ему управлять страной до достижения совершеннолетия его сыном Яэмоном, которому сейчас было семь лет. Из пяти регентов, сплошь даймё, только Торанага и Исидо имели реальную власть.

Ябу тщательно взвесил все резоны в пользу поездки в Андзиро, связанные с ней опасности и неотложные дела, требующие его присутствия. Потом послал за женой и любимой наложницей.

Мужчина мог иметь сколько угодно наложниц, но только одну жену одновременно.

– Я только что получил от моего племянника Оми секретное послание: корабль варваров прибил к берегу в Андзиро.

– Один из «черных кораблей»? – Его жена пришла в большое волнение. Речь шла об огромных, невероятно богатых торговых кораблях, которые ежегодно в сезон муссонов плавали между Нагасаки и португальской колонией в Макао, которая лежала почти в тысяче миль к югу от китайского берега.

– Нет. Но он может быть богатым. Я уезжаю немедленно. Вы скажете, что я заболел и меня нельзя беспокоить некоторое время ни под каким предлогом. Вернусь через пять дней.

– Это очень опасно, – предупредила его жена. – Господин Торанага приказал нам всем оставаться. Я уверена, он добьется согласия с Исидо, и он слишком силен, чтобы его сердить. Господин, мы не можем поручиться, что кто-нибудь не догадается, в чем дело. Здесь повсюду шпионы. Если Торанага вернется и обнаружит, что вы уехали, ваше отсутствие будет неправильно понято. Ваши враги настроят его против вас.

– Да, – добавила наложница. – Пожалуйста, извините меня, но вы должны послушать госпожу, вашу жену. Она права. Господин Торанага никогда не поверит, что вы ослушались его только для того, чтобы поглядеть на корабль варваров. Пожалуйста, пошлите кого-нибудь другого.

– Но это не обычный чужеземный корабль. Это не португальское судно. Слушайте меня. Оми говорит, что эти люди из другой страны. Эти люди говорят между собой на языке, звучащем совсем иначе, у них голубые глаза и золотые волосы.

– Оми-сан сошел с ума. Или выпил слишком много sake, – заявила его жена.

– Это слишком важно, чтобы шутить... для него и для тебя.

Его жена с поклоном извинилась и признала, что он совершенно прав, но что ее замечание не обидная насмешка. Это была маленькая, тоненькая женщина, на десять лет старше его, в течение восьми лет она приносила ему по ребенку в год, пока чрево ее не усохло, и пятеро из них были сыновья. Трое стали воинами, храбро сражались в войне против Китая и приняли достойную смерть. Еще один стал

буддийским монахом, а последнего, которому сейчас было девятнадцать, он презирал.

Его жена, госпожа Юрико, была единственной женщиной, которую он когда-либо боялся, и единственной, которую он ценил, за исключением покойной матери, она правила его домом мягко и осмотнительно.

– Еще раз, пожалуйста, извините меня, – произнесла она. – Оми-сан написал, что за груз?

– Нет. Он не осмотрел его, Юрико-сан. Он сообщает, что сразу же опечатал корабль, настолько тот необычен. До сих пор здесь не видели ни одного судна, не принадлежащего португальцам. Он также доводит до нашего сведения, что это военный корабль. С двадцатью пушками на палубах.

– А! Тогда кто-то должен поехать туда немедленно.

– Я собираюсь сам.

– Пожалуйста, откажитесь от этого решения. Пошлите Мидзуно. Ваш брат умен и осмотрителен. Я умоляю вас не ехать.

– Мидзуно слаб для такого дела, и я ему не доверяю.

– Тогда прикажите ему сделать сэппуку, – отрезала она.

Сэппуку, иногда называемое харакири, – ритуальное самоубийство путем вспарывания живота с удалением внутренностей – было единственным способом, позволяющим самураю искупить позор, грех или бесчестье, и составляло привилегию самурайского сословия. Все самураи – включая женщин – с детства готовились либо совершить харакири, либо участвовать в нем в качестве помощника. Женщины совершали сэппуку только одним способом – вонзая нож в горло.

– Позже, не теперь, – возразил Ябу жене.

– Тогда пошлите Дзукимото. Ему наверняка можно доверять.

– Если бы Торанага не приказал своим женщинам оставаться здесь, я бы послал тебя. Но это слишком опасно. Я должен ехать, у меня нет выбора. Юрико-сан, ты все твердишь мне, что моя казна пуста, что я не имею кредита у этих мерзких ростовщиков. Дзукимото говорит, что мы собираем предельно большой налог с крестьян. Мне нужно больше лошадей, оружия, снаряжения, самураев. Может быть, корабль даст мне все это.

– Приказы господина Торанаги звучали ясно, господин. Если он вернется и обнаружит...

– Да. Если он вернется, госпожа. Я думаю, он сам попал в ловушку. Господин Исидо имеет восемьдесят тысяч самураев только вокруг Осаки и в самой крепости. Для Торанаги безумием было ехать туда с несколькими сотнями человек.

– Он слишком хитер, чтобы рисковать собой без необходимости, – заявила она уверенно.

– Если бы я был Исидо и он оказался в моих руках, я бы убил его сразу.

– Да, – согласилась Юрико. – Но мать наследника остается заложницей в Эдо, пока Торанага не вернется. Господин Исидо не осмелится тронуть Торанагу, пока она не окажется в Осаке.

– Я убил бы его. Жива госпожа Отиба или мертва, не имеет значения. Безопасность наследника зависит от Осаки. Если Торанага умрет, дела пойдут вполне определенным образом. Торанага – единственная настоящая угроза наследнику, единственный, кто может, используя Совет регентов, узурпировать власть тайко и убить мальчика.

– Пожалуйста, извините меня, господин, но, может быть, господин Исидо способен привлечь на свою сторону трех других регентов, объявить Торанагу изменником и это станет концом Торанаги, а? – спросила наложница.

– Да, госпожа, если бы Исидо мог, он бы так и сделал, но я думаю, это не по силам ни ему, ни даже Торанаге. Тайко очень хитро подобрал регентов. Они презирают друг друга так сильно, что не способны хоть в чем-то найти общий язык. Прежде чем принять власть, пять великих даймё поклялись перед умирающим тайко в вечной верности его сыну и его семье. И они прилюдно дали священную клятву править единодушно и передать государство в целости Яэмону, когда тот достигнет пятнадцати лет. Единодушное правление означает, что ничего не изменится, пока Яэмон не получит власть.

– Но однажды, господин, четыре регента объединятся против одного из ревности, страха или тщеславия. Четверо решат, что приказов тайко достаточно для войны, так?

– Да, но это окажется маленькая война, госпожа, и один будет непременно разбит, и его земли разделят победители, которые затем

назначат пятого регента, и через какое-то время один снова встанет против четверых, и опять одного победят, и его земли поделят – все как тайко задумал. Моя единственная задача – решить, кто будет этим одним на сей раз – Исидо или Торанага.

– Им будет Торанага.

– Почему?

– Остальные слишком боятся его, потому что знают: он хочет стать сёгуном, хотя и отрицает это.

Титул сёгуна был высшим из всех, которых мог достичь простой смертный в Японии. Слово «сёгун» представляет собой сокращение от «сэйн тай-сёгун», что означает «великий полководец, покоряющий варваров». Два даймё одновременно не могли носить этот титул. И только его императорское величество, правящий император, божественный Сын Неба, живущий в уединении с семьей в Киото, волен был даровать его.

Титул сёгуна давал абсолютную власть: императорскую печать и полномочия. Сёгун правил от имени императора. Вся власть исходила от императора, потому что он вел свой род от богов. Всякий даймё, противостоящий сёгуну, признавался мятежником, врагом трона, парией, и его земли отходили государству.

Правящего императора почитали как божество, так как он был наследником по прямой линии солнечной богини Аматаэрасу Омиками, одной из дочерей богов Идзанаги и Идзанами, которые создали острова Японии из тверди земной. В силу божественного происхождения правящий император владел и управлял всей землей, и ему повиновались беспрекословно. Но на самом деле вот уже более шести веков восседавшие на троне не пользовались действительной властью.

Шесть столетий назад в стране произошел раскол, когда две из трех великих соперничающих, родственных императорскому дому самурайских семей: Миновара, Фудзимото и Такасима – заявили претензии на трон и ввергли страну в пучину междоусобиц. После шестидесяти лет войны род Миновара одержал верх над родом Такасима, а семейство Фудзимото, которое оставалось нейтральным, пережило это страшное время.

С тех пор, ревностно охраняя свои права, сёгуны Миновара правили страной. Они объявили сёгунат наследственным и начали

выдавать своих дочерей за членов императорской семьи. Император и весь его двор жили полностью обособленные от мира во дворцах за высокими стенами и садами на маленькой территории в Киото. Они сильно нуждались, а их занятия ограничивались наблюдением за ритуалами синто – древней анимистической религии Японии – и интеллектуальными изысками, такими как упражнения в искусстве каллиграфии, живописи, философии и поэзии.

Управлять двором Сына Неба было легко, потому что он хотя и обладал всей землей, но доходов не получал. Только даймё и самураи имели доходы и право взимать налоги. Получалось, что, хотя все члены императорского двора были по рангу выше самураев, существовали они на содержание, выделяемое двору по решению сёгуна, или кампаку – канцлера, – или правящей военной верхушки. А великодушных среди последней попадалось мало. Некоторые императоры иногда соглашались ставить свою подпись под указами ради пропитания. Бывали случаи, когда денег не хватало даже для коронации.

Со временем сёгуны рода Миновара потеряли преимущество перед потомками Такасима и Фудзимото. И поскольку междоусобные распри продолжались столетиями, император все больше и больше становился креатурой того даймё, который был достаточно силен, чтобы захватить Киото. Как только новый завоеватель Киото уничтожал правящего сёгуна и его род, он мог – если принадлежал к роду Миновара, Фудзимото или Такасима – смиренно поклясться в преданности трону и нижайше просить бессильного императора пожаловать ему освободившееся место сёгуна. Потом, как и его предшественники, он пытался простереть свою власть за пределы Киото, пока его, в свою очередь, не проглатывал еще кто-нибудь. Императоры женились, отрекались от трона или восходили на него по желанию сёгуната. Но всегда правящая императорская семья была неприкосновенна.

Такое положение сохранялось, пока сёгун был в силе. До тех пор, пока его не свергали.

В течение столетий многое менялось, страну дробили на все более мелкие части. За последнее столетие ни один даймё не обладал достаточным могуществом, чтобы стать сёгуном. Двенадцать лет назад военачальник из крестьян Накамура захватил власть и склонил на

свою сторону тогдашнего императора, Го-Нидзё. Но Накамура не мог стать сёгуном, как бы сильно того ни хотел, потому что по рождению был крестьянином. Ему пришлось удовлетвориться гораздо более скромным титулом кампаку, канцлера, а позже, когда Накамура передал этот титул своему малолетнему сыну Яэмону – хотя и оставил за собой всю власть, что было совершенно обычным делом, – он поневоле вынужден был удовольствоваться положением тайко. Согласно традиции только потомки вырождающихся древних семей Миновара, Такасима и Фудзимото могли получить титул сёгуна.

Торанага происходил из рода Миновара. Ябу мог проследить свою генеалогию до мелкой и незначительной ветви семьи Такасима, и этого было достаточно, чтобы он когда-нибудь мог стать верховным правителем.

– Э-э-э, госпожа, – сказал Ябу, – конечно, Торанага метит в сёгуны, но он никогда им не станет. Другие регенты презирают и боятся его. Они не способны связать ему руки, как задумал тайко. – Он наклонился вперед и внимательно поглядел на жену. – Ты говоришь, Исидо возьмет верх над Торанагой?

– Да, Торанага останется в одиночестве. Но я не думаю, что в конце концов он проиграет, господин. Я прошу вас, не нарушайте приказ господина Торанаги и не выезжайте из Эдо, чтобы посмотреть на этот варварский корабль, как бы ни расписывал его Оми-сан. Пожалуйста, пошлите Дзукимото в Андзиро.

– А что, если на корабле слитки? Серебро или золото? Ты доверишь его Дзукимото или кому-нибудь еще?

– Нет, – ответила его жена.

Поэтому он и улизнул из Эдо этой ночью, взяв только пятьдесят человек, и теперь был богат и силен, как ему и не мечталось, и имел пленных, один из которых должен был умереть сегодня вечером. А еще он распорядился, чтобы позже к нему привели куртизанку и мальчика. Завтра на закате он вернется в Эдо. Завтра вечером пушки и слитки начнут свое тайное путешествие.

«О пушки! – подумал он радостно. – Пушки и хорошо продуманный план действий позволят мне победить Исидо или Торанагу – кого выберу. Потом я стану регентом вместо проигравшего. Теперь уже самым сильным регентом. А почему бы и не сёгуном? Да. Теперь это возможно».

Он позволил себе расслабиться. Как использовать двадцать тысяч серебряных монет? Можно перестроить замок. И купить тягловых лошадей для орудий. И расширить шпионскую сеть. А что насчет Икавы Дзикю? Хватит ли тысячи монет, чтобы подкупить его поваров и отравить Икаву Дзикю? Более чем! Пяти сотен, даже одной нужному человеку будет вполне достаточно. Кому?

Послеполуденное солнце бросало косые лучи через маленькое окно. Вода в ванне была очень горячей – она подогревалась дровяной печью, вделанной в каменную стену. Это был дом Оми, он стоял на маленьком холме, откуда открывался вид на всю деревню и гавань. Его окружал обнесенный стенами сад – аккуратный, обьятый безмятежным покоем, великолепный.

Дверь бани открылась. Вошел слепой, поклонился:

– Касиги Оми-сан послал меня, господин. Я Суво, его массажист. – Он был высокий и очень худой, лицо морщинистое.

– Хорошо.

Ябу всегда боялся ослепнуть. Сколько он себя помнил, ему снилось, что он просыпается в темноте, зная, что солнце светит, чувствуя его тепло, открывает рот, чтобы закричать; кричать стыдно, но он кричит. Потом наступало реальное пробуждение, и пот тек ручьями.

Но этот ужас перед слепотой, казалось, увеличивал его удовольствие от массажа, который ему делал слепец.

Он мог видеть рваный шрам на правой щеке Суво и глубокий рубец на скуле пониже. «Это след от удара меча, – сказал себе Ябу. – Отчего он ослеп? Был когда-то самураем? И кому служил? Он шпион?»

Ябу знал, что его телохранители тщательно обыскали слепого, прежде чем разрешили ему войти, поэтому не боялся спрятанного оружия. Его собственный трофейный меч был под рукой. Древний клинок выковал кузнечный мастер Мурасама. Ябу смотрел, как старик снимает свое кимоно и вешает, как зрячий, на колышек. На груди у слепого тоже остались следы от ударов меча. Набедренная повязка была очень чистой. Он встал на колени, терпеливо ожидая приказаний.

Ябу вышел из ванны и лег на каменную скамью. Старик аккуратно вытер его, вылил на руки пахучее масло и начал массировать мускулы на шее и спине даймё.

Напряжение проходило, по мере того как сильные пальцы двигались по спине Ябу, с удивительным искусством растирая и глубоко разминая мышцы.

– Хорошо. Очень хорошо, – простонал он некоторое время спустя.

– Спасибо, Ябу-сама, – отозвался Суво. («Сама» означает «господин», это обращение обязательно при разговоре со старшими.)

– Ты давно служишь у Оми-сана?

– Три года, господин. Он очень добр к старику.

– А до этого?

– Я странствовал от деревни к деревне. Несколько дней здесь, полгода там, как бабочка на летнем ветру.

Голос Суво обволакивал и нежил, как его руки. Он решил, что даймё хочет, чтобы он разговорился, но терпеливо ждал вопроса – надо будет, ответит. Он всегда чувствовал, что и когда делать, – это было частью его искусства. Иногда уши подсказывали ему, что на уме у мужчины или женщины, но чаще секреты открывали пальцы. Сейчас они говорили, что надо остерегаться этого человека, что он опасен и непостоянен, что его возраст около сорока, что он хороший наездник и превосходно владеет мечом. А также что у него плохая печень и что он умрет через два года. Саке и, возможно, снадобья, повышающие половую силу, убьют его.

– Вы сильный человек для своих лет, Ябу-сама.

– Так же как и ты. Сколько тебе лет, Суво?

Старик засмеялся, но его пальцы не прекращали движения.

– Я самый старый человек в мире – в моем мире. Все, кого я когда-либо знал, давно уже мертвы. Я служил господину Ёси Тикитаде, деду господина Торанаги, когда его владения были не больше этой деревни. Я даже был в лагере в тот день, когда его убили.

Ябу приложил немалые усилия, чтобы тело оставалось расслабленным, но мозг его напрягся, и он ловил каждое слово.

– Это был трудный день, Ябу-сама. Уж и не помню, сколько мне тогда было лет, но мой голос еще не ломался. Господина убил Обата Хиро, сын самого могущественного из его союзников. Может быть, вы знаете эту историю – как юноша снес голову господину Тикитаде одним ударом своего меча? Это был клинок работы Мурасама, и отсюда пошло поверье, что все клинки Мурасама приносят несчастье роду Ёси.

«Он говорит это потому, что мой собственный меч работы Мурасами? – спросил себя Ябу. – Многие знают, что у меня есть такой меч. Или старик просто вспоминает самый необычный день своей долгой жизни?»

– А каков был дед Торанаги? – с напускным безразличием спросил он, проверяя Суво.

– Высокий, Ябу-сама. Выше, чем вы, и много тоньше, когда я знал его. Ему было двадцать пять, когда он погиб. – Голос Суво потеплел. – О, Ябу-сама, в двенадцать лет он был уже воин и наш сюзерен в пятнадцать, когда его отца убили в стычке. К этому времени господин Тикитада уже женился, и у него родился сын. Жаль, что он умер. Обата Хиро был его другом и вассалом, семнадцати лет, но кто-то отравил ум Обаты, сказав, что Тикитада замышляет вероломное убийство его отца. Конечно, это все были враки, но мы лишились хозяина. Молодой Обата стал перед телом на колени и трижды поклонился. Он сказал, что пролил кровь из уважения к отцу и теперь хочет искупить оскорбление, нанесенное нам и нашему клану, совершив сэппуку. Ему разрешили. Сначала он собственными руками омыл голову Тикитады и с почестями положил ее на место. Потом вскрыл себе живот и умер мужественно, как велит обычай. Один из наших людей вызвался помочь ему и отделил его голову одним ударом. Потом пришел его отец, чтобы забрать голову и меч Мурасами. Для нас наступило плохое время. Единственный сын господина Тикитады был взят в заложники. Это было...

– Ты лжешь, старик. Тебя там не было. – Ябу впился взглядом в слепого, который замер в испуге. – Меч был сломан и уничтожен после смерти Обаты.

– Нет, Ябу-сама. Это легенда. Я видел, как отец пришел и забрал голову и меч. Кто бы захотел сломать такое произведение искусства? Это было бы святотатством. Отец Обаты забрал его.

– А что он сделал с головой?

– Никто не знает. Некоторые говорят, что он бросил ее в море, потому что любил и почитал нашего господина Тикитаду как брата. Другие говорят, что он закопал ее и прячет в ожидании внука, Ёси Торанаги.

– А ты что думаешь, куда он дел ее?

– Выбросил в море.

– Ты видел это?

– Нет.

Ябу лег на спину, и пальцы слепого продолжили свою работу. Мысль о том, что кто-то еще знает: меч не уничтожен, – странно поразила Ябу. «Надо убить этого Суво, – сказал он себе. – Как мог слепой человек узнать клинок? Он похож на любой другой меч Мурасами, а рукоять и ножны за эти годы несколько раз поменялись. Никто не мог знать, что твой меч – тот самый, что таинственным образом переходит из рук в руки по мере того, как растет мощь Торанаги. Зачем убивать Суво? То, что он жив, только добавляет пикантности всему этому делу. Даже бодрит. Оставь его в живых – убить никогда не поздно. Тем же мечом».

Эта мысль обрадовала Ябу, и он снова отдался мечтам, чувствуя безмятежное спокойствие. «Скоро, – пообещал он себе, – я стану достаточно могучим, чтобы носить меч в присутствии Торанаги. Однажды, может быть, я расскажу ему историю моего меча».

– Что случилось дальше? – спросил он, желая, чтобы голос старика снова убаюкивал его.

– Наступили тяжелые времена, год большого голода, и теперь, когда мой господин был мертв, я стал ронином.

Ронинами звались безземельные, а также не имеющие хозяина крестьяне-воины либо самураи, потерявшие честь или господина, которые были вынуждены скитаться по стране, пока новый повелитель не соглашался принять их на службу. Ронину было трудно найти нового сюзерена. Пищи не хватало, воевать умел едва ли не каждый, и незнакомцам редко когда доверялись. Большинство разбойников, наводнивших глубинные земли и побережье, вышли из ронинов.

– Этот год был очень плохой, и следующий тоже. Я воевал на чьей угодно стороне – битва здесь, стычка там. Мне платили едой. Потом я услышал, что на Кюсю много еды, и тронулся на запад. Той зимой я набрел на буддийский монастырь. Сговорился, что стану там стражником. Полгода защищал монастырь и его рисовые поля от разбойников. Монастырь находился около Осаки, и в то время – задолго до того, как тайко повывел их, – разбойников развелось больше, чем гнуса. Однажды мы попали в засаду, я был тяжело ранен и оставлен умирать. Меня нашли монахи и залечили раны. Но они не могли вернуть мне зрение.

Его пальцы погружались все глубже и глубже.

– Они поселили меня со слепым монахом, от которого я научился делать массаж и видеть пальцами. Теперь мои пальцы видят больше, чем раньше открывалось глазам. Последнее, что я видел, как мне помнится, – это распахнутый рот разбойника, его гнилые зубы, сверкающую дугу меча и после удара – *запах цветов*. Я видел запах во всех его оттенках, Ябу-сама. Это было очень давно, но я видел цвета запаха. Я видел нирвану, я думаю, и только на одно мгновение – лицо Будды. Слепота – небольшая плата за такой подарок, да?

Ответа не последовало. Суво и не ожидал его. Ябу спал, как и было задумано. «Понравился ли вам мой рассказ, Ябу-сама? – Суво спросил это молча, забавляясь про себя, как и следует старому человеку. – Все верно, кроме одного. Монастырь был не возле Осаки, а за вашей западной границей. Имя монаха? Су, дядя вашего врага, Икавы Дзикю.

Я могу так легко сломать вам шею, – думал он. – Это бы понравилось Оми-сану... И пошло бы на пользу деревне. И это была бы расплата – небольшой подарок моему хозяину. Сделать это сейчас? Или позже?»

Спилберген поднял кустистые стебли рисовой соломы, его лицо вытянулось.

– Кто хочет тянуть первым?

Никто не ответил, Блэкторн, казалось, дремал, привалясь к стене в углу, из которого он не выходил. Это было на заходе солнца.

– Кто-то должен вытащить первым, – бросил Спилберген. – Давайте, осталось не так много времени.

Им принесли поесть, и бочонок воды, и еще один бочонок – под парашу. Но ничего, чтобы смыть с себя вонючие помои или почиститься. И налетели мухи. Воздух был зловонный, земля – в грязи и навозе. Большинство моряков разделись до пояса, потея от жары и страха.

Спилберген вглядывался в лица. Он повернулся к Блэкторну:

– Почему, почему они не трогают тебя? А? Почему?

Глаза открылись, они были холодны как лед.

– Говорю в последний раз: не знаю.

– Это нечестно. Нечестно.

Блэкторн вернулся к своим мыслям: «Должен быть способ вырваться отсюда. Должен быть способ попасть на корабль. Этот негодяй убьет нас всех в конце концов. Это так же верно, как то, что Полярная звезда существует. Времени немного, и меня решили не трогать, потому что они что-то замышляют против меня».

Когда закрылся лаз в погреб, все посмотрели на него и кто-то сказал:

– Что мы будем делать?

– Я не знаю.

– Почему вас оставили в покое?

– Не знаю.

– Бог помогает нам, – простонал кто-то.

– Надо навести здесь порядок, – приказал он. – Уберите грязь.

– Но нет даже веника и...

– Убирай руками!

Все подчинились его приказу, а он помогал и как мог почистил генерал-капитана.

– Вот теперь вам будет лучше.

– Как? Как мы должны кого-то выбрать? – спросил Спилберген.

– Не будем выбирать. Мы будем драться с ними.

– Чем драться?

– А вы собираетесь покорно идти на заклатие? Да?

– Не будьте глупцами – я им не нужен.

– Почему? – спросил Винк.

– Я генерал-капитан.

– Мое почтение, господин, – ухмыльнулся Винк. – Может быть, вам следует вызваться добровольно? Вот место для добровольца.

– Очень хорошее предложение, – подхватил Питерзон. – Я буду вторым, ради бога.

Все сразу согласились, и каждый подумал: «Господи Боже, кто-нибудь, кроме меня».

Спилберген уже был готов взорваться и отдать приказ, но умолк под суровыми взглядами и потупился, чувствуя тошноту. Потом выдал из себя:

– Нет. Это будет неправильно... по отношению к добровольцу. У каждого должен быть шанс. Соломинки, одна короче остальных. Мы отдадим себя в руки Божьи. Капитан, держи соломинки.

– Я не собираюсь в этом участвовать. Говорю, мы должны бороться.

– Они убьют нас всех. Вы слышали, что сказал самурай: нам сохранили жизнь – всем, за исключением одного. – Спилберген вытер пот с лица, согнав рой мух, который тут же уселся обратно. – Дайте мне воды. Лучше умереть кому-нибудь одному, чем нам всем.

Ван Некк опустил тыквенную фляжку в бочку и подал ее Спилбергену.

– Нас десять человек. Включая тебя, Паулюс. Хорошие шансы.

– Очень хорошие, если ты не участвуешь. – Винк взглянул на Блэкторна. – Что мы можем против мечей?

– Ты кротко пойдешь в лапы к палачу, если вытащишь короткую соломинку?

– Не знаю.

Ван Некк сказал:

– Мы будем тащить жребий. Пусть нас рассудит Бог.

– Бедный Бог! – вспыхнул Блэкторн. – Должен нести ответ за людскую глупость.

– Как еще выбрать? – крикнул кто-то.

– Мы не можем!

– Мы сделаем, как говорит Паулюс. Он генерал-капитан, – подвел итог ван Некк. – Мы будем тащить соломинки. Так лучше для большинства. Давайте проголосуем. Кто «за»?

Все согласились. За исключением Винка:

– Я согласен с капитаном. К дьяволу вас с этими гребаными ведьмиными соломинками!

В конце концов и Винка убедили. Ян Ропер, кальвинист, прочитал молитвы. Спилберген очень точно отломил десять соломинок. Потом одну из них разломил надвое.

Ван Некк, Питерзон, Сонк, Матсюккер, Гинсель, Ян Ропер, Соломон, Максимилиан Крок и Винк.

Он сказал:

– Кто хочет тянуть первым?

– Как он узнает – тот, кто первым тянет жребий, – что вышла короткая соломинка? Как узнает? – Голос Матсюккера был полон ужаса.

– Мы не узнаем. Не наверняка. Нам бы следовало знать наверняка, – заметил юнга Крок.

– Это легко, – успокоил Ян Ропер. – Давайте поклянемся, что мы сделаем это во имя Бога. Его именем. Умереть за других во имя Бога. Тогда не о чем беспокоиться. Избранник Божий заслужил вечную славу.

Все согласились.

– Ну, Винк. Делай, как говорит Ропер.

– Хорошо. – Губы Винка запеклись. – Если... если это выпадет мне, я клянусь Господом Богом, что пойду с ними, если... если я вытащу жребий. Именем Бога.

Все последовали его примеру. Матсьюккер был так напуган, что ему пришлось подсказывать, прежде чем он понял всю глубину кошмара.

Сонк тащил первым. Питерзон был следующим, затем Ян Ропер и после него Соломон и Крок. Спилберген чувствовал, что стремительными шагами движется к смерти, потому что все согласились, чтобы он не выбирал – ему должна была достаться последняя соломинка, и теперь шансы его таяли.

Гинселю повезло. Остались четверо.

Матсьюккер плакал не таясь, но оттолкнул Винка, взял соломинку и никак не мог поверить, что жребий выпал не ему.

Рука Спилбергена дрожала, и Крок поддержал ее. Моча стекала по его ногам.

«Какую выбрать? – отчаянно спрашивал себя ван Некк. – О Боже, помоги мне! – Его близоруким глазам соломинки виделись как сквозь туман. – Если бы я только мог видеть, может быть, понял, какую выбрать. Какую же выбрать?»

Он вытянул соломинку и поднес к самым глазам, чтобы прочитать свой приговор. Но соломинка была длинной.

Винк уставился на свои пальцы, ухватившие предпоследнюю соломинку, он уронил ее, но каждый разглядел, что она самая короткая. Спилберген раскрыл сжатую в кулак руку, и все увидели, что последняя соломинка была длинной. Генерал-капитан потерял сознание.

Все уставились на Винка. Он беспомощно смотрел перед собой, не видя никого. Чуть пожал плечами и полуулыбнулся, рассеянно

отмахиваясь от мух. Потом сел. Ему освободили место, сторонясь его как прокаженного.

Блэкторн опустился на колени сбоку от Спилбергена.

– Он умер? – спросил ван Некк, его голос был едва слышен.

Винк пронзительно засмеялся, нервируя всех, но неожиданно смолк.

– Я – единственный мертвец, – изрек он. – Я мертв!

– Не бойся. Ты избран Богом. Ты в руках Бога, – увещевал Ян Ропер, его голос звучал уверенно.

– Да, – поддержал ван Некк. – Не бойся.

– Теперь легко, да? – Глаза Винка перебегали от лица к лицу, никто не мог выдержать его взгляда. Только Блэкторн не отвернулся.

– Дай мне воды, Винк, – спокойно попросил он. – Подойди к бочонку и налей мне воды. Ну же!

Винк смотрел на него. Потом взял тыквенную бутылку, наполнил водой и подал ему.

– Боже ты мой, капитан, – пробормотал он, – что же мне делать?

– Сначала помоги мне с Паулюсом, Винк! Делай, что я говорю! Ты хочешь, чтобы все было хорошо?

Винк справился с истерикой, ему помогло спокойствие Блэкторна. Пульс Спилбергена был слабый. Винк послушал его сердце, отвел веки и некоторое время изучал глазные яблоки.

– Я не знаю, капитан, Господи Боже. Я не могу нормально соображать. Думаю, с его сердцем все в порядке. Ему нужно сделать кровопускание. Но я не могу – не могу сосредоточиться... Дайте мне время. – Он устало замолчал, сел, привалясь спиной к стене. Его начало трясти.

Крышка люка открылась.

Лучи заходящего солнца с особенной резкостью очертили силуэт Оми на фоне неба, окрасив его кимоно в цвет крови.

Глава 4

Винк попытался заставить ноги идти, но не смог. Он много раз в своей жизни сталкивался лицом к лицу со смертью, но никогда это не было так беспросветно. Все определилось соломинками. «Почему я? – кричал его мозг. – Я не хуже других и лучше многих. Господи Боже на небесах, почему я?»

В погреб спустили приставную лестницу. Оми показал жестами, чтобы подошел один человек, и быстро.

– *Исогу!* (Поторопись!)

Ван Некк и Ян Ропер молча молились, их глаза были закрыты. Питерзон не мог смотреть. Блэкторн наблюдал за Оми и его человеком.

– *Исогу!* – пролаял опять Оми.

Еще раз Винк попытался встать.

– Кто-нибудь, помогите мне. Помогите мне встать!

Питерзон, который был ближе всех, наклонился, просунул руку Винку под мышку и помог ему, тут Блэкторн встал у лестницы, утвердив ноги в грязи.

– *Киндзиру!* – крикнул он, используя слово, услышанное на корабле.

Сдавленный крик раздался по всему погребу. Рука Оми сжала меч, он двинулся к лестнице. Блэкторн тут же повернул ее, подстрекая Оми поставить туда ногу.

– *Киндзиру!* – повторил он.

Оми остановился.

– Что происходит? – спросил Спилберген, напуганный, как и все остальные.

– Я сказал ему, что это запрещено! Никто из моей команды не пойдет на смерть без боя.

– Но мы согласились!

– Я – нет.

– Ты сошел с ума!

– Все правильно, капитан, – прошептал Винк. – Я... Мы согласились, и это было честно. Это Божья воля. Я собираюсь... то

есть... – Он ощупью пробирался к лестнице, но Блэкторн стеной стоял на его пути, обратив лицо к Оми.

– Ты не пойдешь без боя. Никто из вас.

– Отойди от лестницы, капитан! Тебе приказали убратся! – Спилберген, шатаясь, стоял в своем углу, как можно дальше от лестницы. Его голос сорвался на визг. – Капитан!

Но Блэкторн не слушал.

– Приготовься!

Оми отступил на шаг и что-то прорычал своему человеку. Сразу же самурай, за которым следовали два других, начал спускаться по ступенькам, они вынимали мечи из ножен. Блэкторн повернул лестницу и схватился с первым, уклонясь от мощного удара мечом и ухватив врага за горло.

– Помогите мне! Ну давайте! Ради спасения ваших же жизней!

Блэкторн изменил захват, чтобы стащить самурая со ступенек, напрягаясь до боли, в то время как второй японец тыкал вниз мечом. Винк вышел из каталепсии и бесстрашно бросился на самурая. Он помешал удару, который грозил отсечь Блэкторну запястье, удержал размахивающую мечом руку и ударил японца кулаком в пах. Самурай, хватая воздух ртом, отчаянно лягался. Винк, казалось, почти не заметил удара. Он вскарабкался по ступенькам и рванулся к японцу, стремясь отнять у него меч, – его ногти рвали врагу глаза. Два других самурая были стеснены в движениях ограниченным пространством и Блэкторном, но удар одного из них пришелся Винку в лицо, и тот отшатнулся в сторону. Самурай ударил Блэкторна мечом, промахнулся, после чего вся команда бросилась к лестнице.

Крок молотил кулаком по подъему стопы самурая и чувствовал, что косточка подается. Японец успел выкинуть свой меч наружу, не желая, чтобы клинок достался врагу, и тяжело упал в грязь. Винк и Питерзон навалились на него. Он яростно защищался, а остальные накнулись на другого самурая. Блэкторн поднял японский зазубренный короткий меч и полез по лестнице. Крок, Ян Ропер и Соломон последовали за ним. Оба самурая отступили и стояли у входа с мечами наготове. Блэкторн знал, что его клинок бесполезен против мечей. Даже когда за спиной такая подмога. В тот момент, когда его голова появилась над землей, один из мечей рассек воздух над его

макушкой в доле дюйма. Сильный удар невидимого ему самурая опять сбросил его в яму.

Он отпрянул назад, прочь от корчащейся массы дерущихся людей, которые пытались окунуть самурая в вонючую грязь. Винк ударил японца ногой сзади по шее, и тот обмяк. Винк продолжал пинать врага, пока Блэкторн не оттащил его.

– Не убивай! Мы можем использовать его как заложника! – крикнул он и сильно дернул за лестницу, пытаясь стащить ее в погреб. Но она была слишком длинна. Наверху еще один самурай и Оми бесстрастно ждали у люка.

– Ради Бога, капитан, прекрати это! – задыхаясь, вопил Спилберген. – Они убьют нас всех! Ты убьешь нас всех! Остановите его кто-нибудь!

Оми бросил еще несколько приказов, и сильные руки наверху не дали Блэкторну загородить вход лестницей.

– Берегись! – прокричал он.

Еще три самурая, с короткими клинками, в одних набедренных повязках, быстро спрыгнули в погреб. Первые два сразу набросились на Блэкторна, повалили его на пол, пренебрегая собственной безопасностью, потом яростно атаковали.

Блэкторн уступил нечеловеческой силе. Он не мог пользоваться своим оружием, чувствовал, что его воля к борьбе иссякает, и сожалел, что не владеет искусством рукопашного боя, какое ему показал Мура. Он знал, что продержится недолго, но все-таки сделал последнюю попытку и выдернул руку. Жестокий удар пришелся ему в голову, а еще один разорвался в мозгу разноцветными звездами, но он все еще дрался.

Винк молотил кулаками самурая, когда другой упал на него сверху из люка. Матсюккер вскрикнул – меч вспорол ему руку. Ван Некк попытался вслепую замахнуться и ударить, а Питерзон умолял: «Ради Бога, бейте его, а не меня», но купец не слышал, охваченный ужасом.

Блэкторн схватил одного японца за горло, но пальцы скользили по грязной и потной коже. Он почти вскочил, как бешеный бык, пытаясь стряхнуть с себя противников, когда последний удар погрузил его в темноту. Три самурая пробивались вверх, и команда, оставшись без вожака, отступила перед описывающими дуги и рассекающими плоть мечами. Самураи овладели погребом, теперь он был во власти их

стремительных, как вихри, клинков. Они не пытались убить или покалечить, а только хотели оттеснить пыхтящих, напуганных людей к стенам, подальше от лестницы, туда, где неподвижно лежали Блэкторн и первым вступивший в бой самурай.

Оми, сохраняя высокомерную мину, спустился в погреб и схватил ближайшего к нему пленника – им оказался Питерзон. Японец толкнул его по направлению к лестнице.

Питерзон вскрикнул и попытался вырваться, однако лезвие скользнуло по его запястью, а другое полоснуло выше. Пронзительно вопящий моряк был прижат спиной к лестнице.

– Боже, помоги мне, это не я! Не я должен идти! Это не я, не я! – Питерзон поставил обе ноги на перекладину и все отступал назад и вверх от мелькающих клинков. Потом, крикнув в последний раз: – Помогите, ради Бога! – повернулся и, бессвязно мыча, выскочил на воздух.

Оми, не торопясь, следовал за ним.

Один самурай отступил, потом другой. Третий поднял клинок, которым завладел Блэкторн. Он презрительно повернулся спиной к чужеземцам, наступил на распростертое тело поверженного товарища и поднялся вверх.

Лестницу убрали. Вольный воздух, небо и свет исчезли. Болты, грохоча, заняли свои места. Остались только уныние и хрипы, рвущиеся из бешено вздымающейся грудной клетки, неровное сердцебиение, пот ручьем и зловоние. Вернулись мухи.

Какое-то время никто не двигался. Ян Ропер отделался небольшим порезом на щеке, рана Матсюккера сильно кровоточила, другие пребывали в шоке. За исключением Соломона. Он ощупью добрался до Блэкторна, стащил его с лежащего без сознания самурая. Капитан издал какой-то гортанный звук и показал на воду. Крок принес немного в тыквенной бутылке, помог усадить Блэкторна, все еще не пришедшего в сознание, спиной к стене. Вместе они начали счищать с его лица грязь.

– Когда эти негодяи... когда они навалились на него, мне слышался треск – будто сломались его шея или плечо, – сказал юноша, его грудь вздымалась. – Он выглядит как мертвец, Боже мой!

Сонк заставил себя встать на ноги и подошел к ним. Аккуратно подвигав голову Блэкторна из стороны в сторону, он ощупал плечи:

– Кажется, все нормально. Подождем, пока он придет в себя и заговорит.

– О Боже мой, – скулил Винк. – Питерзон, бедняга, будь я проклят, будь я проклят...

– Ты собирался пойти. Капитан тебя остановил. Ты собирался идти, как обещал, я видел, клянусь. – Сонк потряс Винка, но тот не обращал внимания. – Я видел, Винк. – Он повернулся к Спилбергену, отмахиваясь от мух. – Разве не так?

– Да, он собирался. Винк, перестань реветь! Это вина капитана. Дай мне немного воды.

Ян Ропер зачерпнул воды тыквенной бутылкой, напился и обмыл рану на щеке.

– Винк должен был идти. Бог избрал его жертвой. Он был обречен. И теперь его душа погибла. О Господи, прояви к нему милосердие, он будет гореть в аду целую вечность.

– Дайте мне воды, – простонал генерал-капитан.

Ван Некк взял бутылку у Яна Ропера и передал ее Спилбергену.

– Винк не виноват, – сказал ван Некк устало. – Он не мог встать, разве вы не помните? Он просил кого-нибудь помочь ему подняться. Я был так напуган, что не мог не то что подойти – двинуться.

– Винк не виноват, – твердил Спилберген. – Нет. Виноват он! – Все поглядели на Блэкторна. – Он сумасшедший.

– Все англичане сумасшедшие, – буркнул Сонк. – Вы знали хоть одного нормального? Поскреби любого из них – и обнаружишь маньяка и пирата.

– Все они негодяи! – согласился Гинсель.

– Нет, не все, – возразил ван Некк. – Капитан сделал то, что считал правильным. Он защищал нас и вел через чужие моря десять тысяч лиг.

– Защищал нас? Иди ты знаешь куда? Нас было пятьсот, когда мы отплывали, и пять кораблей. Теперь нас всего девять!

– Это не его вина, что флот разметало по сторонам. Это не его вина, что штормы...

– Если бы не он, мы бы остались в Новом Свете. Это он сказал, что мы можем добраться до Японии. О Боже, посмотрите, где мы теперь!

– Мы все согласились, что попробуем доплыть до Японии. Мы все согласились, – устало напомнил ван Некк. – Мы все проголосовали.

– Да. Но это он нас убедил.

– Смотрите! – Гинсель указал на самурая, который ворочался и стонал.

Сонк быстро скользнул к нему, ударил кулаком в челюсть. Японец опять потерял сознание.

– Боже мой! Зачем эти негодяи оставили его здесь? Могли же без особого труда вынести отсюда. И мы ничего не можем сделать.

– Думаешь, приняли за мертвого?

– Не знаю! Не слепые же они? Боже мой, как бы я хотел выпить холодного пива, – вздохнул Сонк.

– Оставь его, Сонк, не убивай. Он заложник. – Крок поглядел на Винка, который сидел согнувшись у стенки, погруженный в самобичевание. – Бог поможет нам. Что они сделают с Питерзоном? Что они сделают с нами?

– Это капитан виноват, – бормотал Ян Ропер. – Один он.

Ван Некк взгляделся в Блэкторна:

– Теперь это не имеет значения. Понимаете? Чья бы это вина ни была.

Матсьюккера пошатывало, кровь все еще текла с предплечья.

– Я ранен. Помогите мне кто-нибудь.

Соломон оторвал кусок от рубашки, сделал жгут и остановил кровь. Рана на бицепсе Матсьюккера оказалась глубокой, но ни вена, ни артерия не были задеты. Мухи слетались на кровь.

– Проклятые твари! И Бог отправит капитана в преисподнюю, – ворчал Матсьюккер. – Договорились же, так нет! Он должен был спасти Винка! Теперь на его совести кровь Питерзона, и мы все из-за него пострадаем.

– Заткнись! Он сказал, никто из его команды...

Наверху раздались шаги. Открылся люк. Крестьяне начали опорожнять бочки с помоями в погреб. Когда они остановились, пол был затоплен на шесть дюймов.

Вопли прорезали ночной воздух, когда луна поднялась высоко.

Ябу сидел, подобрав под себя ноги, во внутреннем садике дома Оми. Без движения. Он созерцал лунный свет, заблудившийся в кроне

цветущего дерева, – ветви взметнулись на фоне светлеющего неба, соцветия были слегка окрашены. Лепесток падал кружась, а Ябу думал, как он прекрасен.

Упал еще один лепесток. Ветер вздохнул и сдул другой. Дерево едва ли достигало человеческого роста; его корни терялись между двумя замшелыми камнями, которые, казалось, росли из земли – так искусно они были размещены.

Вся воля Ябу ушла на то, чтобы сосредоточиться на дереве и цветах, море и ночи, чувствовать мягкое прикосновение ветра, ловить запах морской свежести, думать о стихах – и все-таки держать сознание открытым для звуков смертельной муки. Он ощущал слабость в позвоночнике, и только воля делала его крепким как камень. Сознание этого обостряло его слух, ставший тоньше, чем нужно, чтобы слышать речь человека. И сегодня вечером его воля была сильнее и яростнее, чем когда-либо.

– Оми-сан, сколько времени еще пробудет у нас господин? – донесся из дома испуганный шепот матери Оми.

– Не знаю, – сказал Оми.

– Эти крики так ужасны. Когда они прекратятся?

– Не знаю.

Они сидели за перегородкой во второй парадной комнате. Первая – комната матери – была отдана Ябу, и обе выходили в сад, который был устроен с таким тщанием. Они могли видеть Ябу через решетку, дерево бросало красивые узорные тени на его лицо, лунный свет играл отблесками на рукоятках его мечей. Он надел черную куртку хаори поверх темного кимоно.

– Я хочу пойти спать, – пролепетала женщина, вздрогнув. – Но глаз не смогу сомкнуть от этих звуков. Когда они прекратятся?

– Я не знаю. Потерпите, мама, – мягко уговаривал Оми. – Скоро все стихнет. Завтра господин Ябу вернется в Эдо. Пожалуйста, будьте терпеливой. – Но Оми знал, что пытки продлятся до рассвета. Так было задумано.

Он попробовал сосредоточиться. Его господин медитировал под вопли, и он опять попробовал последовать его примеру. Однако новый пронзительный крик вернул его к действительности, и он подумал: «Я не могу. Пока еще не могу. У меня нет его власти над собой и энергии. Или дело не в энергии?»

Он мог ясно видеть лицо Ябу. Пытался разгадать странное выражение на лице даймё: слабый изгиб полных дряблых губ, пятна слюны в уголках рта, глаза, утопленные в темных щелях, которые двигались только вслед за падающими лепестками. Ябу словно только что достиг любовного экстаза – почти достиг, – не дотрагиваясь до себя. Возможно ли это?

Впервые Оми оказался так близко от своего дяди – он считался мелким звеном в цепочке клана, его владения в Андзиро и окрестностях не сулили ни богатства, ни власти. Оми был младшим из троих сыновей своего отца, Мидзуно, имевшего шестерых братьев. Ябу, старший брат, возглавлял клан Касиги, отец Оми был вторым по старшинству. Оми исполнился двадцать один год, и у него имелся сын.

– Где твоя несчастная жена? – недовольно заныла старуха. – Я хочу, чтобы она растерла мне спину и плечи.

– Она должна была навестить отца, вы разве не помните? Он очень болен, мама. Давайте я это сделаю.

– Нет. Ты можешь послать потом за служанкой. Твоя жена очень невнимательна. Она могла подождать несколько дней. Я проделала такой путь из Эдо, чтобы навестить тебя. Две недели по ужасной дороге, и что же? Я прожила только неделю, и она уезжает. Она должна была подождать! Бездельница – вот она кто. Твой отец сделал очень большую ошибку, устроив твою женитьбу на ней. Тебе следовало бы потребовать, чтобы она уехала, – развестись с лентяйкой раз и навсегда. Она даже не может хорошо помассировать мне спину. В самом крайнем случае ты должен был задать ей хорошую взбучку. Эти ужасные вопли! Почему они не прекращаются?

– Они кончатся. Очень скоро.

– Тебе бы следовало задать ей хорошую порку.

– Да. – Оми подумал о своей жене Мидори, и его сердце подпрыгнуло. «Она такая красивая, изящная, мягкая и умная, ее голос так чист, а в музыке она искусней лучшей куртизанки в Идзу».

– Мидори-сан, ты должна немедленно уехать, – шепнул он ей тайком.

– Оми-сан, мой отец не так болен, а мое место здесь, мой долг – ухаживать за вашей матерью, разве не так? – ответила она. – Если приедет господин даймё, нужно будет подготовить дом. О, Оми-сан, это так важно, самый важный момент во всей вашей службе, да? Если

господину Ябу понравится, может быть, он даст вам владения получше. Вы заслуживаете намного лучшего! Если что-нибудь случится, пока меня не будет, я никогда не прощу себе. Первый раз вы имеете возможность отличиться, и это должно произойти. Он должен приехать. Пожалуйста, нужно так много сделать!

– Да, но мне бы хотелось, чтобы ты уехала сразу, Мидори-сан. Останься там на два дня, потом поторопись опять домой.

Она просила, но он настаивал, и она уехала. Он хотел, чтобы жена уехала из Андзиро до прибытия Ябу на все то время, что дядя будет гостем в его доме. Не то чтобы даймё рискнул бы без разрешения тронуть его жену. Это было бы неразумно, потому что он, Оми, по закону имел бы право, честь и обязанность убить даймё. Но он заметил, как Ябу следил за Мидори сразу после того, как они поженились в Эдо, и хотел убрать возможный источник раздражения, все, что могло вывести из себя или смутить его господина, пока он здесь. Это было так важно – поразить Ябу-сама сыновней преданностью, предусмотрительностью и советами. И во всем он превзошел все возможное. Корабль оказался сокровищем, и команда тоже. Все было совершенно.

– Я просила нашего домашнего *ками* присмотреть за вами, – сказала Мидори перед отъездом, имея в виду особого духа, который, согласно верованиям синто, заботится о доме, – и послала в буддийский монастырь за монахами – читать молитвы. Я сказала Суво, чтобы он постарался, и отправила письмо Кику-сан. О, Оми-сан, пожалуйста, позвольте мне остаться!

Он улыбнулся и отправил ее к отцу – слезы портили краску на лице.

Оми было грустно без нее, но он радовался, что жена уехала. Вопли причинили бы ей еще больше страданий.

Мать его морщилась на ветру, как под пыткой, поводила плечами, чтобы облегчить боль в суставах – сегодня вечером они разболелись. «Это морской бриз с запада, – подумала она. – И все-таки здесь лучше, чем в Эдо. Там слишком болотистая местность и слишком много москитов».

Ей были видны мягкие очертания фигуры Ябу в саду. Втайне она ненавидела его и желала ему смерти. Если бы Ябу умер, Мидзуно, ее муж, стал бы главой клана и даймё Идзу. Это было бы очень хорошо.

Остальные братья, их жены и дети раболепствовали бы перед ней, и, конечно, Мидзуно-сан сделал бы Оми своим наследником после смерти Ябу.

Боль в шее заставила ее пошевелиться.

– Я позову Кику-сан, – сказал Оми, имея в виду куртизанку, которая терпеливо дожидалась Ябу в соседней комнате, вместе с мальчиком. – Она очень умелая.

– Я в порядке, только немного устала. Ну хорошо. Она может сделать мне массаж.

Оми вошел в соседнюю комнату. Постель – два тюфяка-футона, нижний и верхний, – лежала на циновках татами. Кику поклонилась, попыталась улыбнуться и пробормотала, что польщена предложением показать свое скромное искусство на самой заслуженной матери семейства. Она была бледнее обычного, и Оми видел, что вопли действовали и на нее тоже. Мальчик пытался не показывать страха.

Когда слышались первые крики, Оми пришлось приложить огромные усилия, чтобы убедить ее остаться.

– О, Оми-сан, я не могу вынести – это ужасно. Извините, пожалуйста, позвольте мне уйти. Я пыталась заткнуть уши, но не помогло. Бедный человек – это ужасно.

– Пожалуйста, Кику-сан, пожалуйста, потерпите. Так приказал Ябу-сама, понимаете? Ничего нельзя сделать. Это скоро кончится.

– Это слишком, Оми-сан. Я не могу этого вынести.

По сохранившемуся обычаю деньги ничего не значили, если девушка или ее хозяйка хотели отказать клиенту, кто бы он ни был. Кику была куртизанкой первого класса, самой известной в Идзу. Оми сознавал, что она не может соперничать с куртизанками, даже второго класса, из Эдо, Осаки или Киото, но здесь она была на высоте, законно гордилась собой и считала себя исключительным существом. И хотя Оми согласился уплатить ее хозяйке, мама-сан Гёко, в пять раз больше обычной цены, он все еще не был уверен, что Кику останется.

Теперь он смотрел, как ее проворные пальцы бегут по шее его матери. Кику была красива, миниатюрная, с прозрачной кожей, такая нежная. Обычно в ней ключом била жизнь, в ней была своя изюминка. «Но как может такая игрушка сохранять веселость под гнетом стенаний?» – спросил он себя. Ему радостно было следить за ней, радостно представлять ее тело и ее тепло...

Внезапно вопли прекратились.

Оми слушал с полуоткрытым ртом, напряженно ловя малейший шум, он ждал. Он заметил, что пальцы Кику остановились, его мать перестала жаловаться, старательно прислушиваясь. Он взглянул через решетку на Ябу. Даймё оставался недвижим, как статуя.

– Оми-сан! – позвал наконец Ябу.

Оми встал, вышел на веранду из полированного дерева и поклонился:

– Да, господин.

– Пойди и посмотри, что случилось.

Оми опять поклонился и зашагал через сад наружу, на аккуратно выложенную булыжником дорогу, которая вела с холма вниз в деревню и на берег. Далеко у подножия он мог разглядеть огонь около пристани и мужчин возле него. На площади, которая выходила к морю, он видел люк погребов и четырех стражников.

Подходя к деревне, он узрел корабль, надежно стоящий на якоре, масляные лампы на палубах и на привязанных к нему лодках. Жители деревни – мужчины, женщины и дети – все еще выгружали содержимое трюма, и рыбацкие лодки и шлюпки сновали вперед-назад, как множество светлячков. Аккуратные кучки тюков и мешков росли на берегу. Семь пушек уже были там, и еще одну на веревках спускали с лодки на мол и оттуда – на песок.

Оми передернул плечами, хотя не было намека на ветер. Обычно жители деревни во время своих работ пели, и от хорошего настроения, и потому, что это помогало действовать в лад. Но сегодня вечером деревня необычно притихла, хотя каждый дом бодрствовал и каждый работал, даже больные. Люди юркали то туда, то сюда. Молча. Даже собаки молчали.

«Раньше так никогда не было, – подумал он, его рука без всякой на то нужды сжала меч. – Похоже, деревенские Kami оставили нас».

Мура подошел с берега, чтобы встретить его, предупреждая момент, когда Оми откроет калитку. Староста поклонился:

– Добрый вечер, Оми-сама. Корабль будет разгружен к полудню.

– Варвар умер?

– Не знаю, Оми-сама. Я пойду и посмотрю сейчас же.

– Ты можешь пойти со мной.

Мура послушно направился за ним, отстав на полшага. Оми, к своему удивлению, был рад его компании.

– К полудню, говоришь? – спросил Оми, которому не нравилась тишина.

– Да. Все идет хорошо.

– А чем прикроем груз?

Мура показал на группы старух и детей, которые плели толстые маты возле навеса для сетей. Среди них был Суво.

– Мы можем снять пушки с лафетов и завернуть их. Нам нужно по крайней мере по десять человек на каждую для переноски. К Игураси-сану уже послали за дополнительными носильщиками в соседнюю деревню.

– Хорошо.

– Я забочусь о том, чтобы была сохранена тайна, господин.

– Игураси-сан будет удивлен тем, что понадобились носильщики, да?

– Оми-сама, мы останемся без мешков для риса, без бечевы, без сетей, без соломы для матов.

– Ну и что?

– Как потом станем ловить рыбу и в чем хранить урожай?

– Ты найдешь выход. – Голос Оми стал строже. – Ваша подать увеличивается наполовину. Ябу-сан приказал сегодня ночью.

– Мы уже заплатили подать за этот год и за следующий.

– Такова обязанность крестьян, Мура, ловить рыбу и пахать, собирать урожай и платить подать. Не так ли?

Мура сказал спокойно:

– Да, Оми-сама.

– Староста, который не может управлять своей деревней, не нужен, да?

– Да, Оми-сама.

– Тот рыбак, он был глуп и непочтителен. Еще есть такие?

– Никого, Оми-сама.

– Надеюсь, что так. Плохие манеры непростительны. Его семья облагается податью, равноценной одному коку риса, – пусть платят рыбой, рисом, зерном, чем угодно. В течение трех месяцев.

– Да, Оми-сама.

Оба – и Мура, и самурай Оми – знали, что этот налог не по силам семье. Она владела рыбачьей лодкой и рисовым полем в полгектара, с которого кормились трое братьев Тамадзаки – теперь двое, – их жены, четверо сыновей, три дочери и вдова Тамадзаки с тремя детьми. Коку риса семье хватило бы для пропитания в течение года. Эта мера объема равнялась пяти бушелям. Почти триста пятьдесят фунтов риса. Весь доход государства измерялся коку. И все налоги.

– Куда придет Земля богов, если мы забудем о вежливости? – спросил Оми. – И те, что над нами, и те, что под нами?

– Да, Оми-сама. – Мура прикидывал, где взять этот один коку, потому что если не могла платить семья, то должна была заплатить деревня.

«И где взять мешки, веревки и сети? Кое-что можно придержать. Деньги одолжить. Староста соседней деревни мне обязан. А! Разве старшая дочка Тамадзаки не шестилетняя красotka и разве шесть лет не самый подходящий возраст, чтобы продать девочку? И разве не самый лучший перекупщик детей в Идзу – двоюродный брат сестры матери, жадный до денег, лысый, отвратительный старый хрыч?» Мура вздохнул, зная, что ему предстоит яростный торг. «Не беспокойся, – подумал он, – за девочку можно получить даже два коку. Она, конечно, стоит гораздо больше».

– Я приношу извинения за недостойное поведение Тамадзаки, – произнес он.

– Это была его вина, не твоя, – вежливо ответил Оми.

Но оба они знали: за каждого в деревне отвечает Мура и всем лучше, что Тамадзаки больше нет. Тем не менее оба были удовлетворены. Извинение принесено и принято к сведению, но отклонено. Таким образом, честь обоих мужчин сохранена.

Они повернули за угол пристани и остановились. Оми колебался, потом показал Муре, что тот может уйти. Староста отвесил поклон и с благодарностью удалился.

– Он мертв, Дзукимото?

– Нет, Оми-сан. Только без сознания.

Оми подошел к большому железному котлу. Жители деревни использовали его для вытапливания ворвани, когда добывали китов далеко в море зимой, или для варки рыбьего клея, что было типичным деревенским промыслом.

Варвар по плечи был погружен в кипящую воду. Его лицо побагровело, рот исказился в гримасе, обнажившей гнилые зубы.

На закате Оми видел, как Дзукимото, надувшись от важности, наблюдал за приготовлениями. Варвара связали, как цыпленка, так что руки обхватывали подтянутые к груди колени, а кисти свободно висели у стоп, и опустили в холодную воду. Все это время маленький красноголовый варвар, с которого Ябу хотел начать, что-то бормотал, смеялся и всхлипывал, а христианский священник читал свои проклятые молитвы.

Потом под котлом развели огонь и стали подкладывать дрова. Ябу на берегу не было, но его приказы доходили немедленно и тут же исполнялись. Варвар кричал, бредил, потом попробовал биться головой о край котла, пытаясь размозжить ее, но в этом ему воспрепятствовали. И опять молитвы, рыдания, обмороки, возвращение к жизни, панические крики – еще до того, как боль заявила о себе. Оми пытался следить за происходящим, как вы бы следили за принесением в жертву мухи, стараясь не видеть человека. Но он не смог и ушел при первой же возможности. Он обнаружил, что не получает удовольствия от чужих мучений. «В этом нет достоинства, – решил он, радуясь случаю узнать правду о том, чего никогда не видел раньше. – В этом нет чести ни для жертвы, ни для мучителя. Смерть лишили достоинства, а без достоинства что есть конечная точка жизни?»

Дзукимото спокойно потыкал в оголенное кипятком мясо на ноге палочкой, как делают, когда хотят убедиться, готова ли вареная рыба.

– Он скоро придет в себя. Удивительно, какой он живучий. Я не думаю, что они устроены так же, как и мы. Очень интересно, да? – спросил Дзукимото.

– Нет, – отрезал Оми, ненавидя его.

Дзукимото постоянно был настороже, и его вкрадчивость вернулась.

– Я ничего такого не имел в виду, Оми-сан, – заметил он с глубоким поклоном. – Вовсе ничего.

– Конечно. Господин Ябу доволен, что вы так хорошо все устроили. Необходимо большое искусство, чтобы огонь не слишком разгорался, но и не затухал.

– Вы слишком добры, Оми-сан.

– Вы занимались этим раньше?

– Не совсем этим. Но господин Ябу удостоил меня доверием. Я только пытаюсь порадовать его.

– Он хочет знать, сколько еще протянет этот человек.

– Не доживет до рассвета. При большой осторожности с моей стороны.

Оми задумчиво осмотрел котел. Потом поднялся на берег к площади. Все самураи встали и поклонились.

– Здесь все успокоилось, Оми-сан, – сообщил один из них со смехом, ткнув большим пальцем в сторону люка. – Сначала они переговаривались, голоса были сердитые, и несколько раз слышались звуки ударов. Двое, а может и больше, плакали, как испуганные дети. Но после этого давно уже тихо.

Оми прислушался. Он мог слышать глухой плеск воды и отдаленное бормотание. Случайный стон.

– А Масидзиро? – спросил он о самурае, который, выполняя его приказ, остался внизу.

– Мы не знаем, Оми-сан. Он не отзывается. Возможно, умер.

«Как мог Масидзиро оказаться таким беспомощным? – подумал Оми. – Поддаться беззащитным людям, большинство которых больны! Позор! Лучше бы он умер».

– Завтра не давайте ни воды, ни пищи. В полдень поднимите трупы, понятно? И я хочу, чтобы привели их главаря. Одного.

– Да, Оми-сан.

Оми вернулся к огню и дождался, когда варвар откроет глаза. После этого он направился в сад и доложил, что, по словам Дзукимото, пытка еще мучительней на ветру.

– Ты посмотрел в глаза варвара?

– Да, Ябу-сама.

Оми встал на колени позади даймё в десяти шагах. Ябу оставался неподвижным. Лунный свет затушевал его кимоно и высветил рукоятку меча, похожую на фаллос.

– Что, что ты увидел?

– Безумие. Сущность безумия, я никогда не видел таких глаз. И беспредельный ужас.

Мягко упали еще три лепестка.

– Сложи о нем стихи.

Оми пытался заставить свой мозг работать. Потом, желая быть точным, продекламировал:

Его глаза
У края преисподней —
Вся боль
Заговорила в них.

Крики неслись вверх, они стали слабее, но расстояние, казалось, делало их пронзительнее.

Ябу произнес нараспев:

Если вы позволите
Их холоду достичь
Больших глубин,
То станете единым целым
В неизреченной тайне.

Оми долго думал об этом среди ночной красоты.

Глава 5

Как раз перед первым лучом солнца крики прекратились.

Теперь мать Оми уснула. И Ябу.

Деревня на рассвете по-прежнему бодрствовала. Еще нужно было доставить на берег четыре пушки, пятьдесят бочонков пороха, тысячу пушечных ядер.

Кику лежала под одеялом, следя за тенями на стене. Она не спала, хотя и была утомлена более, чем когда-либо. Тяжелый храп старухи в соседней комнате заглушал мягкое глубокое дыхание даймё рядом с ней. Мальчик беззвучно спал на других одеялах, одна его рука лежала на глазах, закрывая их от света.

Слабая дрожь пробежала по телу Ябу, и Кику задержала дыхание. Но он не проснулся, и это обрадовало ее: она поняла, что очень скоро сможет уйти, не беспокоя его. Терпеливо ожидая, она заставила себя думать о приятном. «Всегда помни, дитя, – внушала ей первая учительница, – что думать о плохом действительно легче всего. Чем больше о нем думаешь, тем больше накликаешь на себя несчастья. Думать о хорошем, однако, непросто, это требует усилий. Это одна из тех вещей, которые учат владеть собой. Так что приучай свой мозг задерживаться на аромате духов, прикосновении шелка, ударах капель дождя о сёдзи, изгибах цветочного лепестка, спокойствии рассвета. Потом, по прошествии времени, тебе не придется делать больших усилий и ты будешь ценить себя, ценить наше ремесло и славить наш мир – „мир ив“».

Она предвкушала удовольствие, с каким скоро примет ванну, – оно сотрет эту ночь, – думала о предупредительной ласке рук Суво. Она думала о том, как будет смеяться с другими девушками и мама-сан Гёко, как они обменяются сплетнями, слухами и забавными историями, о чистом, таком чистом кимоно, которое она наденет сегодня вечером, золотом, в желтых и зеленых цветах и подобранной в тон ленте для волос. После ванны она уберет волосы, а из денег, полученных за прошедшую ночь, она сможет покрыть часть долга хозяйке, Гёко-сан, послать немного денег своему отцу-крестьянину

через менялу и кое-что оставить себе. Потом она увидится с возлюбленным, и это будет прекрасный вечер.

«Жизнь очень хороша, – подумала она. – Да. Но очень трудно забыть об этих криках. Невозможно. Другие девушки будут так же несчастны, и бедная Гёко-сан! Но не думай об этом. Завтра мы все уедем из Андзиро и отправимся домой, в наш милый чайный домик в Мисиме, самом большом городе Идзу, который вырос вокруг самого большого замка даймё в Идзу. Я сожалею, что госпожа Мидори послала за мной.

Не глупи, Кику, – сказала она себе строго. – Тебе следовало бы извиниться. Ты не сожалеешь, да? Было честью служить нашему господину. Теперь, когда ты удостоена такой чести, твоя цена у Гёко-сан станет выше, чем когда-либо, не так ли? Это был опыт, и теперь ты будешь известна как госпожа ночи рыданий, и, если тебе повезет, кто-нибудь напишет песню о тебе, – может быть, песню исполнят в самом Эдо. О, это будет хорошо! Тогда, конечно, твой возлюбленный выкупит твой контракт, и ты будешь жить в безопасности и довольстве и родишь сыновей».

Она улыбнулась своим мыслям. «О, какие песни сложат о сегодняшнем вечере во всех чайных домиках по всему Идзу! О господине даймё, который сидел без движения и, слушая вопли, истекал потом. И всем захочется узнать, что он делал в постели. Зачем понадобился мальчик. И было ли хорошо. Что говорила и делала госпожа Кику, что делал и говорил господин Ябу. Был ли его „несравненный пест“ небольшой или полный. Было ли это один раз, или дважды, или вообще ни разу. Не случилось ли чего».

Тысяча вопросов. Но никто никогда прямо не ответит. «Это мудро, – подумала Кику. – Первое и последнее правило „мира ив“ – хранить тайну, никогда не говорить о том, с кем ложишься, его привычках или о том, сколько он платит, быть надежной. Если кто-то еще расскажет, что ж, это его дело. Когда стены из бумаги и дома такие маленькие, а люди верны своей природе, происходящее в постели порождает толки и песни – в них не все правда, есть преувеличения, потому что люди есть люди, не так ли? Но ни слова от самой госпожи. Можно изогнуть бровь или нерешительно пожать плечами, коснуться совершенной прически или складки кимоно – вот и все, что позволено. Этого всегда достаточно, если девушка умна».

Когда крики прекратились, Ябу остался неподвижным, как вечность в лунном свете, но потом он встал. Она сразу же заторопилась в другую комнату, ее кимоно шуршало, как морские волны на песке ночью. Мальчик был испуган, но пытался не показать этого и вытирал слезы, навернувшиеся на глаза во время пытки. Она ободряюще улыбнулась ему, силясь казаться спокойной, хотя спокойствия не чувствовала.

Потом в дверях появился Ябу. Он был весь в поту, лицо строгое, глаза полузакрыты. Кику помогла ему снять мечи, пропитанные потом кимоно и набедренную повязку. Она вытерла его, подала просушенное на солнце кимоно и повязала шелковый пояс. Попробовала заговорить с ним, но он прижал к ее губам мягкий палец.

Потом он подошел к окну и взглянул на заходящий диск луны, словно пребывал в трансе, покачиваясь на ногах. Она оставалась спокойной, страха не было – чего ей бояться? Он мужчина, она женщина, обученная быть женщиной, приносить мужчинам удовольствие всеми возможными способами. Но не причинять или терпеть боль. Существовали другие девушки, искушенные в подобных забавах. Легкие шлепки для остроты любовных ощущений, получаемые и отвешиваемые ею, не в счет – они всегда были в пределах разумного и достойного, ведь она госпожа, принадлежащая к «миру ив», первого класса, с ней нельзя обращаться пренебрежительно – только с уважением. Ее учили держать мужчину в повиновении, до известных пределов. Иногда он становился неуправляемым, и это было ужасно, так как девушка была одна. И не имела никаких прав.

Ее прическа выглядела безупречно, но несколько аккуратных прядей были выпущены так искусно, что, спадая на уши, наводили на мысль о любовном беспорядке и тем не менее подчеркивали ее чистоту. Черно-красный перемежающийся узор на верхнем кимоно был окаймлен зеленым, что подчеркивало белизну ее кожи, широкий жесткий пояс оби радужно-зеленого цвета туго стягивал его на тонкой талии. Она могла слышать морской прибой и легкий ветерок, шелестящий листвой в саду.

Наконец Ябу повернулся и посмотрел на нее, потом на мальчика.

Мальчик, пятнадцатилетний сын местного рыбака, обучался в соседнем буддийском монастыре у монаха-художника раскрашивать и

разрисовывать книги. Он зарабатывал деньги на пристрастиях мужчин, предпочитающих мальчиков женщинам.

Ябу подошел к нему. Мальчик послушно, все еще полный страха, распустил пояс своего кимоно, двигаясь с заученным изяществом. Он не носил набедренной повязки – только женскую нижнюю юбку до пола. Его тело было гладким, гибким и почти без волос.

Кику помнила, какая цепенящая тишина сковала комнату, когда безмолвие и отзвучавшие крики сомкнулись вокруг них троих. Она и мальчик ждали, чтобы Ябу решил, кто из них ему требуется, а Ябу стоял между ними, слегка покачиваясь, переводя взгляд с одного на другую.

Потом он указал на нее. Она изящными движениями развязала оби, размотала его и дала упасть. Складки трех легких кимоно разошлись, полы распахнулись и обнажили прозрачную нижнюю юбку, которая подчеркивала бедра. Он лежал на постели, по его знаку они легли по бокам от него. Он положил себе на грудь их руки и удерживал их в одном положении. Он быстро распалился, показывая им, как они должны впиваться ногтями в его бока, торопя их; его лицо превратилось в маску. Быстрее, быстрее... Тут он испустил дикий крик боли. Некоторое время лежал, часто и тяжело дыша, с плотно закрытыми глазами, потом перевернулся и почти мгновенно уснул.

Они затаили дыхание, пытаясь скрыть удивление. Все случилось так быстро.

Мальчик изогнул брови:

– Мы сделали что-то не так, Кику-сан? Все кончилось так скоро.

– Мы сделали все, что он хотел, – ответила она.

– Он, конечно, достиг «облаков» и «дождя», – сказал мальчик. – Думаю, в доме теперь все собираются уснуть.

Она улыбнулась:

– Да.

– Я рад. Сначала я был очень напуган. Это очень хорошо, что удалось ему угодить.

Они вдвоем вытерли Ябу и укрыли стеганым одеялом. Мальчик устало откинулся на спину, полуопершись на один локоть, и зевнул.

– Почему бы тебе тоже не поспать? – предложила она.

Он плотнее запахнул кимоно и подвинул к ней колени. Она сидела сбоку от Ябу, ее правая рука мягко поглаживала руку даймё, облегчая

его тревожный сон.

– Мне никогда не приходилось раньше быть вместе с мужчиной и женщиной, Кику-сан, – прошептал мальчик.

– Мне тоже.

Мальчик нахмурился:

– Я никогда раньше не был и с девушкой. Я имею в виду, что никогда не имел дела ни с одной женщиной.

– А тебе не хотелось бы попробовать со мной? – спросила она вежливо. – Если немного подождать, уверена, наш господин не проснется.

Мальчик свел брови к переносице:

– Да, пожалуй. – А потом, когда все кончилось, произнес: – Это было очень странно, госпожа Кику.

Она снова улыбнулась:

– Кого же ты предпочитаешь?

Мальчик задумался. Они лежали, наслаждаясь покоем в объятиях друг друга.

– Это была довольно трудная работа.

Она спрятала голову у него на плече и поцеловала в затылок, чтобы скрыть улыбку.

– Ты изумительный любовник, – прошептала она. – Теперь ты должен поспать после такой трудной работы.

Она ласкала его, пока он не заснул, потом перешла на другую постель. Там было холодно, но она не хотела придвигаться к Ябу и беспокоить его. Вскоре ее сторона постели также согрелась.

Тени от сёдзи становились острее. «Мужчины – такие дети, – подумала она. – Настолько переполнены глупой гордостью. Все муки нынешней ночи преходящи. И сама страсть только иллюзия, не так ли?»

Мальчик заворочался во сне. «Почему ты предложила ему себя? – задалась вопросом Кику. – Для его удовольствия – ради него, а не для себя, хотя это меня и позабавило, помогло убить время. Это принесло ему спокойствие, в котором он так нуждался. Почему бы тебе немного не поспать? Позднее. Я посплю позднее».

Когда подошло время, она выскользнула из мягкого тепла и встала. Ее кимоно лежали в стороне, и воздух охладил кожу. Она

быстро и аккуратно оделась, повязала пояс. Привычно поправила прическу и краску на лице.

Она не произвела ни малейшего шума, выходя из комнаты.

Самурай, стоявший на посту на веранде, поклонился, и она ответила поклоном и шагнула на свет занимающегося дня. Служанка уже дожидалась ее:

– Доброе утро, Кику-сан.

– Доброе утро.

Солнце было очень ласковое, и оно заслонило все события ночи. «Хорошо быть живой, жить», – подумалось ей.

Она сунула ноги в сандалии, открыла свой малиновый зонтик, прошла через сад к тропинке, которая вела вниз, к деревне, через площадь, к чайному домику, который был ее временным жилищем. Служанка шла за ней.

– Доброе утро, Кику-сан, – сказал Мура, кланяясь.

Он только-только устроился отдохнуть на веранде своего дома и пил чай, бледно-зеленый японский чай. Его мать ухаживала за ним.

– Доброе утро, Кику-сан, – повторил он.

– Доброе утро, Мура-сан. Доброе утро, Сэйко-сан. Как хорошо вы выглядите, – ответила Кику.

– А как вы? – спросила мать Муры. Ее старые глаза так и ощупывали девушку. – Что за ужасная ночь! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, попейте чаю. Что-то вы бледная.

– Спасибо, но, пожалуйста, извините меня, я должна сейчас идти домой. Вы и так оказали мне много чести. Может быть, позднее.

– Конечно, Кику-сан. Вы оказали честь нашей деревне, посетив нас.

Кику улыбнулась и сделала вид, что не замечает настойчивых, испытующих взглядов. И чтобы внести капельку пряной остроты в их день и свой, она притворилась, что ее беспокоит легкая боль в низу живота.

«Это пойдет гулять по деревне», – подумала она счастливо, кланяясь и морщась, как если бы стоически скрывала сильную боль. Складки ее кимоно покачивались очень изящно, солнце, притененное зонтиком, самым выгодным образом освещало ее лицо. Как удачно, что на ней именно это верхнее кимоно. И зонтик... В пасмурный день это не было бы так эффектно.

– О, бедное, бедное дитя! Она так красива, правда? Что за позор! Ужасно! – изрекла мать Муры с душераздирающим вздохом.

– Что ужасного, Сэйко-сан? – спросила жена Муры, выходя на веранду.

– Ты не видишь, что эта бедная девушка на пределе? Ты не видишь, как мужественно она пытается скрыть это? Бедное дитя. Ей только семнадцать лет, и пройти через все это!

– Ей восемнадцать, – сухо поправил Мура.

– Через что – это? – спросила служанка очень почтительно, присоединяясь к ним.

Старуха огляделась, чтобы убедиться, что все ее слушают, и громко прошептала:

– Я слышала, – она понизила голос, – я слышала, что ей придется оставить свои занятия... на три месяца.

– Ой, не может быть! Бедная Кику-сан! Ой! Но почему же?

– Он пустил в ход зубы. Я слышала это от надежных людей.

– Ой!

– Ой!

– Но зачем он взял еще и мальчика, госпожа? Конечно, он не...

– А! Разойдитесь! Беритесь за работу, бездельники! Это не для ваших ушей! Уходите, все вы! Мне нужно поговорить с хозяином.

Она прогнала всех с веранды. Даже жену Муры. И потягивала свой чай, милостивая, очень довольная и напыщенная. Мура нарушил молчание:

– Зубы?

– Зубы. Ходит слух, что крики заставляют его возбуждаться, потому что он был напуган драконом в детстве, – выпалила она поспешно. – Он всегда держит при себе мальчика – как напоминание о том, что и он был маленьким, оцепеневшим от страха. На самом деле мальчик нужен только для того, чтобы уложить его в постель, истощить себя, иначе он все откусит. Бедная девочка.

Мура вздохнул. Он зашел в маленький домик во дворе перед главными воротами и непроизвольно пукнул, когда стал облегчаться в ведро. «Хотел бы я знать, что же случилось на самом деле, – сказал он себе, мастурбируя. – Почему Кику-сан больна? Может быть, даймё и правда действовал зубами? Как необычно!»

Он вышел и, удостоверясь, что не испачкал набедренную повязку, зашагал через площадь в глубокой задумчивости.

«О, как бы мне хотелось провести ночь с госпожой Кику! Почему бы нет? Сколько Оми-сан должен заплатить ее хозяйке? Точнее, сколько нам придется заплатить? Два коку? Говорят, Гёко-сан потребовала и получила в десять раз больше обычной платы. Неужели она выторговала пять коку за одну ночь? Кику-сан, конечно, стоит этого. Ходят слухи, что в свои восемнадцать лет она столь же опытна, как женщина вдвое старше. Она, видимо, может продлить... О, ее счастье! Если бы мне довелось – как бы я начал?»

Он рассеянно поправил набедренную повязку, а ноги сами вели его по утоптанной тропинке на площадь к месту погребения.

Костер был приготовлен. Пятеро деревенских жителей уже собрались там.

Это было самое приятное место в деревне: летом здесь гулял прохладный морской бриз и вид отсюда открывался самый красивый. Поблизости стоял синтоистский храм, аккуратная соломенная крыша на пьедестале для ками – духа, который жил или мог жить там, если бы захотел. Узловатый тис, который вырос здесь раньше, чем появилась деревня, клонился вбок, согбенный ветрами.

Позднее по тропинке поднялся Оми в сопровождении Дзукимото и четырех самураев. Он встал в стороне. Отдавая дань традиции, поклонился костру и завернутому в саван, полурасчлененному телу, которое лежало на дровах, и все поклонились вместе с ним, чтобы почтить варвара, умершего, чтобы могли жить его товарищи.

По сигналу Оми Дзукимото вышел вперед и зажег огонь. Дзукимото специально просил Оми об этой чести. Он поклонился в последний раз. И потом, когда костер разгорелся, все ушли.

Блэкторн наклонился ко дну бочки, аккуратно отмерил полчашки воды и отдал ее Сонку. Сонк пытался цедить влагу, чтобы растянуть утоление жажды, руки его дрожали, и он не смог. Он опрокинул в себя тепловатую жидкость, пожалев, что выпил ее залпом, в тот самый миг, когда она миновала пересохшее горло. Он ощупью пробирался к своему месту у стены, перешагивая через тех, кому пришел черед лечь. Под ногами чавкала грязь, в погребке стояло зловоние, и мух

поналетело больше прежнего. Слабый солнечный свет проникал сквозь дощатую крышку люка.

Винк был следующим. Он взял чашку и уставился на нее, сидя около бочонка. Спилберген сидел с другой стороны.

– Спасибо, – протянул он уныло.

– Поторопись! – сказал Ян Ропер, рана на его щеке уже нагнаивалась. Его очередь была последней, и он изнывал, чувствуя, как саднит горло. – Поторопись, Винк, ради Бога.

– Извини, вот возьми, – пробормотал Винк, протягивая чашку и забыв о мухах, которые пятнами облепили его.

– Пей, дурак! Это все, что ты получишь до захода солнца. Пей! – Ян Ропер толкнул чашку обратно ему в руки. Винк не взглянул на него, но послушался с несчастным видом и ускользнул обратно в свой личный ад.

Ян Ропер принял свою порцию воды от Блэкторна, закрыл глаза и молча поблагодарил. Настала его очередь стоять, и мускулы ног ныли. Содержимого чашки едва хватило на два глотка.

Когда все получили свою пайку, Блэкторн зачерпнул воды для себя и с удовольствием выпил. Шершавый язык и рот горели, казалось, на них осел налет пыли. Мухи облепили потное и грязное тело. Грудь и спина ныли от ушибов.

Он наблюдал за самураем, оставленным в погребке. Японец приткнулся у стены, между Сонком и Кроком, стараясь занимать как можно меньше места, и не двигался часами. Он мрачно смотрел в пространство, обнаженный, если не считать набедренной повязки, весь покрытый синяками, с багровой, опухшей шеей.

Когда Блэкторн впервые пришел в сознание, погреб был погружен в темноту. Крики заполняли яму, и он подумал, что мертв и находится в ужасных глубинах преисподней. Его словно засасывало в грязь, липкую и текучую сверх всякой меры. Он закричал, забился в панике, неспособный дышать, и услышал: «Все нормально, капитан, ты не умер, все нормально. Очнись, очнись, ради Бога, это не ад, хотя разница невелика. О Господи, помоги нам!»

Когда он полностью пришел в себя, ему рассказали о Питерзоне и купании в помоях.

– О Боже, заberi нас отсюда, – простонал кто-то.

– Что они делают с бедным старым Питерзоном? Что они сделали с ним? Господь Всемогуший, помоги нам! Я не могу выдержать эти крики!

– Господи, пусть бедняга умрет. Пошли ему смерть!

– Боже, прекрати эти крики! Пожалуйста, останови эти вопли!

Сидение в яме и вопли Питерсона стали для них суровой проверкой, вынудили глубже заглянуть в себя. И ни одному не понравилось то, что он там увидел.

«Темнота все усугубляет», – подумал Блэкторн.

Сидящим в яме ночь казалась бесконечной.

На заре вопли прекратились. Когда рассвет просочился в погреб, они увидели забытого самурая.

– Что мы будем с ним делать? – спросил ван Некк.

– Не знаю. Он выглядит таким же испуганным, как и мы, – сказал Блэкторн, его сердце забилося сильнее.

– Лучше ему ничего не затевать.

– О Боже мой, вытащи меня отсюда! – Голос Крока достиг крещендо. – Помоги!

Ван Некк, который был рядом, тряхнул его за плечо и успокоил:

– Все нормально, парень. Мы в руках Бога. Он смотрит на нас.

– Погляди на мою руку, – простонал Матсьюккер. – Рана уже нагноилась.

Блэкторн стоял шатаясь.

– Мы ополоумеем, если не выберемся отсюда через день-два, – объявил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Воды почти нет, – заметил ван Некк.

– Мы установим норму на то, что есть. Немного сейчас – немного в полдень. Если повезет, этого хватит на три раза. Чертовы мухи!

После этого Блэкторн нашел чашку и раздал всем по мере воды. Теперь он пил сам, стараясь делать это помедленнее.

– Так что насчет японца? – спросил Спилберген.

Генерал-капитан лучше остальных перенес ночь, потому что залепил уши комочками грязи, когда раздались первые вопли, и, располагаясь около бочки, украдкой утолял жажду.

– Что нам делать с ним?

– Ему надо дать воды, – предложил ван Некк.

– Черта с два он получит воды! – огрызнулся Сонк.

Они проголосовали и сошлись на том, что воды самурай не получит.

– Я не согласен, – заявил Блэкторн.

– Вы не согласны со всем, что мы говорим, – окрысился Ян Ропер. – Он враг. Он варвар, и он чуть не убил вас.

– Ты сам чуть не убил меня. Полдюжины раз. Если бы твой мушкет выстрелил тогда, в Санта-Магдалене, ты разнес бы мне всю голову.

– Я в вас не целился. Я целился в этих проклятых прихвостней Сатаны.

– Это были безоружные священники.

– Я в вас не целился.

– Ты чуть не убил меня. Все из-за твоей Богом проклятой вспыльчивости, фанатизма и глупости.

– Богохульство – смертный грех. Поминание имени Бога всеу – грех. Мы в Его руках – не в ваших. Вы не король, и здесь не корабль. Вы не наш командир...

– Но ты будешь исполнять то, что я скажу!

Ян Ропер огляделся, напрасно ища поддержки у сидящих в погребе.

– Делайте что хотите, – протянул он уныло.

– И буду.

Самурай хотел пить не меньше моряков, но замотал головой, когда ему предложили воды. Блэкторн заколебался, приложил чашку к распухшим губам японца, но тот оттолкнул сосуд, разлив воду, и что-то хрипло произнес. Блэкторн приготовился отбить удар, но его не последовало. Японец не делал больше ни одного движения, глядя в пространство.

– Он сумасшедший. Они все сумасшедшие, – поджал губы Спилберген.

– Тем больше воды останется для нас. Хорошо, – порадовался Ян Ропер. – Пусть катится ко всем чертям, как он того заслуживает!

– Как твое имя? *Наму?* – допытывался Блэкторн. Он произнес это еще несколько раз на разные лады, но самурай, казалось, не слышал.

Его оставили в покое. Но следили за ним, как если бы это был скорпион. Он не смотрел ни на кого. Блэкторну показалось, что он пытается что-то решить для себя, но что – кто ж его знает...

«Что у него на уме? – задумался Блэкторн. – Почему он отказался от воды? Почему остался здесь? Это ошибка Оми? Не похоже. Тайный умысел? Вряд ли. Нельзя ли нам использовать его, чтобы выбраться отсюда? Этот мир – сплошная загадка, за исключением того, что мы, может быть, останемся здесь, пока нам не позволят выйти отсюда... если когда-нибудь позволят. А если позволят, что дальше? Что случилось с Питерзоном?»

По мере того как становилось теплее, появлялись новые рои мух.

«О Боже, я хочу лечь, хочу опять в ту ванну – теперь бы им не пришлось нести меня. Я никогда не понимал, как важна ванна. И этот старый слепец со стальными пальцами... Я мог бы час или два блаженствовать под его руками.

Что за нелепость! Снарядить корабли, набрать людей, приложить столько усилий – и все для чего? Кругом неудачи. Ну, почти. Некоторые из нас пока еще живы».

– Капитан! – Ван Некк тряс его. – Вы спите. Вот этот уже минуту или больше кланяется вам.

Блэкторн потер глаза, прогоняя усталость. Он сделал усилие над собой и поклонился в ответ.

– *Хай?* – произнес он коротко, вспомнив японское слово, означающее «да».

Самурай снял пояс со своего изорванного кимоно и обмотал вокруг шеи. Все еще стоя на коленях, он дал один конец Блэкторну, другой – Сонку, наклонил голову и показал им жестами, что надо сильно тянуть.

– Он боится, что мы задушим его, – предположил Сонк.

– Боже мой, сдается мне, он хочет, чтобы мы сделали это. – Блэкторн отбросил конец пояса и покачал головой. – *Киндзиру*, – отрезал он, думая, каким полезным оказалось это слово. Как объяснить малому, который не говорит на твоём языке, что это против твоих правил – убивать безоружного человека, что ты не палач, что убийство – преступление перед Богом?

Самурай заговорил снова, явно настаивая на своем, но Блэкторн снова покачал головой:

– *Киндзиру*.

Японец огляделся с диким видом. Встал на ноги и окунул голову глубоко в парашу, явно пытаясь утопиться. Ян Ропер и Сонк тут же

оттащили его, как он ни сопротивлялся.

– Пустите его! – приказал Блэкторн. Они послушались. Он указал на парашу: – Хочешь этого, тогда давай!

Самурая тошнило, но он все понял. Он поглядел на полную бадью: нет, у него не хватит сил удерживать голову в зловонной жиже достаточно долго. Вконец уничтоженный, самурай вернулся на свое место у стены.

– Боже, – пробормотал кто-то.

Блэкторн зачерпнул полчашки воды из бочки, встал – его суставы плохо сгибались, – подошел к японцу и предложил ему. Самурай глядел мимо чашки.

– Хотел бы я знать, сколько он так выдержит, – протянул Блэкторн.

– Вечность, – изрек Ян Ропер. – Они животные. Не люди.

– Боже мой, сколько они продержат нас здесь? – спросил Гинсель.

– Столько, сколько захотят.

– Нам следует делать все, чего они требуют, – вставил ван Некк. – Если мы хотим остаться в живых и выйти из этой адовой дыры. Разве не так, капитан?

– Да. – Блэкторн измерял тень от солнца. – Самый полдень, часовые сменяются.

Спилберген, Матсюккер и Сонк начали жаловаться, но он обругал их, заставил подняться на ноги и, когда все поменялись местами, с удовольствием растянулся на полу. Пусть грязь, пусть мухи, но какое наслаждение вытянуться во весь рост!

«Что они сделали с Питерзоном? – спросил он себя, чувствуя смутную тревогу. – Боже, помоги нам выбраться отсюда! Я так беспокоюсь».

Наверху раздались шаги. Открылась крышка люка. Около нее стоял священник, сбоку от него – самурай.

– Капитан! Поднимайтесь. Вы должны идти. Один, – сказал иезуит.

Глава 6

Взоры всех, кто сидел в яме, устремились на Блэкторна.

– Чего они хотят от меня?

– Я не знаю, – серьезно сказал отец Себастио. – Но вы должны сразу же подняться.

Блэкторн знал, что у него нет выбора, но не оставлял спасительной стены, пытаясь собраться с силами.

– Что случилось с Питерзоном?

Священник рассказал ему. Блэкторн перевел тем, кто не говорил по-португальски.

– Бог смилостивился над ним, – прошептал ван Некк после жуткого молчания. – Бедняга. Бедняга.

– Я сожалею. Я ничего не мог сделать, – священник говорил с большой печалью в голосе. – Не думаю, что он узнал меня или мог узнать хоть кого-нибудь, когда его опускали в воду. Он потерял разум. Я дал ему отпущение грехов и молился за него. Может быть, с Божьей милостью... Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь! – Он перекрестил погреб. – Я прошу вас всех отказаться от ваших ересей и вернуться в лоно истинной веры. Капитан, вы должны подняться.

– Не покидайте нас, капитан, ради Бога! – выкрикнул Крок.

Винк, спотыкаясь, подошел к лестнице и начал взбираться по ней.

– Они могут взять меня – не капитана. Меня, а не его. Скажите ему! – Он остановился, обеими ногами упираясь в перекладину. Острие длинного копья замерло в дюйме от его сердца. Он пытался перехватить древко, но самурай был готов к этому и, если бы Винк не отпрыгнул обратно, проткнул бы его без колебаний.

Указав на Блэкторна, страж сделал знак, чтобы тот поднимался. Очень грубо. Блэкторн не двигался. Другой самурай всунул в погреб длинный колючий шест и попытался подогнать его к лестнице.

Никто не шелохнулся, чтобы помочь Блэкторну, кроме японца, оставленного в погребе. Он быстро схватился за острие шеста и что-то резко сказал стражу наверху, тот поколебался, потом поглядел на Блэкторна, пожал плечами и что-то произнес.

– Что он говорит?

Священник ответил:

– Этот японец говорит: судьба есть судьба, а жизнь – только иллюзия.

Блэкторн кивнул самураю, подошел к лестнице и, не оглядываясь, поднялся по ней. Болезненно-яркий свет заставил его сощуриться, колени подогнулись, и он упал на песок.

Рядом с собой он увидел Оми. Священник и Мура стояли около четырех самураев. В стороне топталось несколько крестьян, они посмотрели на Блэкторна и отвернулись.

Никто ему не помог.

«О Боже, дай мне силы, – взмолился Блэкторн. – Я должен встать на ноги и делать вид, что силен. Это единственная вещь, которую они уважают. Быть сильным. Не показывать страха. Пожалуйста, помоги мне».

Он заскрежетал зубами, оттолкнулся от земли и встал, слегка качаясь.

– Какого дьявола вы от меня хотите, грязный маленький негодяй? – сказал он, обращаясь к Оми. Потом добавил для священника: – Скажите этому негодяю: я дамё в моей собственной стране. И что это за обращение? Скажите, что мы с ним не ссорились. Скажите, пусть выпустит нас или ему будет хуже. Скажите, что я дамё, честное слово. Я наследник сэра Уильяма Миклхейвена, – может, этот ублюдок уже отдал Богу душу. Скажите ему!

Ночь была ужасной для отца Себастио. Но во время ночного бдения он ощущал присутствие Бога, почувствовал озарение, которого никогда не испытывал раньше. Теперь он знал, что может послужить орудием Бога против язычников и пиратского коварства. Он знал, что эта ночь подводит его к чему-то важному, что он на распутье.

– Скажите же ему!

Священник произнес по-японски:

– Пират говорит, что он господин в своей стране. – И, выслушав ответ Оми, сообщил: – Оми-сан говорит: его не интересует, кем вы были в своей стране – хотя бы и королем. Здесь вы живете по воле господина Ябу – вы и все ваши люди.

– Скажите ему, что он мерзавец.

– Старайтесь не оскорблять его.

Оми снова заговорил.

– Оми-сан обещает, что вам дадут вымыться, будут кормить и поить. Если вы будете себя хорошо вести, вас не посадят обратно в яму.

– А что с моими людьми?

Священник спросил Оми и перевел:

– Они останутся там.

– Тогда пусть отправляется к черту! – Блэкторн пошел к лестнице, чтобы спуститься вниз. Двое самураев преградили ему путь и, хотя он сопротивлялся, легко удержали его.

Оми потолковал со священником, потом со своими людьми. Они отпустили Блэкторна, и тот чуть не упал.

– Оми-сан предупреждает: если вы не будете осторожней, они заберут еще одного человека. У них много дров и много воды.

«Если я соглашусь, – подумал Блэкторн, – они найдут способ управлять мной и я окажусь в их власти, отныне и навсегда. Я буду плясать под их дудку. Ван Некк был прав, я должен что-то сделать».

– Чего он от меня хочет? Что значит «быть осторожней»?

– Оми-сан говорит: это означает повиноваться ему. Делать, что они вам скажут. Есть дерьмо, если они велят.

– Скажите ему, пусть идет к черту. Скажите, я ссать хотел на него и на всю его страну – и на его дaimё.

– Я рекомендую вам согласиться с тем...

– Скажите ему, слово в слово, ради Бога!

– Очень хорошо, но я предупреждал вас, капитан.

Оми выслушал священника. Костяшки на его руке, держащей меч, побелели. Все его люди тяжело переминались, испепеляя взглядом Блэкторна.

Потом Оми спокойным голосом отдал распоряжение.

Два самурая мгновенно спустились в яму и вытащили Крока. Они подволокли его к котлу, связали ему руки и ноги, пока другие носили дрова и воду. Затолкали оцепеневшего юношу в котел и подожгли дрова.

Блэкторн следил за беззвучными гримасами Крока, и ужас переполнял его.

«Жизнь совсем не имеет цены для этих людей, – подумал он. – Бог проклял их, они наверняка сварят Крока, это так же верно, как то, что я стою на покинутой Богом земле».

Дым волнами стелился над песком. Чайки, издавая пронзительные крики, носились над рыбацкими лодками. Головня выпала из костра, но самурай пинком зашвырнул ее обратно.

– Скажите ему, пусть перестанут, – не выдержал Блэкторн. – Попросите его прекратить это.

– Оми-сан спрашивает: вы согласны хорошо себя вести?

– Да.

– Он спрашивает: вы будете выполнять все его приказы?

– Насколько смогу – да.

– Он хочет, чтобы вы ответили непосредственно ему. В японском языке слово «да» звучит как *хай*. Он спрашивает: вы будете выполнять все приказы?

– Насколько я смогу – *хай*.

Огонь начал нагревать воду, и ужасный вопль вырвался изо рта юноши. Языки пламени лизали металл. Дров добавили.

– Оми-сан говорит: ложитесь! Немедленно.

Блэкторн сделал, как ему приказали.

– Оми-сан говорит, что не оскорблял вас лично и не давал повода оскорблять его. Поскольку вы варвар и не знаете, как себя вести, вас не убьют. Но поучат хорошему поведению. Вы понимаете? Он хочет, чтобы вы отвечали непосредственно ему.

Послышались рыдания. Они терзали слух, пока юноша не потерял сознание. Один из самураев держал его голову над водой.

Блэкторн посмотрел на Оми. «Помни, – приказал он себе, – помни, что жизнь мальчика только в твоих руках. Да, жизнь всей твоей команды в твоих руках. Да, началась ужасная полоса в твоей жизни, но кто поручится, что у негодая хватит совести соблюдать условия сделки?»

– Вы понимаете?

– *Хай*.

Он увидел, как Оми подтянул вверх полы кимоно и освободил пенис из набедренной повязки. Он ожидал, что японец помочится ему в лицо. Но Оми этого не сделал, а помочился на его спину. «Господи, – поклялся себе Блэкторн, – я запомню этот день, и когда-нибудь Оми заплатит за это».

– Оми-сан полагает, это плохие манеры – говорить, что ты будешь ссать на кого-нибудь. Очень плохие. И очень глупо говорить, что ты

будешь ссать на кого-нибудь, когда ты безоружен, слаб и не готов позволить своим друзьям или родственникам погибнуть первыми.

Блэкторн ничего не сказал. Он не сводил глаз с Оми.

– *Вакаримас ка?* – пролаял Оми.

– Он говорит: вы поняли?

– *Хай.*

– *Окиро!*

– Он говорит, чтобы вы встали.

Блэкторн встал, кровь стучала в висках. Он смотрел на Оми, и тот, обернувшись, посмотрел на него.

– Вы пойдете с Мурой и будете выполнять его приказания.

Блэкторн не ответил.

– *Вакаримас ка?* – резко сказал Оми.

– *Хай.* – Блэкторн взглядом измерил расстояние между собой и Оми. Представил, как его пальцы сойдутся на горле японца, и молился, чтобы хватило времени вырвать ему глаза, прежде чем кто-нибудь сумеет оттащить его от этого человека.

– Что с мальчиком? – спросил он.

Священник, запинаясь, что-то сказал Оми.

Оми глянул на котел. Вода еще не успела нагреться. Юноша был в обмороке, но невредим.

– Выньте его оттуда, – приказал Оми. – Приведите лекаря, если надо.

Его люди выполнили приказание. Блэкторн подошел к юнге и приник ухом к его груди.

Оми поманил священника:

– Скажи главарю, что юноша тоже может сегодня остаться наверху. Если главарь и юноша будут вести себя хорошо, еще один варвар выйдет завтра из ямы. Потом другой. Может быть. Или не только один. Может быть. Это зависит от того, как поведут себя те, что наверху. Но ты, – он глянул прямо на Блэкторна, – ты отвечаешь за малейшее нарушение любого правила или приказа. Ты понимаешь?

После того как священник перевел все это, Оми услышал, как варвар говорит «да», и увидел, что часть леденящего кровь гнева уходит у того из глаз. Но ненависть осталась. «Как глупо, – подумал Оми, – и как наивно быть столь открытым. Хотел бы я знать, что он

сделает, если я буду играть с ним дальше – притворюсь, что нарушаю соглашение».

– Священник, как его имя? Говори медленно.

Он послушал, как священник несколько раз произнес имя, но оно все еще звучало тарабарщиной.

– Ты можешь произнести это? – спросил он одного из своих людей.

– Нет, Оми-сан.

– Священник, скажи ему, что с этого времени его имя будет Андзин, что значит «капитан». Когда он заслужит, будет называться Андзин-сан. Объясни ему, что в нашем языке нет звуков, позволяющих правильно произнести его имя. – Оми сухо добавил: – Объясни ему, что это не будет звучать оскорбительно. До свидания, Андзин, пока.

Все поклонились ему. Он вежливо ответил на поклон и ушел. Удостоверившись, что за ним никто не наблюдает, он позволил себе широко улыбнуться. Так быстро приручить главаря варваров! Сразу раскусить, как управлять им!

«Как необычны эти варвары, – подумал он. – И чем скорее Андзин заговорит на нашем языке, тем лучше. Тогда мы узнаем, как сокрушить христианских варваров раз и навсегда!»

– Почему ты не помочился ему в лицо? – спросил Ябу.

– Сначала я так и хотел сделать, господин, но главарь варваров все еще неприрученное животное, вообще опасное. А в лицо... ну, для нас трогать лицо человека – самое сильное оскорбление, не так ли? Поэтому я подумал, что могу слишком глубоко оскорбить его и он потеряет власть над собой. Поэтому я помочился ему на спину – решил, что этого будет достаточно.

Они сидели на веранде его дома, на шелковых подушках. Мать Оми приготовила им чай, в точности исполнив церемонию, которой была обучена в молодости. Она с поклоном поднесла чай Ябу. Тот поклонился и вежливо предложил его Оми, который, конечно, отказался, отвесив глубокий поклон. Лишь тогда Ябу принял напиток и потягивал его с наслаждением, чувствуя полное довольство.

– Я очень доволен тобой, Оми-сан, – сказал он. – Твоя рассудительность исключительна. Твоя подготовка и руководство этим делом превосходны.

– Вы слишком добры, господин. Мои усилия могли быть много больше, много больше.

– Откуда ты столько узнал про варваров и их характер?

– В четырнадцать лет я целый год состоял в учении у монаха по имени Дзиро. Когда-то он был христианским священником, по крайней мере учеником священника, но, к счастью, понял, что это ошибка. Я не забыл одну вещь, которую узнал от него. Он сказал, что христианская религия уязвима, потому что их главный бог, Иисус, велел всем людям возлюбить друг друга. Он ничего не говорил о чести или долге – только о любви. А также о том, что жизнь священна: «Не убий!» Каково? И другие глупости. Эти новые варвары заявили, что они тоже христиане, хотя священник и отрицал это. Как я понял, они, наверное, из другой секты, и они враждуют друг с другом совсем как буддийские секты. Я подумал, что, если они «возлюбили» друг друга, мы сможем управлять их вожаком, убив – или угрожая убить – одного из его людей.

Оми знал, что этот разговор опасен из-за той мучительной, оскверняющей смерти. Он чувствовал, как мать его напряглась, словно желая и не смея предостеречь.

– Хотите еще чая, Ябу-сама? – спросила мать.

– Спасибо, – поблагодарил Ябу. – Все очень, очень хорошо.

– Спасибо, господин. Так что, Оми-сан, вожака варваров удалось склонить к покорности? – спросила мать, переводя разговор на другое. – Может быть, тебе следует высказать нашему господину свое мнение – надолго это или нет?

Оми колебался:

– Ненадолго. Но я думаю, его следует обучить нашему языку как можно быстрее. Это очень важно для вас, господин. Возможно, придется убить одного или двух, чтобы держать его и остальных в повиновении, но к этому времени он поймет, как нужно вести себя. Как только можно будет разговаривать с ним напрямую, Ябу-сама, вы извлечете пользу из его знания. Если верно то, что сказал священник, – будто он вел корабль десять тысяч ри, – он должен быть больше чем просто умелец.

– Ты сам больше чем просто умелец, – засмеялся Ябу. – Ты обучаешь животных. Оми-сан – укротитель людей.

Оми засмеялся вместе с ним:

– Я попытаюсь, господин.

– Твой доход увеличивается с пятисот коку до трех тысяч. Ты будешь управлять землями, лежащими в пределах двадцати ри. – Ри называлась мера длины, равная примерно одной миле. – В знак моего расположения я, когда вернусь в Эдо, пошлю тебе двух лошадей, двадцать шелковых кимоно, броню, два меча и достаточно оружия, чтобы хватило еще на сто самураев, которых ты наберешь. В случае войны ты немедленно становишься моим хатамото.

Ябу ощутил наплыв откровения. Хатамото – приближенный даймё – имел право доступа к господину и мог носить мечи в его присутствии. Ябу был доволен Оми и чувствовал себя отдохнувшим, как бы заново рожденным. Спал он хорошо. Проснулся в одиночестве, как и ожидал, потому что не приказывал девушке или мальчику остаться. Он выпил чая и съел немного рисовой каши. Потом ванна и массаж Суво.

«Это был изумительный опыт, – подумал он. – Никогда я не испытывал такой близости к природе, деревьям, горам и земле, неизмеримой печали жизни и ее мимолетности. Вопли придавали всему совершенство».

– Оми-сан, в моем саду в Мисиме есть один камень. Я бы хотел, чтобы ты принял его в дар как память об этом событии, этой чудной ночи, – сказал он. – Камень привезен с Кюсю. Я пошлю его тебе с другими вещами. Я назвал его Ждущий камень, потому что мы ждали приказа тайко, чтобы перейти в наступление, когда я его нашел. Это было... пятнадцать лет назад. Я состоял в войске тайко, когда мы разгромили мятежников и подчинили себе весь остров.

– Вы оказываете мне большую честь.

– Почему бы не поместить его здесь, в твоём саду, и не дать ему новое имя? Почему бы не назвать его Камень мира с варварами – в память о ночи и бесконечном ожидании мира.

– Может быть, вы позволите назвать его Камнем счастья, чтобы он напоминал мне и моим потомкам о почестях, которыми вы одарили меня, дядюшка?

– Нет, лучше просто назови его Ожидающий варвар. Да, мне нравится такое название. Это соединит нас – его и меня. Он ждал, как я ждал. Я жив, он умер. – Ябу посмотрел в сад, наслаждаясь. – Хорошо. Ожидающий варвар! Это мне нравится. На камне есть

интересные пятна с одной стороны, которые вызывают в памяти слезы, и жилки голубого цвета с примесью красноватого кварца, которые напоминают мне плоть – бренность ее! – Ябу вздохнул, наслаждаясь своей меланхолией. Потом добавил: – Это хорошо для мужчины – поставить камень и назвать его. Варвару потребовалось много времени, чтобы умереть, правда? Может быть, он родится заново японцем – это вознаградит его за страдания. Разве это не удивительно? Потом однажды его потомки, возможно, увидят камень и будут довольны.

Оми излил сердечную благодарность и возразил, что не заслуживает такого щедрого подарка. Ябу знал, что в щедрости своей зашел не далее, чем того заслуживал племянник. Он легко мог дать больше, но помнил старую поговорку: легко увеличить владение, но уменьшение его вызывает вражду. И предательство.

– Оку-сан, – обратился он к женщине, величая ее достопочтенной матерью, – мой брат должен был раньше рассказать мне о дарованиях вашего младшего сына. Тогда Оми-сан намного больше преуспел бы к настоящему времени. Мой брат слишком скромн, слишком легкомыслен.

– Мой муж слишком много думает о вашем благе, мой господин, слишком заботится о вас, – ответила она, отдавая себе отчет в скрытом смысле слов. – Я рада, что мой сын имел возможность порадовать вас. Ведь он только выполнял свои обязанности, не так ли? Это обязанность Мидзуно-сана и всех нас – служить.

Послышался стук копыт. Игураси, главный вассал Ябу, торопливо прошел через сад:

– Все готово, господин. Если вы хотите быстро вернуться в Эдо, мы должны сейчас выехать.

– Хорошо. Оми-сан, ты и твои люди сопровождают груз в замок и помогут Игураси-сану проследить, чтобы все было доставлено в сохранности. – Ябу заметил, как по лицу Оми прошла тень. – В чем дело?

– Я просто думаю, как быть с варварами.

– Оставь несколько человек охранять их. По сравнению с грузом они не так важны. Делай с ними что хочешь – брось опять в яму, если так удобней. Если получишь от них что-нибудь полезное, извести меня.

– Да, господин, – ответил Оми. – Я оставлю десять самураев и особые распоряжения для Муры – они не смогут причинить никому вреда за пять или шесть дней. Что вы думаете делать с самим кораблем?

– Храни его здесь. Ты отвечаешь за него, конечно. Дзукимото послал письмо продавцу в Нагасаки, предложив ему сбыть судно португальцам. Те могут приехать и забрать его.

Оми колебался:

– Может быть, вам следует придержать корабль, господин, и пусть варвары обучат наших моряков обращаться с ним?

– Зачем мне варварское судно? – засмеялся Ябу. – Разве я буду грязным торговцем?

– Конечно нет, господин, – быстро сказал Оми. – Я только подумал, что Дзукимото может найти применение для такого корабля.

– Зачем мне торговый корабль?

– Священник сказал, что это военный корабль, господин. Он, кажется, боится его. Когда начнется война, военный корабль может...

– Наша война будет идти на суше. Море для торговцев, все они презренные ростовщики, пираты или рыбаки.

Ябу встал и начал спускаться по ступеням к садовой калитке, возле которой самурай держал под уздцы его лошадь. Он остановился и посмотрел на море. Колени его ослабли.

Проследив за направлением его взгляда, Оми увидел корабль, который огибал мыс. Это была большая многовесельная галера, самое быстрое из японских прибрежных судов, потому что оно не зависело от ветра или прилива. Флаг на вершине мачты нес изображение герба Торанаги.

Глава 7

Тода Хиромацу, верховный владыка провинций Сагами и Кодзукэ, самый доверенный военачальник Торанаги и его советник, а также верховный главнокомандующий всеми его армиями, первым спустился по сходням на причал. Он был высок для японца – под шесть футов, бычьего облика человек с тяжелым подбородком, который с трудом носил свое шестидесятисемилетнее тело. Его боевое кимоно из коричневого шелка украшали пять гербов Торанаги – три сцепленных бамбуковых побега. Он носил блестящую нагрудную пластину и стальные защитные на́ручи. У его пояса висел только короткий меч. Другой, длинный меч он держал в руке и постоянно был готов его обнажить для защиты своего господина. Таковы были его привычки с пятнадцати лет.

Никто, даже тайко, не мог изменить Хиромацу.

Год назад, когда тайко умер, Хиромацу стал вассалом Торанаги. Торанага отдал ему во владение Сагами и Кодзукэ – две из восьми своих провинций с годовым доходом в пять тысяч коку, а также сохранил за ним его ремесло: Хиромацу достиг высот в искусстве убивать.

Берег заполнили выстроившиеся в линию деревенские жители – мужчины, женщины, дети, – все они пали на колени и низко склонили головы. Самураи встали плотными рядами. Ябу со своими помощниками занял место перед ними.

Если бы Ябу был женщиной или более слабым мужчиной, он бы сейчас бил себя в грудь, вопил, плакал и рвал на себе волосы – слишком много совпадений. Коль скоро сегодня знаменитый Тода Хиромацу появился в Андзиро, значит Ябу предал кто-то из его домашних в Эдо, или Оми, или один из его людей, или один из деревенских жителей. Он был пойман на непослушании. Враг имел преимущество, зная о его интересе к кораблю варваров.

Он встал на колени и поклонился, все его самураи последовали примеру господина, а он про себя проклял этот корабль и всех, кто плавал на нем.

– А, Ябу-сама, – услышал он голос Хиромаци, увидел колено гостя на подстилке, положенной для него, и убедился, что тот ответил на поклон. Но глубина поклона была меньше положенной, и Хиромаци не дождался, пока Ябу поклонится опять, а стало быть, этому последнему грозила большая опасность. Он видел, что военачальник снова перенес тяжесть на пятки. За спиной Хиромаци звали Железный Кулак. Только сам Торанага или один из трех его советников пользовались привилегией поднимать родовой флаг. «Зачем посылать такую важную персону, чтобы поймать меня на отлучке из Эдо?»

– Вы оказали мне честь, приехав в одну из моих бедных деревень, Хиромаци-сама, – сказал Ябу.

– Мой господин приказал мне прибыть сюда. – Хиромаци был известен своей прямоотой. Ни хитрости, ни коварства – только абсолютная преданность господину.

– Я польщен и очень рад, – залебезил Ябу. – Я поспешил сюда из Эдо из-за этого корабля варваров.

– Господин Торанага просил всех дружественных ему даймё подождать в Эдо, пока он не вернется из Осаки.

– Как наш господин? Я надеюсь, с ним все хорошо?

– Чем скорее господин Торанага окажется в своей замке в Эдо, тем лучше. Чем скорее начнется война с Исидо, а мы выведем наши армии, отрежем дорогу к замку в Осаке и разнесем его до последнего камня, тем лучше.

Щеки старого вояки побурели: он тревожился за Торанагу и не любил уезжать от него. Возводя крепость в Осаке, тайко постарался сделать ее неуязвимой. Она была самой большой в стране, с башнями, рвами, наполненными водой, подъемными мостами, и могла вместить восемьдесят тысяч солдат в своих стенах. И вокруг стен огромного города размещались другие армии, одинаково дисциплинированные и хорошо вооруженные, фанатически преданные наследнику Яэмону.

– Я сто раз говорил ему, что он сумасшедший, если отдал себя во власть Исидо. Сумасшедший.

– Господин Торанага должен был ехать, не так ли? У него не было выбора. Тайко приказал, чтобы Совет регентов, который правит от имени Яэмона, собирался на десять дней по крайней мере дважды в год и всегда в главной башне крепости Осаки, приводя с собой за крепостные стены не более пятисот слуг. И все другие даймё также

должны посещать крепость со своими семьями, чтобы отдать дань уважения наследнику, и тоже дважды в год. Таким образом ежегодно в течение некоторого времени все были под контролем и беззащитные. Встречи обязательны, не правда ли? Если кто-то не являлся, это считалось изменой.

– Изменой кому? – Щеки Хиромацу еще больше побурели. – Исидо пытается изолировать нашего господина. Слушайте, если бы Исидо оказался в моей власти, как в его власти оказался Торанага, я бы не колебался ни мгновения – чем бы это ни грозило. Голова Исидо сразу бы слетела с плеч, и его дух ожидал бы перерождения... – Военачальник по привычке крутил ножны меча, который держал в левой руке. Его правая рука, грубая и мозолистая, лежала на колене. Он рассматривал «Эразм». – Где пушки?

– Я отправил их на берег. Для безопасности. Придет ли Торанага-сама к согласию с Исидо?

– Когда я покидал Осаку, все было спокойно. Совет должен был собраться через три дня.

– Будет ли столкновение открытым?

– Я бы хотел, чтобы оно было открытым. Но мой господин? Если он хочет мира, будет мир. – Хиромацу оглянулся на Ябу. – Он приказал всем дружественным даймё дожидаться его в Эдо. Пока не вернется. Это не Эдо.

– Да. Я чувствовал, что корабль очень важен для нас и требуется осмотреть его немедленно.

– В этом не было необходимости, Ябу-сан. Вам следовало быть послушнее. Ничего не происходит без ведома нашего господина. Он послал бы кого-нибудь осмотреть судно. Случилось так, что он отправил меня. Сколько времени вы здесь?

– День и ночь.

– Тогда вы два дня ехали из Эдо?

– Да.

– Вы добрались очень быстро. Вас следует поздравить.

Чтобы выиграть время, Ябу начал рассказывать о своем форсированном марше. Но его мозг был занят более важными проблемами. Кто шпион? Каким образом Торанага узнал о корабле так же быстро, как и он сам? И кто донес Торанаге о его отъезде? Как ему следовало вести себя теперь и что делать с Хиромацу?

Хиромаци выслушал его, потом сказал твердо:

– Корабль и все его содержимое отходит господину Торанаге.

Все на берегу были потрясены, но молчали. Это была Идзу, владение Ябу, и Торанага не имел здесь власти. И Хиромаци не имел права приказывать что-нибудь. Рука Ябу сжала рукоять меча.

Хиромаци ждал с нарочитым спокойствием. Он сделал все точно так, как приказал Торанага, и выполнил свою миссию. Теперь предстояло убить или быть убитым.

Ябу понял, что должен как-то проявить себя. Ждать больше нечего. Если он откажется отдать корабль, ему придется убить Хиромаци – Железного Кулака, потому что Железный Кулак ни за что не уедет без судна. С ним, наверное, около двухсот отборных самураев. Они также должны будут умереть. Он может пригласить их на берег и обмануть, призвать в Андзиро своих самураев – несколько часов, и они будут здесь – и уничтожить людей Хиромаци, ведь он, Ябу, мастер засад. Но тогда Торанага пошлет против Идзу свои войска.

«Ты должен проглотить это, – сказал он себе, – если Исидо не придет тебе на помощь. А зачем Исидо выручать тебя, если твой враг Икава Дзикю – родственник Исидо и хочет забрать себе Идзу? Убийство Хиромаци будет началом военных действий, так как Торанага из чувства долга будет вынужден выступить против тебя, это развяжет руки Исидо, и Идзу станет полем битвы.

А что с моими ружьями? Мои прекрасные ружья и мои красивые замыслы? Я потеряю свой шанс навеки, если пойду против Торанаги».

Его рука была на мече Мурасами, он чувствовал, как стучит кровь в висках и поднимается слепящая волна гнева. Он сразу отбросил мысль умолчать о мушкетах. «Если известили о корабле, то, конечно, сразу же сказали и о грузе. Но как Торанаге удалось так быстро получить известие? Голубиная почта! Это единственный ответ. Из Эдо или отсюда? Кто здесь имеет почтовых голубей? Почему у меня нет таких голубей? Это вина Дзукимото – он должен был подумать об этом. Итак, война или мир?»

Ябу призвал злую волю Будды, всех ками, всех богов, которые когда-либо существовали или могли бы быть придуманы, на человека или людей, которые выдали его, на их родителей и их потомков в десяти тысячах поколений. И уступил.

– Господин Торанага не может забрать корабль, потому что он уже подарен ему. Я отправил ему письмо, сообщающее об этом. Не так ли, Дзукимото?

– Да, господин.

– Конечно, если господин Торанага хочет считать, что забрал его, он волен так думать. Но корабль должен быть подарком. – Ябу порадовался, что его голос звучит так обыденно. – Он будет счастлив, получив такой подарок.

– Благодарю вас от имени моего господина.

Хиромацу опять поразился предвидению Торанаги. Тот предсказал, что именно так все и произойдет, – схватки не будет.

– Я не верю, – сказал тогда Хиромацу. – Ни один даймё не снесет такого попрания его прав. Ябу не стерпит. Я бы, конечно, не стерпел. Даже от вас, господин.

– Но разве он не должен был сообщить нам о корабле? Ябу следует наказать. Он нужен мне из-за его силы и хитрости – он связывает руки Икаве Дзикю и охраняет мои фланги.

Здесь, на берегу, под ярким и горячим солнцем, Хиромацу вынудил себя отвесить вежливый поклон, ненавидя собственное двуличие:

– Господин Торанага будет тронут вашим великодушием.

Ябу пристально следил за ним:

– Это не португальский корабль.

– Да, мы слышали об этом.

– И он пиратский. – Ябу заметил, как сузились глаза военачальника.

– Что?!

Передавая то, что ему поведал священник, Ябу лихорадочно соображал. Если для Хиромацу это оказалось такой же новостью, какой было для него, не следует ли отсюда, что Торанага получил сведения из того же самого источника, что и он, Ябу? Но если он знает о содержимом трюма, тогда шпион – Оми, один из его самураев или житель деревни.

– Там куча одежды. Драгоценности. Мушкетеры, порох, пули.

Хиромацу заколебался. Потом он сказал:

– Одежда из китайского шелка?

– Нет, Хиромацу-сан, – сказал Ябу. Они оба были даймё. И теперь, когда он великодушно «подарил» корабль, Ябу посчитал, что может использовать уравнивающее их обращение «сан». Он был доволен, увидев, что это не прошло незамеченным. «Я как-никак даймё Идзу, клянусь солнцем, луной и звездами!» – Это очень необычная, толстая, тяжелая одежда, в целом для нас бесполезная, – пояснил он. – Все годное для нас я перенес на берег.

– Хорошо. Пожалуйста, переправьте все на борт моего корабля.

– Что? – Ябу чуть не взорвался.

– Все, сейчас же!

– Сейчас?

– Да, извините, но вы, конечно, понимаете, что я хочу вернуться в Осаку как можно скорее.

– Да. Но хватит ли там места для всего?

– Верните пушки на корабль варваров и опечатайте его. В течение трех дней придут лодки, чтобы отвезти их в Эдо. Что касается мушкетов, пороха и пуль, то... – Хиромацу остановился, избегая ловушки, которая, как он понял, может быть устроена для него.

– Там достаточно места для пяти сотен мушкетов, – сказал ему Торанага. – И для всего пороха, и для двадцати тысяч серебряных дублонов. Оставь пушки на палубе корабля и одежду в трюмах. Пусть Ябу болтает и распоряжается, не давай ему только думать. Но не раздражай и не проявляй нетерпения в разговорах с ним. Он мне нужен, но я хочу иметь эти ружья и этот корабль. Берегись, Ябу попытается поймать тебя в ловушку, поняв, что мы знаем точное количество груза, а он не должен догадаться, кто наш шпион.

Хиромацу проклял свою неспособность играть в эти игры.

– Что касается необходимого места, – проворчал он, – может быть, вам следует сказать мне, что именно представляет собой груз? Сколько мушкетов, пуль и так далее? А драгоценные металлы, в слитках или в монетах, это серебро или золото?

– Дзукимото!

– Да, Ябу-сама.

– Составь опись всего груза.

«Я разберусь с тобой позднее», – подумал Ябу.

Дзукимото поспешно ушел.

– Вы, должно быть, устали, Хиромацу-сан. Может быть, немного чая? Для вас все приготовлено. Баня здесь не очень хорошая, но, возможно, она вас освежит.

– Спасибо, вы очень внимательны. Немного чая и баня – это превосходно. Позже. Сначала расскажите мне обо всем, что случилось с того момента, как сюда прибыл этот корабль.

Ябу изложил все события, не упомянув Кику-сан и мальчика – это было не важно. Потом по распоряжению Ябу отчитался Оми – обо всем, кроме своего тайного разговора с Ябу. И Мура тоже поведал собственную историю, пропустив только эпизод с купанием Андзина и эрекцией, поскольку подумал, что это хотя и интересно, но может обидеть Хиромацу, у которого желание-то есть, а вот сил, наверное, не хватает.

Хиромацу посмотрел на облако дыма, которое все еще поднималось над погребальным костром.

– Сколько пиратов осталось?

– Десять, господин, включая их вожака, – отчеканил Оми.

– Где сейчас вожак?

– В доме Муры.

– Что он делает? Что он сделал сразу же после выхода из ямы?

– Он сразу же пошел в баню, господин, – поспешил с ответом Мура. – Сейчас спит мертвецким сном.

– Вам не пришлось нести его на этот раз?

– Нет, господин.

– Он, видимо, быстро учится. – Хиромацу оглянулся назад, на Оми. – Ты думаешь, их можно обучить достойному поведению?

– Не до конца, Хиромацу-сама.

– Мог бы ты стереть вражескую мочу со своей спины?

– Нет, господин.

– Я бы тоже не смог. Никогда. Варвары очень странные. – Хиромацу опять вспомнил о корабле. – Кто будет следить за погрузкой?

– Мой племянник. Оми-сан.

– Хорошо. Оми-сан, я хочу выехать до сумерек. Мой капитан поможет тебе быстро погрузиться. За три стика. – Эта мера соответствовала времени сгорания одного стандартного фитиля, на что уходил примерно час.

– Да, господин.

– Почему бы вам не поехать с нами в Осаку, Ябу-сан? – Хиромацу сделал вид, будто это только что пришло ему в голову. – Господин Торанага будет доволен, если получит все эти вещи из ваших рук. Лично. Пожалуйста, поедemте, места достаточно. – Когда Ябу начал протестовать, он позволил ему потянуть время, а потом сказал, как велел Торанага: – Я настаиваю. От имени господина Торанаги. Ваше гостеприимство необходимо вознаградить.

«Моей головой и моими землями?» – спросил себя Ябу с горечью, зная, что не имеет иного выбора, кроме как принять с благодарностью это предложение.

– Спасибо. Я буду польщен.

– Хорошо. Ну, тогда все улажено, – произнес Железный Кулак с видимым облегчением. – Теперь немного чая. И ванну.

Ябу проводил его на холм к дому Оми. Старик вымылся и полежал с удовольствием в горячей, курящейся паром воде. После этого руки Суво оживили его. Немного риса и сырой рыбы с маринованными овощами он съел в одиночестве. Чай пил из хорошего фарфора. Малость подремал.

После трех стиков сёдзи приоткрылись. Личный телохранитель знал, что это лучше, чем войти в комнату без вызова. Хиромацу уже проснулся. Меч был наполовину в ножнах и приготовлен.

– Ябу-сама ждет на улице, господин. Он говорит, корабль загружен.

– Превосходно.

Хиромацу вышел на веранду и облегчился в ведро.

– Ваши люди хорошо работают, Ябу-сан.

– Помогли ваши люди, Хиромацу-сан. Они более чем хорошо работают.

«Да, и к рассвету они будут работать еще лучше», – подумал Хиромацу, потом сказал весело:

– Нет ничего приятнее, чем облегчить полный мочевой пузырь, когда в струе столько энергии. Правда ведь? Чувствуешь себя молодым. В моем возрасте необходимо чувствовать себя молодым... – Он поправил набедренную повязку, ожидая, что Ябу сделает вежливое замечание, соглашаясь с ним, но тот ничего не сказал. В нем начало

расти раздражение, но он подавил его. – Возьмите пиратского вожака с собой на корабль.

– Что?

– Вы были настолько великодушны, что подарили корабль и груз. Команда тоже его груз. Поэтому я заберу вожака пиратов в Осаку. Господин Торанага хочет видеть его. Естественно, вы можете делать с остальными все, что захотите. Но на время вашего отсутствия... Пожалуйста, удостоверьтесь, что ваши слуги поняли: чужеземцы – собственность моего хозяина и лучше, чтобы их осталось девять, живых и в добром здравии, и чтобы они были здесь, когда ему потребуются.

Ябу заторопился на пристань, где должен был находиться Оми...

Перед этим, препроводив Хиромаци в баню, он прошел по дорожке, петлявшей за погребальной землей. Там он коротко поклонился погребальному костру и направился вдоль границы расположенных террасами полей, выходящей на небольшое плато высоко над деревней. Уютный храм ками охранял это живописное место. Древнее дерево давало тень и спокойствие. Он пришел сюда, чтобы успокоить ярость и подумать. Он не осмелился подойти к кораблю или к Оми и его людям, так как знал: ему надлежало приказать большинству из них, если не всем, совершить сэппуку, что не принесло бы никакой пользы; ему следовало уничтожить деревню, что было бы глупо, ибо только крестьяне ловили рыбу и растили рис, обеспечивая благосостояние самураев.

Пока он сидел один, и злился, и пытался напрячь свой мозг, солнце опустилось и рассеяло туман на море. Облака, которые закрывали отдаленные горы на западе, на мгновение расступились, и он узрел красоту парящих в воздухе заснеженных пиков. Вид их успокоил его, он стал расслабляться, размышлять, строить замыслы.

«Найди шпиона, – сказал он себе. – Ничто из сказанного Хиромаци не позволяет понять, где затаился предатель: здесь или в Эдо. В Осаке у тебя влиятельные друзья, среди них сам господин Исидо. Может быть, один из них обнаружит дьявола. Но отправь тайное послание жене на случай, если доносчик скрывается там. А что насчет Оми? Поручить ему поиски шпиона здесь? А если он и есть доносчик? Непохоже, но возможно. Более чем вероятно, что предатель

в Эдо. Все упирается во время. Если бы Торанага в Осаке узнал о корабле, как только тот прибыл, тогда Хиромацу поспел бы сюда первым. У тебя есть верные люди в Эдо. Пусть докажут, чего они стоят.

А чужеземцы? Теперь они единственный твой прибыток от корабля. Как ты можешь их использовать? Ждать, пока Оми подскажет? Ты можешь обменять их как людей, знающих море и корабли, на ружья у Торанаги. Не так ли?

Другая возможность – полностью сделаться вассалом Торанаги. Открыть ему свой замысел. Предложить ему, чтобы он создал ружейный полк – для его же славы. Но *вассал никогда не ожидает от господина воздаяния за службу или даже признания заслуг. Служить – это долг самурая, а быть самураем – это путь к бессмертию*. Это было бы самым лучшим выходом, самым лучшим, – подумал Ябу. – Могу ли я действительно стать его вассалом? Или Исидо?

Нет, это неблагоприятно. Союзником – да, вассалом – нет.

Хорошо, тогда, в конце концов, чужеземцы – твое единственное достояние. Оми опять прав».

Он почувствовал, что успокоился, а потом, когда пришло время и посыльный принес известие, что корабль загружен, он явился к Хиромацу и узнал, что потерял и чужеземцев.

...Он весь кипел, когда пришел на пристань.

– Оми-сан!

– Да, Ябу-сама?

– Приведи сюда вожака чужеземцев. Я беру его в Осаку. Что касается остальных, позаботься, чтобы они были под присмотром на время моего отсутствия. Я хочу, чтобы с ними ничего не стряслось и чтобы они хорошо себя вели. Сажай их в яму, если сочтешь нужным.

С того самого момента, как появилась галера, ум Оми пребывал в смятении, исполненный беспокойства о безопасности Ябу.

– Позвольте мне поехать с вами, господин. Может быть, я в силах помочь.

– Нет-нет, сейчас я хочу, чтобы ты присмотрел за чужеземцами.

– Ну пожалуйста, может быть, я хотя бы чем-нибудь малым смогу отплатить за вашу доброту ко мне.

– В этом нет необходимости, – сказал Ябу с большей теплотой, чем ему бы хотелось.

Он помнил, что увеличил доход и владения Оми из-за драгоценных металлов и ружей. Которые теперь исчезли. Но он видел, как озабочен юноша, и чувствовал невольную приязнь к нему.

«С такими подданными я вырежу всю страну, – пообещал он себе. – Оми будет начальником одного из моих войск, когда я верну себе ружья».

– Когда война начнется... тогда для тебя будет очень важная работа, Оми-сан. Теперь иди и приведи чужеземца.

Оми взял с собой четырех стражников и Муру как переводчика.

Блэкторн был вырван из сна. Ему потребовалась целая минута, чтобы голова прояснилась. Когда туман отступил, он увидел, что на него смотрит Оми.

Один из самураев тащил с него одеяло, другой тряс его, пока он не проснулся, два других несли тонкие, устрашающие на вид бамбуковые палки. Мура держал короткий моток веревки.

Староста встал на колени и поклонился.

– *Коннити ва.* (Добрый день.)

– *Коннити ва.* – Блэкторн вынудил себя опуститься на колени и, хотя был голый, поклонился с такой же учтивостью.

«Это только вежливость, – успокоил себя Блэкторн. – Это их обычай, их понимание хороших манер, так что в этих поклонах нет никакого позора. На наготу не обращают внимания, и это тоже их обычай, и в этом тоже нет никакого стыда».

– Андзин, пожалуйста, одевайся, – сказал Мура.

«Андзин? А-а, теперь вспомнил. Священник говорил, что они дадут мне имя Андзин, что значит „капитан“, и в этом нет ничего оскорбительного. И меня станут называть Андзин-сан – господин капитан, – когда я заслужу это. Не гляди на Оми, – предупредил он себя. – Пока. Не вспоминай деревенскую площадь, Оми, Крока и Питерзона. Всему свое время. Ты поклялся в этом перед Богом: каждому делу свое время. Возмездие за мной».

Блэкторн увидел, что его одежда опять вычищена, и благословил того, кто сделал это. Он скинул грязные отрепья в банном домике, словно они были зачумлены. Он заставил три раза тереть себе спину. Самой грубой губкой и пемзой. Но все еще чувствовал жжение мочи.

Он отвел глаза от Муры и посмотрел на Оми. И почувствовал странную радость оттого, что его враг жив и находится рядом.

Он поклонился в ответ на такие же поклоны и не спешил поднять склоненную голову.

– *Коннити ва*, Оми-сан, – произнес он. Не было позора в том, чтобы говорить на их языке, не было стыдно сказать «добрый день» или поклониться первым по их обычаю.

Оми отвесил ответный поклон.

Не совсем такой же, но и этого пока было достаточно.

– *Коннити ва*, Андзин, – довольно вежливо произнес Оми.

– Андзин-сан! – Блэкторн глядел прямо на него. Коса нашла на камень. «Где ваши манеры?»

– *Коннити ва*, Андзин-сан, – произнес Оми наконец с легкой улыбкой.

Блэкторн быстро оделся: свободные панталоны с гульфиком, носки, рубашка и куртка. Его длинные волосы заплели в тугую косичку, а бороду подровняли ножницами.

– *Хай*, Оми-сан? – спросил Блэкторн, когда оделся и почувствовал себя лучше, хотя его и стерегли. Он жалел только, что запас известных ему японских слов пока невелик.

– Пожалуйста, руки, – распорядился Мура.

Блэкторн не понял и показал знаками. Мура вытянул свои руки и изобразил, что их связывают вместе.

– Руки, пожалуйста.

– Нет. – Блэкторн адресовал это непосредственно Оми и покачал головой. – В этом нет необходимости, – заметил он по-английски, – совсем нет необходимости. Я дал слово. – Он старался, чтобы голос его звучал мягко и увещающе, потом добавил грубо, копируя Оми: – *Вакаримас ка*, Оми-сан? Вы поняли?

Оми засмеялся. Потом бросил:

– *Хай*, Андзин-сан. *Вакаримас*. – Он вдруг повернулся и исчез.

Мура и другие воззрились ему вслед, удивленные. Блэкторн вышел за Оми на солнце. Его башмаки были вычищены. Прежде чем он смог надеть их, служанка «Онна» опустилась на колени и помогла ему.

– Спасибо, Хаку-сан, – сказал он, вспомнив ее настоящее имя.

«Как будет по-японски „спасибо тебе“?» – подумал он.

Они прошли через ворота, Оми шагал впереди.

«Я у тебя за спиной, проклятый негодяй... Подожди-ка! Вспомни, что обещал себе? Он не клялся себе. Клятва для слабых или глупцов. Разве не так? Всему свое время. Хватит того, что ты у него за спиной. Ты знаешь это, и он знает. Не заблуждайся, он знает это очень хорошо».

Четыре самурая шагали по бокам от Блэкторна; когда он спускался с холма, пристань еще не открылась его взгляду, Мура держался поодаль, на расстоянии десяти шагов, Оми – впереди.

«Они собираются упрятать меня обратно под землю? – спрашивал себя Блэкторн. – Почему хотели связать мне руки? Разве Оми забыл, что сказал вчера? Боже мой, неужели это было вчера? „Если ты будешь хорошо себя вести, можешь не сидеть в яме. Если ты поведешь себя плохо, завтра из ямы возьмем еще одного“. Может быть. Еще может быть. Разве он не говорил этого? Я себя плохо вел? Интересно, что с Кроком? Парень был жив, когда его относили в дом, где раньше жила команда».

Блэкторн чувствовал себя сегодня лучше. Баня, сон и свежая еда благотворно сказались на нем. Он знал, что если будет аккуратен и сможет отдыхать, высыпаться и есть вволю, то через месяц сумеет пробегать и проплывать милью, командовать кораблем во время битвы и вести его вокруг света.

«Не думай пока об этом! Просто береги сегодня свои силы. Месяц не так много для надежды».

Спуск с холма и путь через деревню утомили его.

«Ты слабее, чем думал... Нет, ты сильнее, чем думал!» – внушал он себе.

Мачты «Эразма» возвышались над черепичными крышами, и его сердце забилося чаще. Улица впереди делала изгиб, повторяя форму холма, выходила на площадь и там кончалась. Зашторенный паланкин стоял на солнце. Четыре носильщика в коротких набедренных повязках сидели на корточках рядом с ним, рассеянно ковыряя в зубах. Едва увидев Оми, они встали на колени и принялись кланяться.

Оми едва кивнул им, проходя мимо быстрым шагом, но тут из красивых ворот вышла девушка и направилась к паланкину. Оми остановился.

Блэкторн задержал дыхание и тоже остановился.

Появилась молоденькая служанка с зеленым зонтиком, спешащая укрыть от солнца свою хозяйку. Оми поклонился, девушка поклонилась в ответ, и они весело заговорили – гордое высокомерие тут же слетело с Оми.

На девушке было кимоно персикового цвета, широкий золотой пояс и туфли из позолоченной кожи. Блэкторн видел, как она взглянула на него. Очевидно, речь шла о нем. Он не знал, как реагировать, поэтому решил терпеливо ждать, наслаждаясь ее видом, чистотой и теплом. Он ломал голову, что связывает ее с Оми: любовники они или это его жена?

Оми спросил что-то. Она ответила и погладила свой зеленый зонтик, который мерцал и приплясывал в ее руке. Смех девушки был музыкален, а фигурка необыкновенно стройна. Оми ответил ей улыбкой, потом повернулся и широко зашагал, снова став самураем.

Блэкторн последовал за ним. Глаза девушки остановились на нем, когда он проходил; и Блэкторн сказал:

– *Коннити ва.*

– *Коннити ва*, Андзин-сан, – ответила она, и ее голос тронул его: так миниатюрна, едва пяти футов ростом, и так изящна. Когда она слегка поклонилась, шелковая пола верхнего кимоно отошла, открыв розовое нижнее, что показалось ему удивительно волнующим.

Аромат девушки все еще преследовал его, когда он завернул за угол. Но вот он увидел люк погреба, «Эразм» и галеру, и девушка сразу же вылетела у него из головы.

«Почему зияют дырами пушечные порты? Где наши пушки, и что, ради Бога, делает здесь галера, и что случилось с теми, кто в яме?»

Всему свое время.

Сначала «Эразм»: на месте фок-мачты, которую снес шторм, торчит уродливый обломок. «Не важно, – подумал он. – Мы можем легко вывести судно в море – ночной бриз и отлив помогут нам ускользнуть, не наделав шума, и завтра мы будем уже у дальней оконечности острова. Полдня уйдет на установку запасной мачты, потом ставим все паруса и полным ходом в открытое море. Может быть, лучше сразу уйти в безопасные воды? Но кто уцелел из команды? Мы не сможем вывести корабль без посторонней помощи. Откуда пришла галера? И почему?»

Он видел группы самураев и моряков на пристани. Шестидесятивесельный корабль – по тридцать весел с каждого борта – выглядел ухоженным и опрятным и готов был отплыть каждую минуту, и Блэкторн невольно вздрогнул. Последний раз он видел галеру недалеко от Золотого Берега два года назад, когда вся его флотилия была еще цела, все пять кораблей. То судно – богатый португальский торговый корабль, плавающий в прибрежных водах, – улизнуло от него, направившись против ветра. «Эразм» не смог догнать, захватить или потопить его.

Блэкторн хорошо знал побережье Африки. Как штурман и капитан, он десять лет служил Берберийской компании, созданной лондонскими купцами и снаряжавшей каперские корабли для прорыва испанской блокады и торговли с Берберийским побережьем. Он водил корабли в Западную и Северную Африку, на юг до Лагоса, на север и восток через коварный Гибралтарский пролив – даже когда тот патрулировался испанцами – до Салерно в Неаполитанском королевстве. Средиземноморье было опасно для английских и нидерландских судов. Там хозяйничали военные корабли враждебных Испании и Португалии, и, что еще хуже, Османская империя заполонила все моря своими галерами и военными кораблями.

Эти плавания оказались очень выгодными для него, и он купил собственный корабль, сорокапятитонный бриг, для торговли на свой страх и риск. Но корабль затонул, и все пропало. В полный штиль у берегов Сардинии к ним подкралась турецкая галера. Бой был жестоким, и потом, перед закатом солнца, их взяли на абордаж. Он никогда не забудет этот воющий крик «Алла-а-а», когда пираты, вооруженные шпагами и мушкетами, перелезали через планшир. Он бросил в бой своих людей, и те отбили первую атаку, но вторая смела их, и он отдал приказ взорвать пороховые погреба. Его корабль был весь объят пламенем, и он решил, что лучше умереть, чем стать гребцом на галере. Он всегда испытывал смертельный ужас перед возможностью уцелеть в схватке и стать галерным гребцом – обычная судьба для попавшего в рабство моряка.

Когда пороховой погреб взлетел на воздух, взрыв проломил днище его судна и разрушил часть пиратской галеры. В суматохе он смог доплыть до баркаса и спастись с четырьмя членами своей команды. Тех же, кто доплыть не смог, он вынужден был оставить и до

сих пор слышал их крики о помощи. Бог отвернулся от этих людей в тот день, и они либо погибли, либо сели за весла галеры. Бог обратил свое лицо к Блэкторну и еще четверым морякам. Они сумели добраться до Кальяри на Сардинии и оттуда без единого пенни отплыли домой.

Это было восемь лет назад – в тот год на Лондон опять обрушилась чума. Мор, голод и смута. Его младший брат и вся семья погибли. Но зимой чума отступила, и он легко получил новый корабль и ушел в море, чтобы поправить свое состояние. Сначала работал на Берберийскую компанию. Потом отправился в Вест-Индию охотиться за испанскими сокровищами. Немного разбогатев, стал плавать на кораблях Кеса Вермана, голландца, и был с ним, когда тот во второй раз отправился на поиски легендарного Северо-Восточного прохода, открывающего путь в Китай, к островам Пряностей в Азии, который, как считалось, пролегает через Ледяные моря к северу от Московии – страны, где правит царь. Они искали два года, потом Кес Верман умер в арктических пустынях, и с ним почти вся команда, а Блэкторн повернул обратно и привел оставшуюся часть экипажа домой. Затем, три года назад, он явился во вновь создаваемую голландскую Ост-Индскую компанию и попросил взять его капитаном в первую экспедицию в Новый Свет. Ему по секрету сообщили, что за большие деньги куплен португальский корабельный журнал, который, как предполагается, открывает секреты Магелланова пролива, и компания хочет проверить это. Конечно, голландские купцы предпочли бы воспользоваться услугами своих капитанов, но те не могли тягаться с английскими, обученными в Тринити-Хаус, и огромная стоимость руттера вынудила их поставить на Блэкторна. Это был идеальный выбор: он считался лучшим среди капитанов-протестантов и, поскольку мать его была голландкой, в совершенстве владел ее родным языком. Блэкторн с радостью согласился принять в качестве вознаграждения за труды пятнадцать процентов прибыли. Он перед Богом поклялся в верности компании и в том, что поведет ее флотилию.

«Клянусь небом, я приведу „Эразм“ домой! – подумал Блэкторн. – И верну на родину всех, кто остался в живых».

Они пересекли площадь. Оторвав взгляд от галеры, Блэкторн увидел трех самураев, охранявших вход в погреб. Они ели, ловко

орудуя деревянными палочками. Блэкторн много раз наблюдал, как это делают, но сам так и не научился.

– Оми-сан! – Знаками он показал, что хотел бы подойти к погребу и поговорить с друзьями. Только на минуту. Но Оми покачал головой, сказал что-то, чего он не понял, и продолжил двигаться через площадь, вниз к берегу, мимо котла, к пристани. Блэкторн послушно шел за ним. «Всему свое время, – подумал он. – Будь терпелив».

Выйдя на пристань, Оми повернулся и позвал часовых от погреба. Блэкторн увидел, как они открыли люк и заглянули туда. Один из них обратился к крестьянам, которые сходили за лестницей, бочкой свежей воды и спустили все это вниз. Пустую бочку подняли наверх. И парашу.

«Они там! Если ты наберешься терпения и будешь играть по правилам, сможешь помочь своей команде», – подумал он с удовлетворением.

Около галеры собрались группы самураев. В стороне стоял высокий старик. По тому, какое уважение оказывал ему даймё Ябу и все остальные, бросавшиеся бежать по первому его знаку, Блэкторн сразу понял, что это значительная персона. Ему стало интересно, не верховный ли это правитель.

Оми покорно склонился. Старик сделал полупоклон, переведя взгляд на Блэкторна.

Стараясь не терять достоинства, Блэкторн опустился на колени и, опершись ладонями о песок, по примеру Оми, поклонился так же низко, как он.

– *Коннити ва, сама*, – сказал он вежливо.

Старик опять ответил полупоклоном.

Между Ябу и стариком завязался разговор, потом старик заговорил с Оми. Ябу потолковал с Мурой.

Староста показал на галеру:

– Андзин-сан, пожалуйста, туда.

– Почему?

– Идите! Сейчас же. Туда!

Блэкторн почувствовал, как его охватывает паника.

– Почему?

– *Исогу!* – скомандовал Оми, махнув рукой по направлению к галере.

– Нет, я не пойду на...

Тут же последовал приказ Оми. Четыре самурая навалились на Блэкторна и зажали ему руки, Мура достал веревку и начал связывать запястья за спиной.

– Сукины вы дети! – закричал Блэкторн. – Я не собираюсь идти на этот проклятый Богом невольничий корабль!

– Мадонна! Отпустите его! Эй, вы, дерьмоеды, обезьяны, отпустите этого негодяя! *Киндзиру*, так? Это капитан? *Андзин*, да?

Блэкторн едва мог поверить своим ушам: шумная брань на португальском неслась с палубы галеры. Потом он увидел, как по сходням спускается человек. Высокий, как и он, примерно его возраста, но чернобородый и черноглазый, небрежно одетый, в моряцком платье, с рапирой на боку и пистолетами за поясом. Украшенный драгоценными камнями крестик на шее. Яркая шапочка, на лице сияет улыбка.

– Ты капитан? Голландский капитан?

– Да, – услышал Блэкторн свой ответ.

– Хорошо. Хорошо. Я Васко Родригес, капитан этой галеры. – Он повернулся к старику и заговорил на смеси японского с португальским, называл его Манки-сама^[23], а иногда Тоди-сама, но выговаривал так, что получалось скорее Тоуди-сама^[24]. Дважды он вытаскивал пистолет, злобно указывал дулом на Блэкторна и снова запихивал оружие за пояс; его японский был сильно сдобрен португальской бранью, которую понимали только моряки.

Хиромацу отвечал коротко, и самураи отпустили Блэкторна, а Мура развязал его.

– Вот так лучше. Слушай, капитан, этот человек здесь вроде князя. Я сказал ему, что отвечаю за тебя и прострелю тебе голову так же легко, как и выпью с тобой. – Родригес поклонился Хиромацу, потом улыбнулся Блэкторну: – Поклонись Негодяю-сама.

Двигаясь как во сне, Блэкторн последовал его совету.

– Ты делаешь это совсем как японец, – заметил Родригес с ухмылкой. – Ты действительно капитан?

– Да.

– Широта Лизарда?^[25]

– Сорок девять градусов пятьдесят шесть минут северной широты. Следует остерегаться рифов на южной и юго-западной

стороне.

– Ты не врешь, ей-богу! – Родригес тепло пожал Блэкторну руку. – Пошли на борт. Там имеется что поесть и выпить, вино и грог. Все капитаны должны любить друг друга, мы – соль земли. Аминь. Правильно?

– Да, – слабо подтвердил Блэкторн.

– Когда я услышал, что мы заберем с собой капитана, я сказал: хорошо. Прошли годы с тех пор, как я мог поговорить с настоящим капитаном. Пошли на борт. Как ты проскользнул Малакку? Как пробрался мимо патрулей в Индийском океане? Чей корабельный журнал ты украл?

– Куда вы повезете меня?

– В Осаку. Великий господин – Его Высочество Палач – сам хочет посмотреть на тебя.

Блэкторн почувствовал, что паника опять охватывает его.

– Кто?

– Торанага! Господин Восьми Провинций, в какой бы преисподней они ни были! Главный даймё Японии. Даймё – это тот же князь или верховный правитель, но еще важнее. Они все тираны.

– Что он хочет сделать со мной?

– Я не знаю, но мы приплыли сюда за этим, если Торанага хочет посмотреть на тебя, он тебя увидит. Говорят, у него миллион таких косоглазых фанатиков, которые умрут за честь вытереть ему зад – только бы доставить удовольствие! «Торанага хочет, чтобы вы привезли сюда капитана, Васко, – сказал мне его переводчик. – Привезите капитана и груз с его корабля. Возьми старого Хиромацу, чтобы осмотреть корабль». Да, капитан, это все конфисковано, как я слышал, твой корабль и все, что было на нем!

– Конфисковано?

– Это могут быть слухи. Японцы иногда конфискуют одной рукой, а другой отдают обратно или притворяются, что никогда не было такого приказа. Трудно понять этих маленьких сифилитичных негодяев.

Блэкторн почувствовал, что холодные глаза японца вонзились в него, и попытался спрятать свой страх. Родригес проследил за его взглядом:

– Да, они забеспокоились. Времени поговорить достаточно. Пошли на борт.

Он повернулся, но Блэкторн остановил его:

– А что с моими друзьями, с моей командой?

– Что?

Блэкторн коротко рассказал ему о погребке. Родригес расспросил Оми на ломаном японском.

– Он говорит, с ними все будет хорошо. Слушай, ни ты, ни я не можем ничего сделать. Ты должен ждать – ты никогда не сможешь договориться с японцами. У них шесть ликов и по три сердца. – Родригес поклонился Хиромасу, как европейский придворный. – Как будто мы при дворе проклятого Филиппа Второго, заberi Бог этого испанца пораньше.

Он направился на корабль. К удивлению Блэкторна, там не было ни рабов, ни цепей.

– В чем дело? Ты болен? – спросил Родригес.

– Нет. Я думал, здесь на веслах сидят рабы.

– В Японии их нет. Даже на коях. Сумасшедшие, и мы среди них. Никогда не видел таких сумасшедших, а я обогнул земной шар три раза. У нас гребцами самураи. Они солдаты – солдаты этого старого хрыча, – и ты нигде не найдешь рабов, которые гребли бы лучше, или солдат, воюющих более упорно. – Родригес рассмеялся. – Они никогда не утомятся. Мы весь путь из Осаки – триста с лишним морских миль – проделали за сорок часов. Пошли вниз. Мы скоро отдадим швартовы. Ты уверен, что у тебя все в порядке?

– Да, спасибо, думаю, что так. – Блэкторн глядел на «Эразм». Корабль стоял в сотне ярдов. – Капитан, нельзя ли мне подняться на борт моей посудыны? Может, они позволят? Мне нечего надеть: всю одежду опечатали, когда мы сюда приплыли. Ну пожалуйста!

Родригес долго разглядывал корабль:

– Когда вы потеряли мачту?

– Как раз перед тем, как прибились к здешнему берегу.

– На борту еще есть запасная?

– Да.

– Какой у вас порт приписки?

– Роттердам.

– Корабль там построен?

– Да.

– Я там был. Отмели – из-за них не причалишь к берегу. У него хорошие обводы, у твоего корабля. Новый – я не видел прежде кораблей такого класса. Мадонна, он быстроходный, очень быстроходный. Очень трудный в управлении. – Родригес смотрел на Блэкторна. – Ты можешь быстро поставить всю оснастку? – Он повернулся к получасовым песочным часам, прикрепленным к нактоузу.

– Да. – Блэкторн пытался подавить в себе растущую надежду, не выдать ее.

– Тогда такие условия, капитан. Никакого оружия в рукаве или где еще. Под твое честное слово капитана. Я сказал этим обезьянам, что отвечаю за тебя.

– Согласен. – Блэкторн смотрел, как песок медленно сыплется через горлышко песочных часов.

– Я разmozжу тебе голову при малейшем намеке на обман или перережу глотку. Если соглашусь.

– Даю тебе слово как капитан капитану! И порази чума всех испанцев!

Родригес улыбнулся и дружески хлопнул его по спине:

– Ты начинаешь мне нравиться, англичанин.

– Откуда ты знаешь, что я англичанин? – удивился Блэкторн, зная, что прекрасно говорит по-португальски и не сказал ничего, что помогло бы распознать в нем уроженца Англии.

– Я ясновидящий. Разве не все капитаны таковы? – Родригес засмеялся.

– Ты говорил со священником? Тебе сказал отец Себастио?

– Я не говорю со священниками, если могу обойтись без этого. Для любого человека более чем достаточно одного раза в неделю. – Родригес молча плюнул в шпигат и подошел к сходням, которые вели на пристань. – Тоуди-сама! *Икимасё ка?*^[26]

– *Икимасё*, Родригу-сан. *Има!*^[27]

– *Има*. – Родригес задумчиво посмотрел на Блэкторна. – Има значит «теперь», «сразу же». Мы отплываем сейчас, англичанин.

Песок уже образовал маленькую аккуратную кучку на дне склянки.

– Спроси его, пожалуйста, нельзя ли мне подняться на мой корабль?

– Нет, англичанин. Я не буду спрашивать о таком безнадежном деле.

Блэкторн внезапно почувствовал, что опустошен. И очень стар. Он наблюдал, как Родригес идет к ограждению на юте и кричит невысокому моряку, стоящему на носу:

– Эй, капитан-сан! *Икимасё?* Прими самураев на борт, *има! Има, вакаримас ка?*

– *Хай*, Андзин-сан.

Родригес тут же позвонил шесть раз в судовой колокол. Капитан начал отдавать приказы морякам и самураям на берегу и на борту. Моряки из трюма поднялись бегом на палубу, чтобы подготовиться к отплытию, и в этой привычной им обоим суматохе Родригес спокойно взял Блэкторна за руку и потянул его в направлении сходней на правом борту, противоположном берегу.

– Там, внизу, лодка, англичанин. Не торопись, не оглядывайся и не обращай внимания ни на кого, кроме меня. Если я велю тебе возвращаться, поторопись.

Блэкторн прошел по палубе, спустился по сходням к маленькому японскому ялику. Он слышал сердитые голоса позади и почувствовал, как волосы у него на затылке шевелятся: наверху, на корабле, было много самураев, вооруженных луками, а некоторые – мушкетами.

– Ты не должен беспокоиться о нем, капитан-сан, я отвечаю за него. Я, Родригу-сан, *ити бан Андзин-сан*^[28], клянусь Святой Девой. *Вакаримас ка?* – перекрыл все голоса португалец, но те становились все злее.

Блэкторн уже почти был в лодке и тут увидел, что она не имеет уключин.

«Я не могу грести как они, – сказал он себе. – Я не могу воспользоваться лодкой. И плыть слишком далеко. Или поплыть?»

Он колебался, оценивая расстояние. Если бы он был здоров, не медлил бы ни минуты. А теперь?

Послышались шаги: кто-то спускался по сходням. Он поборол в себе желание обернуться.

– Садись на корму! – услышал он повелительный голос Родригеса. – Поторопись!

Он сделал, как ему было сказано, и тут же Родригес прыгнул в лодку, схватил весла и, все еще стоя, с большой ловкостью оттолкнулся от корабля.

У входа на трап стоял самурай, очень возмущенный, по бокам маячили двое других, с луками наготове. Командир самураев позвал их – несомненно, приказал отойти.

Когда лодка удалилась на несколько ярдов от корабля, Родригес обернулся.

– Идем прямо туда! – прокричал он, указывая на «Эразм». – Следи за самураями на борту! – Он повернулся спиной к галере и продолжал грести, работая веслами по японскому обычаю, стоя посреди лодки. – Скажи мне, если они изготоятся к стрельбе, англичанин! Смотри за ними внимательно. Что они делают сейчас?

– Их капитан очень сердит. Ты ищешь неприятностей, да?

– Если мы не обернемся ко времени, старина Тоуди получит повод для недовольства. Что делают лучники?

– Ничего. Ждут приказа. Он, кажется, не может решиться. Нет. Один из лучников вынул стрелу.

Родригес приготовился остановиться.

– Мадонна, они слишком метко стреляют, чтобы рисковать. Он наложил стрелу на тетиву?

– Да, но подожди! К капитану кто-то подошел, думаю, моряк. Похоже, он что-то спрашивает у него о корабле. Капитан смотрит на нас. Он что-то говорит лучнику. Тот убирает стрелу. Моряк указывает на что-то на палубе.

Родригес бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы самому удостовериться, и вздохнул с облегчением:

– Это один из моих людей. Он займет капитана на добрых полчаса – попросит указаний, как разместить гребцов.

Блэкторн подождал, дистанция увеличивалась.

– Капитан опять смотрит на нас. Нет, все в порядке. Он уходит. Но один из самураев следит за нами.

– Пусть следит. – Родригес расслабился, но не сбавил темпа и не смотрел назад. – Не нравится мне поворачиваться спиной к самураю, особенно когда у него в руках оружие. Впрочем, я еще ни разу не видел хотя бы одного из этих негодяев без оружия. Они все мерзавцы!

– Почему?

– Они любят убивать, англичанин. Это их обычай, они даже спят с мечами. Это великая страна, но самураи опаснее змеи и с виду еще омерзительнее.

– Почему?

– Я не знаю почему, англичанин, но они таковы, – ответил Родригес, радуясь, что может поговорить с равным себе. – Конечно, все японцы отличаются от нас: они не чувствуют боли или холода так, как мы, – но самураи намного хуже. Они ничего не боятся, по крайней мере не боятся смерти. Почему? Один Бог знает, но это правда. Если господин говорит: убей – они убивают; если он говорит: умри – они падают на мечи или вспарывают себе животы. Для них убить или умереть так же легко, как для нас помочиться. Женщины тоже бывают самураями, англичанин. Они убивают, чтобы защитить своего господина – так здесь называют мужей, – или убивают себя, если им прикажут. Вонзают нож себе в горло. Самурай может приказать жене покончить с собой, и она по закону обязана это сделать. О Мадонна, это такие женщины, нечто совершенно особенное, англичанин, ничего подобного не найдешь на земле, но мужчины... Самураи – это пресмыкающиеся, и самое безопасное – обращаться с ними как с ядовитыми змеями. Ты в порядке теперь?

– Да, благодарю. Немного слаб, но все нормально.

– Как проходило ваше плавание?

– Плохо. А самураи – как стать одним из них? Просто заполучить два меча и выбрить волосы, как они?

– Ты должен родиться самураем. Конечно, самураи бывают разных рангов – от даймё на верху этой кучи дерьма до того, что мы называем пехотинцами, в ее основании. Как правило, эти титулы наследуются, как у нас. В старые времена, как мне говорили, здесь, как сейчас в Европе, крестьяне могли становиться солдатами, а солдаты – крестьянами, наследными князьями, дворянами. Некоторые солдаты из крестьян поднимались до самых высот. Тайко был одним из них.

– Кто он?

– Великий деспот, правитель всей Японии, величайший убийца всех времен. Я расскажу тебе о нем когда-нибудь. Он умер год назад и теперь горит где-нибудь в аду... – Родригес сплюнул за борт. – Сегодня самураем можно только родиться. Это все наследуется, англичанин. Мадонна, ты не представляешь, какое значение они придают

наследственным правам, происхождению, рангу и тому подобному. Ты посмотри, как Оми кланяется этому дьяволу Ябу и как оба они пресмыкаются перед старым Тоуди-сама. «Самурай» происходит от японского слова, означающего «служить». Но они, хотя и кланяются, раболепствуют перед вышестоящим, все самураи, равные между собой, пользующиеся особыми самурайскими привилегиями. Что там происходит на борту?

– Капитан что-то говорит другому самураю и указывает на нас. Что такое с ними?

– Здесь самурай управляет и владеет всем, у них есть собственный кодекс чести и свой свод правил. Высокомерные? Мадонна, ты и не представляешь! Самый ничтожный из самураев может на законных основаниях убить любого несамурая, любого мужчину, любую женщину или ребенка, по любому поводу или без повода. Просто чтобы проверить остроту своего поганого меча – я видел подобное, – а они делают лучшие в мире мечи. Лучше дамасских клинков. Чем этот негодяй занят теперь?

– Просто наблюдает за нами. Его лук за спиной. – Блэкторн передернул плечами. – Я ненавижу этих ублюдков даже больше, чем испанцев.

Родригес опять рассмеялся, не переставая грести:

– По правде говоря, у меня от них моча свертывается! Но если ты хочешь быстро разбогатеть, должен повиноваться, потому что они владеют всем. Ты уверен, что у тебя все нормально?

– Да, спасибо. Что ты говоришь? Самураи владеют всем?

– Да, вся страна разделена на касты, как в Индии. Самураи наверху, крестьяне следующие в иерархии. – Родригес сплюнул за борт. – Только крестьяне могут владеть землей. Понимаешь? Но самурай владеет всем, что тот выращивает. Он владеет всем рисом – а ничего важнее тут не растят – и возвращает часть крестьянам. Только самураю позволено носить оружие. Только он может напасть на другого самурая – всем прочим это грозит немедленной смертью. И каждый, кто стал свидетелем подобного преступления и не донес о нем сразу же, отвечает за это вместе с женой и даже детьми. Всю семью приговаривают к смерти, если кто-то не донес. Клянусь Мадонной, они все сатанинское отродье, эти самураи! Я видел детей, изрубленных на куски. – Родригес откашлялся и сплюнул за борт. –

При всем том, если ты кой-чего смыслишь, это место – рай на земле. – Он оглянулся на галеру, чтобы посмотреть, что там происходит, потом ухмыльнулся. – Ну, англичанин, ничего себе прогулочка по гавани на лодке, да?

Блэкторн рассмеялся. Груз лет упал с плеч, едва он почувствовал, как лодку покачивает на волнах, вдохнул запах морской соли, услышал крики чаек над головой, ощутил свободу и чувство, какое рождает близость земли после долгого отсутствия.

– Я думал, ты не хочешь помочь мне попасть на «Эразм».

– Ох и зануды эти англичане! Никакого терпения. Слушай, не проси японцев ни о чем, самураев или еще кого – они все одинаковые. Если попросишь, они начнут колебаться, обратятся к вышестоящему. Здесь ты должен действовать. Конечно, – его сердечный смех разнесся над волнами, – кое-кто попытается тебя прикончить, если ты сделаешь что-то не так.

– Ты очень хорошо гребешь. Я как раз ломал голову, как пользоваться этими веслами, когда ты пришел.

– Не думал же ты, что я позволю тебе улизнуть одному. Как твое имя?

– Блэкторн. Джон Блэкторн.

– Ты когда-нибудь бывал на Севере, англичанин? На Крайнем Севере?

– Я был с Кесом Верманом на «Лифле». Восемь лет назад. Это было его второе путешествие в поисках Северо-Восточного прохода. А что?

– Хотелось бы послушать об этом – и о всех местах, где ты был. Думаешь, этот проход когда-нибудь найдут? Северный путь в Азию, с востока или запада?

– Да. Вы и испанцы перекрыли южные пути, поэтому мы пройдем там. Или голландцы. А что?

– Ты был капитаном на судах, плавающих у берегов Берберии? А?

– Да. А что?

– И знаешь Триполи?

– Многие капитаны там побывали. Ну и что?

– Сдается мне, я тебя уже где-то видел. Да, это было в Триполи. Мне тебя показывали. Известный английский капитан. Ходил с Кесом

Верманом в полярные моря, был капитаном у Дрейка, да? Во времена Непобедимой армады? Сколько тебе тогда было лет?

– Двадцать четыре. Что ты делал в Триполи?

– Служил тогда штурманом на английском капере. Мой корабль был захвачен в Вест-Индии этим пиратом, Морроу, Генри Морроу – его имя. Он сжег нашу посудину до ватерлинии. Морроу предложил мне плавать с ним штурманом – от его собственного толку было мало, так он говорил, – ты знаешь, как это бывает. Он хотел двинуться от Эспаньолы, где захватил нас, на юг, вдоль Мейна, потом назад, через Атлантику, чтобы перехватить испанский золотой галион около Канарских островов. Затем, если мы его пропустим, взять курс на Триполи и там поискать другую добычу, а после уж плыть на север в Англию. Он пообещал освободить моих товарищей, дать им еду и лодку, если я присоединюсь к нему. Я сказал: «Конечно, почему бы и нет? При условии, что мы не будем нападать на португальские суда и вы высадите меня на берег у Лиссабона и не украдете мои руттеры». Мы долго с ним препирались – ты знаешь, как это бывает. Потом я поклялся Мадонной – мы оба поклялись на кресте, и вот что вышло. Удача сопутствовала нам, мы захватили несколько испанских «купцов». Когда мы оказались возле Лиссабона, он попросил меня остаться – показал письмо королевы Бесс, где она обещает заплатить целое состояние любому португальскому штурману, который примет ее подданство и возьмется обучать других своему искусству в Тринити-Хаус, она сулила также пять тысяч гиней за руттер, описывающий путь через Магелланов пролив или мимо мыса Доброй Надежды. – У него была широкая улыбка, обнажавшая крепкие белые зубы, черные усы и смоляная, аккуратно подстриженная борода. – У меня не было руттеров. По крайней мере, я ему так сказал. Морроу сдержал слово, как это водится у пиратов. Он высадил меня на берег вместе с моими руттерами – конечно, он их скопировал, хотя сам не умел ни читать, ни писать, – и даже выделил долю из добычи. Ты когда-нибудь плавал с ним, англичанин?

– Нет. Королева несколько лет назад посвятила его в рыцари. Я никогда не служил ни на одном из его кораблей. Я рад, что он был честен с тобой.

Они приблизились к «Эразму». Самурай насмешливо смотрел на них сверху.

– Это был второй раз, когда я служил у еретиков. Первый раз оказался не так удачен.

– Да?

Родригес положил весла в лодку, и она вплотную подошла к борту. Он повис на причальном канате.

– Поднимайся на борт, а разговаривать предоставь мне.

Блэкторн начал карабкаться вверх, пока другой капитан привязывал лодку. Родригес первым оказался на палубе. Он поклонился с изяществом придворного:

– *Коннити ва* всем земледам-сама!

На палубе было четыре самурая. Блэкторн узнал одного из них, сторожившего погреб. Японцы невозмутимо поклонились Родригесу. Блэкторн последовал примеру португальца, чувствуя себя неуютно.

Родригес направился прямо к трапу, ведущему на другую палубу. Печати оставались на своих местах. Один из самураев остановил его:

– *Киндзиру, гомэн насай*. (Запрещено, извините.)

– *Киндзиру*, да? – сказал Родригес, судя по виду несколько не напуганный. – Я Родригу-сан, капитан Тода Хиромацу-сама. Эта печать, – сказал он, показывая на красный оттиск со странной надписью, – Тода Хиромацу-сама, да?

– Нет, – ответил самурай, покачав головой, – Касиги Ябу-сама!

– Нет? – переспросил Родригес. – Касиги Ябу-сама? Я от Тода Хиромацу-сама, который будет поважнее вашего мужеложца и лизоблюда Касиги Ябу-сама, который самый большой содомит-сама во всем мире. Понял? – Он сорвал печать с двери, опустил руку на один из своих пистолетов.

Мечи были наполовину вынуты из ножен, и он спокойно сказал Блэкторну:

– Готовься покинуть корабль. – И грубо самураю: – Торанага-сама! – Он указал левой рукой на флаг, который развевался на фок-мачте галеры. – *Вакаримас ка?*

Самураи колебались, мечи их были наготове. Блэкторн уже собрался нырять с борта.

– Торанага-сама! – Родригес ударил ногой в дверь, планка сломалась, и дверь распахнулась. – *ВАКАРИМАС КА?*

– *Вакаримас*, Андзин-сан. – Самураи быстро убрали мечи в ножны, поклонились, принесли извинения и снова поклонились.

Родригес сказал хрипло:

– Так-то лучше, – и спустился вниз.

– Боже мой, Родригес, – проговорил Блэкторн, когда они оказались на нижней палубе. – Ты каждый раз так делаешь и выкручиваешься?

– Я делаю так редко, – признался португалец, утирая пот со лба. – И даже тогда жалею, что это затеял.

Блэкторн прислонился к переборке:

– Такое чувство, будто меня лягнули в живот.

– Это единственный путь. Ты должен действовать как король. И даже так никогда не сможешь предугадать действия самурая. Они опасны, как сраный священник, которому воткнули горящую свечу в зад и усадили на полупустую пороховую бочку.

– Что ты сказал им?

– Тогда Хиромацу – главный советник Торанаги, он важнее местного даймё. Вот почему они позволили войти.

– Каков он, этот Торанага?

– Долго рассказывать, англичанин. – Родригес сел на ступеньку, вытянул ногу в сапоге и растер колено. – Я чуть не сломал ногу о вашу вшивую дверь.

– Она не была заперта. Ты мог просто открыть ее.

– Я знаю. Но это было бы не так картинно. Клянусь Святой Девой, тебе еще много чему надо учиться!

– Ты будешь учить меня?

Родригес убрал ногу.

– Посмотрим.

– От чего это зависит?

– Посмотрим, да? Я много всего рассказал честно – пока я, не ты. Скоро будет твоя очередь. Где твоя каюта?

Блэкторн на мгновение задержал на нем взгляд. Воздух под палубой был густым и влажным.

– Спасибо, что помог мне попасть на борт.

Он пошел на корму. Его дверь была не заперта. Каюта носила следы обыска, все было сдвинуто с места, что можно унести – исчезло. Не осталось книг, одежды, инструментов, даже гусиных перьев для письма. Его рундук также был открыт. И пуст.

Побелев от гнева, он прошел в кают-компанию. Родригес внимательно наблюдал за ним. Тайник был вскрыт и опустошен.

– Они забрали все. Чертовы отродья!

– Чего ты ожидал?

– Не знаю. – Блэкторн прошел в каюту с денежными сундуками. Она была пуста. Так же как и кладовая. В трюмах остались только тюки с шерстяной одеждой. – Проклятые Богом японцы! – Он вернулся в свою каюту и захлопнул рундук.

– Где они? – спросил Родригес.

– Что?

– Твои бумаги? Где твои журналы? – (Блэкторн внимательно посмотрел на него.) – Ни один капитан не будет волноваться из-за одежды. Ты пришел за руттером. Так ведь? Почему ты удивлен, англичанин? Зачем, по-твоему, я поднялся на борт? Помочь тебе вернуть свои тряпки? Они изношены, и тебе потребуются другие. У меня их много. Но где твои журналы?

– Они исчезли. Они были в моем рундуке.

– Я не собираюсь красть их, англичанин. Я только хотел прочитать их и скопировать, если потребуется. Я бы берег их, как свои собственные, так что тебе нечего беспокоиться. – Его голос стал тверже. – Пожалуйста, заberi их, англичанин, у нас осталось мало времени.

– Не могу. Их нет. Они были в моем рундуке.

– Тебе не следовало оставлять их там, входя в иностранный порт. Тебе не следовало забывать главное правило капитанов: надежно прятать их и оставлять на виду только фальшивые. Поторопись!

– Они украдены!

– Я тебе не верю. Но допускаю, что ты спрятал их очень хорошо. Я искал здесь целых два часа – никаких следов.

– Что?

– Почему ты так удивлен, англичанин? У тебя голова на месте? Конечно, я прибыл сюда из Осаки, чтобы посмотреть твои бортовые журналы.

– Ты уже был на борту?

– Мадонна! – выпалил Родригес нетерпеливо. – Да конечно, два или три часа назад, с Хиромацу, который хотел сам посмотреть. Он

сломал печати, и потом, когда уезжал, этот местный даймё запечатал все снова. Поторопись, ради бога, – добавил он. – Время идет.

– Они украдены! – Блэкторн рассказал ему, как «Эразм» прибило к острову и как он очнулся на берегу. Потом он пнул свой рундук, проклиная того, кто разграбил его корабль. – Они украли! Все мои карты! Все мои журналы! У меня в Англии есть несколько копий, но журнал этого плавания пропал.

– А португальский? Давай, англичанин, признавайся, должен быть еще и португальский.

– Португальский... Он тоже исчез.

«Осторожнее, – подумал он про себя. – Они исчезли, и это конец. У кого они? У японцев? Или их отдали священнику? Без бортового журнала и карт ты не сможешь проложить путь домой. Ты никогда не вернешься домой... Это неправда. Ты сможешь найти дорогу домой, если будешь осторожен и если очень сильно повезет... Не глупи! Ты прошел половину пути вокруг света, через враждебные моря и земли, и вот у тебя нет ни бортового журнала, ни карт. О Боже, дай мне силы!»

Родригес внимательно следил за ним. Через какое-то время он сказал:

– Извини, англичанин. Я знаю, что ты чувствуешь. Со мной такое тоже однажды случилось. Он был англичанин, как и ты, тот вор. Может быть, его корабль разбился и он горит в аду и будет гореть вечно. Давай вернемся обратно.

Оми и остальные ждали на пристани, пока галера обогнет мыс и исчезнет. На западе ночные облака уже заволакивали малиновое небо. На востоке ночь соединила небо и море, горизонт исчез.

– Мура, сколько времени займет погрузка всех пушек обратно на корабль?

– Если работать всю ночь, закончим завтра к середине дня, Оми-сан. Если начнем на рассвете, кончим до захода солнца. Безопасней работать днем.

– Работайте ночью. Сейчас приведи священника к погребу.

Оми глянул на Игураси, главного приспешника Ябу. Тот все еще смотрел в сторону мыса, его лицо вытянулось, синевато-багровый шрам в пустой глазнице мрачно темнел.

– Мы рады, что вы остались, Игураси-сан. Мой дом беден, но, может быть, мы сможем сделать его удобным для вас.

– Спасибо, – сказал Игураси, отворачиваясь, – но мой господин приказал вернуться сразу же в Эдо, поэтому я так и сделаю. – Заметно было, что он озабочен. – Хотел бы я быть на галере...

– Да.

– Мне не нравится мысль о том, что Ябу-сама сопровождают только двое его людей. Мне это очень не нравится.

– Да.

Он показал на «Эразм»:

– Проклятый корабль, вот что это! Правда, много сокровищ.

– Конечно. Разве господин Торанага не обрадуется подарку господина Ябу?

– Этот одержимый деньгами грабитель провинций так переполнен сознанием собственной важности, что даже не заметит того серебра, которое отнял у нашего господина. Где ваши мозги?

– Я надеюсь, что только тревога за господина вынудила вас сделать такое замечание.

– Вы правы, Оми-сан. Я не хотел вас обидеть. Вы очень умны и здорово помогли нашему господину. Может быть, вы правы и в том, что касается Торанаги, – вздохнул Игураси, а сам подумал: «Наслаждайся своим вновь обретенным богатством, бедный глупец. Я знаю господина лучше, чем ты. То, что владения твои увеличились, не принесет тебе добра. Твоя удача была платой за корабль, драгоценности и оружие. Но теперь их нет – уплыли. А господин из-за тебя оказался в опасности. Ты послал письмо, и ты сказал: „Прежде посмотрите на чужеземцев“, введя его в искушение. Мы должны были уехать вчера. Случись так, господин был бы в безопасности сейчас, при деньгах и оружии. Ты предатель? Стараешься для себя, или своего глупого отца, или для врагов? Для Торанаги, может быть? Это не важно. Уж поверь мне, Оми, глупый ты молокосос, твоя ветвь клана Касиги не приживется на этой земле. Мне бы следовало сказать тебе это прямо в лицо, но тогда я должен был бы убить тебя и лишиться доверия моего господина. Он сам решит, когда это сделать, не я».

– Спасибо за гостеприимство, Оми-сан, – произнес он. – Я загляну вас повидать, но сейчас у меня свои дела.

– Вы не могли бы оказать мне услугу? Пожалуйста, передайте привет моему отцу. Я был бы очень благодарен.

– Буду счастлив сделать это. Он прекрасный человек. И я не поздравил еще вас с увеличением ваших владений.

– Вы слишком добры.

– Еще раз благодарю вас, Оми-сан. – Он поднял руку в дружеском приветствии, поздравал своих людей и во главе отряда всадников направился прочь из деревни.

Оми подошел к погребу. Священник уже стоял возле ямы. Оми мог видеть, что иезуит в гневе, и втайне надеялся, что тот сорвется, даст повод избить его.

– Священник, скажи чужеземцам, чтобы они вышли из ямы. Скажи им, что господин Ябу разрешил им опять жить среди людей. – Оми говорил намеренно простым языком. – Но при малейшем нарушении правил двое из них будут снова отправлены в яму. Они должны хорошо вести себя и выполнять все приказы. Ясно?

– Да.

Оми заставил священника повторить сказанное слово в слово, как делал и раньше. Удостоверившись, что отец Себастио все понял правильно, он приказал ему говорить с моряками.

Люди выходили один за другим. Все были испуганы. Некоторые помогали друг другу. Один был плох и стонал, стоило кому-нибудь коснуться его руки.

– Их должно быть девять.

– Один мертв. Его тело лежит внизу, в яме, – объявил священник.

Оми минуту размышлял.

– Мура, сожги труп и держи золу вместе с прахом другого чужеземца. Размести варваров в том же доме, что и прежде. Дай им много овощей и рыбы. И ячневый суп, и фрукты. Вымойте их. Они воняют. Священник, скажи им, что, если они будут себя хорошо вести и слушаться, их станут и дальше кормить.

Оми присматривался и прислушивался. Он видел, что все варвары полны благодарности, и с презрением подумал: «Какие глупцы! Я освободил их только на два дня, потом верну их обратно, и тогда они будут есть дерьмо, действительно будут есть дерьмо».

– Мура, научи их правильно кланяться, а потом убери отсюда. – Он повернулся к священнику: – Ну?

– Теперь я уйду. Поеду домой, прочь из Андзиро.

– Уезжай и не возвращайся никогда. Лучше здесь не показываться ни тебе, ни другим таким, как ты. Может, вы оттого наведываетесь в мои владения, что некоторые из моих крестьян или вассалов-христиан замышляют измену, – процедил он со скрытой угрозой, используя классический прием, который самураи, настроенные против христианства, применяли, дабы воспрепятствовать распространению чуждых религиозных догм в своих владениях: в отличие от иноземных священников новообращенные японцы не были защищены законом.

– Христиане – добрые японцы. Всегда. Хорошие вассалы. Никаких черных мыслей.

– Я рад это слышать. Не забудь, мои владения теперь простираются на двадцать ри во всех направлениях. Ты понял?

– Я понимаю.

Оми зорко следил за тем, как священник кланяется с усилием, – даже чужеземные священники должны иметь хорошие манеры – и ушел.

– Оми-сан, – обратился к нему один из самураев, молодой и очень красивый.

– Да?

– Пожалуйста, извините меня, я знаю, что вы не забыли, но Масидзиро-сан все еще в яме.

Оми подошел к погребу и посмотрел вниз, на самурая. Тот упал на колени, уважительно кланяясь.

Два прошедших дня состарили его. Оми взвесил его прошлые заслуги и будущую судьбу. После этого он вытащил из-за пояса молодого самурая короткий меч и бросил в яму.

У подножия лестницы Масидзиро с недоверием смотрел на клинок. Слезы потекли по его щекам.

– Я не заслужил такой чести, Оми-сан, – сказал он жалко.

– Да.

– Благодарю вас.

Молодой самурай рядом с Оми сказал:

– Пожалуйста, позвольте ему совершить сэппуку здесь, на берегу!

– Он провинился. Он останется в яме. Прикажите крестьянам засыпать ее. Уничтожьте все следы. Чужеземцы осквернили это место.

Кику засмеялась и покачала головой:

– Нет, Оми-сан, извините, пожалуйста, но не надо мне больше саке, а то волосы растреплются, я упаду, и что тогда будет?

– Мы упадем вместе и будем любить друг друга, – с удовольствием сказал Оми, его голова кружилась от выпитого.

– Но я бы стала храпеть, а вы не сможете любить храпящую, противную, пьяную девушку. Поэтому извините. Ой нет, Оми-сама, хозяин нового огромного владения заслуживает большего! – Она налила еще теплого саке – не более наперстка – в изящную фарфоровую чашку и протянула ее обеими руками: указательный и большой пальцы левой руки аккуратно держали сосуд, указательный палец правой руки касался доньшка. – Вот, потому что вы великолепны!

Он принял чашку и выпил, наслаждаясь теплотой и вкусом выдержанного напитка.

– Я так рад, что смог убедить вас остаться еще на день. Вы так красивы, Кику-сан.

– Вы тоже красивы и нравитесь мне. – Ее глаза мерцали в свете свечи, которую поместили в бумажный фонарь среди цветов, свисающих с кедровой балки.

Это была лучшая из комнат в чайном домике у площади. Кику наклонилась, чтобы помочь ему взять еще риса из простой деревянной мисочки, что стояла перед ним на низком столике, покрытом черным лаком, но он покачал головой:

– Нет-нет, спасибо.

– Такому сильному человеку, как вы, нужно больше есть.

– Я сыт, правда.

Он не предлагал ей ничего, потому что она едва притронулась к салату – тонко нарезанному огурцу и изящно нашинкованной редиске, маринованной в уксусе, – это все, что она съела за ужином. Были еще ломтики сырой рыбы на шариках, слепленных из риса, суп, салат и немного свежих овощей, приготовленных с пикантным соусом из сои и имбиря.

Она мягко хлопнула в ладоши, сёдзи тут же раздвинула ее личная служанка:

– Да, госпожа?

– Суйсэн, убери все это и принеси еще саке и новый чайник зеленого чая. И фрукты. Саке должно быть теплее, чем в прошлый раз. Торопись, бездельница! – Она постаралась, чтобы это звучало строго.

Суйсэн было четырнадцать. Эта милая, старающаяся угодить девушка вот уже два года перенимала у Кику секреты ремесла.

Кику с трудом отвела глаза от чистого белого риса, до которого была большая охотница, и подавила позыв голода. «Ты ела до прихода сюда и поешь позже, – напредила она себе. – Да, но даже тогда было слишком мало».

«Госпожа должна иметь умеренный аппетит, очень умеренный аппетит, – говорила обычно ее учительница. – Гости едят и пьют – чем больше, тем лучше. Госпожа так не делает и, конечно, никогда не делает этого с гостями. Как госпожа может говорить или развлекать гостей, играть на сямисэне или танцевать, если у нее набит рот? Ты поешь позднее, будь терпелива. Сосредоточься на своем госте».

Следа за Суйсэн, придиричиво оценивая ее искусство, она рассказывала Оми истории, которые заставили его смеяться и забыть про все на свете. Суйсэн встала на колени сбоку от Оми, расставила маленькие мисочки и положила палочки для еды на лаковом подносе в том порядке, как ее учили. Потом взяла пустую бутылку из-под саке, наклонила горлышко над чашкой, чтобы убедиться, что бутылка пуста, – встряхивать ее считалось дурным тоном, – затем поднялась с подносом, бесшумно подошла к двери, опустилась на колени, поставила поднос, открыла сёдзи, встала, прошла через дверь, опять встала на колени, подняла поднос и перенесла через порог, так же бесшумно положила его и закрыла за собой дверь.

– Мне, правда, скоро придется искать другую служанку, – заметила Кику, не очень расстроившись. «Этот цвет ей идет, – подумала она. – Надо еще послать в Эдо за шелком. Что за стыд думать, что это дорого! Гёко-сан заплатят за прошлую ночь и сегодняшнюю достаточно, чтобы купить маленькой Суйсэн двадцать кимоно. Она такой приятный ребенок и действительно очень грациозная». – Она такая шумная – извините.

– Я не заметил ее, только вас, – заявил Оми, допивая саке.

Кику обмахивалась веером, улыбка осветила ее лицо.

– Вы заставляете меня почувствовать себя счастливой, Оми-сан. И любимой.

Суйсэн принесла саке. И зеленый чай. Ее хозяйка налила Оми хмельного напитка и подала ему. Суйсэн, встав на колени, беззвучно наполнила чашки. Она не пролила ни капли и подумала, что звук, который издает жидкость, льющаяся в чашку, напоминает тихий звон колокольчика, после чего вздохнула задумчиво, но с огромным облегчением, опустилась на пятки и стала ждать.

Кику поведала занимательную историю, которую слышала от одной из подруг в Мисиме, и Оми рассмеялся. Рассказывая, она взяла маленький апельсин и с помощью своих длинных ногтей раскрыла его, как цветок: дольки плода напоминали лепестки, а сегменты кожуры – чашелистики.

– Вам нравится апельсин, Оми-сан?

Первым порывом Оми было сказать: «Я не могу разрушить такую красоту». «Но это было бы неуместно, – подумал он, пораженный ее артистизмом. – Как мне похвалить Кику и ее безымянного учителя? Как могу я вернуть счастье, которое она дала мне, позволив следить за ее пальцами, создающими нечто столь же прекрасное, сколь и эфемерное?»

Он подержал цветок в руках, потом быстро отделил четыре дольки и съел их с наслаждением. Образовался новый цветок. Он удалил еще четыре дольки, получилась третья конфигурация. Тогда он взял одну дольку и отодвинул вторую, так что оставшиеся три опять превратились в цветок.

После этого он взял две дольки, а оставшуюся положил набок в центре оранжевой чаши из кожуры, словно полумесяц в солнце.

Одну он съел смакуя. Вторую дольку положил на ладонь и сказал:

– Эту должны съесть вы, потому что она предпоследняя. Это мой подарок вам.

Суйсэн затаила дыхание. Для чего же последняя? Кику взяла дольку и съела. Ничего вкуснее она никогда не пробовала.

– Эта последняя, – объявил Оми серьезно, кладя весь цветок на ладонь своей правой руки, – мой дар богам, что бы и где бы они ни были. Я никогда не вкушу этой дольки – разве что из ваших рук.

– Это слишком, Оми-сама, – произнесла Кику. – Я освобождаю вас от обета! Это было сказано под влиянием ками, который живет во всех бутылках с саке.

– Я не откажусь от обета.

Они были очень счастливы вместе.

– Суйсэн, – распорядилась Кику, – теперь оставь нас. И пожалуйста, пожалуйста, дитя, сделай это грациозно.

– Да, госпожа. – Девушка выскользнула в соседнюю комнату, проверила, удобны ли футоны, на месте ли орудия удовольствия, в порядке ли цветы. Разгладила незаметную складку на безупречном одеяле. Села удовлетворенная, вздохнула с облегчением, обмахнула пылающее лицо сиреневым веером и стала ждать.

В соседней комнате, самой приятной из всех в чайном домике, потому что только там имелся выход в сад, Кику взяла сямисэн – трехструнный, похожий на гитару инструмент с длинным грифом, и первая парящая нота заполнила комнату. Потом она запела. Сначала мягко, затем возбуждающе, снова мягко. Сладко вздыхая, она пела о взаимной и неразделенной любви, о счастье и печали.

– Госпожа? – Шепот не разбудил бы и чутко спящего, но Суйсэн знала, что госпожа предпочитает не спать после «облаков» и «дождя», как бы сильны они ни были. Она склонна отдыхать в спокойной полудреме.

– Да, Суй-тян? – спокойно прошептала Кику, используя обращение «тян», которое обычно адресуют любимому ребенку.

– Вернулась жена Оми-сана. Ее паланкин только что пронесли по дорожке к его дому.

Кику взглянула на Оми. Его шея удобно покоилась на обитом войлоком деревянном валике, руки были переплетены. Тело Оми было сильным, без рубцов и отметин, кожа – упругой, матово-золотой, а местами лоснилась. Она нежно приласкала его – так, чтобы он почувствовал это сквозь сон, но не пробудился. Потом выскользнула из-под стеганого одеяла, собирая свои раскиданные вокруг кимоно.

Кику потребовалось немного времени, чтобы обновить макияж, пока Суйсэн причесывала и укладывала ей волосы в стиле симода. После этого хозяйка и служанка бесшумно проскользнули по коридору, вышли на веранду, а затем, через сад, на площадь. Лодки, как светлячки, сновали от корабля чужеземцев к пристани, где оставалось семь пушек. Все еще стояла глубокая ночь, до рассвета было далеко.

Две женщины просеменили вдоль узкой улочки между скоплением домов и начали подниматься по тропинке.

Потные усталые носильщики стояли вокруг паланкина на вершине холма у дома Оми. Кику не постучала в садовую калитку. В доме горели свечи, слуги бегали туда и сюда. Она сделала знак Суйсэнь, и та сразу же подошла к веранде около парадной двери и постучала. Через мгновение дверь открылась.

Кровать матери Оми еще не была разобрана. Она сидела, неподвижно прямая, около маленькой ниши. Окно было открыто в сад. Мидори, жена Оми, сидела напротив свекрови.

Кику встала на колени. Неужели всего лишь вчера она была здесь, напуганная «ночью стонов»? Она поклонилась сначала матери Оми, потом его жене, чувствуя напряжение между этими двумя женщинами, и спросила себя: «Почему столь неизбежна эта неприязнь между свекровью и невесткой? Разве невестка в свое время не станет свекровью? Почему, став ею, она всегда обращается с женой сына так же зло и отравляет ей жизнь? А эта девочка потом делает то же самое?»

– Сожалею, что беспокою вас, госпожа-сан.

– Милости просим, Кику-сан, – ответила старуха. – Ничего не случилось, я надеюсь?

– О нет, я просто не знала, хотите вы или нет, чтобы я разбудила вашего сына, – пояснила она, уже зная ответ. – Я подумала, что лучше спросить, поскольку вы, Мидори-сан, – она повернулась и с улыбкой поклонилась Мидори, которая ей очень нравилась, – уже вернулись.

Старуха проговорила:

– Вы очень добры, Кику-сан, и очень предусмотрительны. Нет, не стоит тревожить его сон.

– Очень хорошо. Пожалуйста, извините меня за то, что надоедаю, но я подумала: лучше всего спросить. Мидори-сан, надеюсь, ваше путешествие было не очень тяжелым?

– Прошу прощения, но оно было ужасно, – произнесла Мидори. – Я рада, что вернулась. Не люблю уезжать. С моим мужем все в порядке?

– Да, все хорошо. Он много смеялся в этот вечер и казался счастливым. Он ел и пил умеренно и крепко спит.

– Госпожа-сан начала рассказывать мне об ужасных вещах, которые произошли в мое отсутствие...

– Тебе не следовало уезжать. Ты была нужна здесь, – прервала ее старуха с ядом в голосе. – Или, может быть, нет. Может, лучше бы тебя здесь вообще не было. Может быть, ты принесла к нам в дом плохого ками вместе со своим постельным бельем.

– Я ничего такого не делала, госпожа-сан, – возразила Мидори терпеливо. – Пожалуйста, поверьте, я скорее бы покончила с собой, чем бросила тень на ваше доброе имя. Пожалуйста, простите мне мое отсутствие и мои ошибки. Простите меня.

– С того времени как сюда пришел этот чертов корабль, у нас одни неприятности. Это все злой ками. Очень плохой. А где ты была, когда мы так нуждались в тебе? Прохлаждалась в Мисиме – сплетничала, объедалась и пила саке?

– Умер мой отец, госпожа-сан. За день до моего приезда.

– Ну, тебе даже не хватило почтительности или чуткости, чтобы вовремя прибыть к смертному одру собственного отца. Чем скорее ты навсегда покинешь наш дом, тем будет лучше для всех нас. Я хочу чая. У нас здесь гостья, а ты даже не предложила ей освежиться!

– Я велела подать чай сразу же, как только она...

– Так где же он?

Сёдзи открылись. Служанка внесла зеленый чай и сладкие лепешки. Сначала Мидори подала чашку старухе, которая резко обругала служанку и стала жевать лепешки беззубым ртом, шумно чавкая и прихлебывая чай.

– Вы должны извинить нас, Кику-сан, – брюзжала старуха. – Чай безвкусный. Безвкусный! И слишком горячий. Чего еще можно ожидать в этом доме.

– Вот, пожалуйста, возьмите мой. – Мидори аккуратно подула на чай, чтобы охладить его.

Старуха недовольно взяла его.

– Почему нельзя было сразу дать хороший чай?

– Что вы думаете обо всем этом? – спросила Мидори Кику. – О корабле, и Ябу-сама, и Хиромацу-сама?

– Не знаю, что и думать. Что касается чужеземцев, кто знает? Это, конечно, сборище очень необычных людей. И этот великий даймё, Железный Кулак. Очень интересно, что он приехал почти в то же время, что и господин Ябу, да? Ну, вы должны извинить меня. Пожалуй, мне пора идти.

– О нет, Кику-сан, я не могу и слышать об этом.

– Но ты же видишь, Мидори-сан, – старуха вновь нетерпеливо прервала ее, – нашей гостье неудобно, и чай ужасный.

– О нет, чай мне понравился, хозяйка-сан, правда. Вы извините меня, я ведь немного устала. Может быть, завтра, перед отъездом, вы позволите навестить вас? Мне так приятно беседовать с вами.

Старуха позволила обмануть себя, и Кику с Мидори вышли на веранду, а оттуда – в сад.

– Кику-сан, вы такая предусмотрительная, – восхитилась Мидори, держа ее за руку и любуясь ее красотой. – Это очень мило с вашей стороны, спасибо.

Кику на мгновение оглянулась на дом и вздрогнула:

– Она всегда такая?

– Сегодня вечером она еще была вежлива. Не то что в другие дни. Если бы не Оми и мой сын, клянусь, я отрянула бы пыль этого дома с моих ног, обрила голову и стала монахиней. Но у меня есть Оми и мой сын, и я все терплю. Я только благодарю всех kami за это. К счастью, она предпочитает Эдо и не может долго оставаться здесь. – Мидори печально улыбнулась. – Ты просто привыкаешь не слушать. – Она вздохнула, очень красивая в лунном свете. – Но это все пустяки. Расскажите мне, что произошло здесь с тех пор, как я уехала.

Именно для того Кику и поторопилась прийти в дом Оми, так как было очевидно, что ни мать, ни жена не захотят, чтобы его разбудили. Она рассказала милой госпоже Мидори все, что могло помочь той защитить Касиги Оми, так же как она сама пыталась защищать его. Она открыла ей все, что знала, за исключением того, что происходило наедине с Ябу. Прибавила слухи и рассказы, которые слышала от других девушек. И все, чем с ней поделился Оми, его надежды, страхи и замыслы, умолчав лишь о том, что произошло между ними сегодня вечером. Она знала, что это не важно для его жены.

– Я боюсь, Кику-сан, боюсь за моего мужа.

– Все, что он советовал, было разумно, госпожа. Думаю, он все делал правильно. Господин Ябу не слишком щедр на награды, и Оми-сан заслужил прибавку в три тысячи коку к доходу.

– Но корабль отошел господину Торанаге, и все деньги тоже.

– Да, но, преподнеся корабль в дар, Ябу-сама с достоинством вышел из положения. И эту мысль подал ему Оми-сан. Разве не

достаточная плата? Оми-сан должен был выказать себя преданным вассалом. – Кику немного исказила правду. Она знала, что Оми-сан в большой опасности, а с ним и его близкие. «Что будет, то будет, – напомнила она себе. – Зачем этой милой женщине терзаться опасениями?»

– Да, это так, – признала Мидори. «Пусть это будет правдой! – молилась она. – Пожалуйста, пусть это будет правдой!» Она обняла девушку, ее глаза наполнились слезами. – Спасибо. Вы так добры, Кику-сан, так добры. – Ей было семнадцать лет.

Глава 8

– О чем ты думаешь, англичанин?

– Я думаю, будет шторм.

– Когда?

– Перед закатом.

Дело было около полудня, они стояли на юте галеры под серыми облаками. Шел второй день с отплытия.

– Если бы это был твой корабль, что бы ты сделал?

– Как далеко до места? – спросил Блэкторн.

– Прибудем после заката.

– Как далеко до ближайшей земли?

– Четыре или пять часов, англичанин. Но, укрывшись в тихой гавани, мы потеряем полдня, и я не могу решиться на это. Что бы ты сделал?

Блэкторн подумал минуту. Первую ночь галера шла на юг, к восточному берегу полуострова Идзу, под большим парусом, поднятым на центральной мачте. Когда они вышли на траверз самого южного мыса, мыса Ито, Родригес взял курс запад-юго-запад и удалился от безопасного берега в открытое море, направляясь к мысу Синто, что лежал в двухстах милях.

– Обычно, плавая на таких галерах, мы держимся побережья – для безопасности, – пояснил Родригес, – но это занимает слишком много времени, а время важно. Торанага просил меня свозить Тоуди в Андзиро и обратно. Быстро. Меня ждет награда, если мы поторопимся. Один из их капитанов успешно ходит на короткие расстояния, но бедный сукин сын не посмел бы везти такого важного даймё, как Тоуди, особенно в открытом море. Они не привыкли плавать в океане, эти японцы – великие пираты и воины, но только не мореплаватели. Глубина их пугает. Старик-тайко издал закон, чтобы на тех немногих океанских кораблях, которыми владеют япошки, всегда служил португальский капитан. Этот закон действует и поныне.

– Зачем он издал такой закон?

Родригес пожал плечами:

– Может быть, кто-нибудь надумил его.

– Кто?

– Твой краденый бортовой журнал, англичанин, был португальский. Чей именно?

– Не знаю. На нем не имелось ни подписи, ни имени.

– Где ты его взял?

– У главного купца голландской Ост-Индской компании.

– А он где?

Блэкторн пожал плечами.

Родригес засмеялся, но невесело:

– Ну, я и не ожидал, что ты скажешь, но, кто бы ни украл его, надеюсь, он горит в аду!

– Торанага тебя нанял, Родригес?

– Нет, мы просто приплыли в Осаку. Весьма кстати для Торанаги. Мой командир предложил меня. Я ведь служил на... – Родригес замолчал. – Я забыл, что ты враг, англичанин.

– Португальцы и англичане были союзниками много веков.

– Это в прошлом. Пошли вниз, англичанин. Ты устал, и я устал, а усталые люди ошибаются. Поднимемся на палубу, когда отдохнешь.

Так Блэкторн оказался внизу, в каюте кормчего, на его койке. Бортовой журнал Родригеса с описанием маршрута лежал на столе, прикрепленном к переборке, как капитанское кресло на юте. Блэкторн не стал заглядывать внутрь кожаного потрепанного переплета.

– Почему ты оставил его на виду? – спросил он.

– Не оставил бы, ты бы тут все перерыл. А так не тронул – даже не поглядел без приглашения. Ты ведь капитан, а не какой-нибудь продажный, вороватый купец со свиным брюхом или солдат.

– Я посмотрю его, если позволишь.

– Но не без разрешения, англичанин. Капитан так не делает. Даже я бы не сделал!

Блэкторн мгновение смотрел на книгу, а потом закрыл глаза. Он спал крепко весь этот день и часть ночи и проснулся перед рассветом, как всегда. Потребовалось время, чтобы приспособиться к непривычному ходу галеры и дроби барабана, который заставлял множество весел двигаться как одно. Он лежал в темноте, удобно устроившись на спине, заложив руки за голову. Блэкторн думал о своем корабле. Он прогнал беспокойство о том, что случится, когда они достигнут берега и придут в Осаку. «Всему свое время. Думай о

Фелисити и детях, о доме. Нет, не сейчас. Думай о том, что, если другие португальцы похожи на Родригеса, у тебя есть шанс. Ты получишь корабль. Моряки не враги друг другу, и к черту всех остальных! Но ты не можешь сказать этого, парень. Ты англичанин, ненавистный еретик и антихрист. Католики владеют этим миром. Пока. Мы и голландцы собираемся разгромить их.

Ну что за вздор все это! Католики и протестанты, кальвинисты и лютеране, прочее дерьмо. Ты должен был родиться католиком. Просто судьба привела твоего отца в Голландию, где он встретил женщину, Аннеке ван Дросте, которая стала его женой, и он впервые увидел испанских католиков, простых священников и инквизиторов. Я рад, что у него открылись глаза. Я рад, что у меня они тоже открылись».

Когда Блэкторн вышел на палубу, Родригес сидел в своем кресле, его глаза покраснели после бессонной ночи. У штурвала, как и прежде, стояли два японских моряка.

– Можно я постою эту вахту за тебя?

– Как ты себя чувствуешь, англичанин?

– Отдохнул. Могу я постоять на вахте вместо тебя? – Блэкторн видел, что Родригес рассматривает его. – Я разбужу тебя, если ветер изменится или еще что.

– Спасибо, англичанин. Да, я немного посплю. Держись этого курса. При повороте бери на четыре градуса западней, а при следующем – еще на шесть градусов западней. Ты показывай рулевому новый курс на компасе. *Вакаримас ка?*

– *Хай!* – Блэкторн ухмыльнулся. – Четыре градуса западней. Спускайся вниз, капитан, твоя койка очень удобная.

Но Васко Родригес не пошел вниз. Он только завернулся поплотнее в свой плащ и уселся поудобнее. Как раз перед следующим переворотом песочных часов – склянок – он мгновенно проснулся, проверил курс, не тронувшись с места, и сразу опять заснул. Снова открыл глаза, когда ветер переменял направление, и, увидев, что нет никакой опасности, забылся сном.

Хиромаци и Ябу вышли на палубу утром. Блэкторн заметил их удивление, когда они поняли, что он ведет корабль, а Родригес спит. Они не заговорили с ним, а продолжили свою беседу и позже снова ушли вниз.

Около полудня Родригес поднялся со своего кресла, посмотрел на северо-восток, проверил направление ветра, и все его чувства обострились. Оба капитана с тревогой вглядывались в море, небо и несущиеся облака.

– Что бы ты делал, англичанин, если бы это был твой корабль? – снова спросил Родригес.

– Я бы поплыл к берегу, если бы знал, где он, – к ближайшей точке. У этого судна небольшая осадка, и все бы обошлось. Шторм начнется через четыре часа.

– *Тайфуна* не будет, – пробормотал Родригес.

– Чего?

– *Тайфуна*. Это штормовой ветер небывалой силы – самый мощный из всех, что мне и тебе когда-либо доводилось наблюдать. Но сейчас не сезон *тайфунов*.

– Когда же он наступит?

– Не теперь, противник. – Родригес засмеялся. – Нет, не теперь, поэтому я не воспользуюсь твоим хреновым советом. Правь на северо-восток.

Как только Блэкторн указал новый курс и рулевой аккуратно повернул судно, Родригес подошел к поручням и прокричал японскому капитану:

– *Исогу!* Капитан-сан. *Вакаримас ка?*

– *Исогу, хай!*

– Что это значит? «Скорее»?

Родригес прищурился от удовольствия.

– Тебе не помешает поучить японский язык, как думаешь? Конечно, англичанин, *исогу* значит «скорее». Всего-то и нужно знать около десятка слов, и тогда ты можешь заставить этих содомитов обоссаться, если захочешь. Если сумеешь найти нужные слова, конечно, и если они в настроении. Я спущусь и поем.

– Ты сам стряпаешь?

– В Японии каждому цивилизованному человеку приходится либо готовить самому, либо лично обучить этому одну из здешних обезьян, либо умереть с голоду. Они все едят сырую рыбу и сырые овощи в сладком уксусном маринаде. Но жизнь здесь такая хреновина, что нужно знать, что к чему.

– Хреновина – это хорошо или плохо?

– В основном очень хорошо, но иногда ужасно плохо. Все зависит от того, как себя чувствуешь. Ты задаешь слишком много вопросов.

Родригес спустился вниз. Он закрыл дверь своей каюты на засов и тщательно проверил замки на рундуке. Волос, который он положил на крышку, все еще был на месте. И другой такой же, невидимый для всех, кроме него самого, и лежащий на обложке журнала, также не был тронут.

«Нельзя быть слишком осторожным в этом мире, – думал Родригес. – Велика ли была бы беда, если бы он узнал, что ты капитан „Нао дель Трато“ – самого большого „черного корабля“ этого года из Макао? Может, и велика, потому что тогда пришлось бы объяснить, что это настоящий левиафан, одно из самых богатых и крупных судов в мире – больше тысячи шестисот тонн. Ты мог не устоять перед искушением и выболтать все о своем грузе, торговле, Макао и ином прочем, проливающим свет на многое, очень и очень личное, очень и очень секретное. Но мы воюем, мы воюем против Англии и Голландии».

Он открыл хорошо смазанный замок и вынул личный руттер, чтобы проверить некоторые азимуты на ближайшую гавань. Его глаза наткнулись на запечатанный пакет, который священник, отец Себастио, вручил ему перед тем, как он покинул Андзиро.

«А не в нем ли бумаги англичанина?» – спросил он себя опять.

Родригес взвесил пакет и поглядел на печати иезуита, борясь с соблазном сломать их и посмотреть самому. Блэкторн сказал ему, что голландская эскадра прошла через Магелланов пролив, и ни слова больше. «Англичанин задает уйму вопросов, а сам не торопится отвечать, – подумал Родригес. – Он проникателен, умен и опасен. Его ли это бумаги или нет? Если да, зачем они святым отцам?»

Он пожал плечами, размышляя об иезуитах, францисканцах и прочей братии, священниках и инквизиторах. «Есть хорошие священники и плохие священники. Плохих больше, но все же они слуги Божьи. Церковь должна иметь слуг. Как же без них? Кто бы вступался перед Богом за нас, заблудших овец в этом сатанинском мире? О Мадонна, защити меня от дьявола и плохих священников!»

Тогда, в Андзиро, перед отплытием Родригес сидел в своей каюте с Блэкторном. Дверь открылась, и, не дожидаясь приглашения, вошел отец Себастио. Он кинул осуждающий взгляд на остатки еды.

– Ты преломляешь хлеб с еретиком? – спросил священник. – Есть с ними опасно. Они хуже чумных. Ты знаешь, что он пират?

– Христианин должен быть великодушен к врагам, отец. Когда я был в их руках, они вели себя благородно со мной. Я только возвращаю долг. – Он встал на колени и поцеловал крест священника. Потом поднялся и, предложив вино, полюбопытствовал: – Чем я могу помочь вам?

– Я хочу попасть в Осаку. С вашим кораблем.

– Пойду спрошу. – Он отправился к японскому капитану, и просьба пошла по инстанциям, пока не достигла ушей Тоды Хиромацу, который ответил, что Торанага ничего не говорил о доставке чужеземного священника из Андзиро, поэтому он, к сожалению, не может взять иезуита на борт.

Отец Себастио пожелал переговорить с Родригесом наедине, поэтому отослал англичанина на палубу и потом в тишине каюты вынул запечатанный пакет:

– Мне хотелось бы, чтобы ты передал этот пакет отцу-инспектору.

– Я не знаю, будет ли еще его преосвященство в Осаке, когда я попаду туда. – Родригесу не хотелось быть носителем иезуитских секретов. – Я, может быть, вернусь обратно в Нагасаки. Мой генерал-капитан может оставить для меня приказы.

– Тогда отдай его отцу Алвито. Но только ему лично, в собственные руки.

– Непременно, – пообещал Родригес.

– Когда ты в последний раз был на исповеди, сын мой?

– В воскресенье, отец.

– Не хотел бы исповедаться мне сейчас?

– Да, благодарю вас. – Он был благодарен священнику, что тот спросил его об этом: жизнь на море опасна, не знаешь, когда предстанешь перед Создателем, а после исповеди на душе всегда легче.

Теперь Родригес убрал пакет обратно, чувствуя большое искушение. «Почему отец Алвито?» Отец Мартин Алвито был главным торговым посредником и личным переводчиком тайко в течение многих лет и пользовался доверием большинства влиятельных даймё. Он курсировал между Нагасаки и Осакой и принадлежал к числу тех немногих людей, что имели доступ к тайко в любое время.

Среди европейцев только он и пользовался этой привилегией. Человек большого ума, он в совершенстве владел японским и знал о японцах и их образе жизни больше кого-либо в Азии. Сейчас он считался самым влиятельным португальским посредником Совета регентов вообще и Исидо и Торанаги в частности.

«Довериться иезуитам настолько, чтобы поставить на такой важный пост одного из их людей, – думал Родригес со страхом. – Конечно, если бы не Общество Иисуса, ересь затопила бы весь мир. Португальцы и испанцы могли бы стать протестантами, и мы навсегда погубили бы свои бессмертные души. Мадонна!»

– Почему ты все время думаешь о священниках? – вслух спросил себя Родригес. – Ты знаешь, это нервирует тебя!

«Даже если так, то почему отец Алвито? Если в пакете лежат корабельные журналы, значит ли это, что пакет предназначен одному из даймё-христиан, Исидо или Торанаге? А может, его преосвященству отцу-инспектору? Или моему генерал-капитану? Или его отправят в Рим для передачи испанцам? Почему отец Алвито? Отец Себастио легко мог адресовать пакет любому другому иезуиту.

И зачем Торанаге нужен англичанин?

В глубине души я знаю, что мне нужно бы убить Блэкторна. Он враг, он еретик. Но есть и еще кое-что. Я чувствую, что этот англичанин опасен для нас всех. Почему я так думаю? Он капитан, и отличный капитан. Сильный. Умный. Хороший человек. Здесь не о чем беспокоиться. Так почему же я боюсь? Он дьявол? Он мне очень нравится, но я чувствую, что следует убить его, и чем скорее, тем лучше. Не из ненависти. Просто ради блага других. Зачем?

Я боюсь его.

Что же мне делать? Оставить все на волю Бога? Идет шторм, и он будет сильным.

Боже, покарай меня за мою глупость! Почему я не знаю, как поступить?»

Шторм настиг их еще до захода солнца и застал в море. Земля лежала в десяти милях. Укромная бухта, куда они так стремились, виднелась далеко впереди, когда они рассматривали горизонт. Между ними и безопасной бухтой не было отмелей или рифов, которые надо

огигать, но десять миль есть десять миль, а волны росли все быстрее и выше, вздымаемые ветром, который нес с собой дождь.

Шторм шел с северо-востока, с правого борта, и часто менял направление: шквал налетал то с востока, то с севера – не угадаешь, откуда ждать, волны были зловещими. Путь галеры лежал на северо-запад, так что шла она правым бортом к волне, сильно качаясь, то попадая в яму, то – вот ужас! – взлетая на гребень. Это судно с мелкой осадкой предназначалось для плавания в спокойных водах, и хотя гребцы обнаруживали редкое мужество и выучку, им было трудно удерживать весла в воде и грести с полной отдачей.

– Надо поднять весла и плыть по ветру, – прокричал Блэкторн.

– Может быть, но не сейчас. Что, кишка тонка, англичанин?

– Не люблю глупого риска.

Оба понимали, что, если бы они повернули против ветра, никогда бы не выплыли – прилив и шквал отнесли бы их от укрытия в море. А если бы они плыли по ветру, случилось бы то же самое, но только быстрее. Южнее были большие глубины. И ни клочка земли на тысячи миль, а если не повезет – то и на тысячу лиг.

Они были привязаны к нактоузу страховочными концами, и слава Богу, потому что галеру качало с кормы на нос и с боку на бок. Им приходилось то и дело цепляться за планшир.

Пока что вода не перехлестывала через борт. Корабль был сильно нагружен и осел довольно глубоко. Родригес подготовился должным образом в часы ожидания. Все было задраено, люди предупреждены. Хиромаци и Ябу сказали, что они побудут внизу, а потом поднимутся на палубу. Родригес пожал плечами и напрямик заявил им, что это будет очень опасно. Он был уверен, что они не поняли.

– Что они собираются делать? – спросил Блэкторн.

– Кто знает, англичанин? Вопить от страха не станут – в этом можешь быть уверен.

На скамьях главной палубы с усилием трудились гребцы. Обычно на каждое весло их приходилось по двое, но Родригес приказал посадить троих, чтобы увеличить по приказу скорость. Остальные ждали в трюме, готовясь сменить товарищей. На фордеке старший над гребцами был опытный, он отбивал такт медленно, сообразуясь с волнами.

Галера все еще двигалась вперед, хотя бортовая качка становилась все сильнее и судно все медленнее возвращалось в исходное положение. Потом шквалы, сделавшись неравномернее, сбили старшину гребцов с ритма.

– Смотреть вперед! – Блэкторн и Родригес прокричали это в одно и то же мгновение. Галера сильно накренилась, двадцать весел ударились о воздух вместо волн, и на борту начался хаос. Налетела первая сильная волна, и по левому борту планшир был смыт.

– Идем вперед, – приказал Родригес. – Пусть уберут половину весел с каждой стороны. Мадонна, быстрее, быстрее!

Блэкторн знал, что без спасательных концов его бы легко смыло за борт. Но весла необходимо было убрать, иначе их запросто можно лишиться.

Он развязал узел и устремился по вздымающейся грязной палубе к короткому трапу, ведущему на главную палубу. Галера резко отклонилась от курса, и его пронесло вниз, ноги его отпихивали гребцы, которые также развязали страховочные узлы и пытались, следуя приказу, убрать весла. Планшир был под водой, и одного моряка несло за борт. Блэкторн понял, что его тоже сносит. Он ухватился рукой за планшир, почувствовал, как растягиваются сухожилия, но держался, потом другой рукой уцепился за поручень и, оглушенный, подтянулся обратно. Ноги ощутили твердь палубы, он встряхнулся, в душе благодаря Бога, и подумал, что ушла его седьмая жизнь. Альбан Карадок всегда говорил, что хороший капитан похож на кошку, только он проживает по крайней мере десять жизней, в то время как кошка удовлетворяется девятью.

Моряк барахтался у его ног, и Блэкторн вырвал его из объятий моря и держал, пока тот не оказался в безопасности, а потом помог ему занять его место. Он обернулся на ют, чтобы обругать Родригеса, который выпустил штурвал из рук. Родригес махнул рукой, указал на что-то и крикнул, но крик был поглощен шквалом. Блэкторн заметил, что их курс изменился. Теперь они шли почти против ветра, и он знал, что это отклонение было намеренным. «Мудро, – подумал он. – Это даст нам время собраться, но этот негодяй мог бы предупредить меня. Мне не нравится без необходимости терять людей».

Он махнул рукой в ответ и бросился к гребцам.

Гребли только моряки, сидевшие на двух веслах впереди, что позволяло судну держаться строго против ветра. Знаками и воплями Блэкторн заставил убрать весла, удвоил число гребцов на работающих веслах и опять перешел на корму. Люди держались стойко, и даже те, кто очень ослаб, оставались на местах и ждали приказов.

Бухта была близко, но все еще казалось, что до нее миллион лиг. На северо-востоке небо оставалось темным. Дождь хлестал, порывы ветра усилились. Будь это «Эразм», Блэкторн не имел бы оснований для беспокойства. Они легко добрались бы до гавани и могли спокойно повернуть на нужный курс. Его корабль строили с таким расчетом, чтобы он мог пережить любую бурю. А эту галеру нет.

– Что ты думаешь делать, англичанин?

– Какая разница? Ты все равно поступишь по-своему, – прокричал он против ветра. – Но корабль не выдержит, и мы пойдем ко дну как камень. И в следующий раз, когда я пойду вперед, предупреди, если соберешься поставить корабль против ветра. А лучше ставь корабль по ветру, пока я привязан, и тогда мы оба доберемся до порта.

– Это была рука Бога, англичанин. Волны бросили корму задом наперед.

– Это чуть не отправило меня за борт.

– Я видел.

Блэкторн измерил их дрейф.

– Если мы не сменим курс, никогда не попадем в бухту. Мы пройдем в миле или более от мыса.

– Я хочу идти против ветра. Потом, когда настанет нужный момент, мы попытаемся добраться до берега. Ты умеешь плавать?

– Да.

– Хорошо. А я никогда не учился. Слишком опасно. Лучше утонуть быстро, чем медленно, да? – Родригес непроизвольно поежился. – Святая Мадонна, защити меня от водной могилы! Этот сучий потрох, эта проститутка в обличии галеры собирается попасть в гавань сегодня вечером. Ты тоже. Мой нюх говорит, если мы повернем и поднажмем, то будем сбиваться с курса. Мы к тому же слишком перегружены.

– Нужно облегчить корабль. Сбрось груз за борт.

– Князь Лизоблюд никогда не согласится. Он должен прибыть с грузом или вообще не показываться.

– Спроси его.

– Мадонна, разве ты глухой? Я же тебе сказал! Я знаю, что он не согласится. – Родригес подошел поближе к рулевому и проверил, понял ли тот, что нужно держать точно против ветра. – Следи за ними, англичанин. Ты должен вести судно. – Он развязал свой страховочный линь и спустился по трапу, уверенно ступая.

Гребцы внимательно следили за ним, пока он шел к капитану на палубу полуюта, чтобы объяснить знаками и словами план, который наметил. Хиромаци и Ябу поднялись на палубу. Капитан-сан объяснил этот план им. Оба они были бледны, но спокойны, их не тошнило. Они посмотрели сквозь дождь в сторону берега, пожали плечами и спустились обратно вниз.

Блэкторн разглядывал вход в бухту. Он знал, что план опасен. Они должны были ждать, пока не пройдут точно за ближайший мыс, чтобы потом уйти от ветра, повернуть к северу и бороться за свою жизнь. Парус им не поможет. Они должны рассчитывать только на свои силы. Южная сторона бухты была вся в рифах. Если они не рассчитают время, кораблекрушения не миновать – их выбросит на берег.

– Англичанин, иди вперед! – Родригес поманил его к себе, и он прошел вперед. – Как думаешь, может, поставить парус? – прокричал Родригес.

– Нет. Это больше навредит, чем поможет.

– Тогда оставайся здесь. Если их капитан не справится с барабаном или мы его лишимся, ты займешь его место. Хорошо?

– Я никогда не плавал на таких кораблях, никогда не командовал гребцами. Но я попытаюсь.

Родригес посмотрел в сторону земли. Мыс появлялся и исчезал в пелене дождя. Волны становились все больше, и уже появились пенистые буруны, указывающие на близость рифов и отмелей. Течение между мысами казалось дьявольски быстрым. «Здесь не пройти», – подумал он и решился.

– Ступай на корму, англичанин. Становись у штурвала. Когда я посигналю, иди на запад-северо-запад к этой точке. Ты видишь ее?

– Да.

– Не мешкай и держи этот курс. Внимательно следи за мной. Этот знак обозначает «круто на левый борт», этот – «круто на правый», а этот – «так держать».

- Очень хорошо.
 - Поклянись Святой Девой, что будешь ждать моих приказов и выполнять их!
 - Ты хочешь, чтобы я встал к штурвалу, или нет?
- Родригес знал, что он в западне.
- Я вынужден довериться тебе, англичанин, хоть мне этого и не хочется. Иди на корму, – сказал португалец. И увидел: Блэкторн понял, что у него на уме, но пошел. Родригес передумал и позвал его: – Эй, ты, надменный пират! С Богом!
- Блэкторн оглянулся и с благодарностью произнес:
- Тебе того же, испанец!
 - Ссать я хотел на всех испанцев, и да здравствует Португалия!
 - Так держать!

Они пришли в гавань, но без Родригеса. Его смыло за борт, когда порвался страховочный линь.

Корабль был близок к спасению, но тут с севера налетела огромная волна. Еще до этого они начерпали много воды и потеряли японского капитана, сейчас же их захлестнуло и отбросило к скалистому берегу.

Блэкторн видел, как унесло Родригеса, как он захлебывался и боролся со вспененным морем. Шторм и прилив отнесли корабль далеко в южную часть бухты, к рифам, и все на борту знали, что судно обречено.

Как только Родригеса смыло, Блэкторн бросил ему деревянный спасательный круг. Португалец поплыл к нему, молотя руками по воде, но круг был недосыгаем. Сломанное весло ткнулось в Родригеса, и он вцепился в него. Дождь хлынул стеной. Последнее, что заметил Блэкторн: рука Родригеса сжимает обломок, а прямо впереди прибой обрушивается на изрезанный берег. Он мог нырнуть с борта, поплыть к португальцу и спасти его, может быть, он успел бы, но первой и последней его обязанностью было оставаться на корабле, а кораблю угрожала опасность.

Поэтому он повернулся к Родригесу спиной.

Волна смыла нескольких гребцов, другие пытались занять их места за веслами. Помощник капитана смело отвязал свой страховочный линь. Он прыгнул на бак, привязался, и вновь грянула

барабанная дробь. Запевала затянул песню, задавая ритм, гребцы пытались возродить порядок из хаоса.

– *Исогу!* – закричал Блэкторн, вспомнив нужное слово. Он всем весом навалился на штурвал, ставя нос против ветра, потом подошел к поручням и, чтобы ободрить команду, начал отбивать такт, выкрикивая: – Раз-два, раз-два. Ну, вы, мерзавцы, давай!

Галера целила на рифы, – по крайней мере, вершушки их торчали за кормой, по левому и правому борту. Весла погружались в воду, но галера не двигалась, ветер и прилив заметно оттаскивали ее назад.

– Ну, давай, мерзавцы! – снова прокричал Блэкторн – его руки отбивали такт.

Сначала они противостояли морю, потом победили его.

Корабль миновал рифы. Блэкторн держал курс на подветренный берег. Скоро они достигли относительно спокойного места. И хотя ветер тут все еще был сильным, с ним уже можно было справиться. И здесь свирепствовала буря, но они уже были не в море.

– Отдать правый якорь!

Никто не понял его слов, но все моряки сообразили, что от них требуется. И бросились выполнять приказание. Якорь с плеском погрузился в воду. Блэкторн дал кораблю немного пройти, чтобы проверить, тверд ли морской грунт. Команда поняла его маневр.

– Отдать левый якорь!

Когда корабль оказался в безопасности, он оглянулся на корму.

Резко очерченная береговая линия была едва видна сквозь дождь. Он оглядел море и оценил свои возможности.

«Португальский журнал внизу, в полузатопленном трюме. Я могу довести судно до Осаки. Могу привести его обратно в Андзиро. Но прав ли я был, когда послушался Родригеса? Я не послушался. Я был на юте. Один».

– Правь на юг! – прокричал Родригес, когда ветер и прилив несли их к рифам. – Поворачивай и иди по ветру!

– Нет! – прокричал Блэкторн в ответ, веря, что их единственный шанс – попытаться попасть в гавань и что в открытом море они пойдут ко дну. – Мы можем пройти туда!

– Разрази тебя Господь, ты погубишь всех нас!

«Но я никого не погубил, – подумал Блэкторн. – Родригес, ты знал, и я знал, что мне надо принять решение, если вообще было время

решать. Я оказался прав. Корабль спасен. Остальное не имеет значения».

Он поманил к себе помощника капитана, и тот бросился к нему с бака. Оба рулевых были ранены, их руки и ноги почти вырвало из суставов. Гребцы, полуживые от усталости, беспомощно повалились на весла. Другие с трудом поднимались снизу на палубу, чтобы помочь им. Хиромаци и Ябу, сильно пострадавших, вывели на палубу, но, ступив на нее, оба даймё сразу приосанились.

– *Хай*, Андзин-сан? – спросил помощник капитана.

Он был среднего возраста, с крепкими белыми зубами и широким обветренным лицом. Свежий синяк красовался у него на скуле – волна швырнула его на планшир.

– Ты вел себя очень хорошо, – сказал Блэкторн, не заботясь о том, что его слова не будут поняты. Он знал, что тон говорит сам за себя, так же как и его улыбка. – Да, очень хорошо. Ты теперь капитан-сан. *Вакаримас*? Ты! Капитан-сан!

Японец уставился на него, разинув рот, потом поклонился, чтобы скрыть удивление и радость:

– *Вакаримас*, Андзин-сан. *Хай. Аригато годзаймасита.* (Спасибо.)

– Слушай, капитан-сан, – продолжал Блэкторн, – дай команде поесть и выпить. Горячей еды. Мы останемся здесь на ночь. – Знаками Блэкторн донес до японца смысл своих слов.

Вновь назначенный капитан тут же начал распоряжаться. И его слушались. Полный гордости, он оглянулся на ют. «Жаль, что я не говорю на языке варвара, – подумал он с удовольствием. – Тогда я мог бы поблагодарить вас, Андзин-сан, за спасение корабля и жизни нашего господина Хиромаци. Ваше могущество вливает в нас всех новые силы. Без вашего искусства мы бы погибли. Вы, может быть, и пират, но великий моряк, и пока вы распоряжаетесь на борту, я буду слушаться вас во всем. Я недостойн быть капитаном, но попытаюсь заслужить ваше доверие».

– Что вы хотите, чтобы я делал дальше? – спросил он.

Блэкторн огляделся по сторонам. Морского дна не было видно. Он мысленно определил положение судна и, когда убедился, что якоря держат и море неопасно, распорядился:

– Спусти ялик. И возьми хорошего гребца.

Переменяя слова жестами, Блэкторн добился, чтобы его поняли. Ялик был спущен и подготовлен мгновенно.

Блэкторн подошел к планширу и собирался спуститься с борта в шлюпку, но хриплый голос остановил его. Он оглянулся. Позади стоял Хиромаци, а сбоку от него – Ябу. Старик сильно расшиб шею и плечи, но все равно не выпустил из рук свой длинный меч. У Ябу лицо было в синяках, кимоно в бурых пятнах – из носа текла кровь, и он пытался остановить ее небольшим куском ткани. Оба оставались бесстрастными, словно бы нечувствительными к боли и холоду.

Блэкторн вежливо поклонился:

– *Хай*, Тода-сама?

Снова раздалась хриплая речь, старик указал на ялик мечом и покачал головой.

– Там Родригу-сан! – ответил Блэкторн, махнув рукой в сторону южного берега. – Я поеду искать!

– *Иэ!* – Хиромаци опять покачал головой и долго говорил, очевидно не давая своего позволения из-за опасности.

– Сейчас я капитан этого сучьего корабля, и если хочу сойти на берег, то так и сделаю. – Блэкторн продолжал говорить очень вежливо, но твердо, и было очевидно, что он подразумевает. – Я знаю, что ялик долго не продержится на такой волне! *Хай!* Но я собираюсь попасть на берег – вон туда. Тода Хиромаци, вы видите это место? К той маленькой скале. Потом я намерен обойти вокруг полуострова. Я не тороплюсь умереть, и мне некуда бежать. Я хочу найти тело Родригу-сана. – Он занес ногу над бортом. Меч немного выдвинулся из ножен. Блэкторн тут же замер. Но глаз не опустил, и ни единый мускул не дрогнул на его лице.

Хиромаци стоял перед дилеммой. Он мог понять желание пирата найти тело Родригеса, но плыть было опасно – опасно было даже идти пешком, а господин Торанага велел привезти чужеземца в целости и сохранности, что он, Тода, и собирался сделать. Но было столь же ясно, что чужеземец не отступит от своего намерения.

Старик наблюдал за варваром во время шторма, когда тот стоял посреди кренящейся палубы, подобный грозному морскому камню, бесстрашный, и мрачно думал: «Лучше мериться силами с этим чужеземцем и прочими подобными ему на земле, где можно иметь с ними дело на равных. На море они не в нашей власти».

Он видел, что пират теряет терпение. «Как они неучтивы, – сказал себе Хиромацу. – При всем том мне следует благодарить его. Все говорят, он один привел судно в эту бухту, что Родригу-сан растерялся и повел нас от земли, что мы бы наверняка утонули. Случись такое, я бы провинился перед моим господином. О Будда, защити меня от этого!»

Все его суставы болели, геморроидальные шишки воспалились. Он был измучен необходимостью стоически держаться перед своими людьми, Ябу, командой, даже перед этим чужеземцем. «О Будда, я так устал. Я хочу лечь в ванну и отмокать, отмокать, хотя бы на день избавиться от боли. Только на один день. Довольно! Что за глупые, женские мысли? Ты все время испытываешь боль. Вот уже почти шестьдесят лет. Что такое боль для мужчины? Привилегия! Скрывающий боль доказывает тем свое мужество. Спасибо Будде, ты пока еще жив, чтобы защитить своего господина, хотя мог бы уже сто раз умереть. Я должен благодарить Будду. Но я ненавижу море. Я ненавижу холод. И я ненавижу боль».

– Стой где стоишь, Андзин-сан, – бросил он, подкрепляя слова движением меча, мрачно наслаждаясь вспышками холодного голубого пламени в глазах чужака. Уверившись, что моряк его понял, он взглянул на помощника капитана. – Где мы? Чье это владение?

– Не знаю, господин. Думаю, мы где-то в провинции Идзу. Мы могли бы послать кого-нибудь на берег в ближайшую деревню.

– Ты сможешь привести корабль в Осаку?

– При условии, что мы будем плыть близко к берегу, господин, медленно и с большой осторожностью. Я не знаю этих вод и не могу поручиться за вашу безопасность. У меня нет нужных знаний, и на борту не сыскать никого, кто бы их имел, господин. За исключением этого чужеземца. Если бы это зависело от меня, я бы посоветовал вам сойти на берег. Мы бы достали для вас лошадей или паланкин.

Хиромацу раздраженно покачал головой. Предложение сойти на берег его никак не устраивало. Он потерял бы слишком много времени – пришлось бы пробираться через горы, где дорог по пальцам сосчитать, а значит никак не минуешь земель, подвластных сторонникам Исида, врага. Была и другая опасность: бесчисленные шайки разбойников, которые занимали перевалы. Даже прихватив всех своих людей, Хиромацу хотя и пробился бы через территории, занятые

разбойниками, но никогда не преодолел бы заслоны Исидо или его союзников, надумай те чинить ему препятствия. Все это задержало бы его, а он получил приказ доставить груз, чужеземца и Ябу быстро, в целостности и сохранности.

– Если мы пойдем вдоль берега, сколько это займет времени?

– Не знаю, господин. Четыре или пять дней, может, и больше. Я не уверен в себе, я не капитан, так что прошу прощения.

«Это значит, – подумал Хиромацу, – что я должен сговориться с чужеземцем. Чтобы не дать ему сойти на берег, я должен был бы связать его. И кто знает, согласится ли он вести корабль, если его связать?»

– Сколько времени мы должны оставаться здесь?

– Новый капитан сказал: до утра.

– Шторм к тому времени закончится?

– Наверное, господин, но этого никто и никогда не знает.

Хиромацу посмотрел на гористый берег, потом на чужеземца.

– Могу я высказать предположение, Хиромацу-сан? – спросил Ябу.

– Да-да. Конечно, – проворчал тот.

– Как мы видим, для того чтобы попасть в Осаку, нам нужна помощь пирата. Так почему бы не отпустить его на берег? Пошлем с ним человека, чтобы защищал его, и прикажем им вернуться до темноты. Что касается пути по суше, я полагаю, это было бы слишком опасно для вас. Я бы никогда себе не простил, случись с вами какая беда. Безопаснее плыть на корабле, как только шторм закончится. И вы окажетесь в Осаке намного быстрее, так ведь? Наверняка к завтрашнему вечеру.

Хиромацу неохотно кивнул:

– Очень хорошо. – Он подозвал самурая: – Такатаси-сан! Возьми шесть человек и отправляйся с капитаном. Привези тело португальца, если вы его найдете. Но если хоть волос упадет с головы *этого* чужеземца, ты и твои люди немедленно совершите сэппуку.

– Да, господин.

– Пошли двух человек в ближайшую деревню и узнай точно, где мы и на чьих землях.

– Да, господин.

– С вашего позволения, Хиромацу-сан, я поведу на берег этот отряд, – встрял Ябу. – Если мы прибудем в Осаку без пирата, я, дабы смыть позор, буду вынужден покончить с собой. Мне хотелось бы удостоиться чести выполнять ваши приказы.

Хиромацу кивнул, удивленный, что Ябу сам сунулся в такое опасное дело. Он спустился в трюм.

Когда Блэкторн понял, что Ябу собирается с ним на берег, сердце его забилось чаще. «Я никогда не забуду Питерзона, и мою команду, и этот погреб – ни крики, ни Оми, ничего. Опасайся за свою жизнь, ублюдок».

Глава 9

Они быстро достигли земли. Блэкторн собирался править лодкой, но Ябу занял место рулевого и задал быстрый темп, который англичанин выдерживал с трудом. Другие шесть самураев внимательно следили за ним. «Я никуда не сбегу, глупцы», – думал он, не понимая их сосредоточенности, в то время как глаза его непроизвольно оглядывали бухту, выискивая мели или спрятанные под водой рифы, измеряя азимуты, а ум фиксировал детали, достойные того, чтобы занести их в судовой журнал.

Их путь сначала пролегал вдоль усыпанного галькой берега, потом вверх по сглаженным морем скалам к тропинке, которая окаймляла утес и причудливо тянулась вокруг мыса на юг. Дождь прекратился, но ветер продолжал дуть. Чем ближе они подходили к открытому участку, тем выше был прибой, обрушивавшийся внизу на скалы, воздух насыщала водяная взвесь. Вскоре они вымокли до нитки.

Блэкторн продрог, а Ябу и остальные словно не чувствовали холода и сырости в своих легких, свободно перепоясанных кимоно. Он подумал, что Родригес говорил правду, и его страх вернулся. «Японцы устроены не так. Они не чувствуют холода или голода, ран или ударов. Они больше похожи на животных, их ощущения притуплены по сравнению с нашими».

Утес вздымался на двести футов над ними. Берег лежал в пятидесяти футах внизу. Вокруг были одни горы. Никакого жилья не видать. Прибрежная галька переходила в утесы – гранитные скалы с редкими деревьями на вершинах.

Тропинка нырнула вниз и устремилась вверх по передней части утеса – очень опасный путь, с предательски ровной, скользкой поверхностью. Блэкторн карабкался, наклоняясь, потому что ветер дул в лицо, и невольно отмечая, как сильны и мускулисты ноги Ябу. «Поскользнись, сукин сын, – мысленно пожелал он. – Хотя бы ты оступись и сверзился вниз, на скалы. Заставит ли хоть это тебя закричать? Что вырвет из тебя крик?»

Усилиями воли он отвел глаза от Ябу и вернулся к обследованию берега. Каждой трещины и расщелины. Ветер, несущий морскую пену, налетал порывами, заставляя глаза слезиться. Волны мчались, кружа и завихряясь водоворотами. Он знал, что почти нет надежды найти Родригеса: слишком много пещер и укромных мест, которые никогда не удастся осмотреть. Но он сошел на берег, чтобы попытаться. Он должен хотя бы попробовать. Ради Родригеса. Все капитаны усердно молят Бога о том, чтобы умереть и упокоиться на берегу. Ибо видели в море слишком много раздутых, полуобъеденных крабами трупов.

Отряд обогнул мыс и охотно остановился в укрытом от ветра месте. Идти дальше не было необходимости. Если тело не прибило к подветренному берегу, его уже не найдешь: оно или ушло под воду, или было унесено в открытое море, на глубину. Впереди, в полумиле, на берегу, очерченном белой пенистой кромкой, приютилась рыбацкая деревушка. Ябу отдал распоряжение двум самураям. Они тут же поклонились и со всех ног бросились в сторону деревни. Обозрев окрестности, Ябу вытер влагу с лица, взглянул на Блэкторна и знаком показал, что пора возвращаться. Блэкторн кивнул, и они двинулись в обратный путь.

И вот, пройдя половину дороги, они увидели Родригеса.

Тело застряло в расщелине между большими камнями, выше полосы прибоя, но волны, набегая, лизали его. Одна рука была вытянута вперед. Другая все еще сжимала обломок весла, который колыхался, послушный прибою и течению. Это движение и привлекло внимание Блэкторна, когда он боролся с ветром, устало тащась вслед за Ябу.

Единственный путь вниз проходил по невысокому утесу. Всего-то пять-шесть десятков футов, но точно по прямой вниз, и никаких уступов или выщербин, чтобы поставить ногу или уцепиться.

«И как на грех прилив, — досадовал Блэкторн. — Вода поднимается. Его опять вынесет в море. Боже, это, кажется, уж слишком подло. Как быть?»

Он двинулся к краю, но Ябу немедленно встал у него на дороге, качая головой, и другой самурай тоже шагнул к нему.

— Я только попробую разглядеть, ради Бога, — сказал он. — Я не пытаюсь убежать. Куда, к черту, я могу здесь убежать?

Он отступил немного и наклонился. Проследив за его взглядом, японцы зататорили. Ябу говорил больше всех.

«Надежды никакой, – решил он. – Это слишком опасно. На рассвете мы вернемся сюда с веревками. Если он будет здесь, я похороню его на берегу». Блэкторн нехотя повернулся, но в то же самое мгновение край утеса обрушился и увлек бы его за собой, если бы не Ябу и остальные, которые тут же схватили его и вытащили. Он понял, что японцы думали только о его безопасности. «Они пытались защитить меня! Почему? Из-за Тора... как его там? Торанаги? Из-за него? Да, но также, может, и потому, что некому было бы вести корабль. Вот поэтому они дали мне сойти на берег. Да, это, должно быть, так. Значит, теперь я имею власть над судном, старым даймё и этим негодяем. Как мне это использовать?»

Он высвободился и поблагодарил всех, его глаза устремились вниз.

– Мы должны попробовать достать его, Ябу-сан. Единственный путь – здесь. Через этот утес. Я достану его, Ябу-сан, сам, я, Андзин-сан! – Он снова подался вперед, как если бы собирался спуститься вниз, и опять они удержали его, и он произнес с притворной обеспокоенностью: – Мы должны достать Родригу-сана. Смотрите! Времени мало, темнеет.

– *Иэ*, Андзин-сан, – сказал Ябу.

Блэкторн стоял, нависая над Ябу:

– Если вы не позволяете мне идти, Ябу-сан, тогда пошлите одного из своих людей. Или идите сами. Вы!

Ветер с воем метался вокруг них. Он увидел, что Ябу глядит вниз, прикидывая, как спуститься и сколько еще будет светло, и понял, что тот поддается. «Ты попался, негодяй, твое чванство погубило тебя. Полезешь вниз и покалечишься. Но лучше бы ты не свернул шею, а сломал лодыжку или колено, а потом утонул».

Один из самураев начал спускаться вниз, но Ябу велел ему вернуться.

– Возвращайся на корабль. Принеси немедленно несколько веревок, – приказал он, и самурай умчался. Ябу скинул свои сандалии, снял оружие и надежно укрыл его. – Следи за ним и чужеземцем. Если что-нибудь случится, я посажу тебя на твои собственные мечи.

– Пожалуйста, позволь мне спуститься, Ябу-сама, – молил Такатаси. – Если вы пострадаете или потеряетесь, я буду...

– Ты думаешь, что сможешь преуспеть там, где я потерплю неудачу?

– Нет, господин, конечно нет.

– Хорошо.

– Пожалуйста, подождите хотя бы, пока не принесут веревки. Я никогда не прощу себе, если с вами что-то случится, – упрашивал Такатаси, низенький, полный, с густой бородой.

«Почему не подождать веревки? – спросил себя Ябу. – Это было бы благоразумно. Но не умно. – Он взглянул на чужеземца и коротко кивнул. Ябу знал, что ему брошен вызов. Он ожидал и надеялся, что это произойдет. – Вот почему я вызвался идти на берег, Андзин-сан, – сказал он про себя, усмехаясь своим мыслям. – Вы действительно очень просты, Оми был прав».

Ябу скинул промокшее кимоно и, оставшись в одной набедренной повязке, подошел к краю утеса, пощупал его подошвами своих хлопчатобумажных таби. «Лучше не снимать их», – подумал он. Его воля и тело, закаленные суровой выучкой, которую проходят самураи, преодолевали холод. «Таби не дадут стопе соскальзывать – какое-то время. Тебе потребуются все твои силы и искусство, чтобы спуститься вниз. Стоит ли?»

Во время шторма, когда судно пыталось пробиться в бухту, он выходил на палубу и, не замеченный Блэкторном, занимал место на веслах. Он с радостью работал наравне с гребцами, ненавидя запах, стоявший внизу, и боль, которую чувствовал. Он решил, что лучше умереть на воздухе, чем задохнуться в трюме.

Налегая на весло вместе с другими, подгоняемыми холодом, он следил за чужеземцами. Он ясно увидел, что на море корабль и все на его борту находятся во власти этих двух людей. Варвары оказались в своей стихии и расхаживали по качающейся палубе с той же уверенной небрежностью, с какой сам он держался в седле, когда лошадь неслась галопом. Ни один японец на борту не смог бы того, что легко давалось им. Не хватило бы умения, мужества и знаний. И постепенно в голове созрела удивительная мысль: современный корабль чужеземной постройки, перевозящий самураев, управляемый ими, с капитаном-самураем и моряками-самураями. Его самураями.

«Если я для начала заполучу три корабля чужеземцев, то легко сумею подчинить своей власти морские пути между Эдо и Осакой. Из Идзу я смогу управлять всем судоходством. Почти всеми перевозками риса и шелка. Не буду ли я тогда судьей между Торанагой и Исидо? Или, на худой конец, противовесом им?

Ни один даймё никогда не выходил в море.

Ни один даймё не имел своих судов или капитанов.

За исключением меня.

Я имею судно, точнее, имел, и оно снова станет моим, снова – если хватит ума. У меня есть капитан и, следовательно, учитель будущих капитанов – надо только забрать его у Торанаги. И подчинить своей воле.

Став моим вассалом по доброй воле, он согласится учить моих людей. И строить корабли.

Но как сделать из него преданного вассала? Яма не сломила его дух.

Сначала отделить его от остальных и держать одного – разве не так советовал Оми? Тогда он научится вести себя достойно и говорить по-японски. Да. Оми – умный человек. Может быть, даже слишком умный – я подумаю об Оми позже. А сейчас сосредоточусь на капитане. Как управлять этим чужеземцем, этим христианином-дерьмоедом?

Что сказал Оми? Они ценят жизнь. Верховное божество христиан, Иисус Христос, учит их любить друг друга и ценить жизнь. Могу я подарить ему жизнь? Спасти ее? Да, это будет очень хорошо. Как сломить его?»

Поглощенный своими мыслями, Ябу почти не замечал движения корабля и волн. Стена воды обрушилась на него. Она накрыла и капитана. Но тот не обнаружил и тени страха. Ябу был поражен. Как мог человек, который смиренно позволил врагу мочиться себе на спину ради спасения жизни мелкого вассала, как мог этот человек найти в себе силы, чтобы забыть такое страшное бесчестие и, бросив вызов всем богам моря, подобно легендарному герою, спасти своих оскорбителей, своих врагов? И потом, когда громадная волна смыла португальца и они попали в беду, Андзин-сан посмеялся над смертью и помог им вызволить судно из плена скал.

«Я никогда не пойму их», – подумал он.

На краю утеса Ябу оглянулся в последний раз.

«Ах, Андзин-сан, я знаю, ты думаешь, что я иду на смерть, что ты подловил меня. Я знаю, ты бы сам туда не полез. Я внимательно следил за тобой. Но я вырос в горах, здесь, в Японии, мы лазим по горам ради удовольствия, из гордости. Так что я играю в свою игру, а не в твою. Я попытаюсь, и если умру – невелика беда. Но коли мне повезет, я возьму верх над тобой, ты поймешь, что я сильнее тебя. Ты будешь у меня в долгу, если мне удастся поднять тело португальца.

Ты будешь моим вассалом, Андзин-сан!»

Он с большим искусством спускался вниз по скале. На полпути поскользнулся. Его левая рука зацепилась за выступ. Это остановило падение, и он повис между жизнью и смертью. Чувствуя, что захват слабеет, он пытался пальцами ног нащупать опору. И когда его левая рука соскочила, пальцы ноги нашли расщелину и внедрились в нее, он приник к утесу, силясь сохранить равновесие, прижимаясь к камню, ища зацепку. Потом и нога оторвалась от опоры. Он сумел ухватиться обеими руками за другой выступ десятью футами ниже и на мгновение повис на нем, но не удержался и остальные двадцать футов падал.

Он приготовился к падению, насколько мог, и приземлился на ноги, как кошка, кувыркаясь по наклонной поверхности скалы, чтобы смягчить удар. Он обхватил ободранными руками голову, защищаясь от каменной лавины, которая могла последовать за ним. Но камни не посыпались. Он покачал головой, отряхиваясь, и встал. Одно колено было вывихнуто. Жгучая боль прострелила Ябу от пяток до пояса, его прошиб пот. Подошвы и ногти кровоточили, но к этому он был готов.

«Боли нет. Ты не будешь чувствовать боли. Стой прямо. Чужеземец наблюдает за тобой».

Брызги окатили его, холод помог одолеть боль. С большой осторожностью он проскользнул по облепленным морскими водорослями камням, пробрался через расщелины к телу.

Внезапно Ябу понял, что человек, лежащий перед ним, все еще жив. Он подошел поближе, желая удостовериться в этом, потом на мгновение отодвинулся. «Нужен он мне живым или же мертвым? Что лучше?»

Краб поспешно выскочил из-под камня и бултыхнулся в воду. Волны обрушились на Ябу. Он чувствовал, что соль разъедает раны. «Что лучше, живой или мертвый?»

Он осторожно поднялся и прокричал:

– Такатаси-сан! Португалец все еще жив! Отправляйся на корабль за носилками и лекарем, если там есть хоть один!

Ветер почти заглушил ответ Такатаси:

– Да, господин.

Ябу посмотрел на галеру, мягко покачивающуюся на якорях. Другой самурай, которого он послал за веревками, уже достиг яликов. Вот он прыгнул в лодку и отплыл. Ябу улыбнулся, довольный, и повернул голову на крик. Блэкторн подошел к краю обрыва и что-то настойчиво втолковывал ему.

«Что он пытается сказать?» – спросил себя Ябу. Он увидел, что капитан указывает на море, но не понял значение жеста. Волны были крутые и очень высокие, но не больше прежнего.

В конце концов Ябу оставил попытки понять Блэкторна и переключил внимание на Родригеса. Приложив немалые усилия, он вытащил португальца на скалы, подальше от прибоя. Дыхание спасенного было затруднено, но сердце билось ровно. Ушибов набиралось много. Расщепленная кость торчала из левой икры. Правое плечо казалось смещенным. Ябу поискал, нет ли где кровоточащих ран, но не нашел. «Если внутренности не отбиты, он, возможно, выживет», – подумал японец.

Даймё не раз бывал ранен сам и видел много умирающих и раненых, так что имел опыт в подобных вещах. «Если Родригеса поместить в тепло, – решил он, – напоить sake и отваром лекарственных трав, положить теплые припарки, он выживет. Ходить не сможет, но выкарабкается. Да. Я хочу, чтобы этот человек выжил. Сможет он ходить или нет, не важно. Может, это даже к лучшему. У меня будет запасной капитан – человек, обязанный мне жизнью. Если пират не захочет покориться, я смогу использовать этого человека. А не притвориться ли мне христианином – вдруг это привлечет их?

А что бы сделал Оми?

Этот малый умен – Оми. Да. Чересчур умен? Оми слишком многое и слишком быстро подмечает. Если он дальновидный, должен сообразить: его отец станет главой клана, стоит мне исчезнуть – мой сын неопытен пока, чтобы выжить одному, – а после отца Оми сам возглавит клан. Так?

Что делать с Оми?

Отдать чужеземцам? Как игрушку?

Что тогда?»

Сверху донеслись тревожные крики. Ябу наконец понял, о чем предупреждает чужеземец. Прилив! Прилив наступал очень быстро. Он уже захватывал скалу. Ябу вскарабкался повыше и поморщился – боль молнией пронзила колено. Он увидел, что отметки прибоя над основанием скалы выше человеческого роста.

Ябу посмотрел на ялик. Тот был около корабля. Такатаси бежал по берегу. «Они не успеют принести веревки», – сказал себе Ябу.

Его глаза внимательно осмотрели местность. Вверх на утес пути не было. Убежища в скалах тоже. Никаких пещер. До рифов, торчащих над поверхностью моря, не добраться. Плавать он не умел и не видел ничего, что помогло бы ему удержаться на плаву.

Люди наверху следили за ним. Чужеземец показал на рифы и развел руки движением пловца, но он покачал головой. И снова все внимательно осмотрел. Ничего.

«Выхода нет, – подумал он. – Теперь ты умрешь. Готовься».

«Карма», – сказал он себе и отвернулся от людей, устраиваясь удобнее, чтобы насладиться великой истиной, открывшейся ему. Последний день, последнее море, последний свет, последняя радость, последнее все. Как красивы море и небо, холод и соль! Он обдумывал слова предсмертного стихотворения, которое сочинял, следуя обычаю. Он чувствовал себя счастливым. У него было время все хорошо обдумать.

Блэкторн кричал:

– Слушай, ты, сукин сын! Найди уступ – там должен быть где-нибудь уступ!

Самураи оттеснили чужеземца от края, глядя на него как на сумасшедшего. Им было ясно, что выхода нет и что Ябу просто готовится достойно встретить смерть, как сделали бы и они на его месте. И относились к буйству чужеземца так же, как, они знали, отнесся бы к нему сам Ябу.

– Смотрите вниз, все вы! Может быть, там есть какой-нибудь выступ!

Один из самураев подошел к краю обрыва, поглядел вниз, пожал плечами и заговорил с товарищами, те тоже пожали плечами. Каждый раз, когда Блэкторн пытался подобраться к краю обрыва, чтобы найти

способ спасти Ябу, его останавливали. Он легко мог столкнуть одного из них вниз и обречь на смерть, ему хотелось этого. Но он понимал их. «Думай, как помочь этому негодяю! Ты должен спасти его, чтобы спасти Родригеса!»

– Эй, вы, дрянь, поганые япошки! Эй, Касиги Ябу! Не сдавайся. Сдаются только трусы! Ты человек или баран?

Но Ябу не обращал внимания. Он был неподвижен, как скала, на которой сидел.

Блэкторн поднял камень и с силой бросил в него. Не причинив вреда Ябу, камень ушел в воду, а самурай сердито закричал на Блэкторна. Капитан знал, что в любую минуту люди даймё могут навалиться на него и связать. Хотя как? У них нет веревок.

«Веревки! Нужны веревки! Ты можешь их раздобыть?»

Его глаза наткнулись на кимоно, которое Ябу снял и оставил на камнях. Блэкторн начал рвать кимоно, пробуя полосы на прочность: то, что надо.

– Давайте! – приказал он самураям, скидывая собственную рубашку. – Делайте веревки, ну?!

Они поняли, быстро развязали пояса, сняли кимоно и последовали его примеру. Он начал связывать концы полос, используя также и пояса.

Пока они возились с тряпьем, Блэкторн осторожно лег на землю и подвинулся к краю, заставив двух самураев держать его за лодыжки. Он не нуждался в помощи, просто хотел успокоить их.

Он высунул голову, насколько мог, не рискуя своей безопасностью, потому что понимал их беспокойство. Потом стал осматриваться, как если бы озирали море. Участок за участком.

Все гладко. Ничего.

Еще раз.

Ничего.

Снова.

Что это? Как раз выше линии прилива? Трещина в утесе? Или тень? Блэкторн передвинулся, остро осознавая, что море почти покрыло скалу, на которой сидел Ябу, и едва ли не все скалы за ним, и основание утеса. Теперь он мог видеть лучше.

– Там! Что это?

Самурай встал на четвереньки и устремил взгляд туда, куда указывал Блэкторн, но ничего не увидел.

– Там! Это не выступ?

Он выставил перед собой ладонь и утвердил на ней два пальца, изобразив человека, стоящего на уступе.

– Быстро! *Исогу!* Объясните это ему – Касиги Ябу-сама! *Вакаримас ка!*

Самурай вскочил, быстро заговорил с другими. Теперь, посмотрев вниз, они все увидели выступ. И закричали. Ябу не откликнулся. Он словно уподобился камню. Они продолжали надрывать глотку, и Блэкторн – с ними заодно, но казалось, никто не издавал ни звука.

Один из самураев коротко переговорил с другими, они все кивнули и поклонились. Внезапно с криком «*Банса-а-ай!*» он бросился с утеса и полетел навстречу смерти. Ябу с усилием вырвался из транса, повернулся и встал.

Другой самурай кричал и что-то показывал, но Блэкторн уже ничего не слышал и не видел, кроме тела внизу, увлекаемого морем. «Что это за люди? – думал он беспомощно. – Было ли это мужество или помешательство? Этот человек пошел на самоубийство, не имея ни малейшего шанса спастись, чтобы привлечь внимание другого, который уже отказался от борьбы за жизнь. Это не имело смысла! Они не признают здравый смысл».

Он увидел, как Ябу, шатаясь, поднимается. Блэкторн ожидал, что японец полезет вверх, оставив Родригеса. «А что бы сделал я? Не знаю». Но Ябу наполовину полз, наполовину скользил, таща бесчувственное тело через мелкие места, на которые накатывал прибой, к подножию утеса. Он нашел уступ, всего-то в фут шириной. Чувствуя сильную боль, он втолкнул Родригеса на уступ и чуть не упал при этом, потом взгромоздился сам.

Веревка получилась на двадцать футов короче, чем нужно. Самураи тут же надставили ее, пустив в ход набедренные повязки. Теперь, стоя, Ябу должен был достать конец.

Несмотря на всю свою ненависть, Блэкторн восхищался мужеством Ябу. Полдюжины раз волны почти поглощали японца. Дважды Родригес срывался, но каждый раз Ябу вытаскивал его. «Где ты берешь мужество, Ябу? Или ты просто дьявол? Как и все вы?»

Чтобы спуститься вниз, требовалось мужество. Сначала Блэкторн думал, что Ябу движим одной бравадой, но вскоре понял: этот человек бросил вызов скале и почти выиграл. Потом Ябу сильно расшибся при падении – а кто бы не расшибся? И с достоинством отказался от борьбы.

«Боже мой! Я восхищаюсь этим негодяем и ненавижу его».

Почти час Ябу боролся с морем и собственным обессиленным телом. В сумерках вернулся Такатаси с веревками. Они сделали люльку и спустились с утеса с искусством, о котором Блэкторн и не подозревал.

Тут же был поднят Родригес. Блэкторн попытался помочь ему, но японец с густыми волосами уже опустился около португальца на колени. Блэкторн смотрел, как этот человек, очевидно лекарь, осматривал сломанную ногу. По приказу врачевателя самураи придержали Родригеса за плечи, пока лекарь всем весом налег на ногу, и кость скользнула обратно в тело. Пальцы лекаря ощупали и правильно поставили ее, после чего привязали сломанную конечность к шине. Врачеватель обертывал рану травами, когда вытащили Ябу.

Даймё отказался от помощи, махнул рукой лекарю, отсылая его назад к Родригесу, сел и стал ждать.

Блэкторн глядел на него. Ябу почувствовал этот взгляд. Два человека смотрели друг на друга.

– Спасибо, – сказал наконец Блэкторн, указывая на Родригеса. – Спасибо, что ты спас ему жизнь. Спасибо, Ябу-сан. – Он почтительно поклонился. – Это за твое мужество, ты, черноглазый сын дерьмовой проститутки.

Ябу чопорно ответил на поклон. Но в глубине души он улыбался.

Часть вторая

Глава 10

Их переход от бухты до Осаки выдался спокойным. Бортовые журналы Родригеса были полными и очень точными. В первую ночь Родригес пришел в себя. Сначала он подумал, что умер, но боль сразу вернула его к реальности.

– Они вправили ногу и перебинтовали ее, – сказал Блэкторн. – И стянули ремнем плечо. Оно было вывихнуто. Они не делали кровопускания, как я ни настаивал.

– Подождем до Осаки, это могут сделать иезуиты. – Измученный взгляд Родригеса вонзился в него. – Как я оказался здесь, англичанин? Я помню, что меня смыло за борт, а больше ничего. – (Блэкторн рассказал все как было.) – Так теперь я обязан тебе жизнью. Черт тебя поberi!

– С юта было видно, что мы можем войти в бухту. С носа под твоим углом зрения все выглядело иначе – разница в несколько градусов. С волной нам не повезло.

– Не беспокойся обо мне, англичанин. Ты был на юте, у руля. Мы оба знали это. Нет, я проклинаяю тебя за то, что теперь обязан тебе жизнью! Мадонна, моя нога!

От боли у него хлынули слезы. Блэкторн дал ему кружку грога и присматривал за ним всю ночь. Шторм тем временем закончился. Несколько раз приходил японский лекарь и заставлял Родригеса выпить горячее лекарство, клал ему на лоб припарки и открывал иллюминаторы. И каждый раз, когда лекарь уходил, Блэкторн закрывал иллюминаторы, так как всем известно, что лихорадка бывает от сквозняка и чем плотнее закрыта каюта, тем лучше для больного, особенно такого тяжелого, как Родригес.

Наконец врачеватель накричал на него и поставил у иллюминаторов самурая, так что они оставались открытыми.

На рассвете Блэкторн вышел на палубу. Хиромацу и Ябу оба были там. Он поклонился, словно придворный:

– *Коннитива Осака?*

Даймё поклонились в ответ.

– Осака. *Хай*, Андзин-сан, – произнес Хиромацу.

– *Хай! Исогу*, Хиромацу-сама. Капитан-сан! Поднять якорь!

– *Хай*, Андзин-сан!

Он непроизвольно улыбнулся Ябу. Ябу улыбнулся в ответ, потом, хромая, отошел, а Блэкторн задумался, кого он только что приветствовал, ведь это сущий дьявол, убийца. «А разве сам ты не убивал? Да, но не таким способом», – сказал он себе.

Блэкторн с легкостью довел корабль до цели. Переход занял день и ночь, и вскоре после рассвета следующего дня они были около Осаки. На борт поднялся японский лоцман, чтобы провести судно к пристани, и, освободившись от ответственности, Блэкторн с радостью спустился вниз, чтобы выспаться.

Позднее капитан растолкал его, поклонился и знаками показал, что Блэкторну предстоит отправиться с Хиромацу, как только они причалят.

– *Вакаримас ка*, Андзин-сан?

– *Хай*.

Моряк ушел. Блэкторн снова растянулся на койке, чувствуя боль во всем теле, потом заметил, что Родригес следит за ним.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, англичанин. Учитывая, что моя нога в огне, голова разрывается, мочевого пузыря скоро лопнет, а язык как будто в бочке со свиным дерьмом.

Блэкторн подал ему ночной горшок, потом опорожнил его в иллюминатор и налил кружку грога.

– Ты ходишь за мной, как сиделка, англичанин. Что, совесть нечиста? – Родригес засмеялся, и было приятно снова услышать его смех. Взгляд португальца упал на бортовой журнал, который лежал открытым на столе, перебежал на рундук – тот был открыт. – Я давал тебе ключ?

– Нет. Я обыскал тебя. Мне нужен был настоящий журнал. Я сказал тебе, когда ты очнулся в первую ночь.

– Прекрасно. Я не помню, но это честно. Слушай, англичанин, спроси любого иезуита в Осаке, где Васко Родригес, и тебя приведут ко мне. Приходи навестить меня – тогда ты сможешь скопировать мой журнал, если захочешь.

– Спасибо. Я уже скопировал один. По крайней мере, скопировал что мог и очень внимательно прочитал остальное.

– Твою мать! – выругался Родригес по-испански.

– И твою.

Родригес снова вернулся к португальскому:

– Разговор на испанском вызывает у меня рвоту, хотя ругаться на этом языке лучше, чем на каком-либо другом. Там, в моем рундуке, пакет. Дай его мне, пожалуйста.

– Тот, с иезуитскими печатями?

– Да.

Блэкторн подал пакет Родригесу. Тот изучил его, ощупал нетронутые печати, потом, видимо, передумал и положил пакет на грубое одеяло, под которым лежал, откинув голову на подушку.

– Эх, англичанин, жизнь такая странная.

– Почему?

– Если я жив, так это по милости Божьей, подкрепленной стараниями еретика и японца. Пошли сюда этого землееда, чтобы я мог поблагодарить его.

– Сейчас?

– Попозже.

– Хорошо.

– Эта история про вашу эскадру, ту, которая напала на Манилу, – ты рассказал о ней святому отцу – это правда, англичанин?

– Про то, что эскадра наших военных кораблей разбила силы вашей империи в Азии?

– Там эскадра?

– Конечно.

– Сколько кораблей было в твоей эскадре?

– Пять. Мы потеряли друг друга в море неделю или около того назад. Я двинулся вперед в поисках Японии и попал в шторм.

– Ври больше, англичанин. Хотя я не возражаю – сам плел с три короба тем, кто брал меня в плен. Нет никаких кораблей и эскадр.

– Подожди и увидишь.

– Подожду. – Родригес сделал большой глоток.

Блэкторн потянулся и подошел к иллюминатору, желая прекратить этот разговор, и выглянул, рассматривая город и берег:

– Я думал, Лондон – самый большой город в мире, но по сравнению с Осакой он захолустный городишко.

– У них есть дюжины городов типа этого, – сообщил Родригес, также радуясь возможности сменить тему, прекратить игру в кошки-мышки, которая никогда не приносит плодов. – Столица – Мияко, или, как ее иногда называют, Киото, – самый большой город в империи, вдвое больше Осаки, так говорят. Дальше идет Эдо, стольный город Торанаги. Ни я, ни кто-либо из священников, вообще никто из португальцев никогда не был там. Торанага держит свою цитадель на замке – это запретный город. Пока, – добавил Родригес, вытягиваясь на койке и закрывая глаза; его лицо искривилось от боли. – Пока они не отличаются друг от друга. Вся Япония официально закрыта для нас, за исключением портов Нагасаки и Хирадо. Наши священники попросту не обращают внимания на приказы и ходят куда пожелают. Но мы, моряки или торговцы, не можем, если нет специального приказа от регентов или великого даймё, например Торанаги. Любой из даймё может захватить один из наших кораблей – как Торанага завладел вашим – за пределами Нагасаки или Хирадо. Таков их закон.

– Не хочешь ли ты отдохнуть?

– Нет, англичанин. Разговаривать лучше. Разговор помогает отогнать боль. Мадонна, как у меня болит голова! Я не могу нормально думать. Давай потолкуем, пока ты не сошел на берег. Возвращайся и навести меня – очень тебя прошу. Дай мне еще грогу. Спасибо, спасибо, англичанин.

– Почему тебе запрещено ходить куда пожелаешь?

– Что? А, здесь, в Японии? Это сделал тайко – он заварил всю эту кашу. Когда мы впервые прибыли сюда в тысяча пятьсот сорок втором году, чтобы принести японцам истинную веру и цивилизацию, нам и нашим священникам дозволялось свободно странствовать по стране, но едва тайко получил полную власть, как он начал вводить свои запреты. Многие верят... Ты не мог бы подвинуть мне ногу? Сними с нее одеяло – она горит... Да... О Мадонна, осторожней! Спасибо, англичанин. Да, на чем я остановился? Многие верят, что тайко был пенисом Сатаны. Десять лет назад он выпустил эдикты относительно святых отцов, англичанин и всех, кто хотел нести слово Господа. Он изгнал всех, кроме торговцев, десять или двенадцать лет назад. Это случилось еще до того, как я пришел в эти воды, – я был здесь семь лет назад и с тех пор приходил и уходил. Святые отцы говорят, что это случилось из-за языческих жрецов – буддистов, – отвратительных,

ревностных идолопоклонников. Они настроили тайко против святых отцов, совратили его с пути истинного, когда он был уже почти обращен. Да, великий убийца почти спас душу. Но упустил свой шанс на спасение. Да... Как бы то ни было, он приказал всем нашим священникам покинуть Японию... Я сказал тебе, что это было десять лет назад?

Блэкторн кивнул, радуясь тому, что португалец говорит, пусть и перескакивая с одного на другое. Он ни за что не упустил бы возможности узнать новое.

– Тайко собрал всех святых отцов в Нагасаки, где был готов корабль, чтобы отправить их в Макао с письменными приказами никогда не возвращаться под страхом смерти. Потом, так же внезапно, он оставил их в покое и больше не трогал. Я рассказывал тебе, что у всех японцев мозги набекрень? Да, он оставил их в покое, и скоро все стало как раньше, за исключением того, что большинство святых отцов осело на Кюсю, где к нам хорошо относятся. Я говорил, что Япония состоит из трех больших островов: Кюсю, Сикоку и Хонсю? И тысяч мелких островков. Есть еще один остров далеко на севере – некоторые называют его материком – Хоккайдо, но там живут только волосатые туземцы.

Япония – перевернутый мир, англичанин. Отец Алвито рассказывал мне, что все вернулось на круги своя, как будто ничего не случилось. Тайко стал дружелюбен, как и прежде, хотя так и не обратился в нашу веру. Он закрыл церковь и прогнал двух или трех христианских даймё, но для того только, чтобы получить их земли, и никогда не вводил в действие свои эдикты об изгнании священников. Потом, три года назад, он сошел с ума еще раз и казнил двадцать шесть отцов. Распял их в Нагасаки. Без причин. Он был маньяк, англичанин. Но после убийства тех двадцати шести он больше ничего не сделал. А вскоре умер. Это была кара небесная, англичанин. Проклятие Господа на нем и его семени. Я уверен.

– Здесь много новообращенных?

Но Родригес, казалось, не слышал, погрузившись в беспамятство.

– Они все звери, эти японцы. Я не рассказывал тебе об отце Алвито? Он переводчик – Цукку-сан, называют они его, господин переводчик. Он состоял на службе у тайко, англичанин, а теперь он служит Совету регентов. По-японски говорит лучше большинства

японцев и знает о них намного больше любого живущего здесь человека. Он сказал мне, что в Мияко, в столице, англичанин, есть холм высотой пятьдесят футов. Тайко отрубал носы и уши всем корейцам, убитым на войне, и закапывал там – Корея находится на материке, к западу от Кюсю. Это правда, англичанин! Клянусь Святой Девой, не было убийц, способных тягаться с ним, – а они все такие. – Глаза Родригеса были закрыты, лоб пылал.

– Тут много новообращенных? – снова спросил Блэкторн, осторожно пытаясь выведать, сколько здесь врагов.

К его удивлению, Родригес ответил:

– Сотни тысяч, и с каждым годом становится все больше. После смерти тайко наши дела пошли в гору, и те, кто скрывал свою принадлежность к христианской вере, теперь открыто ходят в церковь. Значительная часть острова Кюсю сейчас католическая. Большинство даймё на Кюсю новообращенные. Нагасаки – католический город, иезуиты владеют им, ездят туда и ведут всю торговлю. Вся торговля идет через Нагасаки. Мы имеем там собор и дюжину церквей, и еще десятки разбросаны по всему Кюсю, но здесь, на главном острове, Хонсю, их еще немного и... – Боль снова не дала ему говорить, но через мгновение он продолжал: – На одном Кюсю три или четыре миллиона человек – скоро они все будут католиками. На других островах еще двадцать с лишним миллионов японцев, и скоро...

– Это невозможно! – Блэкторн тут же обругал себя: зачем влез, почему не узнал побольше?

– Зачем бы мне врать? Десять лет назад была перепись. Отец Алвито сказал, что тайко приказал провести ее, а уж ему точно известно, из первых рук. Зачем отцу Алвито врать? – Глаза Родригеса вспыхнули яростью. – Это больше, чем население всей Португалии, Испании, Франции, Нидерландов и Англии, вместе взятых, и ты можешь для ровного счета добавить сюда всю Священную Римскую империю!

«Боже мой, – подумал Блэкторн, – во всей Англии не наберется больше трех миллионов. И это с Уэльсом. Если японцев так много, как мы сможем иметь дело с ними? Если их и впрямь двадцать миллионов, они запросто соберут армию большей численности, чем все наше население, стоит только захотеть. А коли все они такие одержимые, как те, кого я видел, – а почему бы им не быть такими? – клянусь

ранами Христа, они непобедимы! Наконец, если они уже частично католики и если иезуиты здесь набрали силу, число новообращенных будет увеличиваться, а нет фанатиков истовее, чем неофиты, так какой шанс у нас и голландцев проникнуть в Азию? Вовсе никакого».

– Считаешь, это много? Подожди, вот попадешь в Китай! Там все желтые, все с черными волосами и глазами. О, англичанин, я скажу тебе, ты еще много чего узнаешь. Я был в прошлом году в Кантоне, на шелковой ярмарке. Кантон – город-крепость в Южном Китае, на Жемчужной реке, к северу от Макао. Там, в стенах этого города, миллион питающихся собаками язычников. В Китае больше людей, чем во всем остальном мире. Должно быть, больше. Подумай об этом! – Волна боли прошла по телу Родригеса, его здоровая рука легла на желудок. – У меня не было кровотечения? Ниоткуда?

– Нет. Я проверил. Только нога и плечо. У тебя нет внутренних повреждений, Родригес, по крайней мере, я не думаю, что есть.

– А насколько плохо с ногой?

– Она промыта и очищена морем. Перелом был чист, и кожа.

– Ты промыл рану бренди, прижег ее?

– Нет, мне не позволили – они меня прогнали. Но их лекарь, похоже, знает, что делает. Твои люди сразу же придут на борт?

– Да. Как только мы причалим. Наверняка.

– Хорошо. Расскажешь еще о Китае и Кантоне?

– Я, наверное, и так сказал слишком много. Будет еще время поговорить о них.

Блэкторн видел, что здоровая рука Родригеса играет запечатанным пакетом, и задумался: что бы это могло значить?

– С твоей ногой все будет нормально. Вот увидишь.

– Да, англичанин.

– Я не думаю, что будет нагноение, – гноя нет. Ты соображаешь, так что с головой тоже все в порядке. Ты поправишься, Родригес.

– Тем не менее я обязан тебе жизнью. – Дрожь прошла по телу португальца. – Когда я тонул, только и мог думать что о крабах, ползающих в моих глазницах. Я чувствовал, как они копошатся во мне, англичанин. Третий раз я попадаю за борт, и с каждым разом это все хуже и хуже.

– Со мной это было четыре раза. Трижды меня топили испанцы.

Дверь каюты открылась, и капитан, кланяясь, позвал Блэкторна наверх.

– *Хай!* – Блэкторн встал. – Ты ничем мне не обязан, Родригес, – сказал он мягко. – Ты помог мне, когда я был в отчаянии, и я благодарю тебя за это. Мы расквитались.

– Может быть, но послушай, англичанин, вот тебе немного правды взамен: никогда не забывай, что у японцев шесть лиц и три сердца. Говорят, они считают, будто человек имеет одно фальшивое сердце во рту – его видит весь мир, другое в груди – чтобы показывать особо близким друзьям и семье, и настоящее сердце, потаенное, которое скрыто от всех, за исключением его обладателя, спрятано Бог знает где. Они вероломны настолько, что в это верится с трудом, норовисты без надежды на исправление.

– Почему Торанага хочет видеть меня?

– Не знаю. Клянусь Святой Девой! Не знаю. Возвращайся проводить меня, если сможешь.

– Да. Желаю удачи, испанец!

– Ты кашалот! И все равно, иди с Богом.

Блэкторн улыбнулся в ответ, обескураженный, и вышел на палубу. Голова закружилась, когда он увидел Осаку, ее просторы, толпы людей и огромный замок, который царил над городом.

Над громадой замка парила главная башня – поражающее красотой центральное здание в семь или восемь этажей, определяемых по стрельчатым фронтонам с изогнутыми скатами крыши; черепица сияла позолотой, а стены были голубыми.

«Вот где живет Торанага», – подумал он, и ледяная колючка вонзилась в его кишки.

В закрытом паланкине его принесли в большой дом. Там он принял ванну, отведал неизменного рыбного супа, сырой и паровой рыбы, немного маринованных овощей, выпил горячего травяного настоя. Вместо ячневой каши в этом доме ему дали чашку риса, виденного им однажды в Неаполе. Рис был белый, недробленый, и ему показался безвкусным. Его желудок жаждал мяса и хлеба, окорока, пирогов, цыплят, пива и яиц.

На следующий день за ним пришла служанка. Белье, которым снабдил его Родригес, выстирали. Она следила за тем, как одевается чужеземец, помогла ему надеть свежие таби. Снаружи стояла пара

новеньких сандалий. Башмаков не было. Угадав причину его замешательства, служанка покачала головой и показала на нехитрую обувь, которая удерживалась на ноге двумя ремешками, потом на зашторенный паланкин. Группа самураев сопровождала носилки. Старший сделал ему знак поторопиться и тоже сел в паланкин.

Они немедленно тронулись. Занавеси были плотно закрыты. После долгого перехода паланкин остановился.

– Ты не должен бояться, – громко сказал старший и вышел.

Перед ними были гигантские каменные ворота. Они открывали доступ за тридцатифутовую зубчатую стену с бастиянами и внешними укреплениями. Огромные, окованные железом створы были открыты, кованая решетка поднята. За ней начинался деревянный мост, двадцать шагов в ширину и двести в длину, проходивший надо рвом с водой и кончавшийся у огромного подъемного моста и других ворот, во второй стене, такой же циклопической.

Повсюду толпились сотни самураев. Все они носили одинаковое серое, мрачное одеяние – перехваченное поясом кимоно с пятью небольшими круглыми гербами – по одному на каждой руке, на каждой стороне груди и один в центре спины. Гербы были голубые и напоминали цветок или цветки.

– Андзин-сан!

Хиромаци сидел, прямой как палка, в открытом паланкине, который несли четыре носильщика в длинных одеждах. Его аккуратное кимоно было коричневым, а пояс – черным, как и у пятидесяти самураев, окружавших даймё. Их кимоно также имели пять гербов, но только алых, как флаг на мачте, – гербов Торанаги. Этим самураям оружием служили длинные блестящие пики с маленькими флажками у наконечников.

Блэкторн поклонился не раздумывая, восхищенный величием Хиромаци. Старик, на коленях которого лежал длинный меч, ответил холодным поклоном и сделал знак следовать за ним.

У ворот вперед вышел офицер. Начались долгие церемонии: чтение бумаг, предъявленных Хиромаци, поклоны и разглядывание Блэкторна, после чего их допустили на мост, по бокам как эскорт шли самураи в сером.

Полный воды ров глубиной был не меньше пятидесяти футов и тянулся шагов на триста в каждую сторону, а дальше повторял изгибы

стен, которые делали поворот на север, и Блэкторн подумал: «Боже мой, не хотел бы я брать приступом здешнюю крепость. Даже если перебить всех защитников наружной стены, засевшим дальше достаточно будет поджечь мост, чтобы чувствовать себя в безопасности. Господи Иисусе, наружные стены, должно быть, охватывают площадь в квадратную милю и в толщину, видимо, достигают двадцати-тридцати футов, и внутренняя стена такая же. И она сложена из огромных каменных блоков. Каждый десять на десять футов! По крайней мере! Вырезаны очень точно и не скреплены раствором. Они должны весить самое меньшее пятьдесят тонн. Это лучше всего, что могли бы сделать мы. Осадные орудия? Конечно, они проделали бы брешь в наружных стенах, если бы их разместили в нужном месте. Но и гарнизон крепости, должно быть, располагает лучшими пушками, какие только можно получить. К тому же орудия было бы трудно доставить, и поблизости нет достаточно высокой точки для бомбардировки крепости зажигательными снарядами. Даже сдав врагу наружную стену, защитники крепости могли бы обстреливать атакующих с зубчатой внутренней стены. И даже если бы эти последние изловчились затащить осадные орудия за внешний оборонительный рубеж и направить их на внутреннюю стену, они не разрушили бы ее. Самое большее, разнесли бы дальние ворота, а что потом? Как пересечь ров с водой? Он слишком большой, чтобы форсировать его обычным способом. Замок должен быть неприступен, пока гарнизон его достаточно велик. Сколько здесь солдат? Сколько горожан найдут убежище внутри?

В сравнении с ним лондонский Тауэр – убогий свинарник. И весь Хэмптон-Корт уместится в одном углу!»

У следующих ворот повторилась процедура проверки бумаг. Оттуда двинулись налево и вниз по широкой улице, образованной рядами укрепленных домов за стенами разной высоты. Далее улица терялась в лабиринте лестниц и дорожек. И снова ворота, проверка бумаг, подъемная решетка, огромный ров с водой, и снова изгибы и повороты, до тех пор пока Блэкторн, при всей его наблюдательности, цепкой памяти и чувстве направления, не потерялся в этом сознательно устроенном хитросплетении. И все время бесчисленное серое воинство следило за ними с эскарпов, валов и зубчатых стен, парапетов и бастioned. А также несло караул внизу, маршировало,

упражнялось с оружием или ухаживало за лошадьми в открытых стойлах. Самураи повсюду, тысячами. Все были вооружены и тщательно экипированы.

Он проклял себя, что не хватило ума побольше выпросить у Родригеса. Поделившись сведениями о тайко и новообращенных, слишком ненадежными, Родригес предпочел помалкивать – как и сам Блэкторн, избегающий его вопросов.

«Сосредоточься. Ищи ключи. Что особенного в этом замке? Он очень большой. Нет, что-то другое. Что? Серые враждебны по отношению к коричневым? Не могу сказать, они все так серьезны».

Блэкторн тщательно наблюдал за ними, фокусируясь на деталях. Слева радовал глаз возделанный сад с небольшими мостиками, перекинутыми через ручей. Стены здесь стояли ближе друг к другу, улицы стали уже. Они приближались к главной башне замка. Внутри сновали слуги. *Здесь не было пушек!* Вот в чем разница!

«Ты не видел ни одной пушки. Ни одной.

Отец Небесный, здесь нет пушек, следовательно, нет осадных орудий! Если бы у тебя имелись современные орудия, а у защитников замка – нет, мог бы ты взорвать стены, выбить двери, обрушить дождь зажигательных снарядов на замок и захватить его, когда он займется огнем?

Ты не смог бы преодолеть первый ров с водой.

Имея осадные орудия, ты причинил бы много неприятностей защитникам, но они сумели бы вечно держать оборону – лишь бы в гарнизоне хватало бойцов, еды, воды и вооружения.

Как преодолеть рвы? На лодках? На плотках?»

Он пытался мысленно составить план замка. Паланкин остановился, Хиромацу встал с носилок. Отряд очутился в узком тупике. Огромные, окованные железом деревянные ворота перекрывали проем в двадцатифутовой стене, которая перетекала в наружные укрепления линии обороны, все еще далеко отстоящие от главной башни замка, которая отсюда была почти не видна. В отличие от всех других ворот, эти охранялись коричневыми, которых Блэкторн не заметил нигде больше в крепости. Было очевидно, что они совсем не рады видеть Хиромацу.

Серые повернулись и ушли. Блэкторн заметил, какими враждебными взглядами проводили их коричневые.

«Так они враги!»

Ворота открылись, и он проследовал за стариком внутрь. Один. Самураи остались снаружи.

Внутренний двор охранялся коричневыми, позади него был устроен сад. Они пересекли сад и вошли в крепость. Хиромацу скинул обувь, и Блэкторн сделал то же самое.

Коридор внутри был устлан татами — камышовыми матами, чистыми и очень приятными. Такие татами прикрывали пол во всех японских домах, кроме самых бедных. Блэкторн еще раньше заметил, что все татами одинакового размера, около шести футов на три. «Подумай об этом, — сказал он себе, — ты ни разу еще не видел фигурных матов или обрезанных до другого размера. И комнат другой формы! Неужели в Японии все комнаты прямоугольные или квадратные? Конечно! Это значит, что все дома — или комнаты — рассчитаны на точное число матов. Все построены по одному образцу! До чего же странно!»

Они поднимались по винтовой, удобной для обороны лестнице, шли коридорами, переходя с этажа на этаж. Всюду было много охраны — всегда коричневые. Лучи солнечного света, просачиваясь в амбразуры, рисовали причудливые узоры на полу и стенах. Блэкторн мог видеть, что теперь они забрались высоко над тремя главными, окружающими замок стенами. Город и гавань, как нарисованные, лежали под ними.

Коридор повернул под острым углом и закончился через пятьдесят шагов.

Блэкторн почувствовал во рту вкус желчи. «Не беспокойся, — внушал он себе, — ты решил, что делать. Ты уже начал».

Впереди толпа самураев, отданных под начало молодому командиру, защищала последнюю дверь — каждый правой рукой держался за рукоятку меча, левая лежала на ножнах, все они смотрели на приближающихся людей, недвижимые и готовые к нападению.

Хиромацу был доволен. Он лично отбирал стражей. Он ненавидел это место и в который уже раз подумал, как опасен замок для Торанаги, отдавшего во власть врага. Вчера, едва сойдя на берег, он поспешил к своему господину, чтобы рассказать тому об исходе миссии и узнать, не случилось ли чего в его отсутствие. Но пока все было спокойно, хотя шпионы и доносили о том, что враг возводит

подозрительные укрепления на севере и востоке, и о том, что основные союзники, регенты Оноси и Кияма, самые крупные из христианских даймё, собираются перейти на сторону Исидо. Он переменял стражу и пароли и снова просил Торанагу уехать, не подвергать себя опасности.

В десяти шагах от командира стражи он остановился.

Глава 11

Ёси Нага, командир стражи, был вспыльчивый, опасный юноша семнадцати лет.

– Доброе утро, господин. Я рад вашему возвращению.

– Спасибо. Господин Торанага ожидает меня?

– Да. – Даже если бы Хиромаци и не ожидали, Нага тем не менее пропустил бы его.

Хиромаци был одним из трех людей, которые допускались к Торанаге в любое время дня и ночи без предварительной договоренности.

– Обыщите чужеземца, – приказал Нага.

Он был пятым сыном Торанаги от одной из его наложниц и боготворил отца.

Блэкторн спокойно отнесся к тому, что, как он понял, собираются делать стражники. Два самурая оказались очень опытными в таких делах. От них ничего не ускользнуло бы.

Нага дал знак остальным своим людям, и те отодвинулись в сторону. Он сам открыл толстую дверь.

Хиромаци вошел в огромный зал для аудиенций. Сразу около двери встал на колени, положил свои мечи на пол перед собой, упер ладони в пол по бокам и низко наклонил голову, ожидая в таком униженном положении.

Нага, весь настороженный, знаком приказал Блэкторну сделать то же самое.

Блэкторн вошел. Комната была квадратной, сорок шагов в ширину и десять в высоту. Пол покрывали безупречные татами самого высокого качества, толщиной в четыре пальца. В дальней стене было две двери. У помоста, в нише, стояла маленькая глиняная ваза с веткой цветущей вишни, которая заполняла комнату приятным ароматом.

Обе двери охранялись. В десяти шагах от помоста, окружая его, располагались еще двадцать самураев, сидевшие со скрещенными ногами спиной к помосту.

Торанага восседал на единственной подушке на помосте. С искусством и терпением опытного костоправа он колдовал над

сломанным пером в крыле ловчего сокола, голову которого скрывал колпачок.

Ни он, ни остальные не приветствовали Хиромаци и не обратили внимания на Блэкторна, когда тот вошел и остановился около старика. Но, в отличие от Хиромаци, Блэкторн поклонился, как учил Родригес, потом с глубоким вздохом сел, скрестив ноги, и воззрился на Торанагу.

Все взгляды обратились на Блэкторна.

Рука Наги, застывшего в дверном проходе, уже опустилась на меч. Хиромаци схватился за свой, хотя и не поднял головы.

Блэкторн почувствовал себя голым, но теперь, когда он заявил о себе, оставалось только ждать. Родригес сказал: «С японцами ты должен вести себя как король». И хотя он повел себя отнюдь не по-королевски, этого было более чем достаточно.

Торанага медленно поднял взгляд.

Капля пота выступила на виске Блэкторна: все, что Родригес говорил о самураях, казалось, воплотилось в одном этом человеке. Блэкторн ощутил, как тонкая струйка пота сбегает со щеки на подбородок. И заставил свои голубые глаза смотреть твердо и не мигая, лицо его оставалось спокойным.

Взгляд Торанаги также был неподвижен.

Блэкторн почувствовал посыл почти ошеломительной энергии, исходящей от этого человека. Он принудил себя медленно досчитать до шести, потом пригнул голову и слегка поклонился опять, спокойно улыбнувшись.

Торанага мельком посмотрел на него, сохраняя ту же бесстрастную мину, потом опустил глаза и опять сосредоточился на своей работе. Напряжение в комнате спало.

Старый сутулый самурай стоял перед Торанагой на коленях и держал птицу – молодую самку сапсана – бережно, как будто она была стеклянной. Торанага срезал сломанное перо, вставил тонкий бамбуковый стержень, смазанный клеем, в черенок пера, потом осторожно надел обрезок на другой конец стержня. Он выравнивал угол поворота пера до тех пор, пока тот не стал совершенным, потом перевязал перо шелковой ниткой. Маленькие колокольчики на лапах птицы звякнули, и хозяин ее успокоил.

Ёси Торанага, господин Канто, повелитель Восьми Провинций, старший в клане Ёси, главнокомандующий армиями Востока, глава

Совета регентов, был невысоким мужчиной с большим животом, крупным носом, густыми темными бровями; в жидких усах и бороде его пробивалась седина. На лице особенно выделялись глаза. Для своих пятидесяти восьми лет он был силен. Коричневое кимоно простого покроя перехватывал хлопчатобумажный пояс. Но мечи у него были каких поискать.

— Ну, моя красавица, — сказал он с нежностью. — Теперь ты опять здорова. — Он погладил пером свою любимицу, сидевшую на одетом в рукавицу кулаке самурая. Та вздрогнула и принялась чистить перья. — Мы пустим ее полетать через неделю.

Старый сокольничий поклонился и ушел.

Торанага обратил свой взор на двух человек у дверей.

— Добро пожаловать, Железный Кулак. Я рад видеть тебя, — обронил он. — Так это твой знаменитый чужеземец?

— Да, господин. — Хиромацу переместился поближе, оставив свои мечи у дверей, как требовал обычай, но Торанага настоял, чтобы он прихватил клинки с собой.

— Я чувствую себя неудобно, если их нет у тебя в руках, — объявил он.

Хиромацу поблагодарил его. При всем этом он устроился в пяти шагах от помоста. По обычаю ни один вооруженный человек не мог безнаказанно приблизиться к Торанаге на меньшее расстояние. В переднем ряду часовых стоял Усаги, муж любимой внучки Хиромацу, и старик коротко ему кивнул. Юноша низко поклонился, польщенный и обрадованный, что его заметили.

«Может быть, мне следовало его усыновить?» — спросил себя Хиромацу, согретый мыслью о любимой внучке и первом правнуке, которого молодая чета подарила ему в прошлом году.

— Как вы доплыли обратно? — заботливо спросил Торанага.

— Все хорошо, благодарю вас, господин. Но должен сказать, что был рад, когда сошел с корабля на землю.

— Я слышал, у тебя теперь есть новая игрушка, чтобы занять часы праздности, да?

Старик грубо захохотал:

— Я могу только сказать вам, господин, что часы были не праздные. Я так не уставал уже многие годы.

Торанага посмеялся вместе с ним:

– Тогда нам следует вознаградить ее. Твое здоровье очень важно для меня. Могу я послать ей подарок в знак моей благодарности?

– Ах, Торанага-сама, вы так добры. – Хиромаци стал серьезным. – Вы могли бы вознаградить нас всех, господин, немедленно покинув это осиное гнездо и вернувшись в свой замок в Эдо, где ваши вассалы могут защитить вас. Здесь вы открыты для удара. В любой миг Исидо может напасть на вас.

– Я уеду. Сразу же, как закончатся собрания Совета регентов. – Торанага повернулся к португальцу аскетической наружности, который терпеливо сидел рядом с ним. – Вы переведете мне слова чужеземца, мой друг?

– Конечно, господин. – Священник, на макушке которого была выбрита тонзура, вышел вперед, с привычной грацией на японский манер встал на колени около помоста. Его лицо было худощавым, как и вся фигура, глаза – темными и блестящими, весь облик его излучал спокойствие и сосредоточенность. Таби и просторное кимоно вполне естественно смотрелись на нем. У пояса висели четки и гравированный золотой крест. Он приветствовал Хиромаци как равный, потом с удовольствием поглядел на Блэкторна. – Мое имя Мартин Алвито из Общества Иисуса, капитан. Господин Торанага просил меня переводить для него.

– Сначала скажите ему, что мы враги и что...

– Все в свое время, – спокойно прервал отец Алвито, а затем добавил: – Мы можем говорить по-португальски, по-испански или, конечно, на латыни, как вы пожелаете.

Блэкторн не видел священника, пока тот не выступил вперед. Португальца заслоняли помост и самураи. Но Блэкторн ждал его появления, памятуя о словах Родригеса, и то, что он увидел, ему не понравилось: изящество, легкость, сила и природная властность иезуитов. Он думал, что священник много старше, учитывая его высокое положение и то, как говорил о нем Родригес. Но они оказались практически ровесниками, он и иезуит. Может быть, священник был несколькими годами старше.

– На португальском, – сказал он, надеясь, что этот язык даст ему некоторое преимущество. – Вы португалец?

– Я имею честь быть им.

– Вы моложе, чем я ожидал.

– Сеньор Родригес очень добр. Он оказал мне больше доверия, чем я заслуживаю. Вас он описал очень точно. Так же как и вашу смелость.

Блэкторн наблюдал, как иезуит повернулся, как бегло и любезно он заговорил с Торанагой, и это еще больше расстроило его. Хиромаци, единственный из всех в комнате, слушал и следил за происходящим, как ястреб. Остальные словно каменные усталились в пространство.

– Итак, начнем. Будьте любезны слушать все, что говорит господин Торанага, не прерывая, – начал отец Алвито. – Потом отвечайте. С этого момента я буду переводить почти одновременно с тем, как вы произнесете фразу, так что, пожалуйста, отвечайте с большой осторожностью.

– С какой стати? Я не доверяю вам.

Отец Алвито немедленно перевел все, что он сказал, Торанаге, и тот заметно рассердился.

«Осторожней, – подумал Блэкторн, – он играет с тобой, как кошка с мышкой! Три золотые гинеи против ломаного фартинга, что он может подловить тебя, когда захочет. Независимо от того, правильно или нет он переводит, ты должен произвести хорошее впечатление на Торанагу. Это, возможно, твой единственный шанс».

– Вы можете быть уверены, что я переведу все сказанное вами с предельной точностью. – Голос священника звучал мягко, но уверенно. – Это двор господина Торанаги. Я переводчик Совета регентов, верховного правителя Торанаги и верховного правителя Исидо. Господин Торанага многие годы доверяет мне. Я предполагаю, что вы будете отвечать правдиво, потому что производите впечатление очень проникательного человека. И я не отец Себастио, который, возможно, чересчур ревностен, не очень хорошо говорит по-японски и к тому же не имеет большого опыта жизни в Японии. Ваш внезапный приезд лишил его Божьего милосердия, он позволил прошлому возобладать: его родители, братья и сестры были вырезаны самым жестоким образом в Нидерландах вашими соотечественниками – людьми принца Оранского. Я прошу прощения за него и взываю к вашему состраданию. – Он по-доброму улыбнулся. – По-японски слово «враг» звучит как *тэки*. Вы можете пользоваться им, если хотите. Если вы, указав на меня, употребите это слово, господин Торанага точно поймет, что вы имеете в виду. Да, я ваш враг, Джон

Блэкторн. Решительно и бесповоротно. Но не убийца. Вы погубите себя сами.

Блэкторн видел, как иезуит передает свои слова Торанаге, и, услышав слово *тэки*, произнесенное несколько раз, задумался: действительно ли оно значит «враг»? «Ну разумеется, – сказал он себе. – Этот священник не похож на того».

– Пожалуйста, на время забудьте, что я существую, – продолжал отец Алвито. – Я только переводчик, не более. – Отец Алвито сел, повернулся к Торанаге, вежливо поклонился.

Торанага выпалил какую-то короткую фразу. Священник начал переводить одновременно, на несколько слов запаздывая, голосом точно передавая модуляции и подтекст.

– Почему ты считаешь врагом Цукку-сана, моего друга и переводчика, который не имеет врагов? – Отец Алвито добавил, объясняя: – Цукку-сан – мое прозвище. Японцы не могут произнести мое имя. Цукку – переиначенное японское слово «цуяку», что значит «переводить». Пожалуйста, ответьте на вопрос.

– Мы враги, потому что наши страны воюют.

– Да? А из какой вы страны?

– Из Англии.

– Где это?

– Это островное королевство, в тысяче миль к северу от Португалии. Португалия – часть полуострова в Европе.

– Сколько времени вы воюете с Португалией?

– С тех пор как король Португалии стал вассалом испанской короны. Это случилось в тысяча пятьсот восьмидесятом году, двадцать лет назад. Испания завоевала Португалию, а мы воюем с Испанией почти тридцать лет.

Блэкторн заметил удивление Торанаги и вопросительный взгляд, который тот бросил на отца Алвито, спокойно смотревшего в пространство.

– Что он говорит? – резко спросил Блэкторн.

Отец Алвито не ответил, а продолжал переводить, как и раньше.

– Ты говоришь, Португалия – часть Испании?

– Да, господин Торанага. Вассальное государство. Испания завоевала Португалию, и теперь это, по сути, одна страна с одним

королем. Но португальцы служат испанцам по всему земному шару, а те с ними не считаются.

Наступило долгое молчание. Потом Торанага обратился прямо к иезуиту, который улыбался и отвечал в пространство.

– Что он говорит? – потребовал разъяснений Блэкторн.

Отец Алвито не ответил, но переводил, как и прежде, почти одновременно, виртуозно копируя интонации.

Торанага ответил прямо Блэкторну, его голос был суров:

– Что я сказал, тебя не касается. Когда я захочу, чтобы ты что-то знал, я тебе скажу.

– Прошу прощения, господин Торанага, я не хотел быть грубым. Позвольте сказать, что мы пришли с миром...

– Ты не можешь ничего мне говорить сейчас. Придержи свой язык до тех пор, пока я не потребую ответа. Понял?

– Да.

«Ошибка номер один. Следи за собой. Ты не можешь себе позволить ошибки», – подумал Блэкторн.

– Почему вы воюете с Испанией? И Португалией?

– Отчасти потому, что Испания стремится захватить весь мир, а мы, англичане, и наши союзники голландцы отказались покориться. Отчасти из-за веры.

– А! Религиозная война? Какая у вас религия?

– Я христианин. Наша Церковь...

– Португальцы и испанцы тоже христиане! Ты сказал, что исповедуешь другую веру. Какую?

– Я христианин, это не объяснить в двух словах, господин Торанага. Они все...

– Нет необходимости торопиться. У меня масса времени. Я очень терпелив. Ты человек ученый – видно, что не из крестьян, – так что объясняй, просто или сложно, как хочешь, объясняй сколько нужно, чтобы тебя можно было понять. Если будешь крутить, я отошлю тебя обратно. Ты будешь говорить?

– Моя религия христианская. Есть две основные христианские религии – протестантская и католическая. Большинство англичан – протестанты.

– Ты молишься тому же Богу, Мадонне и Младенцу?

– Да, господин. Но не так, как это делают католики.

«Что он хочет узнать? – спросил себя Блэкторн. – Он католик? Следует ли отвечать то, что, как ты думаешь, он хочет услышать, или то, что ты считаешь правдой? Он против христиан? Но разве не он называл иезуита своим другом? Симпатизирует ли Торанага католикам или собирается перейти в католичество?»

– Ты веришь, что Иисус – Бог?

– Я верю в Бога, – сказал Блэкторн осторожно.

– Не уходи от ответа. Ты веришь, что Иисус есть Бог? Да или нет?

Блэкторн знал, что любой католический суд давно бы признал его еретиком. И большинство протестантских судов, если не все. Малейшее промедление с ответом на такой вопрос посчитали бы признаком сомнения. А сомнение уже ересь.

– Человек не может, отвечая на вопрос о Боге, отделаться простым «да» или «нет». Должны быть оттенки «да» или «нет». Ты ничего не знаешь о Боге наверняка, пока не умер. Да, я верю, что Иисус был Бог, но я не узнаю этого наверняка, пока не умру.

– Почему ты разбил крест священника, когда впервые появился в Японии?

Блэкторн не ожидал такого вопроса. «Неужели Торанага знает все, что случилось с тех пор, как я прибыл сюда?»

– Я хотел показать даймё Ябу, что иезуит отец Себастио, единственный в тех краях переводчик, мой враг, что ему нельзя доверять, по крайней мере на мой взгляд. И потом, я не был уверен, что он точно переведет мои слова, как это делает сейчас дон Алвито. Он проклинал нас, объявил пиратами. Мы не пираты, мы пришли с миром.

– Ах да! Пираты. Я вернусь к пиратству в свое время. Ты говоришь, что вы оба принадлежите к христианским сектам, оба почитаете Иисуса Христа? Разве это не главная его заповедь – «возлюбите друг друга»?

– Да.

– Тогда как вы можете враждовать?

– Их вера, их понимание христианства извращают Священное Писание.

– А! Наконец-то мы до чего-то добрались. Так вы воюете из-за разницы во мнениях относительно того, что есть Бог и что не Бог?

– Да.

– Это очень глупая причина для войн.

Блэкторн кивнул:

– Согласен. – Он поглядел на священника. – Согласен всем своим сердцем.

– Сколько кораблей в твоей флотилии?

– Пять.

– И ты вел ее?

– Да.

– Где остальные?

– В море, – произнес Блэкторн осторожно, продолжая держаться за свою ложь, – наверняка Торанага сначала задал несколько вопросов Алвито. – Мы потеряли друг друга во время шторма. Где точно, я не знаю, господин.

– Ваши корабли были английские?

– Нет, господин, из Голландии.

– Почему англичан нанимают на голландские суда?

– В этом нет ничего необычного, господин. Мы союзники. Португальские капитаны тоже иногда водят испанские корабли и эскадры. Я так понимаю, они водят и ваши океанские суда, согласно вашим законам.

– А что, нет голландских капитанов?

– Много, господин. Но у англичан больше опыта дальних путешествий.

– Но почему? Почему они захотели, чтобы ты повел их корабли?

– Возможно, потому, что моя мать – голландка, я бегло говорю на их языке, и у меня большой опыт. Я был рад такому случаю.

– Почему?

– Мне прежде не доводилось плавать в этих водах, это была первая возможность. Ни один английский корабль не собирался плыть так далеко. Мне выпал шанс совершить кругосветное путешествие.

– А может, ты, капитан, присоединился к флотилии из-за своей религии? Чтобы воевать против ваших врагов, Испании и Португалии?

– Я моряк, господин, прежде всего. Ни один англичанин или голландец не бывал в этих местах. Мы первая торговая флотилия, хотя и выправили каперские свидетельства, позволяющие нападать на врагов в Новом Свете. В Японию мы прибыли торговать.

– Что такое каперское свидетельство?

– Законное разрешение воевать с врагом, выдаваемое королем или правительством.

– А ваши враги здесь. Так вы собираетесь воевать с ними здесь?

– Мы не знали, что нас ожидает тут, господин. Мы пришли только торговать. О вашей стране почти ничего не известно, о ней ходят легенды. Португальцы и испанцы держат в секрете то, что узнали об этих местах.

– Отвечай на вопрос: твои враги здесь? Ты собираешься воевать с ними здесь?

– Если они будут воевать со мной.

Торанага недовольно зашевелился:

– Что ты делал на море или в других странах – это твое дело. Но здесь один закон для всех, чужеземцы могут находиться на нашей земле только с нашего разрешения. Любые публичные возмущения или стычки караются немедленной смертью. Наши законы ясны и должны выполняться. Ты понял?

– Да, господин. Но мы пришли с миром. Мы прибыли сюда торговать. Могли бы мы потолковать о торговле, господин? Мне нужно килевать судно и кое-что починить – мы за все заплатим. Тогда у меня вопрос...

– Когда я захочу поговорить с тобой о торговле или еще о чем-нибудь, я тебе скажу. Пока будь добр отвечать на мои вопросы. Так ты отправился в экспедицию, чтобы торговать, для заработка, а не по обязанности или долгу? Ради денег?

– Да. Такой у нас обычай, господин. За плату и долю во всех доходах – от торговли и захваченных вражеских товаров.

– Так ты наемник?

– Я был нанят главным штурманом и капитаном, чтобы вести экспедицию. – Блэкторн чувствовал враждебность Торанаги, но не понимал, чем она вызвана. «Что я сказал плохого? Не опорочил ли меня священник?» – Такой у нас обычай, Торанага-сан, – повторил он.

Торанага начал что-то обсуждать с Хиромацу. Они обменялись мнениями, очевидно соглашаясь друг с другом. Блэкторн подумал, что на их лицах написано недовольство. Почему? «Вероятно, это как-то связано с тем, что я наемник, – предположил он. – Что здесь такого? Разве не за все платят? Как еще раздобыть денег на жизнь? Даже если наследуешь земли, все равно...»

– Ты сказал, что прибыл сюда мирно торговать, – вернулся к расспросам Торанага. – Почему тогда ты прихватил столько пушек, пороха, мушкетов и пуль?

– Наши испанские и португальские враги очень сильны, господин Торанага. Мы должны защищаться и...

– Ты говоришь, что ваше вооружение только оборонительное?

– Нет. Мы используем его не только для защиты, но и для того, чтобы атаковать своих врагов. И мы в большом количестве производим его на продажу, наше оружие – лучшее в мире. Может быть, мы могли бы снабжать вас этими или другими товарами, которые привезли.

– Кто такой пират?

– Человек вне закона, который насилует, убивает или грабит для личной выгоды.

– Это не то же самое, что наемник? Разве ты не таков? Пират и вожак пиратов.

– Нет. Правда, мои корабли получили от законных властей Голландии каперские свидетельства, разрешающие нам вести войну на всех морях и во всех землях, которые принадлежат нашим врагам. И искать рынки для наших товаров. Для испанцев и большинства португальцев – да, мы пираты и еретики, но, повторяю, на самом деле это не так.

Отец Алвито закончил переводить, потом принялся спокойно, но твердо излагать что-то Торанаге.

«Как бы я хотел вот так, напрямую, объясняться с ними», – подумал Блэкторн, мысленно чертыхаясь. Торанага взглянул на Хиромаци, и старик задал иезуиту несколько вопросов, на которые тот долго отвечал. Потом Торанага повернулся к Блэкторну, и его голос стал еще жестче:

– Цукку-сан утверждает, что эта твоя Голландия была вассальным владением испанского короля несколько лет назад. Это верно?

– Да.

– Следовательно, Голландия, ваш союзник, восстала против своего законного правителя?

– Она воюет с испанцами, да. Но...

– Разве это не мятеж? Да или нет?

– Да, но есть смягчающие обстоятельства.

– Нет «смягчающих обстоятельств», когда речь идет о мятеже против своего суверена.

– Если только вы не победите.

Торанага внимательно поглядел на него. Потом громко рассмеялся. Он что-то сказал Хиромацу сквозь смех, и тот кивнул.

– Да, господин чужеземец с невозможным именем, да. Ты назвал одно «смягчающее обстоятельство». – Он еще раз хихикнул, а потом веселости как не бывало. – Вы выиграете?

– *Хай*.

Торанага опять заговорил, но священник не переводил синхронно, как раньше. Странная улыбка кривила его губы, глаза задержались на Блэкторне. Он вздохнул и сказал:

– Ты уверен?

– Это он говорит или вы?

– Это сказал господин Торанага. Он сказал это мне.

– Да, скажите ему, да. Я совершенно уверен. Могу я объяснить почему?

Отец Алвито объяснялся с Торанагой намного дольше, чем требовал перевод столь простого вопроса. «Так ли ты спокоен, как кажешься? – хотел спросить его Блэкторн. – Как же тебя достать? Как мне справиться с тобой?»

Торанага ответил и вынул веер из рукава.

Отец Алвито начал опять переводить с той же самой жуткой недружелюбностью, с мрачной иронией:

– Да, капитан, ты можешь мне сказать, почему думаешь, что вы выиграете эту войну.

Блэкторн попытался сохранить уверенность, понимая, что священник берет над ним верх.

– В настоящее время мы главенствуем на всех морях в Европе – на большинстве морей Европы, – поправился он. «Не давай отвлечь себя. Говори правду. Изворачивайся, как это делают иезуиты, но говори правду». – Мы, англичане, разгромили на море две огромные армады – испанскую и португальскую, и непохоже, чтобы они смогли собрать другие. Наши маленькие острова представляют собой крепости, и мы там теперь в безопасности. Наши морские силы господствуют на море. Наши корабли быстрее, современнее и лучше вооружены. Испанцы не побеждали после пятидесяти с лишним лет террора, инквизиции и

кровопролитий. Наши союзники сильны, более того, они обескровят испанскую империю и приведут ее к концу. Мы победим, потому что владеем морями и потому что надменный испанский король не дает воли другим народам.

– Вы владеете морями? Нашими морями тоже? Морями вокруг наших берегов?

– Нет, конечно нет, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я, разумеется, имел в виду европейские моря, хотя...

– Хорошо, я рад, что это прояснилось. Что ты хотел сказать? Хотя...

– Хотя на всех высоких широтах мы скоро сметем врагов. – Это Блэкторн произнес очень четко.

– Ты говоришь «враг». Может быть, мы тоже враги? Что тогда? Вы попытаетесь потопить наши корабли и опустошить наши берега?

– Я не могу и представить себе, чтобы мы враждовали.

– Думаю, это очень легко представить. Что тогда?

– Если вы выступите против моей страны, мне придется атаковать и попытаться разбить вас, – признался Блэкторн.

– А если ваш господин прикажет вам напасть на нас здесь?

– Я бы отсоветовал ему. Наша королева бы послушалась. Она...

– Вами управляет королева, а не король?

– Да, господин Торанага. Наша королева мудра. Она бы не отдала такой неразумный приказ.

– А если бы отдала? Или если бы ваш законный командир приказал?

– Тогда бы я доверил свою душу Богу, ибо я наверняка погиб бы. Так или иначе.

– Да. Ты бы погиб. Ты и все твои войска. – Торанага выждал немного, потом спросил: – Сколько времени вы плыли сюда?

– Почти два года. Точнее, один год одиннадцать месяцев и два дня. Примерно четыре тысячи морских лиг, каждая лига – три мили.

Отец Алвито перевел, потом добавил краткое уточнение. Торанага задумчиво обмахивался веером.

– Я перевел время и расстояние, Блэкторн, в их меры, – вежливо пояснил священник.

– Спасибо.

Торанага опять заговорил, обращаясь непосредственно к Блэкторну:

– Как ты добрался сюда? По какому маршруту?

– Через Магелланов пролив. Если бы у меня были мои карты и бортовой журнал, я мог бы вам показать, но их украли – взяли у меня с корабля вместе с каперским свидетельством и всеми моими бумагами. Если вы...

Блэкторн остановился, так как Торанага внезапно заговорил с Хиромацу, который тоже был удивлен.

– Ты заявляешь, что твои бумаги были взяты – украдены?

– Да.

– Это ужасно, если так. Мы ненавидим воровство в Ниппон – Японии. Наказание за воровство – смерть. Это дело будет немедленно расследовано. Кажется невероятным, чтобы кто-то из японцев мог совершить такое, хотя грязные пираты и разбойники есть повсюду.

– Может быть, их переложили в другое место, – позволил себе догадку Блэкторн. – Какое-нибудь укромное место. Но это большая ценность, господин Торанага. Без моих морских карт я подобен слепцу в лабиринте. Вы хотите, чтобы я объяснил вам мой маршрут?

– Да, но позднее. Сначала расскажи, зачем ты проплыл все это расстояние.

– Мы прибыли с миром, чтобы торговать, – повторил Блэкторн, сдерживая нетерпение. – Торговать и вернуться домой. Сделать богаче вас и нас. И попытаться...

– Вас или нас? Что здесь важнее?

– Оба партнера должны иметь выгоду, конечно, и торговле надлежит быть честной. Мы стремимся к долгосрочным торговым отношениям. Мы предложим вам лучшие условия, чем португальцы или испанцы, и окажем больше услуг. Наши купцы... – Блэкторн остановился, так как снаружи в зал донеслись громкие голоса.

Хиромацу и половина часовых сразу же оказались около входа, а другие образовали тесное кольцо, заслоняя помост. Самураи у внутренних дверей также приготовились.

Торанага не двинулся. Он разговаривал с отцом Алвито.

– Вы уйдете отсюда, капитан Блэкторн, через эту дверь. – Отец Алвито сказал это с тщательно скрываемой настойчивостью. – Если вы

цените вашу жизнь, не делайте резких движений и не говорите ничего. – Он подошел к левой внутренней двери и сел около нее.

Блэкторн неловко поклонился Торанаге, который игнорировал его, и потихоньку подошел к священнику, полностью отдавая себе отчет в том, что этот разговор для него закончился провалом.

– Что происходит? – прошептал он, садясь.

Самураи по соседству тут же угрожающе напряглись, и священник быстро что-то сказал им, чтобы успокоить.

– Вы погибнете, если еще раз заговорите, – объявил он Блэкторну, а сам подумал: «Чем скорее, тем лучше».

С нарочитой медлительностью он вынул платок из рукава и вытер вспотевшие ладони. Ему потребовались весь его опыт и сила духа, чтобы оставаться спокойным и доброжелательным во время этой беседы с еретиком, который оказался даже хуже, чем предполагали они с отцом-инспектором.

– Вы будете присутствовать? – спросил его отец-инспектор прошлым вечером.

– Торанага специально просил меня об этом.

– Я думаю, это очень опасно для вас и всех нас. Мне кажется, вы могли бы сослаться на болезнь. Если вы там будете, вам придется переводить то, что говорит пират, а судя по тому, что пишет отец Себастио, это дьявол во плоти, коварный, как иудей.

– Много лучше будет мне там побывать, ваше преосвященство. По меньшей мере, я смогу развенчать наиболее очевидную ложь Блэкторна.

– Зачем он приехал сюда? Именно сейчас, когда все опять стало так хорошо? У них действительно есть другие корабли в Тихом океане? Разве возможно, чтобы они послали эскадру против испанской Манилы? Не то чтобы меня заботила судьба этого отвратительного города или какой-либо другой колонии испанцев на Филиппинах, но вражеская эскадра в Тихом океане! Это ужасное осложнение для нас в Азии. И если он сможет столкнуться с Торанагой, или Исидо, или с любым другим из влиятельных даймё, нам не миновать огромных затруднений, и это еще мягко сказано.

– Блэкторн – наверняка. К счастью, мы можем управлять им.

– Бог мне судья, но я знаю, а лучше сказать, убежден, что испанцы или, вернее, их презренные лакеи, францисканцы и бенедиктинцы,

направили его сюда, чтобы навредить нам.

– Может быть, и так, ваше преосвященство. Нет ничего, на что бы они ни решились, дабы победить нас. Но это просто ревность, потому что мы добиваемся успеха там, где они терпят неудачу. Конечно, Бог укажет им на их ошибки! Может быть, англичанин сам «уйдет», прежде чем наделает нам вреда. Его журналы покажут, кто он есть на самом деле. Пират и главарь пиратов!

– Прочитайте их Торанаге, Мартин. Те места, где он описывает разграбление незащищенных поселений от Африки до Чили, и перечни награбленного и всех жертв.

– Может быть, нам следует подождать, ваше преосвященство? Мы всегда успеем предъявить их. Давайте надеяться, что он сам погубит себя неосторожным поведением.

Отец Алвито опять вытер ладони. Он чувствовал на себе взгляд Блэкторна. «Боже, смилуйся над ним! – подумал иезуит. – После того, что он сказал сегодня Торанаге, его жизнь не стоит и фальшивого сентаво, а душа не найдет спасения. Он будет распят – не понадобится даже его записей. Может быть, послать бумаги обратно отцу Себастио, чтобы тот вернул их Муре? Что сделает Торанага, если бумаги не будут найдены? Нет, это слишком опасно для Мury».

Дверь в дальнем конце комнаты открылась.

– Господин Исидо здесь, в коридоре, господин, – возвестил Нага. – Он желает видеть вас. Прямо сейчас.

– Все вы, возвращайтесь на свои места! – приказал Торанага своим людям. Ему тут же повиновались. Но самураи сели лицом к двери, Хиромацу – во главе их, меч в ножнах наготове. – Нага-сан, скажи господину Исидо, что мы готовы его приветствовать. Проси его войти.

Высокий японец крупными шагами вошел в комнату. Десять его самураев – серые – вошли с ним, но по сигналу господина они остались у входа и сели, скрестив ноги.

Торанага поклонился с формальной вежливостью, и поклон был возвращен.

Отец Алвито радовался, что ему посчастливилось присутствовать при встрече. Предстоящее столкновение между двумя противоборствующими верховными правителями сильно влияло на дела в стране и будущее Матери-Церкви в Японии, поэтому любые

косвенные или прямые сведения, которые могли подсказать иезуитам, куда направить свое влияние, имели громадное значение. Дзен-буддист Исидо слыл ярым ненавистником христиан, Торанага же им открыто симпатизировал, хотя и был единоверцем своего врага. Но большинство христианских даймё поддерживали Исидо, опасаясь – и весьма обоснованно, как считал отец Алвито, – возвышения Торанаги. Христианские даймё чувствовали, что, лишив Исидо влияния в Совете регентов, Торанага захватит всю власть. И тогда, считали они, он введет в действие указы тайко об изгнании сторонников истинной веры. Если, однако, Торанага будет удален с политической арены, появится слабая надежда на преемственность и процветание Матери-Церкви.

Вместе с христианскими даймё из стороны в сторону метались и другие, и равновесие между двумя лагерями постоянно нарушалось, так что никто не ведал доподлинно, на чьей стороне сила. Даже отец Алвито, самый осведомленный из европейцев, не мог сказать наверняка, кто из христианских даймё кого поддержит при открытом столкновении или какая группировка возьмет верх.

Он смотрел, как Торанага спускается с помоста, пробираясь через кольцо стражей.

– Добро пожаловать, господин Исидо. Пожалуйста, садитесь сюда. – Торанага показал на единственную подушку на помосте. – Мне хотелось бы, чтобы вам было удобно.

– Спасибо, не беспокойтесь, господин Торанага.

Исидо Кадзунари, худой, смуглый и очень сильный, был на год моложе Торанаги. Они враждовали давно. Восемьдесят тысяч самураев вокруг замка и в самой Осаке делали Исидо очень важной персоной, ибо под его началом состоял гарнизон и, следовательно, охрана наследника. Он был главнокомандующим армиями Запада, завоевателем Кореи, членом Совета регентов и формально (после тайко) главным инспектором войск всех даймё в стране.

– Спасибо, не беспокойтесь, – повторил он. – Мне было бы неловко устроиться с удобствами, когда вы терпите неудобства. Конечно, когда-нибудь я воспользуюсь вашей подушкой, но не сегодня.

Волна гнева прошла по рядам коричневых, когда они услышали эту скрытую угрозу, но Торанага ответил вполне дружелюбно:

– Вы пришли в подходящий момент. Я только что закончил разговаривать с чужеземцем. Цукку-сан, пожалуйста, скажите ему, чтобы он встал.

Священник выполнил приказание. Он чувствовал враждебность Исидо даже на расстоянии. Тот не только был противником христианства, но и презирал все европейское, хотел полностью оградить от него страну.

Исидо посмотрел на Блэкторна с заметным отвращением:

– Я слышал, что он безобразен, но не понимал насколько. Ходят слухи, что он пират. Это так?

– Без сомнения. И к тому же лжец.

– Тогда, прежде чем казнить, пожалуйста, отдайте его мне на полдня. Наследник, может быть, развлечется, увидев его голову. – Исидо грубо расхохотался. – Или обучит варвара танцевать, как медведя, тогда его можно будет выставить напоказ – чудище с востока.

Хотя это было верно, что Блэкторн, на диво всем, прибыл с востока – в отличие от португальцев, которые всегда приплывали с юга и поэтому назывались южными чужеземцами, – Исидо недвусмысленно намекал, что Торанага, который правит восточными провинциями, настоящее чудовище.

Но Торанага только улыбнулся, как будто не понял.

– Вы большой забавник, господин Исидо, – заметил он. – Я согласен: чем скорее будет уничтожен чужеземец, тем лучше. Он скучен, высокомерен, громогласен, со странностями, не представляет никакой ценности и плохо воспитан. Нага-сан, вели кому-нибудь отвести его в тюрьму к обычным преступникам. Цукку-сан, скажите ему, чтобы шел с ними.

– Капитан, вам следует пойти с этими людьми.

– Куда?

Отец Алвито заколебался. Он радовался, что победил, но его противник был смел и обладал бессмертной душой, которую все-таки следовало спасти.

– Вы будете находиться под стражей, – сообщил иезуит.

– Сколько времени?

– Не знаю, сын мой. Пока господин Торанага не решит, что делать с вами.

Глава 12

Проводив взглядом чужеземца, покидающего комнату, Торанага с сожалением переключился на более насущную проблему – Исидо.

Торанага решил не отпускать священника, зная, что это разозлит Исидо, хотя и был уверен, что дальнейшее присутствие иезуита представляет опасность. «Чем меньше знают чужеземцы, тем лучше, – думал он. – Использует ли Цукку-сан свое влияние на христианских даймё против меня или в моих интересах? До сегодняшнего дня я полностью доверял ему. Но в ходе беседы с этим капитаном возникали некоторые странности, которых я до конца не понял».

Исидо, умышленно не соблюдая обычных любезностей, сразу перешел к делу:

– Я снова должен спросить, каким будет ваш ответ Совету регентов?

– А я снова повторю: как глава Совета регентов я не вижу необходимости в каком-либо ответе. Произошло несколько незначительных семейных изменений, и все. Никакого ответа не требуется.

– Вы обручили вашего сына Нага-сана с дочерью господина Масамунэ, выдали одну вашу внучку за сына и наследника господина Дзатаки, а другую – за отпрыска господина Киямы. Все браки между правителями феодалов или их близкими родственниками имеют огромную важность и противоречат указам нашего господина.

– Наш покойный господин, тайко, вот уже год как умер. К несчастью. Да. Я сожалею о смерти моего шурина и предпочел бы, чтобы он был жив и все еще правил страной. – Торанага с удовольствием добавил, проворачивая нож в незажившей ране: – Если бы мой шурин был жив, без сомнения, он одобрил бы эти семейные узы. Его указы касались браков, которые угрожали его семье. Я не представляю угрозы для его семьи или семьи моего племянника Яэмона, наследника. Я удовлетворен своим положением властителя Канто. Я не ищу новых земель. Живу в мире с соседями и хочу сохранить согласие. Клянусь Буддой, я не нарушу мира первым!

В течение шести столетий государство обескровливали бесконечные междоусобицы. Тридцать пять лет назад мелкий даймё по имени Города овладел Киото, подстрекаемый Торанагой. За следующие два десятилетия этот воитель захватил половину Японии, нагромоздил горы трупов и провозгласил себя диктатором, хотя и не обрел могущества, достаточного, чтобы просить правящего императора пожаловать ему, состоящему в отдаленном родстве с кланом Фудзимото, титул сёгуна. Потом, шестнадцать лет назад, Города был убит одним из своих военачальников, и власть перешла в руки его главного вассала и блестящего полководца крестьянского происхождения Накамуры.

За четыре неполных года Накамура, которому помогали Торанага, Исида и другие, уничтожил потомков Города и распространил свою власть на всю Японию, впервые в истории подчинив себе целое государство. Во всем блеске славы он отправился в Киото поклониться императору Го-Нидзё, Сыну Неба. Как человек крестьянского рода, Накамура принял менее почетную, в сравнении с сёгуном, должность кампаку, канцлера, которую позднее передал сыну, став тайко. Но каждый даймё кланялся ему, даже Торанага. Невероятно, но на двенадцать лет наступил полный мир. И вот в прошлом году тайко умер.

– Клянусь Буддой, – повторил Торанага, – я не нарушу мира первым!

– Но отправитесь на войну?

– Мудрый человек всегда остерегается предательства, не так ли? Злонамеренные люди есть в каждой провинции. Некоторые из них занимают высокие посты. Мы оба знаем, сколь безраздельно предательство может воцариться в сердцах людей. – Торанага выпрямился. – Тайко оставил нам единое целое, но оно раскололось на мой Восток и ваш Запад. Совет регентов разделился. Даймё оказались лишними. Совет не в состоянии править даже полной слухами деревней, не говоря уже о целой стране. Чем скорее вырастет сын тайко, тем лучше. Чем скорее появится новый кампаку, тем лучше.

– Или, может быть, сёгун? – с намеком спросил Исида.

– Кампаку, или сёгун, или тайко, власть все одна и та же, – возразил Торанага. – Какую ценность имеет титул? Власть – вот что единственно важно. Города никогда не стал бы сёгуном. Накамура был

больше чем кампаку или тайко. Он правил страной, и это было главным. Что из того, что мой шурин происходил из крестьян? Что из того, что моя семья очень древняя? Вы военачальник, правитель, даже член Совета регентов.

«Это много значит, – подумал Исидо. – Ты знаешь это. Я знаю это. Каждый даймё знает это. Даже тайко знал».

– Яэмону семь лет. Через семь лет он станет кампаку. До того времени...

– Через восемь лет, господин Исидо. Таков наш древний закон. Когда моему племяннику исполнится пятнадцать, он станет взрослым и наследует титул. До этого срока мы, пять регентов, правим от его имени. Такова последняя воля нашего господина.

– Да. И он также приказал, чтобы регенты не брали заложников, строя козни друг против друга. Госпожа Отиба, мать наследника, находится в вашем замке в Эдо как залог вашей безопасности здесь, и это также нарушает его волю. Вы согласились выполнять его заветы, как все регенты. Даже подписали соглашение своей кровью.

Торанага вздохнул:

– Госпожа Отиба посетила Эдо, чтобы присутствовать при родах ее единственной сестры. Ее сестра замужем за моим единственным сыном и наследником. Место моего сына, пока я здесь, – в Эдо. Что может быть естественней, чем посетить сестру в такое время? Разве она не стоит того? Может быть, у меня появится первый внук, а?

– Мать наследника – первая госпожа в стране. Она не должна находиться... – Исидо собирался сказать «во вражеских руках», но передумал, – ...в неподобающем месте. – Он подождал, а потом добавил недвусмысленно: – Совет хотел бы, чтобы вы попросили ее вернуться домой сегодня же.

Торанага избежал ловушки:

– Я повторяю, госпожа Отиба не заложница и, следовательно, не выполняет мои приказы, и никогда не выполняла.

– Тогда позвольте мне поставить вопрос по-другому. Совет требует, чтобы она немедленно прибыла в Осаку.

– Кто этого требует?

– Я. Господин Сугияма, господин Оноси и господин Кияма. И мы все уговорились ждать ее возвращения в Осаку прямо здесь. Вот их подписи.

Торанага побагровел. До сих пор он настолько ловко манипулировал Советом, что голоса всегда разделялись в отношении два к трем. Он никогда не выигрывал у Исидо со счетом четыре к одному голосу, но и Исидо никогда не выигрывал у него. Четыре к одному означали изоляцию и гибель. Почему Оноси предал? И Кияма? Оба были непримиримыми врагами, даже до того, как перешли в чужеземную веру. И чем теперь их держит Исидо?

Исидо знал, что победил врага. Но для того чтобы победа была полной, требовалось сделать еще один шаг. Для этого он измыслил план, с которым согласился Оноси.

– Мы, регенты, согласны с тем, что пора покончить с желающими узурпировать верховную власть и убить наследника. Предатели должны быть приговорены. Они и все их потомки будут выставлены на всеобщее обозрение как презренные преступники, а после казнены. Фудзимото или Такасима, низкие родом или высокорожденные – не имеет значения. Даже Миновара!

Все самураи Торанаги задохнулись от гнева, оскорбленные неслыханным поруганием знатных фамилий, состоящих в родстве с императорским домом. Молодой самурай Усаги, сводный внук Хиромацу, вскочил на ноги, покраснев от злости. Он вытащил свой боевой меч и бросился на Исидо, занеся обнаженное лезвие над головой двумя руками.

Исидо приготовился к смерти и не сделал ни одного движения, чтобы защититься. Именно это он и задумал, надеялся, что так и произойдет, даже приказал своим людям не вмешиваться, пока его не убьют. Если он, Исидо, будет зарублен здесь, сейчас самураем Торанаги, весь гарнизон Осаки сможет с полным основанием напасть на Торанагу и убить его, позабыв про заложницу. Тогда госпожа Отиба будет уничтожена в отместку сыновьями Торанаги, и регентам придется всем вместе выступить против клана Ёси, который, оставшись один на один с врагами, погибнет. Только тогда появится надежда, что наследник и его потомки уцелеют и он, Исидо, выполнит свой долг перед тайко.

Но удара не последовало. В последнее мгновение Усаги пришел в себя и, весь дрожа, вложил меч в ножны.

– Прошу прощения, господин Торанага, – сказал он, низко кланяясь. – Я не мог вынести позора, который был нанесен вам такими

оскорблениями. Я прошу разрешения немедленно совершить сэппуку, так как не могу жить с этим бесчестьем.

Хотя Торанага остался неподвижен, он был готов помешать удару и знал, что Хиромацу готов к этому, что другие готовы тоже и что Исидо, возможно, будет только ранен. Он понимал также, почему Исидо повел себя так оскорбительно и вызывающе. «Я отплачу тебе за это, и сполна, Исидо», – про себя пообещал он.

Торанага обратил внимание на коленопреклоненного юношу:

– Как ты осмелился предположить, что слова какого-то господина Исидо могут хоть в какой-то мере оскорбить меня?! Конечно, ему не следовало быть таким невежливым. Как осмелился ты подслушать разговоры, которые тебя не касаются! Нет, тебе не дозволяется совершить сэппуку. Это честь. У тебя нет чести, нет власти над собой. Ты будешь распят как обычный преступник сегодня же. Твой меч сломают и заруют в деревне *эта*. Твоего сына похоронят в деревне *эта*. Твою голову насадят на пику, чтобы каждый мог посмеяться, читая надпись: «Этот человек был рожден самураем по ошибке. Его имени больше не существует!»

Огромным усилием воли Усаги сдерживал дыхание, но капли пота падали непрерывно, его мучил стыд. Он поклонился Торанаге, принимая свою судьбу с внешним спокойствием.

Хиромацу вышел вперед и сорвал оба меча с пояса родственника.

– Господин Торанага, – произнес он мрачно, – с вашего разрешения, я лично прослежу, чтобы эти приказы были выполнены.

Торанага кивнул.

Юноша поклонился в последний раз, потом хотел встать, но Хиромацу толкнул его обратно на пол.

– Ходят самураи, – прорычал он. – Так делают мужчины. Но ты не мужчина. Ты будешь ползти к своей смерти.

Усаги молча повиновался.

Все были тронуты самообладанием юноши и его мужеством. «Он снова родится самураем», – сказали они про себя, довольные им.

Глава 13

В ту ночь Торанага не мог спать. С ним такое бывало редко, ибо обычно он умел отложить самые насущные заботы до завтра, зная, что если встретит живым следующий день, то сможет справиться с ними лучшим образом. Он уже давно установил, что спокойный сон способен дать ключ к самой сложной головоломке, а если нет, то чего беспокоиться? Разве жизнь – это не капля росы в капле росы?

Но сегодня ночью нужно было обдумать многое.

Что делать с Исидо?

Почему Оноси перешел на сторону врага?

Как быть с Советом?

Не вмешиваются ли опять христианские священники в чужие дела?

Откуда будет исходить следующая попытка убийства?

Когда разделаться с Ябу?

Как поступить с чужеземцем?

Сказал ли он правду?

Любопытно, что чужеземец приплыл с востока именно теперь. Это предзнаменование? Или такова его *карма* – стать искрой, которая подожжет пороховую бочку?

Индийское слово «карма», воспринятое японцами вместе с буддийской философией, означало земной путь человека, его судьбу, которая зависела от поступков, совершенных в предыдущем рождении: хорошие дела позволяли подняться на более высокий уровень бытия, плохие – толкали вниз. И так в каждом последующем воплощении. Человек заново рождался в этом мире слез, пока, терпеливо снося страдания, не становился совершенным и сходил в *нирвану* – идеальный мир, чтобы уже не претерпевать мук нового воплощения.

«Странно, что Будда, или другой бог, или, может быть, просто карма привели Андзин-сана во владения Ябу. Странно, что корабль прибило к берегу возле той деревни, где Мура, глава тайной шпионской сети в Идзу, осел много лет назад под самым носом тайко и сифилитичного отца Ябу. Странно, что здесь, в Осаке, оказался Цуккусан, переводчик, который обычно живет в Нагасаки. А также главный

священник христиан и португальский генерал-капитан. Странно, что капитан Родригес с готовностью вызвался плыть с Хиромаци в Андзиро – как раз вовремя, чтобы захватить чужеземца живым и заполучить ружья. Теперь там Касиги Оми, сын человека, который принесет мне голову Ябу, если только я пошевелю пальцем.

Как красива жизнь и как печальна! Как быстротечна – ни прошлого, ни будущего, одно бесконечное *сейчас*».

Торанага вздохнул. Одно очевидно: чужеземец никогда отсюда не уедет. Ни живым, ни мертвым. Он теперь навеки часть государства.

Уловив приближение почти беззвучных шагов, Торанага потянулся к мечу. Каждую ночь в произвольном порядке он менял спальню, охрану и пароли, пытаясь обезопасить себя от убийц, которых все время ожидал. Шаги затихли перед сёдзи с наружной стороны. Он услышал голос Хиромаци и начало пароля:

– «Если истина уже открылась, какая польза в медитации?»

– «А если истина скрыта?» – спросил Торанага.

– «Она уже ясна», – ответил Хиромаци как положено. Это было изречение древнего буддийского учителя Сарахи.

– Войди.

Только убедившись, что пожаловал и правда его советник, Торанага опустил меч.

– Садись.

– Я слышал, что вы не спите. И подумал, вам может что-то потребоваться.

– Нет. Спасибо. – Торанага заметил, как углубились морщины вокруг глаз старика. – Я рад, что ты здесь, старый друг, – сказал он.

– Вы уверены, что все нормально?

– О да.

– Тогда я оставлю вас. Извините, что побеспокоил, господин.

– Нет, пожалуйста, войди. Я рад, что ты здесь. Садись.

Старик сел около двери, выпрямив спину:

– Я удвоил охрану.

– Хорошо.

Немного помолчав, Хиромаци продолжал:

– Относительно этого сумасшедшего – все сделано, как вы приказали. Все.

– Спасибо.

– Его жена, моя внучка, как только услышала приговор, попросила разрешения покончить с собой, чтобы сопровождать своего мужа и ее сына в «великую пустоту». Я отказал и велел ей дожидаться вашего разрешения. – Душа Хиромачу истекала кровью. Как ужасна жизнь!

– Ты поступил правильно.

– Я прошу разрешения покончить с жизнью. В том, что он подверг вас смертельной опасности, есть и моя вина. Я должен был предвидеть, что он не годится для такой службы. Это моя вина.

– Ты можешь не совершать сэппуку.

– Пожалуйста. Я прошу.

– Нет, ты нужен мне живым.

– Я повинуюсь вам. Но пожалуйста, примите мои извинения.

– Твои извинения приняты.

Через некоторое время Торанага спросил:

– Что с этим чужеземцем?

– Много чего, господин. Во-первых, если бы вы не ждали его, то сегодня выехали бы с рассветом и Исидо никогда бы не загнал вас в ловушку. Теперь у вас нет иного выбора, кроме как объявить Исидо войну – если вы сможете выбраться из замка и вернуться в Эдо.

– Во-вторых?

– И в-третьих, и в-сорок-третьих, и в-сто-сорок-третьих? Я не так умен, как вы, господин Торанага, но даже я догадался, что все, в чем нас хоть отчасти убедили южные варвары, неверно. – Хиромачу был рад поговорить: это помогало унять боль. – Но если есть две христианские религии, враждебные друг другу, и если Португалия подвластна более крупной испанской нации, и если страна этого нового чужеземца воюет с ними двумя и побеждает их, и если это такое же островное государство, как наше, и, самое главное, если он говорит правду, и если священник точно переводил все слова чужеземца... Ну, вы можете сложить все эти «если», оценить их и составить план. Я не могу, так что простите. Я знаю только то, что видел в Андзиро и на борту корабля. Этот Андзин-сан очень крепок умом и духом, хотя и слаб телом – пока, из-за длительного путешествия, – и в море он командир. Я совершенно его не понимаю. Как можно быть таким человеком и позволить кому-то мочиться себе на спину? Почему он пришел на выручку Ябу после того, что тот сделал с ним, почему спас жизнь другому своему врагу, этому

португальцу Родригу? Голова идет кругом от такого количества вопросов, словно я пьян. – Хиромацу умолк: он очень устал. – Думаю, нам следует держать на берегу его и ему подобных, если они приплывут, а потом убить их всех без промедления.

– А что с Ябу?

– Прикажите ему совершить сэппуку сегодня вечером.

– Почему?

– Он плохо воспитан. Вы предсказали, как он поведет себя, когда я приеду в Андзиро. Он собирался украсть вашу собственность. И он лжец. Не встречайтесь с ним завтра, как хотели. Позвольте мне сейчас же передать ему этот приказ. Вам придется убить его рано или поздно. Лучше теперь, когда он рядом, без своих вассалов. Я советую не медлить.

Раздался тихий стук во внутреннюю дверь.

– Тора-тян?

Торанага улыбнулся, как улыбался всегда при звуках этого совершенно особого голоса, звучащего так успокаивающе.

– Да, Кири-сан?

– Я взяла на себя смелость, господин, принести зеленого чая вам и вашему гостю. Пожалуйста, разрешите мне войти.

– Да.

Мужчины ответили на ее поклон. Кири закрыла дверь и занялась разливанием чая. Пятидесятитрехлетняя Кирицубо-но Тосико, а попросту Кири, была кем-то вроде первой статс-дамы при дворе Торанаги, самой старшей из всех. Ее волосы уже седели, талия располнела, но лицо сияло вечной радостью.

– Вам не следовало просыпаться, особенно в это время ночи, Тора-тян! Скоро уже рассвет, и, полагаю, вы поедете на охоту в горы с вашими соколами, не так ли? Вам нужно поспать!

– Да, Кири-тян! – Торанага с чувством похлопал ее по широкой спине.

– Пожалуйста, не зовите меня Кири-тян! – засмеялась Кири. – Я старая женщина и заслуживаю того, чтобы мне оказывали уважение. Мало мне хлопот с другими вашими дамами. Кирицубо-Тосико-сан, если вы будете так добры, господин мой Ёси Торанага-но Тикитада!

– Вот видишь, Хиромацу. И спустя двадцать лет она все еще пытается командовать мной.

– Извините, но минуло уже более тридцати лет, Тора-сама, – поправила она гордо. – И вы тогда были такой же послушный, как и теперь!

В двадцать лет Торанага оказался в заложниках у деспотического правителя Икавы Тададзаки, господина Суруги и Тотоми, отца Икавы Дзикю, врага Ябу. Самурай, который приглядывал за Торанагой, только что взял вторую жену – Кирицубо. Ей было тогда семнадцать лет. И этот самурай, и Кири, его жена, с большим уважением относились к Торанаге, давали ему мудрые советы, и потом, когда тот восстал против Тададзаки и присоединился к Городе, недавний надзиратель примкнул к ним с большим войском и смело сражался на их стороне. Позже в сражении за столицу муж Кири был убит. Торанага спросил ее, не станет ли она одной из его наложниц, и Кири с радостью приняла это предложение. В те годы она еще не расплылась, но была такой же заботливой и умной. Ей тогда исполнилось девятнадцать, ему – двадцать четыре, и она стала душой его дома. Очень проницательная и способная, Кири многие годы вела его хозяйство, храня своего господина от бед и огорчений.

«Настолько, насколько это по силам женщине», – подумал Торанага.

– Ты толстеешь, – заметил он, словно для нее это была новость.

– Господин Торанага! Перед господином Тодой! О, простите, я должна совершить сэппуку – или, по крайней мере, обрить голову и уйти в монастырь. А я-то думала, что по-прежнему молоденькая и стройная! – Она расхохоталась. – Ну ладно, я толстозадая, но что поделаешь? Просто я люблю поесть – такова воля Будды и моя карма, не так ли? – Она подала чай. – Вот. Теперь я ухожу. Может, прислать госпожу Садзуко?

– Нет, моя предусмотрительная Кири-сан, нет, спасибо тебе. Мы немного поговорим, и я лягу спать.

– Спокойной ночи, Тора-сама! Приятного сна без сновидений. – Она поклонилась ему и Хиромацу и вышла.

Они попробовали чай. Торанага сказал:

– Я частенько жалею, что у нас нет сына, у Кири-сан и меня. Однажды она забеременела, но не выносила. Это было в пору битвы при Нагакудэ.

– Ах вот оно что!

– Да.

Это случилось как раз после того, как диктатор Города был умерщвлен, а Накамура – будущий тайко – пытался прибрать к рукам всю власть. Какой поворот примут события, представлялось неясным, ибо Торанага поддержал одного из сыновей Города, законного наследника. Накамура атаковал Торанагу около деревушки Нагакудэ и нанес ему поражение. Преследуемый армией Накамуры, которой командовал Хиромацу, Торанага с большим искусством отступил и сумел избежать новой ловушки. Уйдя в родные провинции, он сохранил армию, готовую к новой битве. У Нагакудэ погибло пятьдесят тысяч человек, и людей Торанаги среди них оказалось немного. К чести будущего тайко, надо сказать, что он прекратил войну против Торанаги, хотя и мог ее выиграть. Битва при Нагакудэ была единственной, которую проиграл тайко, а Торанага, единственный из военачальников, сумел победить его.

– Я рад, что мы никогда не встречались в битве, господин, – произнес Хиромацу.

– Да.

– Вы бы победили.

– Нет. Тайко был самым великим из полководцев и мудрейшим, искуснейшим из всех.

Хиромацу улыбнулся:

– Да. За исключением вас.

– Нет. Ты не прав. Вот поэтому я и стал его вассалом.

– Я сожалею, что он умер.

– Да.

– И Города – он был прекрасным человеком, не так ли? Столько хороших людей погибло. – Хиромацу непроизвольно повернулся и покрутил свои потертые ножны. – Вы должны выступить против Исида. Это вынудит каждого даймё выбрать, на чьей стороне воевать, раз и навсегда. Мы быстро победим. Тогда вы сможете разогнать Совет и стать сёгуном.

– Я не стремлюсь к этой чести, – отрезал Торанага. – Сколько раз тебе говорить?

– Прошу прощения, господин. Но я чувствую, что так было бы лучше всего для Японии.

– Это измена.

– Кому, господин? Измена тайко? Он мертв. Его последней воле? Это только кусок бумаги. Мальчишке Яэмону? Яэмон – сын крестьянина, узурпировавшего власть, присвоившего наследство военачальника, которого он погубил. Мы были союзниками Города, потом – вассалами тайко. Да. Но они оба мертвы.

– Ты бы посоветовал подобное, если бы был одним из регентов?

– Нет. Но я не один из регентов и очень этому рад. Я только ваш вассал. Я выбрал свое место год назад. И сделал это свободно.

– Почему? – Торанага никогда раньше не спрашивал об этом.

– Потому что вы – человек, потому что вы – Миновара и потому что вы поступаете умно. То, что вы сказали Исидо, правда: не такой мы народ, чтобы нами управлял Совет. Нам нужен вождь. Кому из пяти регентов мог я служить? Господину Оноси? Да, он очень мудрый человек и хороший воин. Но он христианин, и он болен проказой, гниет заживо, так что смрад распространяется на пятьдесят шагов. Господину Сугияме? Он самый богатый даймё в стране и такого же древнего рода, как и вы. Но он трусливый ренегат, изменник – уж мы-то знаем. Господину Кияме? Умный, смелый, искушенный в делах войны и старый товарищ. Но он тоже христианин, а у нас, на Земле богов, я думаю, достаточно своих небожителей, чтобы поклоняться одному чужому. Исидо? Я не люблю эту подлую крестьянскую падаль, с тех пор как узнал его, и если до сих пор не убил его, так только потому, что он был верным псом тайко. – Его жесткое лицо расплылось в улыбке. – Так что вы видите, Ёси Торанага-но Миновара, у меня не было другого выбора.

– А если я не последую твоему совету? Если я заставлю плясать под свою дудку Совет регентов, даже Исидо, и приведу Яэмона к власти?

– Что бы вы ни сделали, это будет разумно. Но все регенты хотят вашей смерти. Это верно. Я выступаю за немедленную войну. Немедленную. Прежде чем они отступятся. Или, что более вероятно, убьют вас.

Торанага задумался о своих врагах. Они были сильны и многочисленны.

Возвращение в Эдо заняло бы у него три недели, если бы он двинулся по Токайдо, главному тракту, тянувшемуся вдоль побережья между Эдо и Осакой. Плыть на корабле было опаснее и, может быть,

дольше, при условии, что он не воспользуется галерой, которая способна идти против ветра и приливов.

Торанага мысленно опять обратился к плану, который уже продумал. Он не мог найти в нем изъянов.

– Вчера мне сообщили по секрету, что мать Исидо посетила своего внука в Нагое, – сказал он, и Хиромацу сразу обратился в слух. Нагоя – огромный город-государство – еще не присоединился ни к одной стороне. – Необходимо, чтобы настоятель храма Дзёдзи пригласил госпожу полюбоваться цветением вишни.

– Немедленно, – подхватил Хиромацу. – Голубиной почтой. – Храм Дзёдзи был известен тремя вещами: аллеей вишневых деревьев, воинственностью своих монахов, исповедующих дзен-буддизм, и открытой, неумирающей верностью Торанаге, который много лет назад оплатил строительство храма и с тех пор следил за его содержанием. – Самый разгар цветения прошел, но она будет там завтра. Я не сомневаюсь, что почтенная госпожа захочет остаться при храме на несколько дней, – это так успокаивает. Ее внук должен отправиться с ней, да?

– Нет, только она. Иначе приглашение настоятеля покажется подозрительным. Дальше: отправь тайное послание моему сыну Сударе, что я покину Осаку, как только Совет регентов закончит свою работу, – через четыре дня. Пошли весточку с гонцом, а завтра – еще и с почтовым голубем.

Недовольство Хиромацу было очевидным.

– Тогда не стоит ли мне собрать сразу десять тысяч человек? В Осаке?

– Нет. Людей здесь достаточно. Спасибо, старый друг. Думаю, я теперь сосну.

Хиромацу встал и расправил плечи. Потом, уже от дверей, спросил:

– Я могу передать Фудзико, моей внучке, разрешение покончить с собой?

– Нет.

– Но Фудзико – самурай, господин, и вы знаете, как матери относятся к своим детям. Ребенок был ее первенцем.

– Фудзико может иметь еще много детей. Сколько ей лет? Восемнадцать – только что исполнилось девятнадцать? Я найду ей

другого мужа.

Хиромацу покачал головой:

– Она его не примет. Я слишком хорошо ее знаю. Это ее сокровеннейшее желание – покончить с жизнью. Пожалуйста!

– Скажи своей внучке, что я не одобряю бесполезную смерть. В прощении отказано.

Через некоторое время Хиромацу поклонился и собрался уходить.

– Сколько времени протянет этот чужеземец в тюрьме? – спросил Торанага.

Хиромацу не обернулся.

– Это зависит от того, насколько он свирепый боец.

– Благодарю тебя. Спокойной ночи, Хиромацу! – Удостоверившись, что остался один, он тихо произнес: – Кири-сан?

Внутренняя дверь открылась, она вошла и встала на колени.

– Немедленно пошли сообщение Сударе: «Все хорошо». Пошли с самыми быстрыми почтовыми голубями. Выпусти трех на рассвете одновременно. И еще трех – в полдень.

– Да, господин. – Она ушла.

«Один пробьется, – подумал он. – По крайней мере четыре станут жертвой стрел, шпионов, ястребов. Но если Исидо не разгадал значения условных слов, послание ничего ему не скажет».

Условные слова держались в секрете. Их знали всего четыре человека: старший сын Торанаги, Нобору, его второй сын и наследник Судара, Кири и сам Торанага. Послание означало: «Не обращать внимания на все остальные сообщения. Действовать по уговору пять». Это подразумевало, что надо немедленно собрать всех предводителей клана Ёси и их самых доверенных тайных советников в столице Торанаги Эдо и готовить войско к войне. Условными словами для войны были «малиновое небо». Убийство или пленение Торанаги делали неминуемым «малиновое небо», а стало быть, внезапное нападение на Киото всех его войск под водительством Судары, который должен был захватить город и марионетку-императора. Предполагалось, что одновременно в пятидесяти провинциях вспыхнут втайне подготовленные восстания, замысел которых лелеялся годами. Все цели: перевалы, города, замки, мосты – были давно выбраны. Не ощущалось недостатка в оружии, людях и планах, как это лучше сделать.

«Это хороший замысел, – думал Торанага. – Но он не удастся, если реализовывать его буду не я. Судара проиграет. Не из-за бесшабашности, недостатка мужества, ума или из-за измены. Просто Сударе не хватит опыта и знаний, он не сможет увлечь за собой тех даймё, что еще колеблются. А также потому, что на его пути станут Осацкий замок и наследник Яэмон – хороший повод для вражды и ревности, которые накопились за пятьдесят два года войны».

Война для Торанаги началась, когда его, шестилетнего, взяли в заложники. Несколько раз его захватывали и выпускали, выпускали и захватывали – и так до двенадцати лет. В двенадцать он повел свой первый отряд и выиграл первый бой.

Так много битв, ни одной не проиграно. Но сколько врагов... И теперь они объединились.

«Судара проиграет. Возможно, ты единственный, кто может победить после объявления „малинового неба“. Тайко смог бы, конечно. Но лучше не доводить дело до „малинового неба“».

Глава 14

Для Блэкторна это был адский рассвет. Ему пришлось сойтись в смертельной схватке с заключенными. Бой шел за миску каши. Оба противника были обнажены. Когда арестанта помещали в огромную одноэтажную деревянную ячейку-блок, его одежду отбирали. Одетый человек занимал больше места и мог скрыть оружие под платьем.

Мрачное и душное помещение – пятьдесят шагов в длину и десять в ширину – было набито голыми потными японцами. Слабый свет сочился в щели между досками и балками, из которых сколотили стены и низкий потолок.

Блэкторн едва мог стоять прямо. Его кожа была исполосована сломанными ногтями соперника и усажена занозами. Вконец осатанев, он боднул врага в переносицу, схватил за горло и стал бить его головой о балки, пока тот не потерял сознание. Тогда он отбросил тело в сторону и, протиснувшись через потную людскую массу к месту в углу, которое наметил для себя, приготовился отразить новые атаки.

На рассвете наступило время кормежки, и стража начала передавать миски с кашей и водой через маленькое отверстие. Впервые с тех пор, как он попал сюда на исходе прошлого дня, заключенным дали еду и питье. Выстроившиеся для получения пайки были необычно спокойны. Любое нарушение порядка грозило отказом в пище. Потом обезьяноподобный субъект – небритый, грязный, завшивленный – оттолкнул Блэкторна и забрал его порцию, пока другие ждали, что произойдет. Но за плечами у Блэкторна было слишком много матросских драк, чтобы его удалось одолеть одним предательским ударом. Изобразив на мгновение беспомощность, он яростно лягнул японца, и бой начался. Теперь, сидя в углу, Блэкторн, к своему удивлению, обнаружил, что один из товарищей по несчастью предлагает ему кашу и воду, которые он посчитал уже безвозвратно потерянными. Он принял миски и поблагодарил доброхота.

Углы считались в узилище самым удобным местом. Балки, проложенные вдоль земляного пола, делили темницу на две части. В каждой части умещалось по три ряда людей: два лицом друг к другу, а спинами к стене или брусу; еще один – между ними. В центральном

ряду сидели только слабые и больные. Когда узники поздоровее в наружных рядах хотели вытянуть ноги, они клали их на бедаг в середине.

Блэкторн заметил два трупа, раздутых и засиженных мухами, в одном из средних рядов. Но ослабевшие и умирающие люди вокруг, казалось, не видели их.

Он не мог разглядеть ничего в дальних концах мрачного тюремного барака, где застоялся спертый, удушливый воздух. Солнце уже вовсю пекло дерево. Запах стоял ужасный – не столько из-за параш, сколько из-за того, что больные испражнялись под себя или там, где сидели в согбенном положении.

Время от времени стража открывала железную дверь и выкликала имена. Люди кланялись товарищам, уходили, но вскоре на их место приводили других. Все узники, казалось, смирились со своей участью и пытались, как могли, жить в мире с ближайшими соседями.

Одного японца около стены начало тошнить. Он быстро был вытолкнут в средний ряд, где сидел согнувшись, наполовину задавленный положенными на него ногами.

Блэкторн закрыл глаза и попытался преодолеть ужас и клаустрофобию. «Негодяй Торанага! Затащить бы тебя в такое место на денек! И эти ублюдки-стражники!» Прошлой ночью, когда ему было приказано раздеться, он дрался с ними вопреки горькому сознанию беспомощности, понимая, что его избьют, дрался только потому, что не привык сдаваться. И в конце концов его силой забросили в эту дверь.

Четыре тюремных блока-ячейки располагались на краю города, на мощеном участке земли, обнесенном высокими каменными стенами. За стенами на огороженной канатами утрамбованной площадке около реки высилось пять крестов. Обнаженные мужчины и одна женщина были привязаны к крестам за запястья и щиколотки, и, шагая по периметру за самураями-часовыми, Блэкторн увидел, как палач под смех толпы наискось втыкает длинные пики в грудные клетки казнимых. Потом этих пятерых сняли с крестов, а на их место подвесили других. Вышел самурай и мечом изрубил трупы на куски, заходясь хриплым хохотом.

«Кровавые подонки, гнусные негодяи!»

Между тем японец, с которым подрался Блэкторн, пришел в сознание. Он лежал в среднем ряду. На одной стороне лица запеклась кровь, нос был раздроблен. Внезапно он прыгнул на Блэкторна, ничего не замечая на своем пути.

Блэкторн, застигнутый врасплох, с большим усилием отбил бешеную атаку и свалил здоровяка. Заключенные, на которых тот упал, закричали, возмущаясь, а один из них, огромный, бульдожьего сложения, рубанул возмутителя спокойствия по шее ребром ладони. Раздался сухой щелчок, и голова обезьяноподобного свесилась набок.

Похожий на бульдога человек поднял полуобритую голову за жидкий, усеянный гнидами чуб и отпустил. Взглянув на Блэкторна, он произнес что-то гортанное, улыбнулся, показав беззубые десны, и пожал плечами.

– Спасибо, – сказал Блэкторн, успокаивая дыхание и как никогда сожалея, что не владеет искусством рукопашного боя, подобно Муре. – Мое имя Андзин-сан, – добавил он, указывая на себя. – А твое?

– *А, со дэс!* Андзин-сан. – Бульдог ткнул себя в грудь и вдохнул воздух. – Миникуй.

– Миникуй-сан?

– *Хай*, – произнес японец и завернул длинную фразу на родном языке.

Блэкторн устало пожал плечами:

– *Вакаримасэн*. Я не понял.

– *А, со дэс!* – Бульдог кратко и быстро переговорил с соседями. Потом опять пожал плечами, как и Блэкторн. Они подняли мертвеца и положили его рядом с другими. Когда они вернулись в свой угол, их места были не заняты.

Большинство заключенных спало или отчаянно пыталось уснуть.

Блэкторн изнывал от грязи, ужаса и близости смерти. «Не беспокойся, тебе еще далеко до смерти... Нет, я долго не продержусь в этой адской яме. Здесь слишком много народу. О Боже, помоги мне выйти отсюда! Почему все плывет вверх и вниз, и Родригес выныривает из глубины с клешнями вместо глаз? Я не могу дышать, не могу... Я должен выбраться отсюда. Пожалуйста, пожалуйста, не подкидывайте больше дров в огонь! Что ты делаешь здесь, Крок, приятель? Я думал, они освободили тебя и ты вернулся в деревню, а теперь мы оба в деревне. А как я оказался здесь? Здесь так прохладно.

И что это за девушка, такая хорошенькая, внизу под досками? Почему они тащат ее к берегу, голые самураи? Там еще этот Оми... смеется... Почему на песке внизу кровавые отметки? Все голые... я голый... ведьмы... крестьяне... дети... котел, и мы в котле... О нет, не надо больше дров! Не надо больше дров! Я утону в жидкой грязи. О Боже, о Боже, о Боже, я умираю, умираю, умираю... „Во имя Отца, Сына и Святого Духа“. Это последнее причастие, ты католик, мы все католики, и ты сгоришь или утонешь в моче и сгоришь в огне, в огне, в огне...»

Он вытащил себя из кошмара, его слух уловил слова последнего напутствия. Какое-то время Джон не мог понять, бодрствует он или спит, потому что не поверил своим ушам, снова услышав благословение на латыни, и тут его недоверчивому взгляду предстало морщинистое, дряхлое пугало – старик европейской наружности брел по среднему ряду в пятнадцати шагах от Блэкторна. Беззубый, в грязной, поношенной хламиде, с длинной сальной гривой, спутанной бородой и сломанными ногтями. Он поднял тощую длань, больше похожую на когтистую лапу хищника, и вознес деревянный крест над мертвецом, погребенным под телами. Луч солнца осветил его на мгновение. Закрыв усопшему глаза, он пробормотал молитву, осмотрелся и увидел, что Блэкторн таращится на него.

– Мать Божья, это мне чудится? – прокаркал он, крестясь, на корявом, грубом испанском, выдававшем в нем выходца из крестьянской среды.

– Нет, – успокоил Блэкторн по-испански. – Кто вы?

Старик ощупью пробирался дальше, бормоча что-то себе под нос. Заключение давали ему пройти, ни словом, ни жестом не протестуя, когда он наступал на кого-нибудь или перешагивал через них. Слезающиеся глаза воззрились на Блэкторна с изможденного, усаженного бородавками лица.

– О Святая Дева, живой. Кто вы? Я... Я брат... брат Доминго... Доминго... Доминго из священного... священного ордена святого Франциска... ордена... – В его речи японские слова мешались с латынью и испанским. Голова подергивалась, и он все время вытирал струйку слюны, которая сбегала из уголка рта по подбородку. – Сеньор действительно живой?

– Да, я живой на самом деле. – Блэкторн поднялся.

Монах еще раз помянул Святую Деву, слезы текли по его щекам. Он снова поцеловал свой крест и завертел головой, высматривая, куда бы опуститься на колени. «Бульдог» потряс своего соседа, заставляя его проснуться. Оба сели на корточки, освободив место для священника.

— Клянусь благословенным святым Франциском, мои молитвы услышаны. Ты, ты, ты... я думал, что у меня видения, сеньор, что вы призрак. Да, дьявольский дух. Я видел так много, так много... Сколько вы здесь, сеньор? Здесь трудно что-либо рассмотреть в темноте, и мои глаза не так хороши... Сколько времени вы здесь?

— Со вчерашнего дня, а вы?

— Я не знаю, сеньор. Давно. Меня посадили сюда в сентябре, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году от рождения нашего Господа.

— Сейчас май. Тысяча шестисотый год.

— Тысяча шестисотый?

Стон отвлек внимание монаха. Он встал и двинулся через тела как паук, ободряя одного там, трогая другого здесь, бегло утешая их японски. Он не мог найти умирающего, поэтому исполнил весь ритуал в той части узилища и благословил всех, и никто не возражал.

— Иди со мной, сын мой.

Не дожидаясь, монах захромал дальше сквозь массу людей в темноту. Блэкторн колебался, не желая оставлять свое место. Потом встал и последовал за испанцем. Через десять шагов он оглянулся. Его место уже заняли. Казалось невероятным, что он когда-то сидел там.

Он продолжал идти по бараку. В дальнем углу нашлось, как ни странно, свободное место. Как раз достаточно для того, чтобы улечься небольшому человеку. Там было несколько горшков, чашек и старый соломенный мат.

Окружающие японцы молча наблюдали за ними, дав пройти Блэкторну.

— Это моя паства, сеньор. Они все дети благословенного Господа нашего Иисуса. Я их так много здесь обратил — это Хуан, а здесь Марк и Мафусаил... — Священник остановился перевести дыхание. — Я так устал. Устал. Я... должен, я должен... — Его голос затих, и он уснул.

В сумерках принесли еду. Когда Блэкторн собрался встать, один из японцев сделал ему знак оставаться на месте и принес доверху

наполненную чашку. Другой человек мягко потряс священника, чтобы тот проснулся и поел.

– *Иэ*, – сказал старик и, качая головой и улыбаясь, протянул миску обратно.

– *Иэ, Фарддах-сама.*

Священник дал себя уговорить и поел немного, потом встал, его суставы хрустнули. Он протянул свою миску одному из тех, кто был в среднем ряду. Этот человек приложил руку священника к своему лбу, и тот его благословил.

– Я так рад повидать хоть кого-то из своих, – произнес священник, садясь опять около Блэкторна, его крестьянский голос был низким и сиплым. Он с усилием показал рукой в дальний угол камеры. – Кто-то из моей паствы сказал, что сеньора называют «капитан», «андзин». Сеньор – капитан?

– Да.

– Здесь есть кто-нибудь еще из команды сеньора?

– Нет. Я один. Почему вы здесь?

– Если сеньор один – он прибыл из Манилы?

– Нет. Я никогда не бывал в Азии, – проговорил Блэкторн. Его испанский был превосходен. – Это мое первое плавание в эти края. Я... Я был на чужбине. Почему вы здесь?

– Иезуиты заточили меня сюда, сын мой. Иезуиты и их мерзкая ложь. Сеньор был в чужих краях? Вы не испанец, нет, и не португалец... – Монах подозрительно всмотрелся в него, и Блэкторна обдало зловонным дыханием. – Корабль был португальским? Скажите мне правду, ради Бога!

– Нет, отец. Корабль был не португальский. Богом клянусь!

– О Благословенная Дева, благодарю тебя! Пожалуйста, простите меня, сеньор. Я боюсь – я старый человек, глупый и больной. Ваш корабль был испанский, откуда? Я так рад! Откуда вы, сеньор? Из испанской Фландрии? Или из герцогства Бранденбургского, может быть? Откуда-нибудь из наших доминионов в Германии? О, так хорошо поговорить наконец на языке моей благословенной матери! Сеньор, так же как и мы, потерпел кораблекрушение? А потом был подло брошен в тюрьму, оклеветанный этими дьявольскими иезуитами? Мой Бог проклинает их за грех измены! – Его глаза

вспыхнули яростью. – Сеньор сказал, что он никогда не был в Азии раньше?

– Нет.

– Если сеньор никогда не был в Азии раньше, то он тут как ребенок в дремучем лесу. Да, об этих краях много чего можно порассказать! Сеньор знает, что иезуиты – только торговцы, незаконно ввозящие оружие и занимающиеся ростовщичеством? Что они заправляют здесь всей торговлей шелком, всей торговлей с Китаем? Что ежегодно отправляемый черный корабль стоит миллион золотом? Что они вынудили его святейшество папу отдать им всю власть над Азией – им и их псам, португальцам? Что все другие монашеские ордена здесь запрещены? Что иезуиты имеют здесь дело только с золотом, покупая и продавая ради наживы – своей и варваров – против прямых приказов его святейшества папы Климента, короля Филиппа и против законов этой страны? Что они контрабандой ввозят оружие в Японию для христианских князей, подстрекая их к мятежу? Что они вмешиваются в политику и сводничают для князей, лгут и мошенничают, лжесвидетельствуют против нас? Что их настоятель отправил секретное послание испанскому вице-королю на Лусон с просьбой прислать конкистадоров для завоевания страны – они просили о вторжении, чтобы исправить свои просчеты. Все наши несчастья могут быть отнесены на их счет, сеньор. Иезуиты лгут, мошенничают и вредят нашему любимому королю Филиппу! Их ложь привела меня сюда и обрекла на казнь двадцать шесть святых отцов. Они думают, что если я вышел из крестьян, то ничего не понимаю... но я могу читать и писать, сеньор, я могу читать и писать! Я был одним из секретарей его превосходительства, вице-короля. Они думают, что мы, францисканцы, не понимаем... – Он вдруг опять перешел на напыщенную смесь испанского и латыни.

Настроение у Блэкторна поднялось, его любопытство возрастало с каждым словом священника. Что за оружие? Что за золото? Какая торговля? Какой еще черный корабль? Миллион? Что за вторжение? Какие христианские князья?

«А хорошо ли ты делаешь, что обманываешь бедного больного старика? – спросил он себя. – Он думает, что ты его друг, а не враг. Я не лгал ему. Но разве не дал понять, что ты его друг? Я отвечал ему прямо. Но ты ничего не предложил? Нет. Это честно? Когда хочешь

выжить во враждебных водах, первое правило — ничего не предлагать».

Безумный гнев, обуявший монаха, нарастал. Японцы, лежавшие рядом, с трудом подвинулись. Один из них встал, мягко потряс священника и заговорил с ним. Отец Доминго постепенно пришел в себя, глаза прояснились. Он посмотрел на Блэкторна, узнавая его, ответил японцу и успокоил остальных.

— Извините меня, сеньор, — пробормотал он, задыхаясь. — Они... они думают, я рассердился на сеньора. Бог простит мне мой глупый гнев! Это было затмение, иезуиты приходят из ада, вместе с еретиками и язычниками. Я много могу рассказать вам о них. — Монах вытер слюну с подбородка и попытался успокоиться. Он надавил себе на грудь, чтобы облегчить боль. — Сеньор что-то сказал? Ваш корабль, он причалил к берегу?

— Да. В некотором роде. Мы доплыли до земли, — ответил Блэкторн. Он осторожно вытянул ноги. Люди кругом, которые смотрели на него и слушали разговор, подвинулись. — Спасибо, — сказал он, — да, как вы их благодарите, святой отец?

— *Домо*. Иногда вы можете сказать *аригато*. Женщина должна быть особенно вежлива, сеньор. Она говорит: *аригато годзаймасита*.

— Спасибо. Как его имя? — Блэкторн показал на человека, который встал.

— Это Гонсалес.

— А какое у него японское имя?

— Ах да! Он Акабо. Но это значит «носильщик», сеньор. У них нет имен. Имена дозволено иметь только самураям.

— Что?

— Только самураи имеют имена и фамилии. Таков их закон, сеньор. Простолюдины должны обходиться прозвищем, которое показывает род занятий: Носильщик, Рыбак, Повар, Палач, Крестьянин и так далее. Сыновья и дочери зовутся просто Первая Дочь, Вторая Дочь, Первый Сын и так далее. Иногда они величают человека Рыбак-который-живет-у-вяза или Рыбак-с-больными-глазами. — Монах пожал плечами и подавил зевок. — Простым японцам не разрешают иметь имена. Проститутки называют себя именами типа Карп или Лепесток, Угорь или Звезда. Это странно, сеньор, но таков их закон. Мы даем им

христианские имена, настоящие имена, когда крестим их, даем им спасение и слово Божье... – Слова замерли на его устах, и он уснул.

– *Домо*, Акабо-сан, – поблагодарил Блэкторн носильщика. Тот застенчиво улыбнулся, поклонился и вздохнул.

Позднее монах открыл глаза и произнес краткую молитву.

– Только вчера, вы сказали, сеньор? Сеньор попал сюда только вчера? Что случилось с сеньором?

– Когда мы пристали, на берегу был иезуит, – сообщил Блэкторн. – А что насчет вас, святой отец? Вы говорите, они обвиняют вас? Что случилось с вами и вашим кораблем?

– Наш корабль? Сеньор говорит о нашем корабле? Сеньор прибыл из Манилы, как мы? О, как я глуп! Я вспомнил теперь, сеньор был в чужих краях и никогда не навевывался в Азию раньше. Клянусь благословенным телом Христовым, хорошо опять поговорить с ученым человеком на языке моей блаженной матери! Это было так давно. Моя голова болит, болит, сеньор. Наш корабль? Мы давно собирались домой. Домой из Манилы в Акапулько, в страну Кортеса, в Мексику, оттуда сушей до Веракруса. А там на другом корабле через Атлантику, длинный-длинный путь домой. Моя деревня находится под Мадридом, сеньор, в горах. Она называется Санта-Вероника. Сорок лет я был на чужбине, сеньор. В Новом Свете, в Мексике и на Филиппинах. Всегда с нашими славными конкистадорами, да хранит их Пресвятая Дева! Я был на Лусоне, когда мы одержали верх над королем местных язычников Лумалоном, завоевали остров и таким образом принесли слово Божье на Филиппины. Много новообращенных японцев сражалось с нами бок о бок тогда, сеньор. Такие бойцы! Это было в тысяча пятьсот семьдесят пятом году. Мать-Церковь хорошо укрепилась там, сын мой, и нигде не было видно грязных иезуитов или португальцев. Я приехал в Японию почти два года назад и должен был вернуться в Манилу, когда иезуиты выдали нас.

Монах замолчал и прикрыл глаза, засыпая. Позднее он проснулся и, как это иногда бывает со старыми людьми, продолжил, как будто и не спал:

– Наш корабль – большая галера «Сан-Фелипе» – вез специи, золото, серебро и звонкую монету стоимостью в полтора миллиона серебряных песо. Сильный шторм выбросил нас на берега Сикоку.

Корабль повредил киль на песчаной отмели – на третий день, – к этому времени мы выгрузили драгоценные металлы и большую часть груза. Тут прошел слух, что все конфисковано, конфисковано самим тайко, что мы пираты и... – Он умолк, настороженный внезапной тишиной.

Железная дверь задрожала, открываясь.

Стражники начали выкликать имена из списка. Человек-бульдог, с которым успел подружиться Блэкторн, оказался в числе вызванных. Он вышел не оглядываясь. Был также вызван один из людей, сидевших неподалеку, – Акабо. Он встал на колени перед монахом, который благословил его и перекрестил, отпуская ему грехи. Акабо поцеловал крест и ушел.

Дверь опять закрылась.

– Они собираются казнить этого несчастного? – спросил Блэкторн.

– Да, его Голгофа за дверью. Пресвятая Дева заберет его и даст ему вечное блаженство.

– Что он сделал?

– Он нарушил закон, их закон, сеньор. Японцы – люди простые. И очень жестокие. Они знают одно наказание – смертную казнь. На кресте, виселице или обезглавливанием. За такое преступление, как поджог, полагается смерть в огне. Они почти не прибегают к другим карам, разве что приговаривают к изгнанию иногда, а женщин – к отрезанию волос. Но, – старик вздохнул, – чаще всего за преступление отнимают жизнь.

– Вы забыли тюремное заключение.

Монах задумчиво ковырял струпья на ладони.

– Это не наказание у них, сын мой. В тюрьме людей держат, пока не решат, что с ними делать. Сюда отправляют только виновных. И только на короткое время.

– Это вздор. А что с вами? Вы же здесь уже год, почти два.

– Когда-нибудь придут и за мной, как за всеми остальными. Это только место передышки между земным адом и великолепиям вечной жизни.

– Я не верю вам.

– Не бойся, сын мой. На все воля Божья. Я здесь и могу выслушать исповедь сеньора, дать ему отпущение грехов и успокоить – великолепие вечной жизни всего лишь в ста шагах, начинающихся от

этой двери. Сеньор не хотел бы, чтобы я выслушал его исповедь прямо сейчас?

– Нет-нет... спасибо. Не сейчас. – Блэкторн посмотрел на железную дверь. – Кто-нибудь пытался выбраться отсюда?

– Зачем? Бежать некуда, спрятаться негде. Власти очень строгие. Каждый, кто поможет осужденному, признаётся виновным, преступником. – Он слабо махнул рукой в сторону двери. – Гонсалес... Акабо... Человек, который сейчас... ушел. Он *кага*. Он сказал мне...

– Что такое «кага»?

– О, это носильщики, сеньор, люди, которые носят паланкины или кага – эти поменьше, для двух носильщиков, напоминают гамак, подвешенный на шесте. Он рассказал нам, что его товарищ украл шелковый шарф у господина, которого они несли, и поскольку сам Акаба, бедный малый, не сообщил о краже, его также лишат жизни. Сеньор может верить мне, тот, кто пытается бежать, или тот, кто помогает кому-то бежать, обрекает на смерть себя и всю свою семью. Они очень строги, сеньор.

– Ну так что, каждый покорно идет на убой, как овца?

– Другого выбора нет. Такова воля Божья.

«Не злись и не паникуй, – одернул себя Блэкторн. – Будь терпелив. Ты найдешь выход. Не все, что говорит монах, верно. Кто бы выдержал столько времени?»

– Эти тюрьмы у них новые, сеньор, – сказал монах. – Говорят, их устроил тайко несколько лет назад. До него ничего подобного не было. Если человека ловили, он признавался в своем преступлении, и его казнили.

– А если не признавался?

– Все признавались – чем скорее, тем лучше, сеньор. У нас так же, если поймают.

Монах уснул на некоторое время, почесываясь и бормоча во сне. Когда он проснулся, Блэкторн спросил:

– Скажите мне, пожалуйста, святой отец, как проклятые иезуиты смогли упрятать божьего человека в эту отвратительную дыру?

– Не о чем и говорить. После того как тайко забрал все сокровища и товары, наш капитан настоял на том, чтобы мы отправились в столицу и протестовали против этого. Причин для конфискации не имелось. Разве мы не служили самому могущественному

католическому государю, королю Филиппу Испанскому, императору Священной Римской империи, самой большой и богатой в мире? Самому могущественному монарху в мире? Разве мы не были друзьями? Разве не тайко просил испанскую Манилу торговать напрямую с Японией? Конфискация была ошибкой. Я отправился с нашим капитаном, потому что умел говорить по-японски – немного в то время. Сеньор, «Сан-Фелипе» потерпел крушение и был выброшен на берег в октябре тысяча пятьсот девяносто седьмого года. Иезуиты – один из них, по имени отец Мартин Алвито, – они осмелились предложить нам свое посредничество, там, в Киото, в столице. Какая наглость! Наш францисканский настоятель, брат Браганса, был в столице, он состоял послом – настоящим послом Испании – при дворе тайко! Блаженный брат Браганса провел в столице, в Киото, пять лет, сеньор. Сам тайко просил вице-короля в Маниле прислать францисканских монахов и посла в Японию. Тогда и приехал блаженный брат Браганса. И мы, сеньор, мы на «Сан-Фелипе» знали, что он верный человек, не то что иезуиты. После многих-многих дней ожидания мы добились аудиенции у тайко – он был небольшого роста, маленький уродец, сеньор, – попросили вернуть наши товары и дать нам корабль или отправить нас на другом судне. За все это наш капитан пообещал щедро заплатить. Аудиенция прошла хорошо, как нам показалось, и тайко отпустил нас. Мы пошли в свой монастырь в Киото и нескольких следующих месяцев, пока ждали его решения, продолжали нести язычникам слово Божье. Мы открыто проводили свои службы, а не как воры в ночи, по обычаю иезуитов. – Голос отца Доминго исполнился крайним презрением. – Мы сохранили свои обряды и облачения, а не скрывались, как делают местные священники. Мы несли слово Божье страждущим, больным и бедным не как иезуиты, которые имеют дело только с князьями. Наша конгрегация разрасталась. Мы построили лечебницу для прокаженных, свою собственную церковь, и наша паства процветала, сеньор. Она сильно увеличилась. Мы собрались обратить в нашу веру многих их князей, и тогда нас предали. Однажды в январе нас, францисканцев, собрали перед магистратом и зачитали нам бумагу с печатью самого тайко, где нас обвиняли в нарушении их законов, нарушении мира и приговаривали к смерти через распятие. Нас было сорок три. Наши церкви по всей Японии разрушили, все наши конгрегации запретили –

францисканские, сеньор, не иезуитские. Только наши, сеньор. Мы были ложно обвинены. Иезуиты обманули тайко, сказав, что мы конкистадоры, что мы хотим вторгнуться на берега Японии, когда на самом деле это иезуиты просили его превосходительство, нашего вице-короля, прислать армию из Манилы. Я видел это письмо сам! От их настоятеля! Они дьяволы, которые притворились слугами Церкви и Христа, но служат только себе. Они страстно желают власти, власти любой ценой. Они прячутся за личиной нищеты и благочестия, а сами скапливают состояния. Правда, сеньор, состоит в том, что мы ревностно относимся к нашей пастве, ревностны в нашей вере, ревностны в служении нашей Церкви, ревностны в нашей правде и образе жизни. Даймё Хидзэна, Дом Франсиско – его японское имя Харима Тадао, но при крещении он был наречен Домом Франсиско, – вступился за нас. Он вроде князя, все даймё – те же князья, он францисканец, и он вступился за нас, но не добился толку. В конце концов казнили двадцать шесть человек. Шесть испанцев, семнадцать наших новообращенных японцев и еще троих. Одним из них оказался блаженный Браганса, среди новообращенных было трое юношей. О сеньор, в этот день вера проникла в души тысяч японцев. Пятьдесят, сто тысяч человек наблюдали, как христиане приняли мученичество в Нагасаки, как мне говорили. Это был горький день, холодный февральский день, и горький год. Год землетрясений, тайфунов, наводнений, ураганов и пожаров, когда десница Господня тяжело опустилась на великого убийцу и даже разрушила его большой замок Фусими, сотрясши земную твердь. Это было грозное, но поучительное зрелище. Перст Божий наказывал язычников и грешников. Их казнили, сеньор, шесть добрых испанцев. Наша паства и наша церковь были уничтожены, лечебница закрыта. – Лицо старика было мокро. – Я стал одним из выбранных для мученичества, но не удостоился такой чести. Они отправили нас пешком из Киото и, когда мы пришли в Осаку, поместили в одну из наших миссий, а остальным – остальным отрезали по одному уху, потом выставили их на улицах, как обычных преступников. После святую братию отправили на запад. На месяц. Их благословенное путешествие закончилось на горе Нисидзаки, возвышающейся над большим заливом Нагасаки. Я просил самурая позволить мне пойти с ними, но, сеньор, он приказал мне вернуться в миссию здесь, в Осаке. Без всякой причины. А потом, через несколько

месяцев, нас бросили в тюрьму. Нас было трое – думаю, нас было трое, но только я один испанец. Другие были новообращенные, наши братья, японцы. Несколько дней спустя их вызвала стража. Но меня ни разу не выкликали. Может быть, такова воля Бога, сеньор, или эти грязные иезуиты оставили меня в живых, чтобы подольше мучить, – те, кто не дал мне принять мученичество среди своих. Трудно терпеть, сеньор. Так трудно...

Старый монах закрыл глаза, помолился и плакал, пока не заснул.

Как ни хотелось Блэкторну забыться, он не мог заснуть, хотя наступила ночь. Его тело чесалось от укусов вшей. Голова наполнилась страшными мыслями.

Он понимал с жуткой ясностью, что выбраться из тюрьмы невозможно, чувствовал, что находится на краю гибели. Глубокой ночью ужас охватил его, и впервые в жизни он сдался и заплакал.

– Да, сын мой? – пробормотал монах. – В чем дело?

– Ничего-ничего, – сказал Блэкторн, сердце его оглушительно забилося. – Спите!

– Не надо бояться. Мы все в руках Господа, – утешил монах и снова уснул.

Невыносимый ужас оставил Блэкторна. Его сменил другой ужас, с которым уже можно было жить. «Я выберусь отсюда как-нибудь», – внушал себе Блэкторн, пытаюсь поверить в эту ложь.

На рассвете принесли еду и воду. Блэкторн уже овладел собой. «Глупо вести себя так, – твердил он мысленно. – Глупо и опасно. Не паникуй больше или сломаешься, сойдешь с ума и наверняка умрешь. Тебя положат в средний ряд, и ты умрешь. Будь аккуратен и терпелив, следи за собой».

– Как вы сегодня, сеньор?

– Прекрасно, спасибо, святой отец. А вы?

– Спасибо, совсем хорошо.

– Как мне сказать это по-японски?

– *Домо, гэнки дэсу.*

– *Домо, гэнки дэсу.* Вы говорили вчера, отец, о португальских черных кораблях – на что они похожи? Вы видели такой корабль?

– О да, сеньор. Это самые большие корабли в мире, почти на две тысячи тонн. На каждом таком плавают около двухсот матросов и юнг, а с пассажирами он вмещает до тысячи человек. Мне говорили, что эти

каракки хорошо ходят под парусами при попутном ветре, но тяжелы в управлении при боковых ветрах.

– Сколько на них пушек?

– Иногда по двадцать или тридцать на трех палубах.

Отец Доминго был рад отвечать на вопросы, разговаривать и учить, а Блэкторн – слушать и учиться. Знания монаха, пусть и отрывочные, оказались бесценны и неисчерпаемы.

– Нет, сеньор, – говорил он теперь. – *Домо* значит «благодарю вас», а *dodzo* – «пожалуйста». «Вода» – *мидзу*. Всегда помните, что японцы придают большое значение манерам и вежливости. Один раз, когда я был в Нагасаки, – о, мне бы чернила и бумагу с пером! А, знаю... Вот, пишите слова на земле, это поможет вам запоминать их...

– *Домо*, – сказал Блэкторн. Потом, затвердив еще нескольких слов, он спросил: – Сколько времени здесь португальцы?

– О, эти земли были открыты в тысяча пятьсот сорок втором году, сеньор, в тот год, когда я родился. Их было трое: да Мота, Пейшоту и еще один – его имени я не помню. Они были португальскими торговцами, имевшими дела с китайским побережьем и плавающие на китайских джонках из порта в Сиаме. Сеньор был когда-нибудь в Сиаме?

– Нет.

– О, в Азии есть что посмотреть! Эти люди были торговцами. Сильный шторм, тайфун, захватил их и вынес к Танэгасиме у Кюсю. Тогда европейцы впервые ступили на землю Японии, с этого времени началась торговля. Спустя несколько лет Франциск Ксаверий, один из основателей ордена иезуитов, тоже приехал сюда. Это случилось в тысяча пятьсот сорок девятом году... плохом году для Японии, сеньор. Первым был один из наших, и мы должны были бы иметь дела с этим государством, а не португальцы. Франциск Ксаверий умер через три года в Китае, одинокий и всеми покинутый... Я сказал сеньору, что иезуиты уже обосновались при дворе императора Китая в месте, называемом Пекином? О, вам следовало бы повидать Манилу, сеньор, и Филиппины! Четыре собора, и почти три тысячи конкистадоров, и около шести тысяч японских солдат было размещено на островах, и триста братьев...

Голова Блэкторна наполнилась фактами, японскими словами и фразами. Он спрашивал о жизни в Японии, даймё, самураях и

торговле, Нагасаки, войне, мире, иезуитах, францисканцах и португальцах в Азии и об испанской Маниле, и более всего о черном корабле, который приплывал раз в год из Макао. Три дня и три ночи Блэкторн сидел с отцом Доминго и спрашивал, слушал, учился, метался в кошмарах, открывал глаза и задавал новые вопросы, узнавая что-то еще.

Потом, на четвертый день, выкрикнули его имя.

— Андзин-сан!

Глава 15

В полном молчании Блэкторн встал на ноги.

– Исповедуйся, сын мой, говори побыстрее!

– Я не думаю... Я... – Блэкторн с запозданием понял, что произнес это по-английски, плотно сжал губы и пошел.

Монах встал, думая, что он говорил по-голландски или по-немецки, схватил его за руку и захромал вслед за ним.

– Скорее, сеньор! Я дам вам отпущение грехов. Скорее, ради вашей бессмертной души. Говорите быстро, только то, в чем сеньор признается перед Богом – обо всем в прошлом и настоящем...

Они приближались уже к железным дверям, монах сжимал руку Блэкторна с удивительной силой.

– Говорите! Святая Дева смотрит на вас!

Блэкторн вырвал руку и хрипло сказал по-испански:

– Идите с Богом, отец.

Дверь захлопнулась.

День был невероятно холодный и яркий, облака причудливо извивались под легким юго-восточным ветром. Блэкторн глубоко вдохнул чистый, удивительно вкусный воздух, и кровь быстрее побежала по жилам. Радость жизни охватила его. Во дворе перед чиновником, тюремщиками с пиками и группой самураев стояло несколько обнаженных арестантов. Судейский, в темном кимоно, накидке с накрахмаленными, похожими на крылья плечами и маленькой черной шапочке, вставал перед заключенным и зачитывал ему приговор по тонкому бумажному свитку. Когда он заканчивал, осужденный отправлялся за тюремщиками к большим воротам. Блэкторн был последним. В отличие от других ему выдали набедренную повязку, хлопчатобумажное кимоно и сандалии на деревянной подошве. И сторожили его самураи.

Он решил бежать при выходе из ворот, но, когда приблизился к ним, самураи еще плотнее окружили его, лишив всякой возможности в бежать. Ворот они достигли вместе. На них глазела большая толпа чистых, щеголевато одетых людей, прятавшихся от солнца под малиновыми, желтыми и золотистыми зонтиками. Одного

приговоренного уже привязали к кресту и подняли крест вертикально. У каждого креста ждали два палача-эма; их длинные пики блестели на солнце.

Блэкторн замедлил шаг. Самураи подошли совсем близко, торопя его. Ошеломленный, он подумал, что лучше избавить себя от долгой агонии, и примерился выхватить меч у ближайшего к нему стража. Но и это ему не удалось, так как самураи повернули от лобного места и двинулись по периметру двора на улицу, которая вела в город и замок.

Блэкторн затаил дыхание, напряженно выжидая, боясь дать волю надежде. Они прошагали через толпу, которая отпрянула назад, кланяясь, вышли на улицу, и теперь сомнения отступили.

Блэкторн почувствовал себя заново родившимся.

Вновь обретя способность говорить, он спросил по-английски: «Куда мы идем?» – не беспокоясь о том, что его слова не будут поняты. Блэкторн ощущал необыкновенную легкость. Его ноги словно ступали по облакам, ремешки сандалий не терли, непривычное прикосновение кимоно было приятным. «Надо же, как мне хорошо! – удивился он. – Может быть, немного прохладно, но так бывало только на юте корабля!»

– Ей-богу, до чего славно снова поговорить по-английски, – поделился он с самураем. – Боже мой, я думал, что уже умер. Это ушла моя восьмая жизнь. Понимаешь, старина? Теперь в запасе осталась всего одна. Ну ничего! У капитана самое меньшее десять жизней – так утверждал Альбан Карадок.

Самураи становились все недовольней, похоже раздраженные звуками незнакомой речи.

«Держи себя в руках, – велел себе Блэкторн. – Не зли их».

Только теперь он заметил, что все самураи в сером. Люди Исидо. Он спросил у отца Алвито имя противника Торанаги. Алвито сказал: «Исидо». Это произошло как раз перед тем, как иезуит перевел приказ встать и идти. Все ли серые – люди Исидо? Все ли коричневые – люди Торанаги?

– Куда мы идем? Туда? – Он показал на замок, который нависал над городом. – Туда, хай?

– Хай, – кивнул серобородый командир самураев.

«Что хочет от меня Исидо?» – спросил себя Блэкторн.

Предводитель самураев повернул на другую улицу, удаляясь от гавани. И Блэкторн увидел судно – небольшой португальский бриг, на мачте которого развевался по ветру бело-голубой флаг. Десять пушек на главной палубе, считая кормовые и носовые двадцатифунтовые орудия.

«„Эразм“ легко бы справился с ним, – сказал себе Блэкторн. – А что с моей командой? Что они делают там, в деревне? Клянусь Богом, мне хотелось бы видеть их! Я был так рад, когда расстался с ними в тот день и вернулся обратно в дом, где были *онна* и хозяин – как его имя? Ах да, Мура-сан. А что случилось с той девушкой, которая оказалась в моей постели на полу, и другой, ангельски красивой, которая разговаривала с Оми-саном в тот день? Той, что в моем кошмаре угодила в котел?

Но зачем вспоминать этот вздор? Он ослабляет мозг. „Нужно иметь очень сильную голову, чтобы выжить в море“, – говорил Альбан Карадок. Бедный Альбан...»

Альбан Карадок всегда казался таким огромным, богоподобным, всевидящим и всезнающим многие-многие годы. Но умер в страхе. Это произошло на седьмой день сражения с Непобедимой армадой. Блэкторн командовал стотонным кечем – двухмачтовым парусником с гафельными парусами, отправленным из Портсмута с грузом оружия, пороха, ядер и съестных припасов для боевых галеонов Дрейка. Выйдя из Дувра, те вступили в схватку с вражеским флотом, который стремился к Дюнкерку, где испанское воинство ожидало, когда его переправят через Па-де-Кале, Дуврский пролив, завоевывать Англию.

Огромный испанский флот был потрепан и рассеян штормами, а затем воинственными, превосходившими их скоростью хода и маневренностью военными кораблями Дрейка и Говарда.

Блэкторн участвовал в стремительной атаке рядом с флагманским кораблем адмирала Говарда «Слава», когда ветер внезапно переменился и стал штормовым; его шквальные порывы были ужасны, и требовалось решать: пробиваться ли против ветра, чтобы спастись от бортовых залпов крупного галеона «Санта-Крус», маячившего впереди, или в одиночку уходить по ветру сквозь вражеский строй – остальные корабли Говарда уже повернули кругом и располагались дальше к северу.

– Давай на север против ветра! – кричал Альбан Карадок.

Он считался на корабле вторым после капитана. Первым был Блэкторн – капитан и штурман. Альбан Карадок настаивал на вступлении в бой, хотя не имел права находиться на борту – только обязанность, долг, призывавший каждого англичанина сражаться в это самое роковое для страны время, привели его на корабль.

– Стоп! – приказал Блэкторн и повернул румпель к югу, направляясь в самое сердце вражеской флотилии, ибо знал, что другой путь приведет их под пушки галеона, который возвышался сейчас над ними.

Поэтому они и направились на юг, по ветру, мимо галеонов. Ядра, выпущенные с трех палуб «Санта-Круса», пронеслись над их головами, не причинив вреда. Блэкторн тоже сделал два залпа всем бортом – блошинные укусы для такого огромного судна, и его корабль пронесся через центр вражеской эскадры. Галеоны поостереглись стрелять, опасаясь попасть друг в друга, поэтому пушки молчали. Судно Блэкторна было уже близко к тому, чтобы ускользнуть и спастись, когда пушечный огонь с трех палуб «Мадре де Диос» обрушился на них. Обе их мачты улетели, как стрелы, люди запутались в такелаже. Исчезла половина главной палубы с правого борта, повсюду валялись мертвые и умирающие.

Он увидел Альбана Карадока, лежащего у разбитой вдребезги пушки, такого невероятно маленького без ног. Он баюкал старого моряка, глаза которого почти вылезли из орбит, ужасающие крики раздирали рот: «О Боже мой, я не хочу умирать, не хочу умирать, помогите мне, помогите мне, помогите мне... О Боже, больно, помогите!» Блэкторн знал, что лишь одно может сделать для Альбана Карадока. Он поднял лежащую рядом пику и с силой вогнал наконечник в грудь умирающего.

Потом, много недель спустя, ему пришлось сообщить Фелисити, что ее отец погиб. Он сказал только, что Альбан Карадок принял мгновенную смерть. Но не обмолвился, что на его руках кровь, которую никогда не смоешь...

Блэкторн и самураи шли теперь по широкой извилистой улице. Лавок тут не попадалось – только дома бок о бок, каждый со своим садиком за высокими заборами; дома, заборы и сама дорога – все поразительно чистое.

Эта чистота удивила Блэкторна: в Лондоне и других городах Англии, как и во всей Европе, отбросы и содержимое ночных горшков выкидывали прямо на улицы, на поживу падальщикам, и они копились до тех пор, пока не начинали мешать пешеходам, повозкам и лошадям. Только тогда большинство приходов приступало к уборке. Роль уборщиков Лондона отводилась стадам свиней, которые ночами паслись на главных улицах города. А еще полчища крыс, стаи собак и кошек, пожары. И мухи.

Но Осака была совсем другой. «Как они добиваются этого? – спрашивал себя Блэкторн. – Никаких выгребных ям, куч конского навоза, ни выбоин от колес, ни грязи, ни отбросов. Только хорошо утоптанная земля, подметенная и чистая. Стены деревянные, и дома деревянные, чистые и опрятные. И где толпы нищих калек, которые заполняют каждый христианский город? Где разбойничьи шайки и ватаги молодых буянов, что обязательно прячутся в темных закоулках?»

Люди, мимо которых они проходили, вежливо кланялись, некоторые вставали на колени. То и дело попадались носильщики, проворно тащившие паланкины или одноместные носилки – кага. Группы самураев в сером – ни разу он не увидел коричневых – вальяжно прогуливались.

Они шли торговой улицей, где сплошь тянулись лавки, когда у Блэкторна отказали ноги. Он тяжело рухнул и приземлился на четвереньки.

Самураи помогли ему встать, но через мгновение силы совсем оставили его. Он не мог идти.

– *Гомэн насай, додзо го мацу* (Извините, подождите, пожалуйста), – сказал он.

Мышцы ног свело судорогой. Он потерял икры, благодаря про себя отца Доминго за бесценные уроки, которые тот преподавал ему.

Главный самурай поглядел на него и что-то произнес.

– *Гомэн насай, нихон го га ханасэ-масэн* (Извините, я не говорю по-японски), – произнес Блэкторн медленно, но четко. – *Додзо га мацу*.

– *А! Со дэс*, Андзин-сан. *Вакаримас*, – откликнулся начальник, поняв его.

Он отдал короткую команду, и один из самураев куда-то убежал. Через некоторое время Блэкторн встал, попытался идти хромя, но

главный самурай сделал ему знак подождать.

Посланный быстро возвратился с четырьмя полуобнаженными носильщиками и носилками. Блэкторну показали, как сесть в них и держаться за ремень, свисающий с центрального шеста.

Отряд опять тронулся в путь. Скоро Блэкторн почувствовал, что к нему вернулись силы. Он предпочел бы идти, но сознавал, что все еще слаб. «Я должен немного отдохнуть, – подумал он. – Я слишком истощен. Мне нужно вымыться и поесть. Какой-нибудь человеческой еды».

Теперь они поднимались по широкой лестнице, которая соединяла одну улицу с другой и вела в новый жилой квартал, выросший по окраинам обширного высокого леса, через который тянулись тропинки. Блэкторну понравилось, что они покинули улицу и шли по ухоженной мягкой земле между деревьями.

Когда они уже углубились довольно далеко в лес, из-за поворота появился другой отряд – тридцать с лишним одетых в серое самураев. После обычного обмена приветствиями между командирами все взгляды обратились на Блэкторна. Последовал поток вопросов и ответов, и встречные уже вроде бы собрались уходить, когда их вожак вытащил меч и зарубил предводителя самураев, сопровождавших Блэкторна. Одновременно подручные убийцы напали на стражей. Нападение было столь внезапным и так хорошо спланированным, что все десять серых погибли почти в одно мгновение. Никто не успел даже вытащить меч.

Перепуганные носильщики упали на колени, уткнувшись лбом в траву. Блэкторн встал рядом с ними. Вожак самураев, плотный мужчина с большим животом, выставил дозорных в обоих концах тропинки. Остальные подбирали мечи погибших. Самураи не обращали на Блэкторна никакого внимания, пока тот не собрался уходить. Немедленно раздалась резкая команда вожака, которая ясно дала понять, что он должен оставаться на месте.

По следующей команде весь отряд скинул серые кимоно, которые скрывали лохмотья и старую, поношенную одежду. Все натянули маски, которые висели на шее. Один самурай подобрал серые кимоно и исчез с ними в кустах.

«Они, наверное, разбойники, – подумал Блэкторн. – Зачем еще эти маски? Что они хотят от меня?»

Странные люди спокойно разговаривали между собой, наблюдая за ним и вытирая свои мечи об одежду мертвых самураев.

– Андзин-сан? *Хай?* – Глаза вожака над тряпичной маской были круглыми, черными и пронзительными.

– *Хай*, – ответил Блэкторн, по коже у него побежали мурашки.

Человек указал на землю, явно запрещая ему двигаться:

– *Вакаримас ка?*

– *Хай*.

Они огляделись. Потом один из дозорных, стоявших в отдалении – уже не в сером, но в маске, – на мгновение вышел из кустов в ста шагах от них, помахал рукой и снова исчез.

Самураи немедленно окружили Блэкторна, готовясь покинуть место схватки. Их предводитель посмотрел на носильщиков, которые дрожали, как собаки перед жестоким хозяином, и еще глубже вдавили головы в траву.

Тогда вожак пролаял приказ. Четверка, не веря своему счастью, медленно подняла головы. Опять прозвучала та же самая команда, носильщики поклонились до земли и выпрямились, потом как один вскочили и исчезли в кустах.

Главарь презрительно улыбнулся и сделал Блэкторну знак идти обратно в город.

Тот беспомощно поплелся за японцами. О том, чтобы бежать, нечего было и думать.

Они почти достигли края леса, когда вдруг остановились. Впереди раздался шум, и еще одна партия из тридцати самураев окружила их на повороте дороги. Коричневые и серые, коричневые впереди, их вожак в паланкине, несколько вьючных лошадей около него. Группы сближались, двигаясь боевым порядком, не сводя друг с друга враждебных взглядов. Их разделяло около семидесяти шагов. Вожак разбойников вышел вперед, встал между ними, его движения были резкими, он сердито закричал на другого самурая, показывая на Блэкторна и туда, где произошла схватка. Выхватил свой меч и, угрожая, занес его над головой – очевидно, требовал, чтобы другой отряд уступил дорогу.

Все его люди выхватили мечи из ножен. По приказу один из разбойников встал позади Блэкторна, поднял меч и приготовился. Вожак опять протестовал.

Какое-то время ничего не происходило, потом Блэкторн увидел, что из паланкина выходит человек, и мгновенно узнал его. Это был Касиги Ябу. Ябу крикнул что-то вожаку, но тот угрожающе замахал мечом, приказывая уйти с дороги. Когда его тирада закончилась, Ябу отдал короткий приказ и испустил боевой клич. Слегка хромая, он ринулся в битву с мечом на изготовку. Его люди последовали за ним – серые были недалеко.

Блэкторн бросился наземь, спасаясь от меча, который рассек бы его пополам, не запоздай удар чуть-чуть. Вожак разбойников повернулся и утек в кусты, его люди кинулись за ним.

Коричневые и серые быстро оказались около Блэкторна, который встал на ноги. Несколько самураев погнались за разбойниками, другие побежали по тропе, остальные заняли оборону вокруг него. Ябу остановился у границы кустарника, властно прокричал несколько распоряжений, потом медленно вернулся – его хромота стала более заметна.

– *Со дэс*, Андзин-сан, – сказал он, тяжело дыша после такого напряжения.

– *Со дэс*, Касиги Ябу-сан, – ответил Блэкторн, используя ту же самую фразу, которая обозначает что-то вроде «хорошо», или «действительно», или «это верно». Он показал в том направлении, куда бежали разбойники. – *Домо*. – Вежливо поклонившись, как равный равному, он заговорил снова, благодаря про себя брата Доминго: – *Гомэн насай, нихон го га ханасэ-масэн*. (Извините, я не могу говорить по-японски.)

– *Хай*, – отозвался Ябу, несколько не удивленный, и добавил что-то, чего Блэкторн не понял.

– *Цуаки га имасу ка?* (У вас нет переводчика?) – спросил Блэкторн.

– *Иэ*, Андзин-сан. *Гомэн насай*.

Блэкторн почувствовал некоторое облегчение. Теперь он мог общаться напрямую. Конечно, его словарный запас бедноват, но начало положено.

«Э, мне нужен переводчик, – подумал Ябу с воодушевлением. – Клянусь Буддой!

Хотел бы я знать, что случилось, когда ты встретил Торанагу, Андзин-сан, какие вопросы он задавал и что ты отвечал, что сказал

ему о деревне, ружьях и грузе, корабле и галере, о Родригесе. Мне хотелось бы знать в подробностях, что было сказано и как, куда тебя отправили и почему ты оказался здесь. Тогда я понял бы, что на уме у Торанаги, как и о чем он думает. Тогда я бы сообразил, что сказать ему сегодня. Пока я беспомощен.

Почему, сразу как мы прибыли, Торанага захотел увидеть тебя, именно тебя, а не меня? Почему до сегодняшнего дня от него нет ни слова, ни приказа, кроме обычных вежливых приветствий и фразы: „Я очень хочу повидаться с вами как можно скорее“? Почему он послал за мной сегодня? Почему наша встреча дважды откладывалась? Не из-за того ли, что ты сказал? Или из-за Хиромацу? Или это нормальная отсрочка, вызванная другими неотложными делами?

О да, Торанага, перед тобой почти неразрешимая проблема. Влияние Исидо распространяется со скоростью пожара. А ты уже знаешь о предательстве господина Оноси? Ты знаешь, что Исидо предлагал мне голову Икавы Дзикю и его провинции, если я присоединюсь к нему?

Почему ты собрался именно сегодня послать за мной? Какой добрый ками направил меня сюда, чтобы спасти жизнь Андзин-сану, словно в насмешку надо мной, потому что я не могу разговаривать с ним напрямую или даже через кого-нибудь еще, чтобы найти ключ к твоему секрету? Почему ты заключил его в тюрьму для смертников? Почему Исидо хочет освободить его из тюрьмы? Почему разбойники пытались захватить его? Ради выкупа? Выкупа от кого? И почему Андзин-сан еще жив? Вожак шайки легко мог разрубить его надвое».

Ябу заметил глубоко врезавшиеся морщины, которых не было на лице Блэкторна, когда тот впервые предстал перед ним. «Он выглядит оголодавшим, – подумал Ябу. – Словно дикий пес. Но не один из стаи, а вожак, а?

О да, капитан, я дал бы тысячу коку за надежного переводчика, прямо сейчас.

Я собираюсь стать твоим господином. Ты будешь строить мне корабли и учить моих людей. Я должен как-то уладить дело с Торанагой. А если не смогу, что ж, это не имеет значения. В следующей своей жизни я буду лучше подготовлен».

– Хорошая собака! – сказал Ябу вслух Блэкторну и слегка улыбнулся. – Все, что нужно, это твердая рука, несколько костей и

немного плетей. Сначала я передам тебя господину Торанаге – после того как вымою в бане. От тебя воняет, господин капитан!

Блэкторн не понял сказанного, но уловил дружелюбие в голосе, увидел улыбку Ябу и улыбнулся в ответ:

– *Вакаримасэн*. (Я не понял.)

– *Хай*, Андзин-сан.

Даймё отвернулся и взглянул в ту сторону, где скрылись разбойники. Сложив руки рупором, он крикнул. Мгновенно все коричневые вернулись к нему. Командир самураев в сером, стоявший в центре дорожки, также окликнул преследователей. Ни одного из разбойников схватить не удалось.

Предводитель серых подошел к Ябу. Они долго спорили, указывая на город и замок. Между ними явно не было согласия.

Наконец Ябу переубедил собеседника – рука даймё так и лежала на рукояти меча. Он сделал Блэкторну знак садиться в паланкин.

– *Иэ*, – произнес командир серых.

Спорщики опять приняли боевую стойку, серые и коричневые нервно задвигались.

– Андзин-сан *дэс сандзин* Торанага-сама...

Блэкторн схватывал то одно, то другое слово. *Ватаси* означает «я», *ватаситэти* – «мы», *сандзин* – «заключенный». И потом, он помнил, что говорил Родригес, поэтому покачал головой и резко прервал их:

– *Сандзин иэ! Ватаси ва* Андзин-сан!

Оба уставились на него.

Блэкторн нарушил молчание и добавил на ломаном японском, зная, что фразы построены неправильно и звучат по-детски, но надеясь, что они будут поняты:

– Я друг. Не пленный. Поймите, пожалуйста. Друг. Так что извините, друг хочет в баню. Баню, понятно? Устал. Голоден. Баня. – Он показал на главную башню замка. – Идти туда! Сейчас, пожалуйста. Во-первых, господин Торанага, во-вторых, господин Исидо. Идти сейчас!

И, с напускной властью сделав ударение на последнем *има*, он неуклюже залез в паланкин и лег на подушки так, что его ноги, как палки, торчали наружу.

Ябу рассмеялся, и все присоединились к нему.

– Ах так! Андзин-сама! – передразнил Ябу с насмешливым поклоном.

– *Иэ*, Ябу-сама. Андзин-сан, – поправил его удовлетворенный Блэкторн. – Да, ты негодяй. Я знаю теперь кое-что. Но ничего не забыл. И скоро я приду на твою могилу.

Глава 16

– Может быть, стоило посоветоваться со мной, прежде чем забирать у меня пленного, господин Исидо? – осведомился Торанага.

– Чужеземец содержался в обычной тюрьме вместе с обычными преступниками. Естественно, я посчитал, что вы больше им не интересуетесь, иначе бы не забрал его оттуда. Конечно, я не собирался вмешиваться в ваши дела. – Исидо был внешне спокоен и уважителен, но внутри весь кипел. Он знал, что по неосторожности попал в ловушку. Разумеется, он должен был сперва спросить Торанагу. Этого требовала обычная вежливость. Тем не менее все дело не стоило выеденного яйца, окажись чужеземец в его власти, в его доме. Он просто передал бы чужестранца Торанаге, если бы тот попросил. Теперь же несколько его людей захвачены и с позором убиты, даймё Ябу и люди Торанаги отбили чужеземца у его, Исидо, людей. И вот это уже полностью меняло положение. Он потерял лицо, вместо того чтобы, следуя избранной им стратегии уничтожения врага, покрыть позором Торанагу. – Я еще раз приношу вам свои извинения.

Торанага глянул на Хиромацу. Извинения звучали для их ушей слаще самой прекрасной музыки. Оба знали, сколько крови стоило это Исидо. Объяснение происходило в большом зале для аудиенций. По уговору каждого из противников охраняло только пять самых надежных самураев. Остальные ждали снаружи. Ябу тоже. И чужеземец, которого основательно почистили. «Хорошо», – подумал Торанага, чувствуя глубокое удовлетворение. Он бегло поразмыслил о Ябу и решил не встречаться с ним сегодня вовсе. Почему бы не поиграть с ним еще, как кошка с мышью? Поэтому он попросил Хиромацу отослать Ябу и опять повернулся к Исидо:

– Конечно, ваши извинения принимаются. К счастью, никакого вреда нанесено не было.

– Тогда могу я показать чужеземца наследнику, как только варвар будет доставлен?

– Я пришлю его сразу после того, как кончу с ним.

– Могу я спросить, когда это будет? Наследник ждет его этим утром.

– Нам не следует уж очень об этом беспокоиться, вам и мне, не правда ли? Яэмону только семь лет. Я уверен, что семилетний мальчик может запастись терпением. Ведь так? Терпение учит владеть собой и требует практики, да? Я объясню Яэмону это недоразумение сам. Я дам ему этим утром еще один урок плавания.

– Да?

– Да. Вам также следовало бы научиться плавать, господин Исидо. Это превосходное упражнение и навык, который может оказаться очень полезным во время войны. Все мои самураи умеют плавать. Я настаиваю, чтобы все учились этому искусству.

– Я требую от них упражнений в стрельбе из лука и ружей, сражении на мечах и верховой езде.

– Я бы добавил к этому поэзию, каллиграфию, составление букета, чайную церемонию. Самурай должен быть сведущ в мирных искусствах, чтобы постичь в совершенстве искусство войны.

– Большинство моих людей уже более чем искусны в таких вещах, – возразил Исидо, сознавая, что пишет плохо и познания его ограничены. – Самураи рождены для войны. Я хорошо разбираюсь в военном искусстве. Пока этого с меня достаточно. Этого и повиновения воле господина.

– Яэмон учится плавать в час лошади. – (Сутки у японцев делились на шесть равных частей. День начинался с часа зайца (с пяти до семи часов до полудня), за ним следовали часы дракона (с семи до девяти часов), змеи, лошади, козы, обезьяны, петуха, собаки, свиньи, крысы и быка. Цикл заканчивался часом тигра – между тремя и пятью часами пополуночи.) – Вы не хотели бы присоединиться к нашему уроку?

– Спасибо, нет. Я слишком стар, чтобы менять свои привычки, – объявил Исидо с намеком.

– Я слышал, командир вашей охраны получил приказ совершить сэппуку.

– Конечно. Разбойников следовало поймать. По крайней мере одного из них надлежало взять живым. Тогда мы бы нашли остальных.

– Я удивлен, что подобная шайка могла орудовать так близко от замка.

– Согласен. Может быть, чужестранец опишет их нам.

– Что может знать чужеземец? – Торанага засмеялся. – Что касается разбойников, они были ронины, не так ли? Таких много среди ваших людей. Не исключено, что дознание даст интересные результаты, правда?

– Дознание проводится. И во многих направлениях. – Исидо пропустил мимо ушей язвительное упоминание ронинов, не имеющих господина, почти отверженных наемных самураев, которые тысячами собрались под знаменем Яэмона, когда Исидо пустил слух, будто по поручению наследника и его матери принимает их на службу и, что совсем уж невероятно, готов простить и предать забвению все их провинности, их прошлое, а со временем воздаст за преданность с щедростью, которая была свойственна тайко. Исидо знал, что это блестящий ход. Он заполучил несметную рать опытных воинов и заручился гарантиями их верности, ибо ронины знали: другого такого шанса им не выпадет. Это привело в его лагерь множество недовольных, ставших ронинами из-за войн Торанаги и его союзников. И наконец, приостановило рост разбойничьих полчищ в стране, где перед неудачливым самураем открывалось всего два пути: в монахи или в разбойники.

– Я многого не понимаю в этой истории, – заметил Исидо, его голос был полон яда. – Да. Почему, например, разбойники пытались схватить этого чужеземца? Чтобы получить за него выкуп? В городе много других, гораздо более важных персон. Но разве не о выкупе говорил вожак шайки? Он требовал выкуп. От кого? Чего стоит этот чужеземец? Ничего. И как они узнали, где он? Я только вчера отдал приказ привести его к наследнику, думая, что это развлечет мальчика. Очень любопытно.

– Очень, – подтвердил Торанага.

– Потом это совпадение... То, что господин Ябу оказался рядом. В одно время с вашими и моими людьми. Очень любопытно.

– Очень. Конечно, он очутился там, потому что я послал за ним. А ваши люди были там, потому что мы договорились – по вашему предложению, – что это хороший способ разрешать разногласия между нами: вашим людям сопровождать моих повсюду, пока я здесь.

– Странно также, что разбойники, которые достаточно смелы и привычны к слаженным действиям, чтобы убить первую десятку воинов без борьбы, повели себя как корейцы, когда к месту засады

прибыли наши люди. Обе стороны были одинаково вооружены. Почему разбойники не сражались или не увели варвара с собой в горы? И не глупо ли было с их стороны оставаться на главной дороге к замку? Очень любопытно.

– Очень. Теперь я, конечно, возьму с собой двойную охрану, когда поеду завтра на охоту с ловчими птицами. Неприятно знать, что разбойники хозяйничают так близко к крепости. Может быть, вам тоже хотелось бы поохотиться? Выпустите одного из ваших соколов против моих? Я собираюсь охотиться на холмах с северной стороны замка.

– Спасибо, нет. Завтра я буду занят. Может быть, послезавтра? Я прикажу, чтобы двадцать тысяч человек прочесали все леса, рощи и поляны вокруг Осаки. Через десять дней на двадцать ри вокруг не останется ни одного злодея. Это я вам могу обещать.

Торанага знал, что Исидо использует разбойников как повод, чтобы расставить побольше своих ловушек в окрестностях. Если он говорит двадцать, это значит тысяч пятьдесят. «Вход в западную захлапывается, – сказал он себе. – Почему так быстро? Какое новое предательство произошло? Почему Исидо так уверен?»

– Хорошо. Тогда послезавтра, господин Исидо. Надеюсь, вы не станете отряжать своих людей в мои охотничьи угодья? Я бы не хотел, чтобы они помешали охоте, – добавил он с намеком.

– Конечно. А чужестранец?

– Он был и остается моей собственностью. Как и его корабль. Но вы можете забрать варвара, когда я кончу с ним. А потом отправить на казнь, если захотите.

– Спасибо. Я так и сделаю. – Исидо сложил свой веер и спрятал его в рукав. – Он не представляет никакой важности. А что важно и что привело меня к вам... О, кстати, мне доложили, что госпожа, моя мать, гостит в монастыре Дзёдзи.

– Да? Я думал, что любоваться цветущей сакурой уже поздновато.

– Согласен. Но если ей захотелось взглянуть на деревья, почему нет? Что мы можем сказать про стариков? У них своя голова. Они по-другому смотрят на вещи, не так ли? Но у нее неважно со здоровьем. Я беспокоюсь о ней. Ей надо быть очень осторожной, она легко простужается.

– То же самое с моей матерью. Надо следить за здоровьем стариков. – Торанага отметил про себя, что должен послать срочное

письмо настоятелю, напомнить, чтобы тот тщательно следил за здоровьем старой женщины. Если она умрет в монастыре, впечатление будет ужасное. Позор на всю страну. Все даймё поймут, что в сложной игре за власть он использовал беспомощную старуху, женщину, мать своего врага, как заложницу и не справился с возложенной на него ответственностью. Брать заложников – опасная игра.

Исидо почти ослеп от ярости, когда узнал, что почитаемая им мать удерживается Торанагой в Нагое. Полетели головы. Немедленно был приведен в действие план войны с Торанагой и принято важное решение – осадить Нагою и уничтожить даймё Кадзамаки, на чьем попечении находилась старуха. Началось противостояние. Наконец через посредников настоятелю было послано частное письмо, предупреждающее, что, если госпожу не выпустят из монастыря целой и невредимой через сутки, Нага, единственный сын Торанаги, которого легко захватить, и любая из его женщин отправятся в деревню прокаженных, где их будут кормить, поить и делить с ними ложе больные лепрой. Исидо знал, что, пока его мать находится во власти Торанаги, он должен выверять каждый свой шаг. Но он дал также понять, что, если его мать не отпустят, он ввергнет страну в ад.

– Как поживает госпожа, ваша мать, господин Торанага? – вежливо спросил он.

– У нее все очень хорошо, благодарю вас. – Торанага позволил себе показать, какое счастье доставляют ему мысли о матери и бессильной ярости Исидо. – Она замечательно выглядит для своих семидесяти четырех лет. Я только надеюсь, что буду так же силен в ее возрасте.

«Тебе пятьдесят восемь, Торанага, но ты не доживешь до пятидесяти девяти», – мысленно пообещал Исидо.

– Пожалуйста, передайте ей мои пожелания долгой счастливой жизни. Спасибо и извините, что я был так навязчив. – Он поклонился с величайшей учтивостью, а потом, с трудом сдерживая рвущуюся наружу радость, добавил: – Ах да! Важная вещь, из-за которой я хотел повидать вас: последнее собрание регентов откладывается. Мы не встретимся сегодня вечером.

Торанага, сохраняя улыбку на лице, внутри окаменел:

– О? Почему?

– Господин Кияма болен. Господин Сугияма и господин Оноси согласились с отсрочкой. Я тоже. Несколько дней не играют роли, не так ли, когда надо принять такое важное решение?

– Мы можем встретиться без господина Киямы.

– Мы согласились с тем, что нам не следует делать этого. – В глазах Исидо таилась насмешка.

– Официально?

– Вот бумага с нашими печатями.

Торанага закипал. Любая отсрочка представляла для него огромную опасность. Мог ли он добиться согласия на немедленную встречу, вернув Исидо мать? Нет, потому что отправка приказов потребовала бы слишком много времени и он потерял бы большое преимущество из-за пустяка.

– Когда состоится встреча?

– Я так понял, что господин Кияма поправится к завтрашнему дню или, может быть, на следующий день.

– Хорошо. Я пришлю моего личного лекаря осмотреть его.

– Я уверен, что господин Кияма примет его. Но личный лекарь запрещает ему принимать посетителей. Болезнь может быть заразной.

– А что за болезнь?

– Не знаю, мой господин. Мне не сказали.

– Лекарь – чужеземец?

– Да. Я так понял, что он лечит христиан. Христианский врачеватель-священник для даймё-христианина. Наши недостаточно хороши для такого... такого важного даймё, – усмехнулся Исидо.

Беспокойство Торанаги возросло. Если бы лекарь был японец, даймё мог бы сделать многое. Но если врачеватель – христианин (несомненно, иезуит), что ж, идти против такого или даже связываться с таким – значит еще больше восстановить против себя даймё-христиан, а он не мог допустить подобного риска. Он знал, что дружба с Цукку-саном не поможет ему в борьбе с христианскими даймё, Оноси или Киямой. В интересах христиан выступать заодно. Скоро он должен будет сблизиться с христианскими священниками, найти к ним подход, установить цену их сотрудничеству. «Если Исидо действительно объединится с Оноси и Киямой – и все даймё-христиане пойдут за этими двумя, согласятся действовать вместе, –

тогда я останусь в одиночестве, – подумал он. – Тогда мне не представится иного выбора, кроме „малинового неба“».

– Я навещу господина Кияму послезавтра, – пообещал он, называя крайний срок.

– А зараза? Я никогда бы не простил себе, если бы с вами что-нибудь случилось, пока вы здесь, в Осаке, мой господин. Вы наш гость. Я вынужден настаивать, чтобы вы не ходили.

– Вы можете успокоиться, мой господин Исидо. Зараза, которая свалит меня, еще не появилась на свет. Вы забыли предсказание провидца.

В китайском посольстве, которое приезжало к тайко восемь лет назад, пытаясь положить конец японско-корейско-китайской войне, был известный астролог. Этот китаец предсказал много вещей, которые впоследствии подтвердились. На одном из роскошных званых ужинов тайко попросил предсказателя назвать время смерти нескольких своих советников. Астролог предрек, что Торанага падет от меча в среднем возрасте. Исидо, знаменитый завоеватель Кореи, или Чосэна, как называли эту страну китайцы, мирно упокоится в глубокой старости, человеком, чьи ноги твердо стоят на земле, самой известной фигурой своего времени. А сам тайко почит в своей постели, уважаемым, почитаемым, в преклонных летах, оставив здорового сына и наследника. Это так обрадовало тайко, тогда еще бездетного, что он решил отпустить посольство с миром обратно в Китай, а не убивать, как собирался сначала, за оскорбления, нанесенные в первую встречу: вместо того чтобы торговаться за мир, китайский император через свое посольство предложил ни больше ни меньше как «провозгласить его повелителем государства Ва», как китайцы именовали Японию. Итак, послы вернулись домой живыми, а не в маленьких ящиках, которые уже приготовил тайко, а этот последний возобновил войну против Кореи и Китая.

– Нет, господин Торанага, я не забыл, – возразил Исидо, очень хорошо помнивший ту историю. – Но заразный недуг может быть очень обременительным. Зачем доставлять себе неудобства? Вдруг вы подцепите сифилис, как ваш сын Нобору – такая жалость! – или проказу, как господин Оноси. Он еще молод, но так страдает. О да, так страдает!

Торанага был моментально выведен из равновесия. Он очень хорошо знал, какой вред причиняют эти болезни. Нобору, старший из его оставшихся в живых сыновей, занедужил в семнадцать – десять лет назад, – и все усилия лекарей, японских, китайских, корейских и христианских, не изгнали болезнь, которая уже отразилась на нем, хотя и не убила. «Если я захвачу всю власть, – пообещал себе Торанага, – постараюсь искоренить эту хворь. Неужели она действительно идет от женщин? Как женщины получают ее? Как она лечится? Бедный Нобору, если бы не сифилис, ты был бы моим наследником, потому что ты лучший воин, лучший правитель и очень умный, чего нельзя сказать о Сударе. Ты должен был сделать много плохого в прошлой жизни, чтобы нести такую тяжкую ношу в этой».

– Клянусь Буддой, я никому бы не пожелал такого, – проговорил он.

– Согласен с вами, – поддержал Исидо, зная, что Торанага наслал бы на него обе болезни, если бы только мог. С тем он и откланялся.

Торанага первым нарушил молчание:

– Ну?

Хиромаци изрек:

– Останетесь вы или уедете, все плохо, потому что вас предали и покинули, господин. Если вы станете ждать встречи – ее будут откладывать целую неделю, Исидо стянет свои войска к Осаке, и вы никогда не уедете отсюда, что бы ни случилось с госпожой Отибой в Эдо. Очевидно, что четыре регента пойдут против вас. Четыре голоса против одного – и они обвинят вас в государственной измене. Если вы уедете, они издадут любой указ, какой только пожелает Исидо. Эти четыре голоса против одного свяжут вас по рукам и ногам. Как регент вы не сможете сказать ни слова против.

– Согласен.

Вновь наступило молчание.

Хиромаци ждал с растущим беспокойством.

– Что вы собираетесь делать?

– Сначала я собираюсь пойти поплавать, – объявил Торанага с удивившей старика веселостью. – Потом посмотрю на чужеземца.

Женщина спокойно шла через личный сад Торанаги в замке, направляясь к маленькой хижине под соломенной крышей, которая

уютно расположилась на полянке среди кленов. Ее шелковое кимоно и оби были самыми простыми и тем не менее самыми элегантными из тех, что могли изготовить искуснейшие мастера Китая. Волосы по самой последней киотской моде были собраны в высокую прическу и скреплены длинными серебряными шпильками. Цветной зонтик защищал от солнца нежную кожу. Она была тоненькая, всего пяти футов ростом, но очень пропорционального сложения. И носила на шее тонкую золотую цепочку с маленьким золотым распятием.

Кири ждала на веранде домика. Она сидела в тени, тучные ягодицы нависали над подушкой. Кири следила, как женщина ступает по камням дорожки, столь аккуратно выложенной во мху, что, казалось, камни росли из него.

– Вы прекрасны и молоды, как никогда, Тода Марико-сан, – произнесла Кири без ревности, отвечая на поклон.

– Хотела бы я, чтобы так оно и было, Кирицубо-сан, – ответила Марико, улыбаясь. Она преклонила колени на подушку, машинально расправляя кимоно.

– Это правда. Когда мы встречались в последний раз? Два-три года назад? Вы совсем не изменились за то время, что я вас знаю. Должно быть, прошло двадцать лет с тех пор, как мы впервые встретились. Вы помните? Это было на празднике, который устроил господин Города. Вам исполнилось четырнадцать, вы только что вышли замуж и были очень красивы.

– И напугана.

– Нет, что вы, не напуганы!

– Это случилось шестнадцать лет назад, Кирицубо-сан, не двадцать. Да, я помню все очень хорошо.

«Слишком хорошо, – подумала она с болью в сердце. – В тот день брат прошептал мне, что, по его предположению, наш уважаемый отец собирается отомстить своему законному господину Городе и убить его. *Своего законного господина!*

О да, Кири-сан, я помню тот год, и день, и даже час. Именно тогда начался весь этот ужас. Я никогда никому не давала повода подумать, что заранее знала о том, что должно было случиться. Я не предупредила ни своего мужа, ни Хиромацу, его отца, – преданных вассалов своего господина, – что предательство готовилось одним из его самых важных военачальников. Хуже того, я не предупредила

Городу, своего законного господина. Так я нарушила свои обязанности по отношению к господину, своему мужу, его семье, которые после замужества стали моей единственной семьей. О Мадонна, прости мне мой грех, помоги мне очиститься. Я продолжала молчать, чтобы защитить любимого отца, который обесчестил себя на тысячу лет. О мой Боже, Иисус Назаретянин, спаси этого грешника от вечного проклятия...»

– Это было шестнадцать лет назад, – спокойно повторила Марико.

– В тот год я вынашивала ребенка господина Торанаги, – промолвила Кири и подумала, что, если бы господин Города не был подло предан и убит отцом Марико, господину Торанаге никогда бы не пришлось сражаться при Нагакудэ, она никогда бы не простудилась там и ее ребенок был бы доношен.

«Может быть, так, – рассудила она про себя. – А может быть, иначе. Это была просто карма, моя карма, все, что случилось».

– Ах, Марико-сан, – продолжала она без злобы, – это приключилось так давно, как будто в другой жизни. Но вы без возраста. Почему я не могу иметь вашу фигуру и красивые волосы и ходить так изящно? – Кири засмеялась. – Ответ простой: потому что я слишком много ем!

– Ну и что из того? Вы пользуетесь расположением господина Торанаги, не правда ли? И вполне удовлетворены. Вы мудры, добросердечны и довольны собой.

– Я бы хотела быть изящной, и много есть, и быть любимой, – вздохнула Кири. – Но вы? Вы недовольны собой?

– Я только инструмент моего господина Бунтаро, на котором он играет. Если господин, мой муж, счастлив, тогда, конечно, я счастлива. Его радость – моя радость. То же самое и с вами, – заключила Марико.

– Да. Но не совсем. – Кири обмахнулась веером, золотистый шелк которого поймал отблеск послеполуденного солнца.

«Не хотела бы я быть вами, Марико, со всей вашей красотой и блеском, мужеством и просвещенностью. Нет! Я бы дня не вынесла рядом с таким ненавистным, безобразным, невежественным грубияном, пусть даже и осталась бы одна в семнадцать лет. Он так не похож на своего отца, господина Хиромацу. Тот замечательный человек. Но Бунтаро? Как достойные отцы могут иметь таких ужасных сыновей? Я хотела бы иметь сына, о, как хотела бы! Но вы, Марико,

как вы можете терпеть плохое обращение все эти годы? Как вы вынесли ваши несчастья? Кажется невозможным, что они не отбросили тени ни на ваше лицо, ни на душу».

— Вы удивительная женщина, Тода Бунтаро Марико-сан.

— Благодарю вас, Кирицубо Тосико-сан. О, Кири-сан, так приятно снова встретить вас.

— И вас. Как ваш сын?

— Красивый-красивый. Сарудзи теперь пятнадцать лет, можете представить? Высокий и сильный, очень похож на своего отца. Господин Хиромацу дал ему свой надел земли. И вы знаете, он собирается жениться!

— Нет. На ком?

— На внучке господина Киямы. Господин Торанага так хорошо все устроил. Очень хорошая партия для нашей семьи. Я только хочу, чтобы девушка была внимательнее к моему сыну, достойна его. Вы знаете, она... — Марико засмеялась немного застенчиво. — Ну, я заговорила, как все свекрови. Однако, думаю, вы согласитесь, что она еще не готова к браку.

— У вас будет время подготовить ее.

— О, надеюсь, что это так. Мне повезло, что у меня не было свекрови. Я не знаю, что должна делать.

— Вы получите ее ребенком и научите всему, как учите всех в доме.

— О, хорошо бы, чтоб все так и было. — Руки Марико-сан без движения лежали на колене. Она наблюдала за стайей стрекоз, пока те не улетели. — Мой муж направил меня сюда. Господин Торанага хочет меня видеть?

— Да. Он пожелал, чтобы вы переводили для него, помогли объясниться.

Марико вздрогнула:

— С кем?

— Новым чужестранцем.

— О, а как же отец Цукку-сан? Он болен?!

— Нет. — Кири играла веером. — Нам остается только гадать, почему господин Торанага хочет, чтобы переводили вы, а не священник, как было при первом разговоре. Почему так получается, Марико-сан, что мы должны следить за тем, как расходуются деньги,

платить по счетам, обучать слуг, покупать еду и все прочее для дома – даже одежду для наших господ, – а они никогда ничего не открывают нам?

– Может быть, из-за нашей догадливости.

– Возможно. – Взгляд Кири был ровен и дружелюбен. – Но я думаю, что эта встреча будет носить очень личный характер. Так что поклянитесь своим христианским Богом, что не разгласите тайну. Никому.

Марико похолодела и с трудом произнесла:

– Конечно.

Она хорошо поняла Кири: не говорить ничего ни мужу, ни его отцу, ни священнику. Если супруг приказал ей прийти сюда, очевидно по требованию господина Торанаги, то допустимо ли, чтобы ее долг перед сюзереном, господином Торанагой, возобладал над долгом перед священником? И почему переводить должна она, а не отец Цукку-сан? Она поняла, что снова против воли втянута в интригу, которая испортит ей жизнь, и снова захотела, чтобы ее семья не была древней и не звалась Фудзимото, чтобы она не родилась со способностями к языкам, которые позволили ей выучить португальский и латынь, чтобы она никогда не рождалась вовсе. «Но тогда, – подумала она, – я бы никогда не увидела моего сына, не узнала о Младенце Христе, Его вере и о вечной жизни. Это твоя карма, Марико, – сказала она себе печально, – просто карма».

– Очень хорошо, Кири-сан. – А затем она добавила, предчувствуя нехорошее: – Я клянусь Господом Богом, что не разглашу ничего из сказанного здесь сегодня или в любое время, когда буду переводить для моего сюзерена.

– Мне думается также, что вам придется скрывать ваши чувства, чтобы точно переводить сказанное. Этот новый чужеземец – странный человек и говорит необычные вещи. Я уверена, что, если мой господин выбрал вас, на то имелись особые причины.

– Я буду делать то, что скажет господин Торанага. Он не должен сомневаться в моей преданности.

– Она никогда не подвергалась сомнению, госпожа.

Прошел весенний дождь, усеял каплями лепестки, мох, листья и закончился, сделав все еще прекраснее.

– Я попросила бы вас об одолжении, Марико-сан. Не будете ли вы так любезны спрятать ваше распятие под кимоно?

Пальцы Марико протестующе взметнулись.

– Почему? Господин Торанага никогда не возражал против моего перехода в эту веру, также и господин Хиромацу, глава нашего клана! И мой муж позволяет мне держать и носить распятие.

– Да, но распятия приводят в бешенство чужеземца, а мой господин Торанага хочет, чтобы варвар сохранял спокойствие.

Блэкторн никогда не видел таких маленьких людей.

– *Коннити ва*, – сказал он. – *Коннити*, Торанага-сама.

Он поклонился, словно придворный, кивнул мальчику, который стоял на коленях, широко раскрыв глаза, сбоку от Торанаги, и полной женщине, которая была за ним. Эти трое расположились на веранде, опоясывающей маленький домик. Строение состояло из одной небольшой комнаты с грубо сработанными ширмами и тесаными балками под соломенной крышей и кухонного уголка позади. Оно стояло на сваях из дерева, возвышаясь на фут или около того над ковром из чистого белого песка. Домик предназначался для проведения чайной церемонии и был построен только для этой цели за большие деньги из дерева редких пород. Впрочем, иногда эти уединенные постройки, возведенные на укромных полянках, использовались для свиданий и тайных переговоров.

Блэкторн подобрал кимоно и сел на подушку, которая лежала внизу на песке перед ними.

– *Гомэн насай*, Торанага-сама, *нихон го га ханасэ-масэн*. *Цуаки го имас ка?*

– Я ваш переводчик, сеньор, – сообщила Марико сразу, на почти безупречном португальском. – Но вы говорите по-японски?

– Нет, сеньорита, только несколько слов или фраз. – Блэкторн был захвачен врасплох.

Он ожидал, что переводчиком выступит отец Алвито, а Торанага появится в сопровождении самураев и, может быть, даймё Ябу. Но самураев поблизости не наблюдалось, хотя вокруг сада их присутствовало великое множество.

– Мой господин Торанага спрашивает: может быть, вы предпочитаете говорить по-латыни?

– Как пожелаете, сеньорита. – Подобно любому образованному человеку своего времени, Блэкторн мог читать, писать и говорить латыни, потому что в Европе латынь была единственным языком, на котором велось обучение.

«Кто эта женщина? Где она выучилась так хорошо говорить на португальском? И латыни! Где еще, как не у иезуитов, – подумал он. – В одной из их школ. О, они хитры! Первое, что делают, – строят школы».

Всего каких-то семьдесят лет назад Игнатий Лойола организовал Общество Иисуса, и теперь школы иезуитов, лучшие в христианском мире, распространились по всему свету, их влияние возводило на трон или низвергало королей. К ним прислушивался папа римский. Они сдержали волну Реформации и теперь отвоевывали обратно огромные вотчины для своей Церкви.

– Тогда будем говорить по-португальски, – решила она. – Мой господин хочет знать, где вы научились «нескольким словам и фразам»?

– В тюрьме был монах, сеньорита, францисканец, и он учил меня. Таким словам, как «еда», «друг», «ванна», «идти», «истинный», «фальшивый», «здесь», «там», «я», «вы», «пожалуйста», «спасибо», «хотеть», «не хотеть», «заключенный», «да», «нет» и прочим. Это только начало, к сожалению. Не будете ли вы так любезны сказать господину Торанаге, что я сейчас лучше подготовлен к его вопросам и более чем рад, что вышел из тюрьмы. За это я ему благодарен.

Блэкторн смотрел, как она повернулась и заговорила с Торанагой. Он знал, что ему следует изъясняться просто, желательно короткими предложениями и быть осторожнее, ибо, в отличие от священника, который переводил синхронно, женщина ждала, пока он закончит фразу, потом сжато излагала сказанное им или свою версию того, что было сказано. Так поступают все переводчики, кроме самых опытных, хотя и эти последние, как было с иезуитом, позволяют своим личным пристрастиям влиять на передачу чужих речей, вольно или невольно.

Ванна, массаж, еда и два часа сна освежили Блэкторна. Банная прислуга, сплошь женщины, крупные и сильные, сделали ему массаж кулаками, вымыли голову, заплели волосы в тугую косичку, а брадобрей подстриг ему бороду. Блэкторну дали чистую набедренную повязку, кимоно и пояс, а также таби и сандалии. Футоны, на которых

он спал, были такими же чистыми, как и комната. Казалось, что все это ему грезится, и, пробудившись после крепкого сна без сновидений, он некоторое время гадал, что же было грезой, настоящее или тюрьма.

Он нетерпеливо ждал, когда его снова поведут к Торанаге, обдумывая, что сказать и что открыть из тайного, как перехитрить отца Алвито и как взять верх над ним. И над Торанагой. После всего, что рассказал ему брат Доминго о португальцах, японских князьях и торговле, он твердо знал, что может оказаться полезен Торанаге, а тот в свою очередь способен дать ему богатства, о которых он мечтает.

И теперь, избавленный от необходимости противостоять священнику, он чувствовал себя еще более уверенно. Ему нужны были только небольшая удача и терпение.

Торанага внимательно слушал похожую на куклу переводчицу.

Блэкторн подумал: «Я мог бы поднять ее одной рукой, а если бы обхватил ладонями ее талию, мои пальцы сомкнулись бы. Сколько ей лет? Прекрасна! Замужем? Обручального кольца нет. О, это интересно. Она не носит никаких драгоценностей. Кроме серебряных шпилек в волосах. Других женщин здесь нет, только толстуха».

Он напряг память. Японки, виденные им в деревне, не носили драгоценностей, и он не заметил ничего такого на женщинах в доме Муры. Почему?

«Кто эта тучная женщина? Жена Торанаги? Или нянька мальчика? А парнишка? Сын Торанаги? Или, может быть, внук? Брат Доминго говорил, что японцы вправе иметь только одну жену одновременно, зато наложниц – узаконенных фавориток – сколько пожелают.

Может, женщина, переводящая Торанаге, его наложница?

Каково было бы с ней в постели? Боюсь, я бы сломал ее. Нет, она бы не сломалась. Женщины в Англии почти такие же маленькие. Но не похожи на нее».

Мальчик был маленьким и прямым, круглоглазым, густые черные волосы заплетены в короткую косичку, макушка не выбрита. Любопытство его казалось безмерным.

Не задумываясь, Блэкторн подмигнул. Мальчик подпрыгнул, потом засмеялся, прервал Марику, показал на Блэкторна и заговорил, его терпеливо выслушали, и никто не поторопил. Когда он закончил, Торанага коротко сказал что-то Блэкторну.

– Господин Торанага спрашивает, почему вы сделали это, сеньор?

– О, просто чтобы повеселить паренька. Он такой же ребенок, как и все, а дети в моей стране обычно смеются, когда так сделаешь. Мой сын должен быть примерно такого же возраста. Ему семь лет.

– Наследнику семь лет, – произнесла Мариико после паузы, потом перевела, что он сказал.

– Наследник? Значит, этот мальчик – единственный сын господина Торанаги? – спросил Блэкторн.

– Господин Торанага велел мне сказать, что сейчас вы должны ограничиться ответами на вопросы. – Потом она добавила: – Я уверена, если вы будете терпеливы, капитан Блэкторн, вам предоставят возможность в конце спросить о том, что вас заинтересовало.

– Очень хорошо.

– Поскольку ваше имя трудно произносить, сеньор, – ведь в нашем языке нет многих звуков, которые вы употребляете, – могу ли я для господина Торанаги использовать ваше японское имя, Андзин-сан?

– Конечно. – Блэкторн собирался спросить ее имя, но вспомнил о предупреждении и решил быть терпеливым.

– Спасибо. Мой господин спрашивает, есть ли у вас другие дети.

– Дочь. Она родилась как раз перед тем, как я покинул свой дом в Англии. Так что теперь ей около двух лет.

– У вас одна жена или несколько?

– Одна. У нас такой обычай. Как у португальцев и испанцев. Мы не имеем наложниц – законных, по крайней мере.

– Это ваша первая жена, сеньор?

– Да.

– Скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

– Тридцать шесть.

– Где в Англии вы живете?

– На окраине Чатема. Это небольшой порт около Лондона.

– Лондон – ваша столица?

– Да.

– Он спрашивает, на каких языках вы говорите.

– Английский, португальский, испанский, голландский и, конечно, латынь.

– Что значит «голландский»?

– Это язык, на котором говорят в Европе, в Нидерландах. Он очень похож на немецкий.

Она нахмурилась:

– На голландском изъясняются язычники? И на немецком тоже?

– Обе эти нации – не католические, – пояснил он осторожно.

– Извините меня, разве это не то же самое, что языческие?

– Нет, сеньорита. Христианство разделяется на две самостоятельные и заметно различающиеся ветви. Католицизм и протестантизм. Есть две разновидности христианства. В Японии обосновались служители Католической церкви. В настоящее время две Христианские церкви враждуют. – Он отметил ее удивление и нетерпение Торанаги, не участвующего в разговоре. «Будь осторожен, – предупредил он себя. – Она, конечно, католичка. Переходи к примерам. Выражайся проще». – Может быть, господин Торанага не желает обсуждать религиозные вопросы, сеньорита, поскольку мы уже говорили о них при первой встрече?

– Вы христианин-протестант?

– Да.

– А католики – ваши враги?

– Да, большинство считает меня еретиком и недругом.

Поколебавшись, она обернулась к Торанаге и подробно все ему объяснила.

Вокруг, по периметру сада, стояло много часовых – все на довольно большом расстоянии, и все коричневые. Потом Блэкторн заметил десять серых, сидевших плотной группой в тени и не спускавших глаз с мальчика. «Что все это значит?» – ломал он голову.

Торанага, расспросив Марико, вновь заговорил с Блэкторном.

– Мой господин желает знать о вас и вашей семье, – начала Марико. – О вашей стране, ее королеве и прежних правителях, привычках, обычаях, истории и обо всех других странах, особенно Португалии и Испании. Все о мире, в котором вы живете. О ваших кораблях, оружии, пище, торговле. О ваших войнах и сражениях, о том, как управлять кораблем, как вы ведете его и что случается в пути. Он хочет понять... Извините меня, почему вы смеетесь?

– Только потому, сеньорита, что это, видимо, исчерпывает все, что я знаю.

– Это точно то, чего хочет мой хозяин. «Точно» – правильное слово?

– Да, сеньорита. Могу ли я сделать комплимент вашему португальскому языку? Он безупречен.

Ее веер слегка дрогнул.

– Спасибо, сеньор. Да, мой хозяин хочет узнать правду обо всем – обо всех этих вещах и вашем к ним отношении.

– Я буду рад рассказать ему. Но это может занять некоторое время.

– Мой хозяин говорит, что время у него есть.

Блэкторн взглянул на Торанагу:

– *Вакаримас*.

– Извините меня, сеньор, но господин велел мне сказать, что ваш выговор не совсем правильный. – Мариико показала ему, как надо правильно произносить это слово, он повторил и поблагодарил ее. – Я сеньора Мариико Бунтаро, не сеньорита.

– Да, сеньора. – Блэкторн взглянул на Торанагу. – С чего бы он хотел, чтобы я начал?

Она перевела вопрос. Мимолетная улыбка прошла по властному лицу Торанаги.

– Господин говорит: «С начала».

Блэкторн знал, что это еще одна проверка. «С чего из всего перечисленного следует начать? Кому рассказывать? Торанаге, мальчику или женщинам? Очевидно, если присутствует только один мужчина, надо рассказывать Торанаге. Почему здесь эта женщина и мальчик? Это должно что-то значить».

Он решил сосредоточиться на мальчике и женщине.

– В древние времена моей страной правил великий король, который имел волшебный меч под названием Экскалибур. Его королева была самой красивой женщиной на земле. В главных советниках у него ходил колдун Мерлин, а короля звали Артур, – завел он легенду, которую так хорошо рассказывал его отец в далеком туманном детстве. – Столица короля Артура называлась Камелот. Это было счастливое время, когда люди не вели войн, собирали хорошие урожаи и... – Внезапно он понял, какую огромную ошибку совершает. Он выбрал историю о Гиневере и Ланселоте, распутной королеве и неверном вассале, о Модреде, незаконном сыне короля Артура, который в результате предательства втягивается в войну с отцом, и об отце, который в битве убивает сына, чтобы пасть от его руки. О боже,

как он мог так сглупить? Разве Торанага не похож на великого короля? Разве это не его женщина? Разве это не его сын?

– Вы больны, сеньор?

– Нет-нет, прошу прощения, это было только...

– Вы говорили, сеньор, о короле и хороших урожаях?

– Да. Это... Наше прошлое, как у множества стран, скрыто в тумане легенд, большинство из которых не имеют значения, – сказал он неубедительно, пытаясь выиграть время.

Она уставилась на него в недоумении. Глаза Торанаги стали строже, а мальчик зевнул.

– Вы рассказываете, сеньор?

– Да... О да! – Его охватило воодушевление. – Может быть, самое лучшее, что я могу сделать, – это нарисовать карту мира, сеньора, каким мы его знаем, – выпалил он. – Вам не хотелось бы, чтобы я сделал это?

Она перевела, и он отметил проблеск интереса в глазах Торанаги и полное равнодушие женщины и мальчика. «Как они связаны между собой?»

– Мой господин согласен. Я пошлю за бумагой.

– Спасибо. Но это займет всего минуту. Позднее, если вы дадите мне письменные принадлежности, я могу начертить точную карту.

Блэкторн встал со своей подушки и опустился на колени. Пальцем он начал чертить на песке примитивную карту, вверх ногами, чтобы они могли лучше видеть.

– Земля круглая, как апельсин, а эта карта похожа на его кожуру, вырезанную сегментами, с севера на юг, уложенную на плоскость и вытянутую немного вверху и внизу. Голландец по фамилии Меркатор изобрел такой способ изображения ровно двадцать лет назад. Это первая точная карта мира. Мы можем даже плавать, пользуясь ею, или глобусом. – Он смело набросал континенты. – Это север и юг, восток и запад. Япония – здесь, моя страна – на другой стороне мира, там. Тут все неизвестно и не исследовано... – Его рука очертила часть Северной Америки, лежащую выше линии, которая соединяет Мексику и Ньюфаундленд, всю Южную Америку, кроме Перу и узкой полосы побережья, окаймляющей континент, потом все к северу и востоку от Норвегии, все восточнее Московии, всю Азию, всю Центральную Африку, все к югу от Явы и южной оконечности Южной

Америки. – Мы знаем побережье, но еще мало. Внутренние части Африки, Америки и Азии почти полностью остаются загадкой. – Он замолчал, давая женщине возможность перевести.

Теперь перевод давался ей легче, и он чувствовал, что интерес к его словам возрастает. Мальчик зашевелился и придвинулся ближе.

– Наследник хочет знать, где мы на этой карте.

– Здесь. Это Катай, или Китай, я думаю. Я не знаю, как далеко мы находимся от берега. У меня ушло два года на то, чтобы доплыть отсюда досюда. – Торанага и толстая женщина вытянули шею, пытаясь лучше разглядеть.

– Наследник спрашивает, почему мы такие маленькие на вашей карте?

– Все дело в масштабе, сеньора. На этом континенте от Ньюфаундленда до Мексики почти тысяча лиг, каждая из них равна трем милям. Отсюда до Эдо около сотни лиг.

Наступило молчание, потом сидевшие на веранде заговорили между собой.

– Господин Торанага хочет, чтобы вы показали ему по карте, как пришли в Японию.

– Этим путем. Вот Магелланов пролив – или проход – здесь, у оконечности Южной Америки. Он назван так по имени португальского навигатора, который открыл его восемьдесят лет назад. С тех пор португальцы и испанцы держали этот путь в тайне, исключительно для своего пользования. Мы стали первыми чужаками, прошедшими через пролив. У меня была одна из их секретных карт, и все равно пришлось ждать целых шесть месяцев, чтобы пройти, потому что дули встречные ветры.

Она перевела. Торанага воззрился на него недоверчиво.

– Мой господин говорит, что вы ошибаетесь. Все португальцы пришли с юга. Это их путь, единственный путь.

– Да. Это верно, что португальцы предпочитают южный путь – мимо мыса Доброй Надежды – так мы называем его, – потому что владеют фортами-крепостями на побережье Африки, Индии и на островах Пряностей, где пополняют запасы продуктов, зимуют. Их галеоны – военные корабли – сторожат все морские пути, которые они захватили. Однако испанцы используют Магелланов пролив, чтобы попасть в свои колонии на Тихоокеанском побережье Америки и на

Филиппины, или вот здесь пересекают узкий Панамский перешеек, чтобы не плыть несколько месяцев по морю. Для нас безопасней было пройти Магеллановым проливом, иначе нам было бы не миновать вражеских португальских крепостей. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что теперь я знаю расположение многих из них. Кстати, португальцы охотно нанимают на службу японских воинов, — подчеркнул он. — Монах, который многое рассказал мне в тюрьме, был испанец, враждебно относящийся к португальцам, особенно иезуитам.

Блэкторн заметил мгновенную реакцию у нее на лице, а когда она перевела, и на лице Торанаги. «Дай ей время и говори попроще», — предупредил он себя.

— Японских воинов? Вы имеете в виду самураев?

— Их следовало бы назвать ронинами, я думаю.

— Вы сказали «секретная карта»? Мой господин хочет знать, как вы получили ее.

— Голландец по имени Питер Сюдерхоф служил личным секретарем у примаса Гоа. Примас — это титул главного католического священника, а Гоа — столица португальской Индии. Вы знаете, конечно, что португальцы пытались завоевать эти земли. Как личный секретарь архиепископа, который в то время был также португальским вице-королем, Сюдерхоф просматривал все бумаги. За много лет через его руки прошло несколько корабельных журналов и карт, которые он скопировал. Эти документы открыли ему секреты пути через Магелланов пролив и вокруг мыса Доброй Надежды, а также отмелей и рифов от Гоа до Японии через Макао. У меня имелось описание Магелланова пролива. Я хранил его среди остальных документов, которых лишился вместе с кораблем. Они необходимы мне и могут иметь огромное значение и для господина Торанаги.

— Мой господин говорит, что отдал приказ найти их. Продолжайте, пожалуйста.

— Когда Сюдерхоф вернулся в Голландию, он продал бумаги торговой Ост-Индской компании, которая владеет монополией на освоение Дальнего Востока.

Она холодно посмотрела на него:

— Этот человек был шпион на жалованье?

— Ему заплатили за карты. Да. Таков обычай голландцев, так они награждают человека. Не титулом или землей, только деньгами.

Голландия – республика. Конечно, сеньора, моя страна и наш союзник, Голландия, находятся в состоянии войны с Испанией и Португалией, и борьба продолжается уже годы. Вы понимаете, сеньора, на войне жизненно важно проникнуть в секреты врагов.

Марико повернулась и долго переводила.

– Мой господин спрашивает, почему архиепископ нанял на службу врага?

– Говорят, архиепископ, иезуит, прежде всего интересовался торговлей. Суйдерхоф удвоил доходы, так что его услуги ценились высоко. Он был исключительно искусен в торговле – голландцы обычно превосходят в этом португальцев, – поэтому его рекомендательные письма проверяли не слишком придирчиво. И потом, немало голубоглазых и светловолосых людей – немцев и других европейцев – исповедуют католичество. – Блэкторн подождал, пока она переведет, и добавил осторожно: – Он был главный шпион Голландии в Азии, солдат этой страны, и устроил несколько своих людей на португальские суда. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что без торговли с Японией португальская Индия не долго протянет.

Торанага смотрел на карту, пока Марико говорила. Никакого отклика с его стороны не последовало. Блэкторн усомнился, все ли она перевела.

– Мой господин хотел бы как можно скорее получить детальную карту мира на бумаге, где были бы отмечены все португальские форты и указано число ронинов в каждом. Он говорит: пожалуйста, продолжайте.

Блэкторн знал, что сделал колоссальный шаг вперед. Но мальчик зевнул, поэтому он решил изменить линию поведения, преследуя ту же цель.

– Наш мир не всегда такой, каким он кажется. Например, южнее этой линии – мы называем ее экватором – сезоны обратны тем, что у нас. Когда у нас лето, там зима, когда у нас тепло, они мерзнут.

– Почему это?

– Я не знаю, но так оно и есть. Теперь путь в Японию лежит через эти два южных прохода. Мы, англичане, надеемся проложить северный путь, либо на северо-восток мимо Сибири, либо на северо-запад вдоль Америки. Я доходил на север до этих мест. Там вся земля покрыта

вечным льдом и снегом и так холодно бóльшую часть года, что не обойтись без меховых рукавиц. Людей, которые живут в тех краях, называют лапландцами. Их одежды шьются из кожи с мехом. Мужчины охотятся, а женщины делают всю остальную работу. Именно они и шьют всю эту одежду. Только сначала им приходится долго жевать кожу, чтобы размягчить ее – иначе игла не возьмет.

Марико рассмеялась.

Блэкторн позволил себе улыбнуться, преисполняясь уверенности.

– Это правда, сеньора. *Хонто*.

– *Сорэва хонто дэс ка?* (Что верно?) – нетерпеливо спросил Торанага.

Сквозь смех она перевела, и остальные также начали смеяться.

– Я жил среди них почти год. Мы были захвачены в плен льдами и вынуждены ждать, когда они оттают. Лапландцы питаются рыбой, тюлениной, иногда мясом белых медведей и китов, которое едят сырым. А величайшим лакомством у них считается сырая китовая ворвань.

– О, полно вам, Андзин-сан!

– Это правда. И они живут в маленьких круглых домах, сделанных целиком из снега, и никогда не моются.

– Что? Никогда? – вспыхнула она.

Он покачал головой и решил не рассказывать ей, что бани – редкость и в Англии, даже бóльшая редкость, чем в Испании и Португалии, где теплее.

Она перевела последнюю фразу. Торанага покачал головой, явно не веря.

– Мой господин говорит, что вы преувеличиваете. Никто не может прожить без мытья. Даже дикари.

– Это правда. *Хонто*, – сказал он спокойно и поднял руку. – Клянусь Иисусом из Назарета и моей душой, что это правда.

Она наблюдала за ним в молчании.

– Все?

– Да. Господин Торанага хотел правды. Зачем мне лгать? Моя жизнь в его руках. Правду доказать легко – хотя нет, честно говоря, доказать то, что я сказал, очень трудно: вам нужно поехать туда и посмотреть самим. Конечно, португальцы и испанцы, мои враги, не

поддержат меня. Но господин Торанага просил рассказать ему правду. Он может верить тому, что я сообщил.

Марико задумалась на мгновение. Потом тщательно перевела все, что он сказал. Наконец произнесла:

– Господин Торанага говорит, это невероятно, чтобы кто-нибудь мог обходиться без мытья.

– Да. Но тамошние края холодные. И привычки народов, населяющих их, отличаются от ваших и моих. Например, в моей стране все считают, что ванны опасны для здоровья. Моя бабушка Джейкоба говорила: «Одна ванна – когда рождаешься, и другая – когда тебя кладут на стол, чтобы препроводить в жемчужные врата, врата рая».

– В это очень трудно поверить.

– В некоторые из ваших обычаев тоже очень трудно поверить. Но это правда, что за недолгое время, которое я провел в вашей стране, мне довелось побывать в бане чаще, чем за многие годы до того. Охотно допускаю, что это пошло на пользу здоровью. – Он ухмыльнулся. – Я больше не считаю, что ванны опасны. Так что я выиграл, приехав сюда, не правда ли?

После паузы Марико подтвердила:

– Да, – и перевела.

Кири воскликнула:

– Он удивителен, удивителен!

– Каково ваше мнение о нем, Марико-сан? – спросил Торанага.

– Я допускаю, что он говорит правду или верит, что говорит правду. Очевидно, что он может быть очень полезен для вас, мой господин. Нам так мало известно о том, что находится за пределами нашей страны. Это важно для вас? Я не знаю. Такое чувство, словно он спустился со звезд или вышел из моря. Коль скоро он враг португальцам и испанцам, тогда его сведения, если им можно доверять, могут оказаться очень важными для вас, да?

– Я согласна, – поддержала Кири.

– А что вы думаете, Яэмон-сама?

– Я, дядя? О, я думаю, он безобразен. Мне не нравятся его золотистые волосы и кошачьи глаза, и он вовсе не похож на человека, – выпалил мальчик, задыхаясь. – Я рад, что рожден не чужестранцем, как он, а самураем, как мой отец. Можно мы пойдем еще поплаваем?

– Завтра, Яэмон, – поморщился Торанага, раздраженный тем, что не может напрямую разговаривать с капитаном.

Пока они переговаривались между собой, Блэкторн решил, что время вышло. Тут Мариико опять повернулась к нему:

– Мой господин спрашивает, почему выплыли на север?

– В ту пору я служил штурманом. Мы пытались найти Северо-Восточный проход, сеньора. Я знаю, что многие вещи, о которых я вам рассказываю, звучат смешно, – начал он. – Например, семьдесят лет назад короли Испании и Португалии подписали важный договор, который разделил земли в Новом Свете, весь неоткрытый мир, между ними. Так как ваша страна попадает на португальскую половину, по этому договору она принадлежит Португалии, господин Торанага. Все вы, этот замок и все в нем отданы Португалии.

– О, пожалуйста, Андзин-сан, извините меня, но это же вздор!

– Я согласен, что их высокомерие невероятно. Но это правда.

Она тут же стала переводить, и Торанага издевательски рассмеялся.

– Господин Торанага говорит, что и он мог бы разделить небеса между ним самим и императором Китая, не так ли?

– Пожалуйста, объясните господину Торанаге, что это не одно и то же, – попросил Блэкторн, сознавая, что встал на опасный путь. – Это записано в официальных документах, которые дают королю право объявить любую вновь открытую землю, если она не католическая, своей собственностью, низложить существующее правительство и заменить его своим наместником. – Он провел на карте с севера на юг линию, которая разделила Бразилию. – Все, что лежит к востоку от этой границы, – португальское, все, что к западу, – испанское. Педру Кабрал открыл Бразилию в тысяча пятисотом году, поэтому теперь Португалия владеет Бразилией. Она искоренила местные обычаи, сместила законных властителей и обогатилась благодаря золоту и серебру, добываемым в тамошних рудниках и награбленным в храмах. Все остальные земли в Америке, открытые к настоящему времени, отошли Испании: Мексика, Перу, почти весь южный континент. Испанцы истребили народ инков, уничтожили их культуру, поработили сотни тысяч местных жителей. Конкистадоры имеют современное оружие, туземцы – нет. С конкистадорами пришли священники. Скоро некоторые местные владыки были обращены в христианство,

завоеватели умело стравливали их, пользуясь давней враждой. Один властитель шел войной на другого, их государства были захвачены по кускам. Теперь Испания – богатейшая страна в нашем мире, и основа этого богатства – сокровища инков и Мексики, которые испанцы прибрали к рукам и переправили за океан, на родину.

Марико сразу сосредоточилась. Она быстро уловила значение сообщенных Блэкторном сведений. Торанага тоже.

– Мой господин говорит, что это очень важный разговор. Как они могли присвоить себе такие права?

– Они ничего не присвоили, – мрачно заявил Блэкторн. – Папа даровал им эти права – как наместник Христа на земле. В благодарность за распространение слова Божьего.

– Я не верю! – воскликнула Марико.

– Пожалуйста, переведите, что я сказал, сеньора. Это правда.
Хонто.

Она повиновалась и долго говорила, явно неуверенно. Потом объявила:

– Мой господин считает, что вы просто пытаетесь настроить его против своих врагов. Это верно? Речь идет о вашей жизни, сеньор.

– Папа Александр Четвертый провел первую разделительную линию в тысяча четыреста девяносто третьем году, – начал Блэкторн, благословляя про себя Альбана Карадока, который вложил в него столько сведений, когда он был молод, и отца Доминго, поведавшего о гордости японцев и давшего ключи к японскому образу мыслей. – В тысяча пятьсот шестом году папа Юлий Второй одобрил поправки к Тордесильясскому договору, подписанному Испанией и Португалией в тысяча четыреста девяносто четвертом году, который немного изменил границы. Папа Климент Седьмой санкционировал Сарагосский договор тысяча пятьсот двадцать девятого года, который почти семьдесят лет назад установил еще одну границу. – Его палец провел по песку линию меридиана, которая отрезала южную оконечность Японии. – Это дает Португалии исключительное право на вашу страну, все эти земли – от Японии и Китая до Африки – так, как я сказал. Исключительное право использовать их – *любыми способами* – в обмен на распространение католицизма. – Он снова подождал. Женщина колебалась, мучимая нерешительностью. Он почувствовал растущее раздражение Торанаги, которому пришлось ждать перевода.

Марико вынудила себя передать сказанное. Потом она опять слушала Блэкторна, и ей было неприятно то, что она слышала. «Разве такое возможно? Как мог его святейшество сделать подобное? Отдать нашу страну Португалии? Это должно быть ложью. Но он клянется Господом нашим Иисусом».

– Капитан говорит, господин, – начала она, – что в то время, когда его святейшеством папой были приняты эти решения, весь их мир – даже страна Андзин-сана – был католическим. Раскола еще не произошло, поскольку решения папы способствовали объединению наций. При всем том, добавляет он, несмотря на исключительное право португальцев эксплуатировать Японию, Испания и Португалия непрерывно ссорятся из-за права владения, так как наша торговля с Китаем приносит большие прибыли.

– А каково твое мнение, Кири-сан? – спросил Торанага, шокированный, как и остальные. Только мальчик остался равнодушным и играл своим веером.

– Он считает, что говорит правду, – изрекла Кири. – Да, думаю, это так. Но как проверить его слова или хотя бы часть?

– Как проверить это, Марико-сан? – спросил Торанага, более всего пораженный реакцией Марико, но довольный тем, что согласился использовать ее как переводчицу.

– Я бы спросила отца Цукку-сана, – ответила она. – Потом послала бы какого-нибудь доверенного вассала в те страны, чтобы проверить все это. Может быть, с Андзин-саном.

Кири ввернула:

– Если священник не подтвердит заявления чужеземца, это не обязательно будет означать, что Андзин-сан лжет, ведь так?

Кири была рада, что предложила взять Марико в переводчицы, когда Торанага искал замену Цукку-сану. Она знала, что Марико вполне надежна и, после того как поклялась своим чужеземным Богом, будет молчать, сколько бы ни допытывался ее христианский священник. «Чем меньше знают эти дьяволы, тем лучше, – думала Кири. – А как много известно чужестранцу!»

Кири тоже заметила, что мальчик зевает, и порадовалась этому. «Чем меньше поймет ребенок, тем лучше», – сказала она себе. Потом спросила:

– А почему бы не послать за главой христианских священников и не порасспросить его? Посмотрим, что он скажет. Их лица открыты, они почти не умеют хитрить.

Торанага кивнул, его взгляд остановился на Мариико.

– Из того, что вам известно о южных варварах, Мариико-сан, следует ли, что приказы папы будут выполняться? Что скажете?

– Без сомнения.

– Его приказы исполняются, как если бы это был голос Бога?

– Да.

– Даже здесь, нашими христианами?

– Думаю, да.

– И даже вами?

– Да, господин. Если я получу прямой приказ от его святейшества, да. Ради спасения моей души. – Ее взгляд был тверд. – Но до того я буду повиноваться только моему законному господину, главе нашего рода или моему мужу. Я – японка, христианка, да, но прежде всего самурай.

– Думаю, тогда было бы хорошо, чтобы его святейшество держался подальше от наших берегов. – Торанага на мгновение задумался, решая, что делать с чужеземцем, Андзин-саном. – Скажи ему... – Он не договорил.

Все глаза устремились на тропинку и приближающуюся по ней пожилую женщину. Она была в накидке с капюшоном, какие носят буддийские монахини. Четверо серых сопровождали ее. Они остановились, и женщина подошла уже одна.

Глава 17

Все низко поклонились. Торанага заметил, что чужеземец, подражая им, не встал, не посмотрел на нежданную гостью, как сделали бы все чужеземцы, за исключением Цукку-сана, как это принято у них. «Он быстро обучается», – подумал Торанага, все еще ошеломленный тем, что услышал. Десять тысяч вопросов роились в голове, но, следуя своим правилам, он временно отключился, чтобы сосредоточиться на непосредственной опасности.

Кири поторопилась отдать старой женщине свою подушку и помогла ей сесть, потом встала рядом на колени, готовая услужить.

– Спасибо, Кирицубо-сан, – поблагодарила старуха, отвечая на поклон. Она звалась Ёдоко и была вдовой тайко, после его смерти ставшей буддийской монахиней. – Извините, что я пришла без приглашения и помешала вам, господин Торанага.

– Вы никогда не бываете незваной или нежеланной, Ёдоко-сама.

– Спасибо, спасибо. – Она взглянула на Блэкторна и прищурилась, чтобы лучше разглядеть. – Но я думаю, что все-таки помешала. Не могу разобрать, кто это? Он чужеземец? Мои глаза становятся все хуже и хуже. Это не Цукку-сан, да?

– Нет. Это новый чужеземец, – подсказал Торанага.

– Ах так! – Ёдоко посмотрела с более близкого расстояния. – Пожалуйста, объясните ему, что я плохо вижу, отсюда и эта моя невежливость.

Марико выполнила ее просьбу.

– Он говорит, что в его стране многие люди страдают близорукостью, Ёдоко-сама, но они носят очки. Он спросил, есть ли очки у нас. Я сказала, что да, некоторые из нас имеют очки – достали их у южных чужеземцев. Что раньше вы носили очки.

– Да. Я предпочитаю туман, который окружает меня. Да, мне не нравится многое из того, что я вижу теперь. – Ёдоко отвернулась и посмотрела на мальчика, сделав вид, будто только что увидела его. – О! Сын мой! Так вот ты где. Я тебя ищу. Как хорошо, что я встретила кампаку! – Она почтительно поклонилась.

– Спасибо, первая мама. – Яэмон просиял и поклонился в ответ. – О, если бы вы послушали этого варвара! Он нарисовал нам карту мира и рассказал смешные истории про людей, которые не моются! Никогда в жизни! И они живут в снежных домах и носят шкуры, как злые ками.

Старая госпожа фыркнула:

– Чем меньше их прибывает сюда, тем лучше, так мне думается, сын мой. Я никогда не понимала их, и они всегда отвратительно пахли. Я никогда не могла взять в толк, как господин тайко, твой отец, их терпит. Но он был мужчиной, и ты мужчина, а значит, наделен бóльшим терпением, чем слабые женщины. У тебя хороший учитель, Яэмон-сама. – Взгляд ее старческих глаз перебежал на Торанагу. – Господин Торанага – самый терпеливый человек в стране.

– Терпение важно для мужчины и необходимо для вождя, – изрек Торанага. – И жажда знаний также хорошее качество, да, Яэмон-сама? А знания порой приходят из незнакомых мест.

– Да, дядя. О да, – подхватил Яэмон. – Он прав, не так ли, первая мама?

– Да-да, я согласна. Но я рада, что мне, женщине, не нужно беспокоиться о таких вещах, не правда ли? – Ёдоко обняла мальчика, который перебрался к ней поближе. – Да, сын мой. Почему я здесь? Я пришла за кампаку. Потому что поздно, кампаку пора есть и заняться письмом.

– Я не люблю писать, и я хотел поплавать!

Торанага произнес с напускной важностью:

– В твоём возрасте я тоже ненавидел письмо. Но потом, когда мне было уже двадцать лет, я должен был бросить воевать и вернуться в школу. И возненавидел его еще больше.

– Вернулись в школу, дядя? После того, как ушли из нее? О, как ужасно!

– Вождь должен уметь хорошо писать, Яэмон-сама. Не только понятно, но и красиво, а кампаку – лучше кого бы то ни было. Как еще можно писать его императорскому величеству или великим даймё? Вождь должен уметь делать много трудных вещей!

– Да, дядя. Очень трудно быть кампаку. – Яэмон важно нахмурился. – Думаю, лучше мне учиться сейчас, а не в двадцать лет, потому что тогда у меня будут более важные государственные дела.

Они все очень гордились им.

– Ты очень умный, сын мой, – похвалила Ёдоко.

– Да, первая мама. Я мудр, как мой отец, так говорит моя мать. Когда она вернется домой?

Ёдоко подняла глаза на Торанагу:

– Скоро.

– Надеюсь, что очень скоро, – подхватил Торанага. Он знал, что Ёдоко прислал за мальчиком Исидо. Торанага привел наследника и его охрану прямо в сад, чтобы еще больше разозлить врага. А также чтобы первым показать мальчику иностранного капитана, лишив Исидо этого удовольствия.

– Очень тяжело нести ответственность за моего сына, – вздохнула Ёдоко. – Вот если бы госпожа Отиба была снова дома, в Осаке, тогда я могла бы вернуться в храм, правда? Как она и госпожа Гэндзико?

– Они обе в добром здравии, – сообщил Торанага, ликуя в душе.

Девять лет назад тайко в неожиданном приступе дружеских чувств предложил ему жениться на госпоже Гэндзико, младшей сестре госпожи Отибы, его любимой наложницы. «Тогда наши дома навеки объединятся, правда?» – сказал тайко. «Да, господин. Я повинуюсь, хотя и не заслужил такой чести», – ответил Торанага с почтением. Он хотел породниться с тайко, но знал, что если Ёдоко, жена тайко, может, и одобрит этот союз, то госпожа Отиба, ненавидящая его, Торанагу, использует все свое огромное влияние на тайко, чтобы воспрепятствовать браку. Было бы разумней избежать женитьбы на сестре госпожи Отибы еще и потому, что это дало бы ей огромную власть над ним и – не последнее дело – доступ к его состоянию. Но если бы она была отдана замуж за его сына Судару, тогда Торанага как глава рода сохранил бы в своих руках всю власть. Потребовалось все его искусство, чтобы свести дело к женитьбе Судары на Гэндзико, и, когда это произошло, Гэндзико оказалась для него бесценным даром как защита от госпожи Отибы, потому что та обожала сестру.

– Моя невестка еще не разродилась. Ожидалось, что роды начнутся вчера, но я думаю, что, как только опасность пройдет, госпожа Отиба немедленно вернется.

– После трех девочек Гэндзико пора бы подарить вам внука, не так ли? Я буду молиться о его рождении.

– Благодарю вас, – отозвался Торанага, симпатизируя ей, как всегда, зная, что она говорит искренно, хотя он не представлял ничего,

кроме угрозы, ее дому.

– Я слышала, ваша госпожа Садзуко беременна?

– Да. Я очень счастлив. – Торанага почувствовал, как радостно стало на душе при мысли о его последней наложнице, ее молодости, силе и теплоте. «Я надеюсь, у нас родится сын, – сказал он себе. – Да, это было бы очень хорошо. Семнадцать лет – прекрасный возраст для того, чтобы родить первого ребенка, тем более с ее здоровьем». – Да, я очень счастлив.

– Будда благословил вас. – Ёдоко почувствовала укол зависти. Казалось нечестным, что у Торанаги пять взрослых сыновей, четыре дочери и уже пять внуков, да еще ребенок Садзуко вот-вот появится на свет. Имея несколько наложниц, он успеет обзавестись множеством сыновей, ведь ему предстоит прожить еще немало полноценных лет. А все ее надежды сосредоточились на единственном семилетнем мальчике, ее ребенке наравне с госпожой Отибой. «Да, он также и мой сын, – подумала она. – Как я ненавидела Отибу вначале...»

Она увидела, что все смотрят на нее, и вздрогнула:

– Да?

Яэмон нахмурился:

– Я спросил, можем ли мы пойти делать уроки, первая мама? Я два раза вас спросил.

– Извини, сын мой, я отвлеклась. Вот что случается, когда стареешь. Да, тогда пошли.

Кири помогла ей подняться, Яэмон побежал впереди. Серые уже встали, один из них поймал наследника и заботливо посадил себе на плечи. Четверо самураев, которые сопровождали Ёдоко, ждали отдельно.

– Пройдитесь со мной немного, господин Торанага, пожалуйста. Мне нужно опереться на чью-нибудь сильную руку.

Торанага с удивительной живостью вскочил на ноги. Она взяла его за руку, но не оперлась на нее.

– Да, мне нужна сильная рука, Яэмону тоже. Да и стране.

– Я всегда готов служить вам, – отозвался Торанага.

Когда они удалились от остальных, Ёдоко спокойно произнесла:

– Становитесь единовластным регентом. Возьмите власть и правьте сами. До тех пор, пока Яэмон не вырастет.

– Завещание тайко запрещает это, даже если бы я и хотел, чего на самом деле нет. Ограничения, которые он наложил в завещании, исключают захват власти одним регентом. Я не стремлюсь к единовластию. Я никогда не стану единственным регентом.

– Тора-тян, – начала она, используя прозвище, которое дал ему тайко много лет назад, – между нами мало секретов. Вы можете сделать это, если пожелаете. Я говорю и за госпожу Отибу. Возьмите власть до конца своей жизни. Станьте сёгуном и делайте...

– Госпожа, то, что вы говорите, – это измена. Я не стремлюсь стать сёгуном.

– Конечно, но, пожалуйста, послушайте меня в последний раз. Станьте сёгуном и сделайте Яэмона единственным наследником – вашим единственным наследником. Он может быть сёгуном после вас. Разве он не ведет свое происхождение от Фудзимото – через госпожу Отибу назад до ее деда Города и через него еще дальше в древность? Фудзимото!

Торанага посмотрел на нее в сомнении:

– Вы думаете, даймё согласятся с подобным и его императорское величество, Сын Неба, может утвердить назначение?

– Нет. Не для самого Яэмона. Но если бы вы стали сёгуном и усыновили его, то смогли бы убедить их, всех их. Мы поддержим вас, госпожа Отиба и я.

– Она согласна? – удивился Торанага.

– Нет. Мы никогда не обсуждали этого. Это моя идея. Но она согласится. Я отвечаю за нее. Заранее.

– Это невозможно, госпожа.

– Вы можете управлять Исидо и всеми ими. Вы всегда могли. Я боюсь, Тора-тян, того, что слышала. Поговаривают о войне, о расколе и начале новых темных веков. Стоит огню войны вспыхнуть, как он будет полыхать вечно и поглотит Яэмона.

– Да, я тоже так считаю. Да, если война начнется, она будет последней и нескончаемой.

– Тогда возьмите власть! Делайте что хотите, с кем хотите и как хотите. Яэмон – хороший мальчик. Я знаю, вы любите его. У него ум отца, и, если вы станете направлять его, мы все только выиграем. Он должен получить свое наследство.

– Я не возражаю против него или его преемников. Сколько раз я это должен говорить?

– Наследник будет уничтожен, если вы его не поддержите самым решительным образом.

– Я поддерживаю его! – проворчал Торанага. – Всеми силами. В этом я согласен с тайко, вашим последним мужем.

Ёдоко вздохнула и плотнее запахнула свое одеяние:

– Эти старые кости простужены. Так много тайн, войн, предательств, смертей и побед, Тора-тян. Я только женщина, и очень одинокая. Я рада, что посвятила себя Будде и своей следующей жизни. Но в этой я должна защитить своего сына и сказать вам это. Надеюсь, вы простите мою дерзость.

– Я всегда радуюсь вашим советам и ищу их.

– Спасибо. – Ее спина немного распрямилась. – Послушайте, пока я жива, ни наследник, ни госпожа Отиба не пойдут против вас.

– Да.

– Вы учтете мое предложение?

– Последняя воля моего господина запрещает это. Я не могу идти против священных клятв, которые принес как регент.

Они шли в молчании. Потом Ёдоко вздохнула:

– Почему бы вам не взять ее в жены?

Торанага остановился:

– Отибу?

– Почему нет? Это был бы вполне достойный выбор. Совершенный выбор для вас. Она красива, молода, крепка, благородной крови – в родстве с Фудзимото и Миновара, она полна солнца и очень жизнерадостна. У вас сейчас не имеется законной жены – так почему нет? Это обеспечит преемственность власти и предотвратит раскол в стране. От нее у вас наверняка будут еще сыновья. Яэмон унаследует титул после вас, за ним – его сыновья или другие ее сыновья. Вы можете стать сёгуном. Вы обретете власть над страной и власть отца, так что сумеете подготовить Яэмона к выбранному вами пути. Вы усыновите его законным порядком, и он станет одним из ваших детей. Почему вам не жениться на госпоже Отибе?

«Потому что она дикая кошка, вероломная тигрица с лицом и телом богини, которая думает, что она супруга императора, и ведет

себя соответственно, – признался себе Торанага. – Ты никогда не сможешь доверять ей в постели. Она была бы хуже иголки в глазу. Разве уснешь спокойно, когда такая лелеет твой сон? О нет, только не она! Даже если жениться на ней ради одного имени, на что она никогда не согласится. О нет! Это невозможно! По многим причинам, не последняя из которых – то, что она ненавидит меня и ждет моего поражения, моего и моего дома, все время с тех пор, как родила первый раз, одиннадцать лет назад.

Даже тогда, в семнадцать лет, она пожертвовала собой, чтобы погубить меня. Да, такая мягкая внешне, как первый летний персик, и столь же душистая. Но внутри – это сталь, какая идет на боевые мечи. У нее мозг игрока в го. Она пускает в ход все свое обаяние, быстро сведшее с ума тайко и отвратившее его от всех остальных женщин. Да, она сразу покорила тайко – ей было тогда пятнадцать, и он впервые ввел ее в свой дом. Да, и не забывай, что на самом деле это она соблазнила его, а не он ее, хотя тайко очень верил в себя. Да, даже в пятнадцать Отиба знала, чего хочет и как этого добиться. Потом случилось чудо, подарившее наконец сына тайко. Именно ей, одной из всех женщин, которых он имел в своей жизни, удалось родить ему сына. Скольких женщин он имел? По крайней мере сто. Этот удалец оросил своим отрадным соком больше „божественных палат“, чем десять обычных мужчин! Да. И ни одна из этих женщин всех возрастов и сословий, жен или наложниц, начиная с принцессы Фудзимото и кончая куртизанками четвертого класса, не понесла, хотя позже те, кого он выгнал, с кем расторг брак, кто снова вышел замуж после его смерти, беременели от других мужчин. Ни одна, кроме госпожи Отибы.

Она родила ему сына, когда тайко было пятьдесят три года, бедное маленькое существо, быстро заболевшее и умершее. Тайко рвал на себе одежды, чуть не сошел с ума от горя, проклинал себя, но не ее. Потом, спустя четыре года, она чудесным образом снова разрешилась от бремени, и, что удивительно, снова сыном, на сей раз здоровым, ей тогда шел двадцать первый год. Отиба Бесподобная называл ее тайко.

Отец ли тайко Яэмону или нет? О, я много бы отдал, чтобы знать правду. Узнаем ли мы когда-нибудь? Возможно, нет, но чего бы я только ни отдал за доказательство того или иного.

Странно, что тайко, такой проницательный во всем остальном, лишился этого качества рядом с Отибой, любя ее и Яэмона до безумия. Странно, что из всех женщин матерью его наследника должна была стать именно она, она, чей отец, отчим и мать погибли по вине тайко.

Неужели ей хватило ума переспать с другим мужчиной, зачать от него, а потом уничтожить любовника, чтобы обезопасить себя? И не один раз, а дважды?

Могла ли она быть так вероломна? О да.

Жениться на Отибе? Никогда!»

– Я польщен тем, что вы сделали мне такое предложение, – поклонился Торанага.

– Вы мужчина, Тора-тян. Вы с легкостью управитесь с такой женщиной. Вы единственный мужчина в стране, который способен на такое, правда? Она удивительная партия для вас. Посмотрите, как она, незащищенная женщина, борется за интересы своего сына. Она достойная жена для вас.

– Не думаю, что она когда-нибудь думала о таком.

– А если думала?

– Я бы хотел знать это. Тайно. Да, это была бы безмерная честь для меня.

– Многие люди считают, что только вы стоите между Яэмоном и его будущим.

– Многие люди глупы.

– Да. Но не вы, Торанага-сама. И не госпожа Отиба.

«И не вы, моя госпожа», – подумал он.

Глава 18

В самое темное время ночи через стену в сад проник убийца. Облегающая тело черная одежда, черные таби, черный капюшон и черная маска делали его почти невидимкой. Этот человек небольшого роста бесшумно пробежал к каменному укреплению внутри сада и остановился около отвесной стены. В пятидесяти ярдах от него двое коричневых охраняли главный вход. Очень ловко убийца метнул вверх обмотанный тряпками крюк, от которого тянулась тонкая шелковая веревка. Крюк зацепился за каменный карниз амбразуры. Убийца поднялся по веревке, протиснулся в щель амбразуры и исчез внутри.

Пустынный коридор освещался свечами. Убийца бесшумно спустился вниз, открыл наружную дверь и вышел на зубчатую стену. Еще один искусный бросок, стремительное восхождение по стене – и он оказался в коридоре наверху. Часовые, которые стояли на углах зубчатой стены, не услышали его, хотя и были настороже.

Когда мимо проходили стражи в коричневых кимоно, он плотно вжался в нишу. После этого убийца проскользнул по переходу. У угла он остановился. Молча огляделся. Дальняя дверь охранялась самураем. Пламя свечей колебалось в тишине. Часовой сидел, скрестив ноги, вот он зевнул, привалился к стене и вытянулся. Его глаза на минуту закрылись. Убийца мгновенно кинулся вперед. Беззвучно. Сделав петлю из шелковой веревки, которая все еще была у него в руках, он накинул удавку на шею часового и резко затянул. Пальцы часового попытались схватить и оттянуть петлю, но он уже умирал. Короткий удар ножом между ребер, нанесенный с искусством хирурга, – и часовой замер.

Убийца открыл дверь. Зал для аудиенций был пуст, внутренние двери не охранялись. Он втащил труп внутрь и закрыл за собой дверь. Без колебаний пересек комнату, выбрал левую внутреннюю дверь. Она была сделана из дерева и хорошо укреплена. В его правую руку словно сам собой скользнул изогнутый нож. Он тихонько постучал.

– «В дни императора Сиракавы...» – произнес он первую часть пароля.

С другой стороны двери донесся лязг обнажаемого меча и ответ:

– «...жил мудрец по имени Энряку-дзи...»

– «...который написал тридцать пятую сутру». У меня срочные послания для господина Торанаги.

Дверь распахнулась, и убийца нанес удар. Нож взметнулся вверх, вонзился в горло первого самурая ниже подбородка, выскользнул из раны и молниеносно поразил в гортань второго стража. Легкий поворот – и нож снова на свободе. Оба часовых умерли, еще не успев упасть. Убийца подхватил одного и дал ему мягко опуститься на пол. Другой упал, но бесшумно. Возле распростертых тел растекалась кровь.

Убийца заторопился вниз по внутреннему, плохо освещенному переходу. В это время открылись сёдзи. Он замер, медленно оглядываясь.

На него удивленно смотрела Кири, застывшая в десяти шагах с подносом в руках.

Он заметил, что две чашки на подносе полные, еда в них не тронута. Из чайника шел пар. Сбоку потрескивала свеча. Тут поднос упал, рука женщины скользнула за оби и выхватила оттуда кинжал, рот ее открывался, но не издавал ни звука, и убийца бросился в угол. Открылась дальняя дверь, выглянул заспанный самурай.

Убийца метнулся к нему и рванул сёдзи справа, куда и стремился. Кири закричала, поднялась тревога, а он уверенно неся в темноте, через переднюю, мимо просыпающихся женщин и их служанок, во внутренний коридор в дальнем конце дома.

Здесь была тьма крошечная, но он ощупью продвигался вперед, безошибочно находя нужную дверь в воцарившейся суматохе. Он открыл дверь и прыгнул на человека, лежавшего на футоне. Но его руку, державшую нож, сжало, словно тисками, и он был вынужден схватиться врукопашную на полу. Он дрался очень умело, вырвался, опять занес нож для удара, но промахнулся, запутавшись в одеяле. Убийца откинул толстый стеганный покров и бросился на жертву, изготовившись для смертельного удара. Но жертва развернулась с неожиданной ловкостью и сильно пнула его в пах. Боль взорвалась в убийце, а тот, на кого он покушался, отскочил на безопасное расстояние.

К тому времени в дверях уже столпились самураи, некоторые с фонарями. Нага, в одной набедренной повязке, с взъерошенными

волосами, прыгнул между убийцей и Блэкторном, высоко подняв меч:

– Сдавайся!

Убийца отскочил назад, крикнул:

– *Наму Амида Буцу!* (Во имя Будды Амиды!) – повернул нож острием к себе и обеими руками вогнал его в свое горло ниже подбородка. Хлынула кровь, он опустился на колени. Нага сразу нанес удар. Его меч, пронесшись вихрем, описал дугу, и голова убийцы покатилась по полу.

В наступившей тишине Нага поднял голову и сорвал с нее маску. Лицо было обычным, глаза еще мигали. Волосы были уложены как у самурая, и Нага держал голову за узел на макушке.

– Кто-нибудь знает его?

Никто не ответил. Нага плюнул в мертвое лицо, сердито бросил голову одному из своих людей, сорвал с убийцы одежду, поднял его правую руку и нашел то, что искал. Маленькая татуировка – китайский иероглиф, обозначающий Амиду, особую ипостась Будды, – была наколата под мышкой.

– Кто командир стражи?

– Я, господин. – Сказавший это был смертельно бледен.

Нага прыгнул на него, остальные расступились. Командир часовых не сделал попытки уклониться от яростного удара меча, который отрубил ему голову, часть плеча и одну руку...

– Хаябуса-сан, прикажи всем самураям этого караула спуститься во двор, – бросил Нага одному из начальников. – Удвой караулы. Убери отсюда тела. Все остальные... – Он не договорил – к двери подошла Кири, все еще с кинжалом в руке. Она взглянула на труп, потом на Блэкторна.

– Андзин-сан не пострадал? – спросила она.

Нага взглянул на человека, который возвышался над ним, тяжело дыша. На чужеземце не было видно ни ран, ни крови. Просто заспанный человек, которого едва не убили. Лицо бледное, но внешне спокойное, не искаженное страхом.

– Вы не пострадали, капитан?

– Я не понимаю.

Нага подошел и стянул с капитана ночное кимоно, чтобы посмотреть, не ранен ли тот.

– А, теперь понял. Нет. Не ранен, – услышал он слова гиганта и увидел, как тот качает головой.

– Хорошо, – произнес Нага. – Кажется, он не пострадал, Кирицубо-сан.

Он увидел, как Андзин-сан показывает на труп и что-то говорит.

– Я не понимаю вас, – ответил Нага. – Андзин-сан, вы останетесь здесь. – И он приказал одному из своих людей: – Принеси ему еды и воды, если захочет.

– У этого убийцы татуировка Амиды, да? – спросила Кири.

– Да, госпожа Кирицубо.

– Дьяволы, дьяволы.

– Да. – Нага поклонился ей, потом посмотрел на одного из испуганных самураев. – Пойдешь со мной. Возьми голову! – И он направился прочь, гадая, что скажет отцу. «О Будда, благодарю тебя за то, что хранишь моего отца!»

– Он был ронин, – бросил Торанага. – Ты никогда не узнаешь, откуда он, Хиромацу-сан.

– Да. Но за этим стоит Исидо. У него нет чести, раз пошел на такое. Использовать эти отбросы, наемных убийц! Пожалуйста, я прошу вас, позвольте мне прямо сейчас вызвать наши войска. Я прекращу это раз и навсегда.

– Нет. – Торанага повернулся к Наге. – Ты уверен, что Андзин-сан не пострадал?

– Уверен, господин.

– Хиромацу-сан! Ты разжалуешь всех часовых из этого караула за невыполнение ими своих обязанностей. Им запрещено совершать сэппуку. Пусть живут с клеймом позора на глазах всех моих людей как воины самого низкого ранга. Мертвых часовых протащите за ноги через замок и весь город до места казней. Пусть их едят собаки.

Отдав распоряжения, он посмотрел на своего сына Нагу. Несколько часов раньше в тот вечер пришло срочное сообщение из монастыря Дзёдзи в Нагое об угрозе Исидо относительно Наги. Торанага сразу приказал сыну не выходить из дома и приставил к нему стражу, а заодно и к другим членам семьи, сопровождавшим его в Осаку, – Кири и Садзуко. В своем послании настоятель советовал немедленно освободить мать Исидо и отослать ее обратно со служанками:

«Я не осмеливаюсь подвергать опасности жизнь ваших славных сыновей таким глупым образом. Хуже того, госпожа нездорова. Она простужена. Лучше ей умереть в своем собственном доме, а не здесь».

– Нага-сан, ты в равной мере ответствен за то, что убийца проник сюда, – объявил Торанага, его голос был холоден и горек. – Каждый самурай ответствен, независимо от того, стоял ли он на страже, спал или проснулся. Ты лишен половины годового дохода.

– Да, господин, – ответил юноша, удивленный, что ему хоть что-то оставили, в том числе и голову. – Пожалуйста, понизьте в звании и меня, – попросил он. – Я не могу жить с таким позором. Я не заслуживаю ничего, кроме презрения, за мою провинность, господин.

– Если бы я хотел этого, так бы и сделал. Приказываю тебе немедленно выехать в Эдо. Ты отправишься с двадцатью людьми сегодня же ночью и сообщишь все своему брату. Поторопись! – Нага поклонился и вышел, побледнев. Хиромацу Торанага велел так же грубо: – Увеличь в четыре раза мою охрану. Отмени охоту, назначенную на сегодня и завтра. После встречи регентов я в тот же день покидаю Осаку. Ты сделаешь все приготовления, а до того времени я останусь здесь. Не буду встречаться ни с кем без приглашения. Ни с кем. – Он сердито махнул рукой, отсылая всех. – Ступайте! Хиромацу, а ты останься.

Комната опустела. Хиромацу был рад, что его решили не наказывать прилюдно, хотя он, как командир охраны, провинился больше всех.

– Мне нет прощения, господин. Никакого.

Торанага задумался. Гнев угас.

– Если бы ты хотел нанять секретным образом кого-нибудь из секты Амида Тонга, как бы стал искать этих людей? Как бы ты вышел на них?

– Не знаю, господин.

– Кто знает?

– Касиги Ябу.

Торанага выглянул в амбразуру. Слабые проблески рассвета обозначились в темноте на востоке.

– Приведи его сюда на заре.

– Думаете, он виноват?

Торанага не ответил, он снова о чем-то размышлял.

Старый воин наконец не выдержал молчания:

– Пожалуйста, господин, позвольте мне уйти. Я так виноват!

– Такую попытку почти невозможно предотвратить, – заметил Торанага.

– Да. Но нам следовало поймать его снаружи, а не около вас.

– Согласен. Но я не считаю тебя ответственным.

– Я сам считаю себя виноватым. Вот что я должен сказать, господин, ибо я отвечаю за вашу безопасность, пока вы не вернетесь в Эдо. Покушения повторятся, все наши лазутчики сообщают о передвижениях войск. Исидо собирает силы.

– Да, – признал Торанага небрежно. – После Ябу я хочу поговорить с Цукку-саном, потом с Марикио-сан. Удвой охрану Андзин-сана.

– Ночью пришло сообщение, что господин Оноси отрядил сто тысяч человек на ремонт укреплений на Кюсю, – известил Хиромацу, поглощенный тревогами о безопасности Торанаги.

– Я спрошу его об этом, когда мы встретимся.

Терпение Хиромацу лопнуло.

– Я совсем не понимаю вас. Должен сказать, что вы глупо рискуете. Да, глупо. Я не беспокоюсь о том, отрубите ли вы мне голову за такие слова, но это правда. Если Кияма и Оноси примкнут к Исидо, вам будет предъявлено обвинение! Вы мертвец, вы рискуете всем, вы погибли! Уезжайте, пока можете! По крайней мере, сохраните голову на плечах!

– Я пока еще вне опасности.

– Разве это нападение сегодня ночью ничего не значит? Если вы не поменяете комнату, считайте себя убитым.

– Может, ты и прав, а может, нет, – возразил Торанага. – Сегодняшней ночью, да и прошлой, мои двери стерегло много часовых. И ты также был на страже. Ни один убийца не мог оказаться около меня. Даже этот, хотя он был хорошо подготовлен. Он знал дорогу и условные слова. Кири-сан слышала, как он называл их. Так что, думаю, он знал, в какой я комнате. Но не я был ему нужен. Ему понадобился Андзин-сан.

– Чужеземец?

– Да.

Торанага считал, что варвару после всех необычных происшествий этого утра все еще угрожает опасность. Очевидно, Андзин-сан слишком мешал кому-то, чтобы оставить его в живых. Но Торанага не предполагал, что нападение произойдет так быстро и под его кровом. «Кто предал меня?» Он отбросил возможность того, что сведения ушли через Кири или Мариико. «Нет, в замках и садах всегда устраивают особые места для подслушивания, – подумал он. – Я в центре вражеской крепости, и там, где у меня один шпион, Исидо и другие имеют двадцать. Может быть, это был просто лазутчик».

– Удвой охрану Андзин-сана. Он стоит дороже десяти тысяч других людей.

После ухода госпожи Ёдоко в то утро он вернулся в сад, к чайному домику, и сразу заметил, как слаб Андзин-сан, как лихорадочно блестят его глаза, какой измученный у него вид. Поэтому Торанага подавил нетерпение, побуждавшее его расспрашивать дальше, и отпустил Блэкторна, сказав, что завтра они продолжат. Андзин-сан был отдан на попечение Кири с наказом отвести его к лекарю, чтобы восстановил силы, дать ему пищу чужеземцев, если захочет, и даже пустить его в спальню, которой пользовался сам Торанага.

– Дай ему все, что ты сочтешь нужным, Кири-сан, – прошептал он. – Он мне скоро понадобится, в добром здравии и крепкий рассудком.

Андзин-сан попросил выпустить из тюрьмы монаха, сегодня же, ибо тот стар и болен. Торанага ответил, что подумает, и отослал чужеземца, не сказав, что уже отправил самураев за францисканцем, который, может быть, в равной мере нужен и ему, и Исидо.

Торанага давно знал об испанском священнике, повздоровившем с португальцами. Но монах оказался в тюрьме по приказу тайко и был узником тайко, а Торанага не имел права судить и миловать в Осаке. Отправляя Андзин-сана в тюрьму, он не только преследовал цель внушить Исидо, что чужеземец не имеет для него никакого значения, но и надеялся, что любознательный мореплаватель получит от монаха какие-нибудь сведения.

Первая неудачная попытка убить Андзин-сана в тюрьме была отбита, и сразу же вокруг него выставили защиту. Торанага наградил своего вассала, шпиона Миникуя, носильщика-кага, выручив его из

тюрьмы, отдав под его начало четырех своих кага и пожаловав наследственное право зарабатывать переноской грузов на Токайдо, тракте, соединяющем Эдо и Осаку, между второй и третьей станциями^[29], которые находились в вотчине Торанаги, около Эдо, и тайно отослал его из Осаки в тот же день. В последующие дни другие шпионы сообщили, что варвары подружились, монах разговорился, а Андзин-сан задает вопросы и слушает. То обстоятельство, что Исидо, возможно, тоже имеет шпионов в тюрьме, не беспокоило Торанагу. Андзин-сан под защитой и в безопасности. И тут Исидо неожиданно попытался похитить капитана по совету своих союзников.

Торанага вспомнил, с каким удовольствием он и Хиромацу готовили «нападение разбойников». Эти «ронины» принадлежали к числу его собственных отборных самураев, небольшие отряды которых тайно проникли в Осаку и ее окрестности. Они удачно подгадали время появления Ябу, который, сам того не подозревая, сыграл роль «спасителя». То-то посмеялись Торанага и Хиромацу над Ябу, которого снова использовали как марионетку, чтобы утереть нос Исидо его собственным дерьмом.

Все шло хорошо. До сегодняшнего дня.

Сегодня самурай, посланный за монахом, вернулся ни с чем.

– Священник мертв, – сказал он. – Когда назвали его имя, он не вышел, господин Торанага. Я отправился за ним, но он уже испустил дух. Заключенные сказали, что, когда тюремщик выкликнул его имя, он еще был в агонии. Но когда я перевернул его, он не выказал признаков жизни. Пожалуйста, извините меня, я был послан за ним, но не смог выполнить ваш приказ. Я не знал, нужна ли будет его голова или голова вместе с телом, учитывая, что он чужеземец, поэтому принес тело с головой. Некоторые из преступников обращены им в христианство. Они не хотели отдавать труп, поэтому мне пришлось убить несколько человек. Он воняет и завшивлен, но я положил его во дворе, господин.

«Почему умер монах?» – спрашивал себя Торанага снова и снова. Потом заметил, что Хиромацу вопрошающе смотрит на него.

– Да?

– Я только спросил, кто желает смерти капитана.

– Христиане.

На рассвете Касиги Ябу шел за Хиромаци по коридору в самом приподнятом состоянии духа. Приятный солоноватый запах, который примешивался к дыханию бриза, напомнил ему родной город Мисиму. Он был рад, что наконец встретится с Торанагой, что ожидание закончилось. Ябу вымылся и оделся с большой тщательностью. Написал прощальные письма жене и матери, положил на видном месте запечатанное завещание на случай, если разговор с Торанагой окончится для него плохо. Сегодня он прихватил клинок Мурасама в побитых, прошедших несколько сражений ножнах.

Они повернули в другой коридор. Хиромаци неожиданно открыл окованную железом дверь и стал подниматься по каменным ступеням в наиболее удаленную и укрепленную часть башни, призванную служить последним убежищем для осажденных. Здесь часовые попадались чуть ли не на каждом шагу, и Ябу почуял опасность.

Витки лестницы вывели их наверх, в неприступную цитадель. Часовые открыли железную дверь. Он вышел на зубчатую стену. «Хиромаци велел, чтобы меня сбросили, или мне прикажут прыгнуть самому?» – спросил он себя без страха.

К удивлению Ябу, Торанага встречал его наверху и, что невероятно, поднялся, чтобы приветствовать гостя, радостно и уважительно, чего он, Ябу, никак не мог ожидать, ибо Торанага был господином Восьми Провинций, а он – всего лишь хозяином Идзу. Заботливая рука разложила подушки на камне. Под шелковой салфеткой стоял чайник. Богато одетая молодая женщина с квадратным лицом, не очень красивая, низко поклонилась. Это была Садзуко, седьмая законная наложница Торанаги, самая молодая, на позднем сроке беременности.

– Как приятно видеть вас, Касиги Ябу-сан. Извините, что заставил ждать.

Ябу окончательно уверился, что Торанага решил отрубить ему голову, ведь каждому известно: враг никогда не бывает учтивее, чем когда замышляет или уже замыслил ваше убийство. Он снял оба своих меча, положил на каменные плиты, позволил увести себя от них и усадить на почетное место.

– Я думал, вам будет приятно полюбоваться рассветом, Ябу-сан. Мне кажется, вид здесь исключительный – даже лучше, чем с главной башни наследника. Не так ли?

– Да, красиво, – сказал Ябу без заминки. Он еще никогда не был в замке на такой высоте и воспринял замечание Торанаги о наследнике как намек на то, что его тайные сношения с Исидо известны. – Я горжусь, что мне позволено разделить это зрелище с вами.

Перед ними лежали спящий город, и гавань, и остров Авадзи на западе; на востоке береговая линия понижалась, здесь небо светилось ярче, окрашивая подбрюшья облаков в малиновый цвет.

– Это моя госпожа Садзуко. Садзуко, это мой союзник, знаменитый господин Касиги Ябу из Идзу, даймё, который преподнес нам чужестранца и корабль с сокровищами!

Она поклонилась и произнесла обычные слова приветствия. Ябу ответил поклоном, а она снова согнула стан. Садзуко предложила гостю чашку чая, но тот вежливо отклонил эту честь, начиная ритуал, и попросил отдать чашку Торанаге, который отказался, настаивая, чтобы ее принял Ябу. В конце концов, продолжая церемонию, гость позволил убедить себя. Хиромаци взял вторую чашку, его шишковатые, заскорузлые пальцы с трудом держали хрупкий фарфор, другая рука обхватывала рукоятку меча, лежащего на колене. Торанага взял третью чашку и выпил свой зеленый чай, после чего они все вместе предались созерцанию природы и наблюдали рассвет. В молчании неба.

Чайки подняли крик. Зашумел, пробуждаясь, город. Рождался день.

Госпожа Садзуко вздохнула, ее глаза наполнились слезами.

– Я чувствую себя богиней на этой высоте, откуда открывается столько прекрасного. Печально, что все это проходит безвозвратно, господин. Так печально, да?

– Да, – признал Торанага.

Когда солнце наполовину показалось над горизонтом, она поклонилась и ушла. К удивлению Ябу, охрана также покинула их. Теперь они остались втроем.

– Я рад, что получил от вас такой подарок, Ябу-сан. Это было очень великодушно – подарить мне корабль и все его содержимое, – изрек Торанага.

– Что бы я ни имел, все это ваше, – произнес Ябу, еще находившийся под впечатлением рассвета. «Хотел бы я иметь побольше времени, – подумал он. – Какой изящный замысел – сделать

мне такой подарок, показать конечность безмерного». – Благодарю вас за этот рассвет.

– Да, – подтвердил Торанага, – это мой подарок. Я рад, что он доставил вам такое же удовольствие, какое я получил от вашего дара.

Наступило молчание.

– Ябу-сан, что вы знаете о секте Амиды Тонга?

– Только то, что знает большинство людей. Это секретное общество десяти, ячейки из десяти человек – вожак и девять, не более, последователей в одной местности, женщин и мужчин. Они приносят самые святые и сокровенные обеты Будде Амиде, проповеднику вечной любви, клянясь в послушании, целомудрии и смерти, и всю свою жизнь готовятся послужить совершенным орудием одного убийства, чтобы отнять жизнь по приказу своего руководителя. А если терпят неудачу – если им не удастся убить выбранного человека, будь то мужчина, женщина или ребенок, – они сразу отдают свою собственную жизнь. Они религиозные фанатики, которые уверены, что из этой жизни прямиком отправятся в царство Будды. Ни один из них не был пойман живым. – Ябу слышал о покушении на жизнь Торанаги. К этому времени уже вся Осака знала, что господин Канто, Восьми Провинций, надежно заперся в клетке из стали. – Они убивают редко и умеют хранить тайну. Нет никакой возможности им отомстить, потому что никто не ведает, кто они, где живут или где проходят обучение.

– Если бы вы хотели нанять одного из них, как бы вышли на него?

– Я бы шепнул словечко кому-нибудь в трех местах – в Хэинанском монастыре, у ворот храма Амиды и в монастыре Дзёдзи. Если вы будете признаны приемлемым заказчиком, в течение десяти дней на вас выйдут через посредников. Это все так засекречено и умно устроено, что вы при всем желании не сможете их выдать или поймать. На десятый день они запросят деньги, серебро. Сумма зависит от того, какого человека нужно убить. Они не торгуются, вы платите то, что они запросят, сразу. Они обещают только, что один из членов их ячейки попытается убить нужного вам человека в течение десяти дней. Существует легенда, если покушение проходит удачно, убийца возвращается в храм и там в ходе большой церемонии совершает ритуальное самоубийство.

– Вы думаете, мы никогда не найдем тех, кто заплатил за сегодняшнее покушение?

– Нет.

– Вы полагаете, возможно другое?

– Может быть. А может быть, и нет. Они берутся совершить одно покушение, так? Но вы благоразумно позаботились о своей безопасности – как среди ваших самураев, так и среди ваших женщин нет предателей. Женщины из секты Амида учатся пользоваться ядами, а также ножом и удавкой, как говорят.

– Вы когда-нибудь нанимали их?

– Нет.

– А ваш отец?

– Я не знаю, не наверняка. Мне говорили, что тайко просил его однажды связаться с ними.

– Покушение было успешным?

– Все, что делал тайко, удавалось. Так или иначе.

Ябу почувствовал, что кто-то стоит за ним, и предположил, что это тайно вернулась стража. Он прикинул расстояние до своих мечей. «Попытаться убить Торанагу? – спросил он себя. – Я было решился, а теперь не знаю. Я уже не тот. Почему?»

– Сколько бы вам пришлось заплатить им за мою голову? – осведомился Торанага.

– Все серебро Азии не соблазнило бы меня нанять их на такое дело.

– А что должен был бы заплатить кто-то другой?

– Двадцать тысяч коку, пятьдесят тысяч, сто, может быть, и больше – я не знаю.

– Вы бы заплатили сто тысяч коку, чтобы стать сёгуном? Ваша родословная восходит к клану Такасима, так ведь?

Ябу гордо парировал:

– Я бы не заплатил ничего. Деньги – грязь, игрушка для женщин или полных дерьма торгашей. Но если бы было возможно невозможное, то я бы отдал собственную жизнь и жизни жены, матери и всех детей, за исключением моего единственного сына, а также жизни всех моих самураев в Идзу и всех их женщин и детей, чтобы побыть сёгуном один день.

– А что бы вы отдали за Восемь Провинций?

– Все то же, кроме жизни моей жены, матери и сына.

– А за провинцию Суруга?

– Ничего, – процедил Ябу с презрением. – Икава Дзикю ничего не стоит. Если я не получу его голову и головы всего его потомства в этой жизни, я добьюсь этого в другой.

– А если бы я отдал его вам? И всю провинцию Суруга, а может быть, и еще одну – Тотоми?

Ябу внезапно устал от этой игры в кошки-мышки и разговора об Амиде.

– Вы решили взять мою голову, господин Торанага? Очень хорошо, я готов. Благодарю вас за рассвет. Но я не хочу портить такой красивый жест дальнейшим разговором, так что давайте приступим к делу.

– Но я не решил взять вашу голову, Ябу-сан, – возразил Торанага. – Откуда у вас такая мысль? Враг влил вам яд в уши? Может быть, Исидо? Разве вы не мой самый близкий союзник? Полагаете, я бы остался с вами здесь без охраны, если бы думал, что вы мне враг?

Ябу медленно повернулся. Он ожидал увидеть позади себя самурая с мечом наготове. Но за спиной никого не было. Он оглянулся на Торанагу:

– Я не понял.

– Я пригласил вас сюда, чтобы мы могли поговорить с глазу на глаз. И полюбоваться на восход. Вам хотелось бы управлять провинциями Идзу, Суруга и Тотоми, если я не проиграю эту войну?

– Да. Очень, – сказал Ябу, его надежды снова ожили.

– Вы будете моим вассалом? Признаете меня своим господином?

Ябу не колебался:

– Никогда. Союзником – да. Предводителем – да. Моя жизнь и все, чем я обладаю, – ваше. Но Идзу – мое владение. Я даймё Идзу, и я никогда не отдам власть над Идзу никому. Я поклялся в этом отцу и тайко, который подтвердил право владения, сначала моему отцу, потом мне. Тайко подтвердил, что Идзу принадлежит моим потомкам навсегда. Он был нашим сюзереном, и я поклялся никогда не иметь другого, пока его наследник не достигнет совершеннолетия.

Хиромациу слегка покрутил рукоять меча. «Почему Торанага не даст мне покончить с этим раз и навсегда? Ведь уже договорились. Зачем все эти утомительные разговоры? Я болен, мне нужно справиться малую нужду, я хочу лечь».

Торанага почесал в паху.

- Что Исидо предлагал вам?
- Голову Дзикю в тот день, когда вы падете. И его провинции.
- В обмен на что?
- Поддержку, когда начнется война. Атаковать ваш южный фланг.
- Вы согласились?
- Вы знаете, что я выше этого.

Шпионы Торанаги в доме Исидо сообщили: велись переговоры о том, что в случае измены последует убийство его трех сыновей: Нобору, Судары и Наги.

- Больше ничего? Только поддержку?
- Любыми средствами, которые будут в моем распоряжении, – уточнил Ябу осторожно.
- Включая убийство?
- Я намеревался вести войну, когда она начнется, всеми моими силами. На стороне моего союзника. В любом случае я мог поручиться за его успех. Нам нужен один регент, пока Яэмон не достиг совершеннолетия. Война между вами и Исидо неизбежна. Это единственно возможный исход.

Ябу пытался понять, что на уме у Торанаги, презирая его нерешительность, зная, что сам он сильнее, что Торанага нуждается в его поддержке и что в конце концов он победит Торанагу. «Но как поступить сейчас?» – спрашивал он себя и жалел, что с ним нет Юрико, его жены. Она бы подсказала самый правильный путь.

- Я способен сослужить вам хорошую службу. Помочь стать единственным регентом, – сказал он, решив вести игру.
- С чего бы мне стремиться стать единственным регентом?
- Когда Исидо нападет, я помогу вам победить его. Когда он нарушит мир, – пояснил Ябу.
- Как?

Ябу изложил свой замысел насчет ружей.

- Полк из пятисот самураев с ружьями?! – взорвался Хиромацу.
- Да. Подумайте об огневой мощи. Все отборные воины, обученные действовать как один человек. Двадцать пушек, также собранных вместе.

– Это плохая мысль. Отвратительная! – прорычал Хиромацу. – Вы не сможете держать все в тайне. Если мы начнем, враг последует

нашему примеру. И этому ужасу никогда не будет конца. Во всем этом нет ни чести, ни будущего.

– Разве в грядущей войне будем участвовать только мы, господин Хиромацу? – ответил Ябу. – Разве мы не заботимся о безопасности господина Торанаги? Разве это не обязанность его союзников и вассалов?

– Да.

– Все, что должен сделать господин Торанага, – выиграть одно большое сражение. Он получит головы всех своих врагов – и власть. Я говорю, что такая стратегия принесет ему победу.

– А я говорю: нет! Это плохой, подлый замысел.

Ябу повернулся к Торанаге:

– Новая эра требует переосмысления понятий о чести.

Чайка парила у них над головами.

– Что сказал о вашем плане Исидо? – поинтересовался Торанага.

– Я не обсуждал с ним этого.

– Почему? Если, по-вашему, план ценен для меня, он одинаково ценен и для него. Может быть, даже больше.

– Вы подарили мне рассвет. Вы не крестьянин, как Исидо. Вы самый мудрый, самый опытный вождь в стране.

«Какова же настоящая причина? – спрашивал себя Торанага. – Или то же самое он сказал Исидо?»

– Если мы примем ваш план, то половину отряда составят ваши люди, а другую половину – мои?

– Согласен. Я буду командовать ими.

– А мой человек станет вторым после вас.

– Согласен. Мне нужен Андзин-сан, чтобы обучать моих людей обращаться с ружьями и пушками.

– Но он останется моей собственностью, и вы будете беречь его, как наследника? Вы готовы полностью отвечать за него и обращаться с ним точно так, как я скажу?

– Готов.

Торанага мгновение наблюдал за розовыми облаками. «Эта затея – чистый вздор, – подумал он. – Мне придется объявить „малиновое небо“ и нанести удар по Киото силами всех моих войск. Сто тысяч с моей стороны и в десять раз больше у врага».

– Кто будет переводчиком? Я не могу навсегда отдать в ваше распоряжение Тода Марико-сан.

– На несколько недель, господин. Я вижу, что чужеземец усваивает наш язык.

– Это займет годы. Единственные чужеземцы, которым удавалось овладеть языком, – христианские священники, не так ли? У них ушли на это годы. Цукку-сан провел здесь тридцать лет, правда? А этот не научится говорить достаточно быстро, и еще меньше надежды, что мы выучим их противные языки.

– Да. Но я обещаю вам, Андзин-сан выучится очень быстро. – Ябу пересказал им замысел Оми, выдав его за собственный.

– Это может быть слишком опасно.

– Это заставит его быстро выучить язык. И потом он приручен.

После паузы Торанага осведомился:

– Как вы надеетесь держать приготовления в тайне?

– Идзу – полуостров, самое подходящее место для того, чтобы сохранить все в секрете. Я обоснуюсь около Андзиро, южнее, в стороне от Мисимы и границы, для большей безопасности.

– Хорошо. Мы сразу же установим сообщение между Андзиро и Осакой и Эдо с помощью голубиной почты.

– Превосходно. Мне нужно всего пять-шесть месяцев.

– Счастье, если у нас будет шесть дней! – фыркнул Хиромацу. – Уж не хотите ли вы сказать, что ваша знаменитая шпионская сеть распалась, Ябу-сан? Конечно, вы получали донесения. Разве Исидо не собирает силы? И Оноси? Разве мы не заперты здесь?

Ябу не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Катай (англ. Cathay) – название Северного Китая, употреблявшееся в средневековой Европе и получившее особенное распространение после путешествия Марко Поло. – *Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных.*

Золотой галион – один из кораблей, перевозивших сокровища Нового Света в Европу.

Шпигаты – отверстия в бортах судна для стока воды. – *Примеч. перев.*

Стремление напрямую торговать с Индией и странами Восточной Азии заставляло европейцев искать морские пути между Атлантическим и Тихим океаном, проходящие вдоль северных берегов Европы и Азии (Северо-Восточный проход) или через моря и проливы Канадского Арктического архипелага (Северо-Западный проход).

Так в эпоху Великих географических открытий называли пролив, предположительно отделяющий Азию от Северной Америки.

Мейн – старое английское название испанских владений на северном побережье Южной Америки.

Тринити-Хаус – маячно-лоцманская корпорация Великобритании; в течение нескольких веков пользуется особыми правами и привилегиями.

8

Как вы себя чувствуете? (яп.)

Женщина (*яп.*).

Идите! (*яп.*)

Оставь в покое! (*яп.*)

Что нужно? (*яп.*)

Не понимаю (*яп.*).

«*Ka*» – вопросительная частица.

А, вот как! Запрещено (*яп.*).

Авантюристами в ту эпоху называли допущенных к участию в экспедиции частных лиц, которые попутно занимались морским разбоем и контрабандной торговлей с ведома или при тайном покровительстве властей, внося в казну значительную часть добычи.

Островами Пряностей в эпоху Великих географических открытий называли Молуккские острова или всю Ост-Индию.

Добрый вечер (*яп.*).

Приступим! (*яп.*)

В чем дело? В чем дело? (*яп.*)

При вступлении в Общество Иисуса новички проходили трехлетнюю духовную подготовку до рукоположения в священнический сан.

Что говорит этот человек? *(яп.)*

От *англ.* monkey – обезьяна.

От *англ.* toady – лизоблюд.

Лизард – мыс в Корнуолле.

Мы отходим? *(яп.)*

Отходим, Родригу-сан. Сейчас! *(яп.)*

Первейший из капитанов (*иск. яп.*).

Вдоль Токайдо располагалось 53 почтовые станции с постоянными дворами, где путник мог передохнуть и подкрепиться.